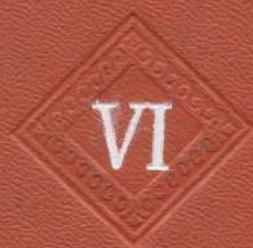

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА С СРСР

НУМИЗМАТИКА
И
ЭПИГРАФИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

НУМИЗМАТИКА
И
ЭПИГРАФИКА

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1966

Ответственный редактор
Д. Б. Шелов

Т. Н. КНИПОВИЧ

ГРЕЧЕСКОЕ ЛАПИДАРНОЕ ПИСЬМО В ПАМЯТНИКАХ ОЛЬВИИ

Задача издаваемой работы — дать характеристику греческого письма лапидарных памятников Ольвии в его историческом развитии. Это исследование тесно примыкает к недавно опубликованному А. И. Болтуновой и мной «Очерку истории греческого лапидарного письма на Боспоре»¹. Обе работы обусловлены одними и теми же причинами, обе имеют в основе один и тот же метод. Причины сводятся к следующему. В каждом из крупных греческих городов Северного Причерноморья в результате археологического исследования обнаружено большое количество эпиграфических памятников. Хорошо известно, что среди найденных надписей имеются документы первостепенного значения, представляющие собой важные исторические источники; есть и такие, которые посвящены более частным, менее важным, казалось бы, вопросам, но в совокупности с другими памятниками освещают интересные моменты истории и культуры данного города или данного государства. Между тем для многих из этих памятников, правильное сказать — для большинства, сколько-нибудь точная дата остается невыясненной, если исходить только из текста надписи; хронологическое определение может быть дано таким надписям лишь очень приблизительно. Неизбежно приходится опираться на другие признаки и прежде всего — на характер письма надписей.

Основы метода определения характера письма надписей установлены давно. В упомянутом очерке, посвященном лапидарному письму боспорских надписей, приведены примеры работ, знакомящих нас с этим методом и результатами его применения². Везде, где мы имеем дело с подобными опытами, в основе лежит выделение надписей, содержащих указания на дату в самом тексте, а затем — использование этих датированных надписей для выяснения особенностей письма в том или ином месте в различные периоды. Таким образом может быть прослежена история письма в течение времени существования данного поселения или хотя бы основные ее этапы.

Как отмечено в той же статье о лапидарном письме боспорских надписей, накопление материала, его обработка и у нас, и за рубежом создали возможность датировать надписи по их письму. Однако авторам таких определений постоянно приходится делать неизбежные оговорки: шрифт, подвергаясь с течением времени изменениям, часто сохранял и более ранние элементы; от прежнего письма иногда удерживались отдельные буквы; иногда наблюдалось возрождение старого, свойственного более раннему

---

¹ А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. — НЭ, III, 1962.

² Там же, стр. 4—5, рис. 1.

Таблица I

Таблица II

времени, стили в надписях, бесспорно, более поздних. Разобраться в этих сложных явлениях возможно только тогда, когда в руках исследователей найдется обильный запас достаточно характерных датированных надписей.

Именно в таком положении оказались мы при работе над лапидарными надписями Боспора. Из числа изученных нами боспорских надписей было выделено около 150 эпиграфических памятников, в которых или содержалась точная дата (указание года по боспорской эре), или упоминалось имя правящего боспорского царя. В высшей степени ценно, что многие из боспорских датированных надписей относятся к первым векам нашей эры, т. е. ко времени, палеография которого гораздо менее выяснена в эпиграфических трудах иностранных исследователей, чем палеография периода, предшествующего началу нашей эры.

В ином положении оказывается Ольвия. Как известно, ольвийские надписи не содержат даты по какой-либо известной нам эре: в них обычно упоминается лишь главный архонт. Но списки ольвийских архонтов и время их правления пока еще не установлены, и при необходимости выяснить время надписи одно имя архонта-эпонима помочь нам не может. Только в очень немногочисленных надписях упоминаются известные исторические лица. О том, как приходится датировать остальные надписи, я скажу в дальнейшем; пока необходимо сделать некоторые предварительные замечания.

Говоря о датировке на основании палеографических признаков, я не раз употребляла выражение «характер письма». У многих исследователей мы встретим вместо этого другое выражение — датировка по «форме букв». Формулировка, принятая нами еще при работе над корпусом боспорских

Шрифт фрагмента надписи с именем Праксителя. IOSPE, I^a, № 271 (табл. I); алфавит надписи IOSPE, I^a, № 35 (табл. II)

Α Α	Ν Ν
Β Β	
Γ	Ο
Δ	Π
Ε Ε	Ρ Ρ
	Σ Σ
Η	Τ Τ
Θ Θ	Υ Υ
Ι Ι	
Κ Κ	Χ
Λ Λ	
Μ Μ	Ω Ω

Α Α	Ο Ο
Β	Π
	Ρ
Δ	Σ Σ Σ
Ε Ε	Τ
	Υ Υ
Η	Φ
Θ	Χ
Ι	Ω Ω
Κ	
Λ	ΑΝΤΩΝΕΙΝΟΥ
Μ	ΠΑΤΡΟΣ
Ν	ΑΓΓΑΡΧΙΕ

Алфавит надписи времени Тиберия. IOSPE, I², № 181Алфавит и образцы лигатур надписи 198 г. н. э. IOSPE, I², № 174

надписей, не равнозначна последнему: необходимо учитывать не только форму букв, но также их расположение, наличие и тип лигатур, знаки разделения — вообще все детали письма. В «Очерке истории греческого лапидарного письма на Боспоре» мы недостаточно отразили принятое решение: на таблицах даны только формы букв, изданные фотокопии надписей все же недостаточны. В настоящей работе постараюсь исправить этот недостаток.

Перехожу к перечислению и характеристике датированных ольвийских надписей.

1. Таблица I. Самым ранним из найденных в Ольвии датированных эпиграфических документов является фрагмент надписи на обломках базы, изданный В. В. Латышевым³. Чтение и восстановление текста — Π[ρ]αξιτέλης Ἀθ[ηναῖος ἐποίησεν не вызывает сомнений; тем самым определяется и дата надписи. К сожалению, сохранилось лишь небольшое количество букв. Однако шрифт весьма типичен для времени Праксителя,

³ IOSPE, I², № 271.

Α	Σ	
ΒΒ	ΟΟΟ	
ΓΓ	Π	
ΔΔ	Ρ	
ΕΕΕ	ΣΣ	
-	Τ	
Η	ΥΥ	
Θ	ΦΦ	
Ι	Χ	ΕΚΤΗΣ
Κ	Ψ	ΕΤΡΑΚΙΣ
ΛΛ	Ω	ΤΩΝ
Μ		ΤΗΝ
Ν		

Алфавит и образцы лигатур надписи конца II—начала III в. н. э. IOSPE, I², № 42

т. е. для IV в. до н. э. (приблизительно середина века). Он встречается многочисленные аналогии в датированных надписях, в том числе найденных в Северном Причерноморье⁴. Это единственный известный нам образец найденной в Ольвии надписи IV в. до н. э. с определенной датой. Ее нельзя, конечно, рассматривать как образец созданного в Ольвии шрифта — более вероятно, что она была вырезана афинским резчиком. Но наличие надписи на одном из находившихся в Ольвии памятников могло все же оказать известное влияние на развитие лапидарного письма в Ольвии IV в. до н. э.

2. Таблица II. Следующей по времени датированной надписью является фрагмент декрета в честь кибернета, с упоминанием в тексте Митридата Евпатора. Надпись издана В. В. Латышевым и изучалась, как известно, многими историками и эпиграфистами⁵. Нас особенно интересует в данном случае ее датировка. Мнения исследователей здесь не

⁴ См., например, шрифт боспорских датированных надписей (А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Очерк. . ., стр. 9, табл. II, 1 и 2, а также рис. 5 на стр. 14).

⁵ С. А. Жебелев. Ольвия и Митридат Евпатор (IOSPE, I², № 35). — Ольвия, I. Киев, 1940, стр. 281 сл., где указаны и другие издания, касающиеся той же надписи.

вполне совпадают: В. В. Латышев, следуя М. И. Ростовцеву, относит надпись к 70-м годам I в. до н. э.; С. А. Жебелев, последний из занимавшихся ею специалистов, высказывается, правда, очень осторожно, за более раннее время — конец II—начало I в. до н. э. Так или иначе, период, к которому надпись может быть отнесена, не выходит за пределы конца II—первых десятилетий I в. до н. э. Следовательно, декрет позволяет представить хотя бы один из вариантов письма, применявшегося в Ольвии в конце периода, предшествовавшего гетскому нашествию.

Даже при беглом взгляде на этот фрагмент не могут не привлечь внимания некоторые особенности, отличающие его письмо от письма боспорских надписей того же приблизительно времени. В период позднего эллинизма повсеместно преобладает изощренный шрифт, с обилием орнаментальных деталей, с умышленным сочетанием крупных и очень мелких, узких и широких букв, носящий в немецкой эпиграфике название *Zierschrift*. Некоторые из этих особенностей прослеживаются и в нашей надписи: так, очень длинные и узкие *rho* и *phi* сочетаются здесь с очень широкими другими буквами (*эпсилон*, *дзета*, иногда *тау* и *гамма*); очень уменьшены по сравнению с другими буквами *омикрон*.

Но наблюдается и значительная упрощенность в очертании букв, да и во всем стиле; орнаментальные детали очень редки. В этом отражена другая, повсеместно наблюдаемая во II и I вв. до н. э. тенденция — придать письму большую строгость и единообразие, что достигается выравниванием размеров букв, упрощением их очертаний, уменьшением количества украшений. В надписи кибернета следует также отметить редкую в декретах небрежность выполнения. В общем, мы видим в этой надписи ряд особенностей, свойственных данному времени.

Ближних надписи кибернета экземпляров в Северном Причерноморье и, в частности, на Боспоре мы не встретим. Больше сходства оказывается в надписях Западного Причерноморья. Особенно интересно сходство шрифта нашей надписи с шрифтом дионисопольского декрета в честь Акорниона⁶. Этот декрет, несомненно, более позднего времени: дата его — около 48 г. до н. э. — вполне твердо установлена и принята всеми издателями (последний из них Г. Михайлов). Разница в палеографии сопоста-

ΑΑΑΑ	ΝΝ
ΒΒΒΒ	ΞΞ
ΓΓ	ΟΟΟ
ΔΔΔ	ΠΠΠ
ΕΕΕ	ΡΡΡ
Ζ	ΣΣΣ
ΗΗ	Τ
ΘΘ	ΥΥΥΥ
Ι	ΦΦ
ΚΚ	Χ
ΛΛΛ	Ψ
ΜΜΜ	ΩΩ

Алфавит надписи конца II—начала III в. н. э. IOSPE, I^a, № 43

⁶ G. M i h a i l o v. Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae, I. Serdicae, 1956, стр. 31 сл., № 13, табл. 4.

Α Α	Ν Ν
Β Β	
Γ	◊ ◊
Δ Δ	Π Π
Ε	Ρ Ρ
	Σ Σ
Η	Τ Τ
◊	Υ Υ
Ι	
Κ	
Λ Λ Λ	
Μ Μ	Ω

Алфавит надписи на базе статуй Каракаллы и Геты (198—209 гг. н. э.).
IOSPE, I², № 199

Α Α	Ν Ν
	Σ Σ
Γ	◊ ◊ ◊
Δ	Π
Ε	Ρ
	Γ
Η	Τ Τ
◊ ◊ ◊	Υ Υ Υ
Ι Ι	
Κ Κ	Χ
Λ Λ	
Μ Μ	Ω

Алфавит надписи
времени Александра Севера.
IOSPE, I², № 184

вляемых надписей сказывается и в формах ряда букв, и в общем характере шрифта, который в декрете в честь Акорниона более выдержан. И все же общий стиль, безусловно, сходен, близки и формы большинства букв (*бэта, дзета, пи, эpsilon*).

3. Таблица III. Третья по времени датированная надпись — надпись Абаба, сына Каллифена, о посвящении портика императорам Августу и Тиберию⁷. Так как Август назван «богом, сыном бога», а Тиберий — только «сыном бога», ясно, что надпись поставлена после смерти Августа, но при жизни Тиберия, в годы его правления (14—37 гг. н. э.). Письмо этой надписи, бесспорно, связано в некоторых отношениях с шрифтом боспорских надписей позднеэллинистического времени. Оно находит также аналогии в надписях конца I в. до н. э. — начала I в. н. э.⁸ Особенно типичны пересекающиеся линии на углах ряда букв (*альфа, дельта, лямбда*); применяются орнаментальные детали в виде раздвоения на концах линий, иногда в виде прибавления маленьких поперечных черточек.

⁷ IOSPE, I², № 181, воспроизведение надписи см. табл. I.

⁸ А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Очерк..., табл. III, 1 и 2.

AAA A	AA	AAAA	AA	A	AAA
B	BBB	BB	B	B	BB
ГГ	ГГ	ГГ	Г		ГГ
ΔΔΔ	ΔΔ	ΔΔ	Δ Δ	Δ	Δ Δ
EE	EEEE	EEEE	EE	E	EE
	И				
HH	HH	HH	H	H	H
⊙⊙	⊙⊙	⊙⊙	⊙	⊙⊙	⊙
II	II	I	I		I
KKK	KK	KKK	KK	K	K
Λ	ΛΛ	ΛΛ	ΛΛ	Λ	ΛΛ
MM M	MMM	MMMM	MM	M	MM
NNNNN	NNN	NNN	NNN		NNN
ΞΞ	ΞΞ	ΞΞΞ	Ξ		ΞΞ
OOO	OOO	OO	O	O O	OO
ΠΠΠ	ΠΠΠ	ΠΠ	ΠΠΠ	Π Π	ΠΠΠ
PP	PP	PP	PP		PP
ΣΣΣΣ	ΣΣΣ	ΣΣΣΣΣΣΣΣ	CC	Σ	CC
T	TT	TT	TT	T	TTT
Υ	ΥΥΥΥ	ΥΥΥ	ΥΥ	Υ	ΥΥΥ
ΦΦ	φ	φφ	φ	φ	φφ
+ X	XXX	XX	X		XX
			Υ ↓		
λ λ λ λ	λ λ λ λ	λ λ λ λ	ω ω	λ Ω Ω	λ λ λ λ
1	2	3	4	5	6

Лапидарное письмо ольвийских надписей V—I вв. до н. э.

1 — V в. до н. э.; 2 — IV в. до н. э.; 3 — III в. до н. э.; 4 — конец III—II в. до н. э.; 5 — II — первая половина I в. до н. э.; 6 — формы букв декрета в честь Протогена

Таблица X

Α Α Α	Α	Α Α	Α Α	Α Α
Β	Β	Β	Β Β	Β
Γ Γ Γ	Γ	Γ	Γ Γ	Γ Γ
Δ Δ	Δ	Δ	Δ Δ	Δ Δ Δ
Ε Ε	Ε	Ε Ε	Ε Ε	Ε Ε
Ζ Ζ	Ζ	Ζ	Ζ	Ζ
Η Η	Η	Η	Η	Η
Θ	Θ	Θ	Θ	ϐ ϐ
Ι Ι	Ι	Ι	Ι	Ι
Κ Κ	Κ	Κ	Κ	Κ
Λ	Λ	Λ	Λ	Λ
Μ Μ	Μ	Μ Μ	Μ Μ	Μ
Ν Ν	Ν	Ν	Ν Ν	Ν Ν
Ξ	Ξ	Ξ		ϛ ϛ ϛ
Ο	Ο	Ο	Ο	ϝ ϝ ϝ
Π Π Π	Π	Π Π	Π Π	Π Π
Ρ Ρ	Ρ	Ρ	Ρ Ρ	Ρ Ρ
Σ Σ	Σ	Σ Σ	Σ Σ	Ϛ Ϛ Ϛ
Τ Τ	Τ	Τ	Τ	Τ Τ
Υ Υ	Υ	Υ	Υ Υ	Υ Υ Υ
	ϕ	ϕ ϕ	ϕ ϕ	ϕ ϕ
Χ Χ	Χ	Χ	Χ Χ	Χ
	ψ	ψ		ψ
Ω Ω	Ω	Ω Ω Ω	Ω Ω Ω	Ω Ω
1	2	3	4	5

Лapidарное письмо ольвийских надписей
I—III вв. н. э.

1 — I в. н. э.; 2 — I — начало II в. н. э.; 3 — I—II вв. н. э.;
4 — II — начало III в. н. э.; 5 — III в. н. э.

Однако все эти орнаментальные детали не так обильны, как в эллинистическое время; нет и прежнего стремления к сочетанию чрезмерно крупных и мелких букв. Новая форма у *омеги*, представляющая один из вариантов формы, которая описана нами в статье о лапидарном письме Боспора⁹. Такой шрифт — во всяком случае в главных своих чертах — представлен не только в Ольвии. Наиболее убедительную из известных мне аналогий этому письму представляет собой одна из датированных надписей Херсонеса с именем боспорского царя Аспурга (8—38 гг. н. э.)¹⁰. Отмечу, что довольно точная дата ольвийской надписи имеет для нас существенное значение, так как шрифт восточного типа, а также шрифт, представляющий известное его развитие, встречаются в значительном количестве надписей, в том числе в надписях, важных для истории Ольвии.

4. Четвертая датированная надпись исторически особенно интересна: это — фрагмент декрета в честь боспорского царя Котия I (45—62 гг. н. э.)¹¹. К сожалению, надпись дошла до нас в очень плохом состоянии — никаких сведений, кроме самого факта сношений Ольвии с Боспором, в частности с боспорским царем Котием I, получить не удастся. Не можем мы использовать ее надлежащим образом и для представления о шрифте датированных надписей Ольвии: сохранилось небольшое количество букв, позволяющих сделать вывод, что буквы были, по-видимому, одинаковой высоты, отличались простотой оформления; можно отметить *лямбду* с перекрещивающимися сверху линиями, как на предшествующей надписи, и *омегу*, близкую по форме к той же букве в ольвийской надписи IOSPE, I², № 109, а также к букве, встречающейся в боспорских надписях второй половины I в. н. э.¹²

Следующие по времени ольвийские датированные надписи принадлежат значительно более поздней эпохе.

5. Таблица IV, рис. 1. Надпись о посвящении бани «городом ольвиополитов» Септимию Северу и Каракалле¹³ содержит указание на то, что в это время «правителем епархии» был Косконий Генциан. Сопоставление титулатуры двух императоров и времени правления Коскония Генциана дает возможность выяснить год постановки надписи — 198 г. н. э.¹⁴

Для истории лапидарного письма Ольвии эта надпись очень интересна. Исследование лапидарного письма Боспора свидетельствует, что около этого времени — в конце II — начале III в. н. э. — складываются следующие главные направления в развитии письма этой области: 1) монументальный шрифт, основанный на старых образцах, выработанных ранее, но принявший некоторые новые черты; 2) шрифт, развивающий применение курсивных букв; 3) шрифт с угловатыми формами букв¹⁵. В «Очерке истории греческого лапидарного письма на Боспоре» дана более подробная характеристика всех этих направлений. Особенно следует отметить специфические черты первого из перечисленных направлений в его боспорском варианте. Этот шрифт определяется как простой и строгий, использующий формы букв, которые вы-

⁹ А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Очерк..., стр. 22: «Несомкнутые концы ее кружка соединяются с горизонтальными черточками, лежащими на нижней линейке строки, при помощи двух близко поставленных вертикальных линий. *Омега* этой формы появляется впервые (в надписях Боспора. — Т. К.) еще в начале 60-х годов I в. н. э., сохраняется и в надписях конца I—начала II в. н. э.» От *омеги* описываемой надписи тип боспорской *омеги* отличается более узкой и длинной формой.

¹⁰ IOSPE, I², № 573.

¹¹ IOSPE, I², № 38.

¹² А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Очерк..., табл. III, последняя буква во второй строке снизу.

¹³ IOSPE, I², № 174.

¹⁴ Подробно соображения о дате рассматриваемой надписи изложены В. В. Латышевым (IOSPE, I², стр. 187).

¹⁵ А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Очерк..., стр. 27.

рабатывались в I в. до н. э. и были распространены в I в. н. э.; но формы многих букв оказываются настолько измененными, что весь стиль письма меняется: «Весь шрифт с общей удлиненностью букв, смягчением острых углов и почти полным отсутствием украшений кажется вялым, невыразительным»¹⁶.

Рассматриваемая надпись 198 г. н. э. принадлежит, как мне представляется, тому же «монументальному архаизирующему стилю», но в ином его варианте. Общего впечатления вялости, невыразительности надпись не оставляет: шрифт более красивый, чем у боспорских надписей архаизирующего стиля, не лишен даже эффектности; некоторые буквы не только восходят к формам, свойственным значительно более раннему времени, но бесспорно сходны с ними (хотя в иных случаях те же формы изменены приблизительно так же, как в надписях Боспора). Гораздо больше букв, характерных только для позднего времени: угловатая *omega*, прямоугольно-очерченная *sigma* и т. д. Особенно бросается в глаза обилие лигатур, совсем не свойственных I в. н. э. или хотя бы началу II в. н. э.; многие из них очень своеобразны (см. табл. IV и рис. 1). Встречаются в этой надписи и буквы, исполненные в стиле боспорских архаизирующих надписей. Отметим *sigma* узкой удлиненной формы, со сглаженным углом несколько ниже середины высоты (см. рис. 1, особенно строка 5, последняя буква слова ΤΟΥΣ. В общем несомненно, что здесь мы встречаемся с архаизирующим стилем иного варианта, чем в боспорских надписях¹⁷.

На примере рассмотрения данной надписи мы еще раз убеждаемся, насколько осторожно следует подходить к датировкам по палеографическим признакам и насколько недостаточным критерием являются одни лишь формы букв. Приблизительное время надписи может быть определено только по характеру письма — с учетом и форм букв, и их сочетаний, и, конечно, обилия лигатур.

6. Таблица V, рис. 2. Декрет в честь Каллисфена, сына Каллисфена¹⁸. Каллисфен, сын Каллисфена, в звании *πατὴρ πόλεως* упомянут в рассмотренной надписи 198 г. н. э. О таком же звании, присужденном Каллисфену, говорится и в данном декрете. Не подлежит сомнению, что в обеих надписях упоминается одно и то же лицо. Из текста декрета неясно, поставлен ли он был еще при жизни Каллисфена или уже после его смерти; последнее более вероятно. Надпись, несомненно, относится или к концу II в. н. э., или скорее к началу III в. н. э. В письмедекрета мы найдем лишь некоторые черты сходства с предыдущей надписью, близкой ему по времени, но общий характер иной. Останавливает внимание особенность шрифта: одни буквы (*гамма*, *эпсилон*, *сигма*) постоянно очень узкие, другие (*альфа*, *дельта*, *лямбда*, *каппа*) — всегда широкие. Встречаются орнаментальные детали, но немногочисленные и всегда однородные: обычно это коротенькие поперечные черточки. Часто буквы соединены в лигатуре, но реже и не так, как в предыдущей надписи. В общем, письмо довольно своеобразное, прямых аналогий в боспорской эпиграфике оно не встречает. Но среди ольвийских надписей, как мы увидим, есть выполненные в той же манере: наша надпись дает возможность определить и их время.

7. Таблица VI. Декрет в честь Каллисфена, сына Дада¹⁹. Декрет одновременен с надписью 6, поскольку в обеих надписях упомянут тот же архонт-эпоним, причем и в том и в другом случае он выполняет эту должность во второй раз.

Письмо носит совершенно иной характер, чем у предыдущей надписи. Ряд деталей резко бросается в глаза. Неодинакова высота букв, часто

¹⁶ А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Очерк..., стр. 28.

¹⁷ Там же, стр. 27, рис. 14.

¹⁸ IOSPE, I², № 42.

¹⁹ IOSPE, I², № 43.

Рис. 1. Надпись 198 г. н. э. IOSPE, I², № 174

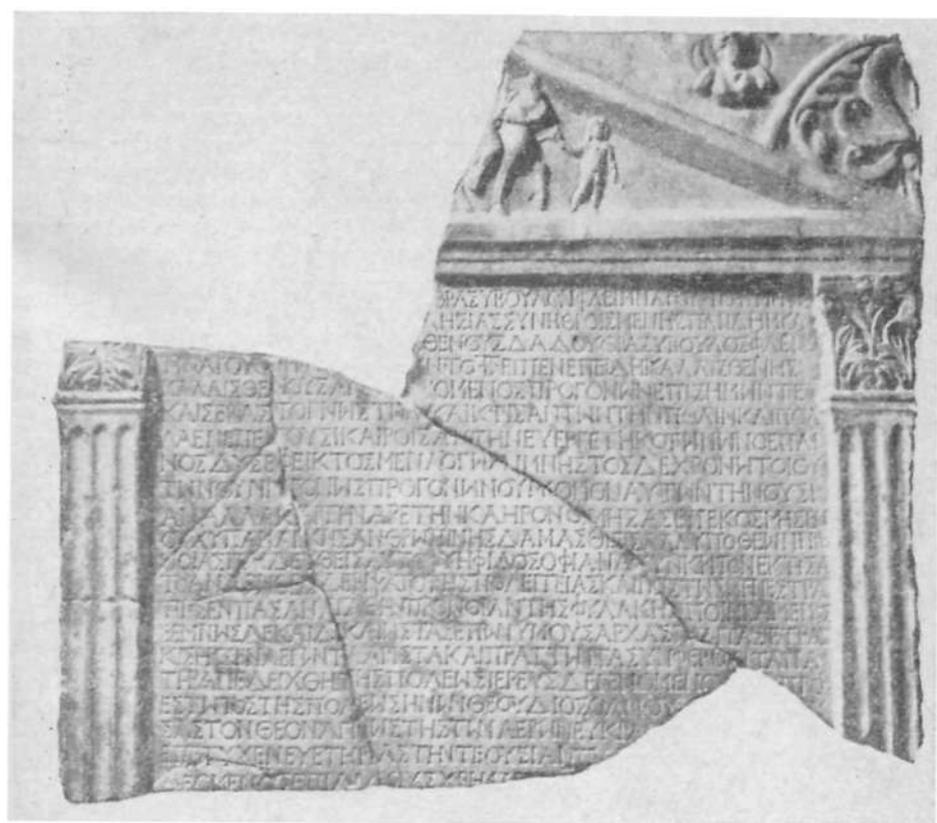

Рис. 2. Надпись конца II—начала III в. н. э. IOSPE, I², № 42

стоящих рядом; это особенно заметно в строке 2, где в словах ἐπί ἀρχόντων буквы *альфа*, *ню*, *ро* выступают высоко вверх над строкой. Остававливают внимание значительная небрежность в выполнении, редкая в таких документах, как почетный декрет в честь одного из ольвиополитов, занимавшего, несомненно, видное место в жизни города. Что касается типа и стиля письма, то следует отметить распространенное в это время и в других местах сочетание угловатых (*омега*) и курсивных (*мю*) форм. В ольвийских датированных надписях мы с этим встречаемся впервые.

8. Т а б л и ц а VII. Надпись на базе статуй Каракаллы и Геты ²⁰. Титулатура Геты указывает на время 198—209 гг. н. э. ²¹ Таким образом, датированная надпись относится к тому же периоду, что три предыдущие — к концу II или началу III в. н. э.

В предыдущих надписях нам уже не раз приходилось иметь дело с применением угловатых букв; данная надпись является примером дальнейшего развития того же направления — в ней угловатую форму имеют, кроме *омеги*, также *омикрон* и *тэта*; округлые линии применяются только в буквах *бэта* и *ро*, вообще сохраняющих округлые начертания с наибольшим постоянством. Из особенностей шрифта следует отметить наличие коротеньких касательных линий ко всем углам ромбовидных *омикрона* и *тэты*: в боспорских надписях такая деталь встречается только в одной надписи второй половины III в. н. э. ²², на более ранних боспорских эпиграфических памятниках, выполненных угловатым шрифтом, она отсутствует. К другим особенностям относятся отдельные случаи начертания букв значительно большего размера, чем остальные. Лигатур нет. Отметим также знаки разделения в виде точек.

9. Т а б л и ц а VIII. Посвятительная надпись о построении храмов, поставленная в честь императора Александра Севера Аврелием Юлианом, сыном Александра ²³. Надпись относится, таким образом, ко времени правления Александра Севера (222—235 гг. н. э.). Рассматриваемая надпись представляет особенно характерный образец угловатого письма, вообще свойственного III в. н. э. и на Боспоре, и в Ольвии. Уже на основании предыдущей надписи мы могли заключить, что специфический поздний вариант этого письма, с касательными линиями на углах ромбовидных букв, появляется в Ольвии раньше, чем на Боспоре. В данной надписи тот же тип развивается дальше: касательные черточки длиннее, они не так плотно примыкают к углам ромбиков; появляются и другие детали — например, ромбики меньшего размера. Лигатуры, отсутствующие в надписи на базе статуй Каракаллы и Геты, здесь очень обильны.

К перечисленным девяти датированным надписям может быть присоединено еще семь. Об их времени свидетельствует: 1) слишком большое сходство в характере письма и часто в оформлении надписи с некоторыми из датированных; 2) упоминание тех же лиц, о которых говорилось в надписях с твердой датой (в последних случаях необходимо, конечно, подтвердить предположение о тождестве этих лиц).

К первой из намеченных дополнительных групп относятся следующие надписи:

10. Надпись об отстройке стратегия архонтом Аврелием Басилеем, сыном Каллисфена ²⁴. По значительному сходству с надписью времени Александра Севера, проявляющемуся не только в характере письма, но и в оформлении плиты, В. В. Латышев отнес надпись к тому же времени.

²⁰ IOSPE, I², № 199.

²¹ В надписи Гета назван цезарем, но еще не императором: титул императора он получил в 209 г. н. э.

²² Надпись боспорского царя Тейрана, 275/6—278/9 гг. н. э. (IOSPE, II, № 29).

²³ IOSPE, I², № 184.

²⁴ IOSPE, I², № 185.

Следует, впрочем, отметить, что надпись выполнена, очевидно, другим резчиком — письмо не вполне идептически, отсутствуют, например, поперечные черточки у углов ромбических *тэты* и *омижрона*.

11. Рис. 3. Строительная надпись, хранящаяся в Одесском музее и изданная П. О. Карышковским²⁵. Автор обратил внимание на большое сходство и в письме, и в оформлении с надписями 9 и 10. Итак, и здесь мы, очевидно, имеем дело с надписью времени правления Александра Севера.

12. Надпись, изданная В. В. Латышевым²⁶ и сопоставленная П. О. Карышковским с предыдущей (надпись 11). Правильно отмечая сходство в характере письма обоих памятников, П. О. Карышковский указывает также на совпадение в них двух имен архонтов: один из них — Слав, сын Аргуанага, — в надписи, изданной В. В. Латышевым, назван главным архонтом, а в надписи П. О. Карышковского занимает следующее за архонтом место. Очевидно, по времени памятники близки, но не совсем одновременны: надпись IOSPE, I², № 103 выполнена несколько позднее.

13. Фрагменты почетного декрета, изданные В. В. Латышевым²⁷. В. В. Латышев предположил, что надпись не только близка по характеру письма декрету Каллисфена, сына Каллисфена, но и выполнена тем же резчиком. Сходство в формах букв, их пропорциях, в характере лигатур действительно не может вызывать сомнений. Может быть, не обязательно предполагать работу одного резчика, но во всяком случае надписи вышли из одной мастерской. Итак, надпись IOSPE, I², № 44 увеличивает группу надписей конца II—начала III в. н. э.

14. Фрагмент надписи, найденный в 1951 г. на территории «римской цитадели» в Ольвии и недавно изданный²⁸. Как уже было отмечено, сходство характера письма этого фрагмента с надписями IOSPE, I², № 42 и 44 дает возможность датировать фрагмент из цитадели приблизительно тем же временем, т. е. концом II—началом III в. н. э.

15. Декрет «народа византийского» в честь Оронта, сына Абаба, изданный В. В. Латышевым²⁹. Из текста декрета видно высокое положение Абаба, отца Оронта, причем особо отмечается его возвышение «до известности Августа» (μέχρι τᾶς τῶν Σεβαστῶν γνώσεως προήφαντος). Сопоставляя это указание с текстом надписи IOSPE, I², № 181 (у нас — 3), говорящей о посвящении портика императорам Августу и Тиберию, А. Бек высказывает предположение, что Абаб, упоминаемый в обеих надписях, — одно лицо. Поскольку надпись о посвящении портика поставлена в годы

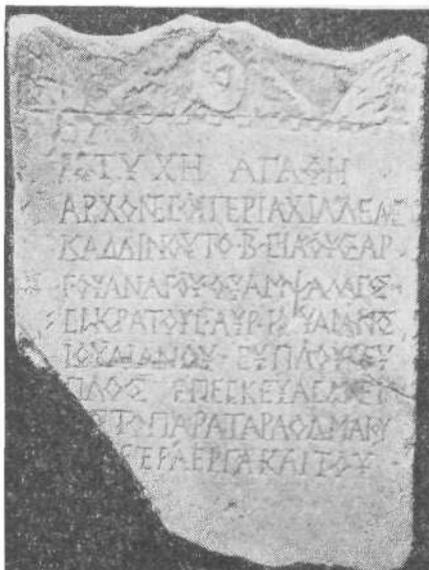

Рис. 3. Надпись времени Александра Севера

²⁵ П. О. Карышковский. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды. — ВДИ, 1959, № 4, стр. 128—129, № 4.

²⁶ IOSPE, I², № 103.

²⁷ IOSPE, I², № 44; издание снабжено прорисовкой с эстампажа.

²⁸ Т. Н. Книпович. Два фрагмента мраморных плит с греческими надписями из Ольвии. I. Фрагмент мраморной плиты с надписью из раскопок 1951 г. на территории «римской цитадели». — КСИА АН СССР, 95, 1963, стр. 13—16.

²⁹ IOSPE, I², № 79.

правления Тиберия, декрет «народа византийского» в честь Оронта должен принадлежать приблизительно тому же, или, скорее, несколько более позднему периоду — времени Тиберия или Калигулы (14—41 гг. н. э.). Во всяком случае он, очевидно, не выходит за пределы первой половины I в. н. э. Предположение А. Бека, принятое В. В. Латышевым, едва ли может вызывать сомнения.

16. Надпись о посвящении экседры Оронту, сыну Абаба, домоправителем Диомедом, изданная В. В. Латышевым³⁰. Надпись представляет собой третий документ, в котором упоминаются Абаб и сын его Оронт, и относится, приблизительно, к тому же времени, т. е. еще к первой половине I в. н. э.

Местонахождение двух последних надписей не установлено, не было оно известно и В. В. Латышеву, издавшему их по SIG. Условный шрифт издания не дает возможности судить о характере их письма, и поэтому их нельзя использовать в связи с задачами данной работы.

Подведем итоги нашему обзору ольвийских датированных надписей. Мы насчитали всего 16 ольвийских надписей, время которых можно на основании самого их текста считать ясным — иногда с большей, иногда с меньшей точностью. Но и эти 16 надписей не все могут быть использованы для выяснения характера и истории ольвийского лапидарного письма. Местонахождение некоторых из этих датированных памятников нам пока неизвестно, а имеющиеся в нашем распоряжении воспроизведения не всегда дают ясное представление о письме той или иной надписи. Еще существеннее то обстоятельство, что даже знакомые нам в подлинниках или по хорошим воспроизведениям датированные надписи распределяются по различным периодам крайне неравномерно. В наилучшем положении оказываются поздние периоды. К концу II—началу III в. н. э. относится ряд датированных надписей, и мы получаем возможность судить о различных направлениях в палеографии этого времени — с шрифтом архаизирующим и угловатым в двух основных вариантах последнего. Мы знакомимся также с наиболее типичным направлением в письме последующих годов III в. н. э. Различные же периоды более раннего времени или вовсе не представлены датированными надписями, или представлены лишь единичными экземплярами. При таких обстоятельствах мы лишены возможности выяснить на основании датированных надписей историю лапидарного письма Ольвии хотя бы с теми лакунами, с какими мы имели дело при составлении очерка истории греческого лапидарного письма на Боспоре³¹.

Все же едва ли было бы правильно ограничиться в настоящем очерке только выяснением особенностей письма тех периодов, которые отражены в ольвийских датированных надписях. Уже при работе над лапидарным письмом Боспора нам пришлось при выделении самых ранних эпиграфических документов — надписей V в. до н. э. — основываться на особенностях письма данного периода, установленных в других античных областях. В упомянутой работе мы сочли возможным при составлении алфавита для каждого рассматриваемого периода включать в них также и буквы, взятые из недатированных надписей, если имелись косвенные данные для определения времени этих надписей. Так придется нам поступать и с выяснением характера письма ольвийских надписей: искать аналогии в датированных надписях других местностей; искать возможности определить время лапидарного письма ольвийских памятников, принадлежа-

³⁰ IOSPE, I², № 182.

³¹ О распределении датированных надписей Боспора по разным периодам см. А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Очерк. . . , стр. 5—6. Полностью отсутствуют датированные надписи в материале V в. до н. э.; из остальных периодов наименее благополучно обстоит дело с поздним эллинизмом, в частности с периодом II и первой половины I в. до н. э.

щих периодам, лишенным датированных надписей, по другим признакам. О том, на каком основании мы даем хронологическое определение надписи или надписям какой-либо группы, мы будем говорить каждый раз особо. Сейчас ограничимся некоторыми предварительными замечаниями.

Как уже упоминалось, чаще всего удается выяснить время, к которому относится письмо, не встречающееся в датированных ольвийских надписях, если характер письма оказывается свойствен эпиграфическим документам, происходящим из других областей или центров античного мира. Наблюдения над историей письма в различных античных областях уже давно привели исследователей к заключению, что в особенностях и темпах развития письма имеются существенные различия между отдельными областями. Поэтому при попытках выяснить время, к которому принадлежит какая-либо группа эпиграфических документов, путем привлечения датированных надписей других местностей, приходится ограничивать пределы областей, откуда привлекаются аналогии. В нашем случае, т. е. для Ольвии, мы считаем возможным привлечение надписей из центров, входящих, так же как и Ольвия, в состав Причерноморья. Это центры Северного (города Боспора, Херсонес) и Западного (Тира и области, расположенные на территориях современных Болгарии и Румынии) Причерноморья. Сопоставление надписей Ольвии с надписями всех указанных областей приводит нас к заключению об особенной близости письма эпиграфических памятников Ольвии памятникам причерноморских областей, расположенных к западу от Ольвии. Много общего имеет Ольвия в этом отношении также с Херсонесом, есть общие черты и с Боспором, но в последнем случае бесспорны и различия, сказывающиеся иногда в наличии специфических черт, свойственных только определенной области, иногда — в иных темпах развития. На практике в работе над письмом ольвийских надписей приходится очень часто обращаться к лапидарной эпиграфике городов Боспора: во-первых, потому, что на Боспоре особенно много надписей, содержащих дату в самом своем тексте, во-вторых, потому, что работа по истории лапидарного письма этой области уже опубликована и широко доступна. Но мы неизбежно вынуждены давать более неопределенные, более широкие датировки ольвийским надписям, если выяснение их хронологии основано на сходстве с письмом Боспора. Отметим, наконец, что иногда мы вправе привлекать также и совсем другие центры, в чем мы убедимся в дальнейшем.

Итак, основной задачей является обзор ольвийских надписей тех периодов, о письме которых не позволяют судить датированные ольвийские надписи. Начнем с надписей раннего времени — V и IV вв. до н. э. Здесь мы больше, чем для эллинистического и римского периодов, можем основываться на аналогиях, встречающихся в других местностях: локальные признаки значительно менее резко выражены в эти века, чем позднее.

Как и на Боспоре, наиболее ранние памятники лапидарной эпиграфики в Ольвии принадлежат V в. до н. э. (табл. IX, 1). V век до н. э. представлен надписями в Ольвии лучше, чем на Боспоре. При подготовке «Очерка истории греческого лапидарного письма на Боспоре» мы насчитали всего 11 надписей с достоверной датировкой V в. до н. э., в Ольвии же мы знаем их более 20. Письмо ольвийских надписей V в. до н. э. более выразительно и разнообразно, на чем следует остановиться детальнее.

Прежде всего отметим наличие в Ольвии характерных лапидарных надписей, принадлежащих во всяком случае еще первой половине V в. до н. э. В их число войдет хорошо известная стела Леокса, сына Молпагора³², отнесенная издателями на основании всестороннего исследования как памятника, так и надписи к 475—460 гг. до н. э. Близки по

³² IOSPE, I², № 270; см. также В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. — ИАК, вып. 18, 1906, стр. 82 сл., 119 сл.

времени и некоторые из опубликованных В. В. Латышевым надгробий³³. У всех этих надписей формы букв сходны: *мю* и *сигма* имеют сильно скошенные линии (у *мю* — боковые, у *сигмы* — верхняя и нижняя); у *ню* правый нижний угол расположен на более высоком уровне, чем нижний конец левой линии; *омега* имеет приблизительно ту же величину, что и другие буквы. Все это особенности форм, свойственных V в. до н. э. вообще; но у надписей, о которых идет речь, есть и детали, говорящие об их принадлежности бесспорно первой половине V в. до н. э., иногда началу века. В надписи IOSPE, I², № 208 такой деталью — архаической, поскольку она типична для времени более раннего, чем V в. до н. э., — является разновидность *тэты* с перекрещивающимися внутри кружка линиями вместо обычной точки в центре; в надписи IOSPE, I², № 212 — *ню* с косыми, а не вертикальными гасками; в надписи IOSPE, I², № 215 — *хи* имеет вид вертикально стоящего креста. Наблюдения над алфавитом архаического периода и периода перехода его к раннеклассическим формам показали, что наличие единичных архаизмов подобного рода типично для времени, близкого к 500 г. до н. э.³⁴: само собой напрашивается предположение, что и наиболее ранние из ольвийских надписей не могут далеко отстоять от этого времени.

К перечисленным эпиграфическим памятникам примыкает по характеру письма одна из новейших надписей, найденных при раскопках ольвийской агоры, — проксения в честь жителя Синопы. В этой надписи мы встречаем такую же форму *ню*, которую мы отмечали в надписи IOSPE, I², № 212 и которая воспроизведена у А. Вудхэда в табличке форм, характерных для времени около 500 г. до н. э. Эту форму А. Вудхэд считает типичной в то время и для Ионии, и для Аттики, и для Коринфа. Следует отметить также *альфу* со скошенной поперечной гаской (например, в строке 4). Даже при учете того, что известные неправильности в очертаниях букв неизбежны в надписи, вырезанной не на мраморе, а на известняке, случайными считать такие архаизмы никак нельзя. Таким образом, на основании форм букв рассматриваемой надписи можно сделать вывод, что она относится ко времени едва ли более позднему, чем первые десятилетия V в. до н. э.

Переходя к более поздним надписям V в. до н. э., мы прежде всего должны отметить значительное распространение в Ольвии надписей, выполненных в системе стойхедон. В просмотренном материале первой половины V в. до н. э. мы встретили один случай применения манеры стойхедон — это надпись IOSPE, I², № 208. Однако отнести ее к числу вполне выраженных надписей стойхедон едва ли возможно: буквы расположены одна под другой, но сама надпись слишком мала, в ней нет даже двух полных строк. Но несколько позднее мы встречаем целый ряд типичных экземпляров. Очень хороший пример дает надпись, посвященная Аполлону Дельфинию (рис. 4)³⁵: правильность в соблюдении порядка стойхедон достигается здесь тем, что на поверхность плиты нанесена сетка из перпендикулярных двойных линий, так что каждая буква помещается в отмеренном и очерченном для нее квадрате. Тот же прием применен и в других ольвийских надписях, например IOSPE, I², № 307.

Надпись, посвященная Аполлону Дельфинию, принадлежит, вероятно, периоду около середины V в. до н. э. К тому же времени, а также к следующим десятилетиям V в. до н. э. относится и ряд других ольвийских надписей, выполненных в той же манере и частью уже изданных³⁶. Та же

³³ IOSPE, I², № 208, 212, 213, 215.

³⁴ См., например, A. G. W o d h e a d. The Study of greek inscriptions. Cambridge, 1959, стр. 21, рис. 3.

³⁵ Фоторепродукцию надписи см.: Т. Н. К и п о в и ч. Эпиграфические находки из раскопок Ольвии 1920—1954 гг. — СА, XXVIII, 1958, стр. 169, рис. 3.

³⁶ Е. И. Л е в и. Ольвийская агора. — МИА, № 50, 1956, стр. 105—106, рис. 66 и 67.

система выдержана в проксении конца V в. до н. э., недавно изданной И. Б. Брашинским³⁷.

Кроме упомянутых надписей, есть еще ряд менее значительных фрагментов с сохранившимися на них частями слов, иногда только отдельными буквами; формы букв также говорят о V в. до н. э. Не будем задерживаться на более детальном рассмотрении всего этого материала; интересно отметить фрагмент мраморного лутерия с *ипсилоном*, сохранившим форму, свойственную архаическому времени.

Ольвийские надписи V в. до н. э. имеют в своем письме ряд особенностей, характерных для письма Ионии и Аттики. Но ионийские черты выражены в ольвийских надписях раннего V в. до н. э. более заметно, чем аттические. Так, в аттических надписях первой половины V в. до н. э. мы неоднократно встречаем вместо *кси* как самостоятельной буквы сочетание *хи* и *сигмы*, вместо *пси* — сочетание *фи* и *сигмы*. Письму Ионии и Ольвии V в. до н. э. это менее свойственно. Но частые в ионийских надписях V в. до н. э. скошенные линии у *ню* и *альфы* отмечены нами и в ранних ольвийских надписях. Такие тенденции гораздо менее выражены в Аттике. Конечно, сделанные нами наблюдения недостаточны для широких выводов; однако все они едва ли случайны: так же, как и черты ионийского диалекта, надолго сохраняющиеся в Ольвии, но особенно свойственные ольвийским эпиграфическим памятникам V в. до н. э., они отражают характер Ольвии — милетской колонии.

Продолжим обзор. Попытаемся представить себе основные особенности письма ольвийских надписей IV в. до н. э. Как уже отмечалось, среди ольвийских эпиграфических памятников IV в. до н. э. есть только одна датированная надпись — обломки базы с именем Праксителя; к тому же ее нельзя рассматривать как образец ольвийского лапидарного письма. Второй памятник с именем скульптора — одна из новейших находок, постамент с надписью, содержащей имя Стратонида, — вообще не может считаться датированным: время жизни и творчества Стратонида нам точно не известно, датировка дается по палеографическим особенностям надписей, содержащих его имя.

Однако выделить из числа ольвийских эпиграфических памятников вполне определенную группу надписей IV в. до н. э. оказывается нетрудным. IV век до н. э. — время, когда общие, свойственные различным областям особенности письма выражены повсеместно, а локальные черты проявляются еще слабо. Проверить и уточнить датировки надписей, которые мы и по формам их букв, и по особенностям самого текста склонны датировать IV в. до н. э., помогают аналогии в датированных надписях Боспора, а также не столь многочисленные, но весьма близкие аналогии среди датированных надписей Западного Причерноморья.

В результате просмотра эпиграфического материала мы убеждаемся, что ольвийских надписей IV в. до н. э. довольно много. Значительная часть их была перечислена В. В. Латышевым уже во втором издании I тома IOSPE³⁸. В настоящее время количество надписей IV в. до н. э. сильно

Рис. 4. Фрагмент посвяжительной надписи V в. до н. э.

³⁷ И. Б. Брашинский. Древнейшая ольвийская проксения. — СА, 1963, № 3, стр. 191, 196, рис. 1—2.

³⁸ IOSPE, I², №. 20—25, 164—166, 172, 179, 188, 195, 209—211, 216, 218, 219. Все эти надписи отнесены В. В. Латышевым к IV в. до н. э.; судя по характеру пись-

возросло: много эпиграфических памятников было найдено при раскопках, производившихся после 1916 г. (год второго издания I тома IOSPE), немало было обнаружено в наших собраниях и таких, которые были найдены до 1916 г., но по каким-либо причинам не вошли в последний изданный том IOSPE. Особенно много интересных и важных экземпляров дали, как и для других групп ольвийских надписей времени, предшествующего гетскому нашествию, раскопки агоры и теменоса. Издатели многих из этих надписей (главным образом Е. И. Леви)³⁹ уже датировали их IV в. до н. э., основываясь прежде всего на характере их письма и сопоставляя эти наблюдения с особенностями их орфографии, а часто также с типом и формулой надписей. Мы можем получить, таким образом, вполне ясную картину принятого в лапидарном письме Ольвии IV в. до н. э. алфавита и наблюдать его развитие в течение века. Сравнивая алфавит выделенных нами ольвийских надписей IV в. до н. э. (табл. IX, 2) с алфавитом датированных боспорских надписей того же столетия⁴⁰, мы убеждаемся в большой близости шрифта во всяком случае значительной группы ольвийских надписей IV в. до н. э. шрифту надписей городов Боспора. Разница заключается в представленных в Ольвии и неизвестных на Боспоре вариантах двух букв: это одна из разновидностей *эпсилон* — с длинной верхней горизонтальной линией и короткой нижней, и одна из разновидностей *омеги* — с нижними горизонтальными черточками, примыкающими не к концам дуги, а выше. Этот вариант *омеги* представляет собой, по-видимому, одну из особенностей ольвийского шрифта, с которой мы еще будем встречаться в дальнейшем. Следует отметить, что указанные разновидности *эпсилон* и *омеги* не дают оснований для сомнения в датировке содержащих их надписей — остальные буквы сохраняют формы, типичные для шрифта IV в. до н. э. Также не может нарушить общего впечатления о близости шрифта ольвийских надписей шрифту боспорских и еще один случай, когда в ольвийской надписи при остальных буквах, сохраняющих черты IV в. до н. э., встречается *сигма* лунарной формы (здесь, впрочем, мы можем сослаться только на мнение В. В. Латышева, так как надпись известна лишь в прорисовке с эстампажа — см. IOSPE, I², № 22). Мы убеждаемся, что отклонений от обычного характера развития письма, свойственного IV в. до н. э., в Ольвии крайне мало, известные нам случаи и немногочисленны, и едва ли существенны.

В ряде ольвийских надписей замечены черты, которые на Боспоре имели место только во второй половине IV в. до н. э. или на рубеже IV и III вв. до н. э. Они сказываются, с одной стороны, в применении некоторых орнаментальных деталей, с другой — в замене прямых линий слегка изогнутыми. Здесь мы наблюдаем еще слабо выраженное начало тех тенденций, которые ярко проявляются в эпоху более позднего эллинизма: это подготовка к стилю несколько изощренному, иногда претенциозному. Важно отметить, что эти черты проявляются в надписях, не отличающихся ни по тексту, ни по особенностям орфографии от таких же надписей, характеризующихся большей строгостью письма (см. табл. IX, 2 и рис. 5).

Итак, выделение ольвийских надписей IV в. до н. э. не вызывает, очевидно, особых затруднений; мы убеждаемся в том, что основные пути развития ольвийского письма в IV в. до н. э. не отличаются от развития письма в других местностях. Сложнее обстоит дело с надписями III, II и I вв. до н. э. Постараемся разобраться в направлениях, существующих в письме этого времени. Начнем с III в. до н. э.⁴¹

ма, некоторые из них (например, № 20, 172, 218 и 219) могут относиться еще к концу V в. до н. э.

³⁹ Е. И. Леви. Ольвийская агора, стр. 93 сл.; Она же. К истории торговли Ольвии в IV—III вв. до н. э. — СА, XXVIII, 1958, стр. 234 сл.

⁴⁰ А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Очерк... , табл. II, 1, 2, 3.

⁴¹ Алфавит надписей III в. до н. э. см.: табл. IX, 3.

Мы можем проследить прежде всего общее развитие шрифта в том же направлении, которое свойственно Аттике, Боспору и другим центрам Северного и Западного Причерноморья. Так, к первой половине III в. до н. э. следует отнести проксению родосца, найденную в 1954 г. на территории ольвийской агоры⁴². По характеру письма она еще очень близка надписям второй половины IV в. до н. э. Отличают ее (во всяком случае от большинства надписей IV в. до н. э.) присутствие лунарной *сигмы* и некоторые дальнейшие изменения в сторону усложненности шрифта: так, *эпсилон* имеет очень коротенькую среднюю черточку, у *тау* и *гаммы* горизонтальные гасы значительно длиннее, чем это было в письме IV в.

Рис. 5. Фрагмент проксении в честь византийца. Конец IV в. до н. э.

до н. э. Изменениям в характере шрифта соответствует тот факт, что надпись эта представляет собой декрет с усложненной формулой, приходящей на смену простой формуле ранних проксений. Все вместе заставило Е. И. Леви с полным основанием отнести декрет к первой половине III в. до н. э.⁴³

Из типичных надписей первой половины III в. до н. э. приведем еще две. Одна из них, надпись союза «евресибиастов», найдена при раскопках Ольвии в «Нижнем городе» в 1938 г. и издана А. А. Белецким⁴⁴. Формы букв и здесь сходны с теми, которые мы встречаем в надписях последних десятилетий IV в. до н. э., но проявляется, хотя пока слабо, стремление придать буквам более изящную форму и снабдить их орнаментальными деталями (здесь такими деталями являются коротенькие поперечные черточки у концов линий). Все эти данные позволяют отнести надпись к первой половине III в. до н. э.

Третьей надписью, едва ли выходящей за пределы первой половины III в. до н. э., является декрет в честь сыновей Аполлония, найденный на территории агоры в 1951 г.⁴⁵ И здесь мы встречаемся со шрифтом, в котором буквы не слишком далеко отошли от форм IV в. до н. э.; однако изогнутые линии, наличие орнаментальных деталей, более выраженное сочетание мелких и крупных букв создают впечатление письма, отступившего от традиций IV в. до н. э. дальше, чем две предыдущие надписи. Интересно отметить, что письмо этой надписи находит близкую аналогию в одном из памятников Месембрии — декрете в честь царя Садала, договор с которым был заключен Месембрией в 280—270 гг. до н. э.⁴⁶; беспорна его принадлежность III в. до н. э.⁴⁷ В этой надписи повторяются все особенности письма ольвийского декрета; очень близки формы букв, особенно

⁴² Е. И. Леви. К истории торговли Ольвии в IV—III вв. до н. э., стр. 243, табл. II, 4.

⁴³ Там же, стр. 244.

⁴⁴ А. А. Белецкий. Греческая надпись на базе статуи из Ольвии. — ВДИ, 1955, № 2, стр. 180—191.

⁴⁵ Е. И. Леви. Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 г. — ВДИ, 1953, № 1, стр. 177 сл.; Она же. Ольвийская агора, стр. 94 сл., рис. 63.

⁴⁶ G. Mihalov. Inscriptions graecae. . . , I, № 307, табл. 81.

⁴⁷ Различные высказывания специалистов о более точной ее дате см.: G. Mihalov. Inscriptions graecae. . . , I, стр. 154.

некоторых, применяются те же орнаментальные детали. Очевидно, должно быть близким и время обеих надписей. Во всяком случае приведенная аналогия подтверждает правильность отнесения ольвийского декрета к III в. до н. э. Наиболее вероятная его дата — около середины III в. до н. э.

Мы ограничимся приведенными примерами надписей первой половины III в. до н. э., хотя характеристику этого периода можно было бы и еще дополнить. Общее различным областям античного мира направление в развитии шрифта может быть прослежено во второй половине III в. до н. э., а также и во II в. до н. э.

Изменение в шрифте, свойственное этому времени, т. е. периоду развитого эллинизма, было уже описано⁴⁸. Основные особенности его — тенденция к всяческому украшению письма, к выработке шрифта изощренного, изысканного, претендующего на изящество и красоту. Таковы общие черты, повсеместно развивающиеся в письме III и II вв. до н. э. Этот стиль носит название, установленное немецкими эпиграфистами и получившее широкое признание, — *Zierschrift*. В нем получили полное развитие черты, которые начали проявляться еще в IV в. до н. э., особенно в конце века. Элементы, создающие такое направление, — обилие орнаментальных деталей, замена прямых линий изогнутыми, сочетание крупных букв с очень мелкими. Образцы этого шрифта содержат некоторые надписи Боспора⁴⁹. Это направление удерживается в эпиграфике Ольвии не только в течение III и II вв. до н. э., но частично, очевидно, и в I в. до н. э.

Но наряду с ним существуют и другие направления. Из них следует отметить сохранение и в это время монументального шрифта. Стремление к орнаментации, к усложнению шрифта выражено здесь гораздо слабее; в течение периода развитого эллинизма, во второй половине III в. до н. э. и во II в. до н. э., наблюдаются иногда и изменения в формах букв. Из них типичны случаи замены косо направленных линий у *сигмы* и *мю* горизонтальными и вертикальными: в некоторых надписях у *сигмы* верхние и нижние линии идут горизонтально, у *мю* боковые — вертикально. Примером надписи, отражающей это направление, может служить ольвийский почетный декрет, найденный в 1949 г.⁵⁰ В письме этой надписи мы находим описанные выше изменения в формах букв. Они появляются во второй половине III в. до н. э. и держатся далее в течение ряда веков. Это касается изменения в направлении верхней и нижней линий у *сигмы*, боковых — у *мю*, нового варианта *пи* с верхней гаской, выступающей за пределы укороченной вертикальной черты, но обычно не выступающей перед длинной вертикалью (табл. IX, 5), *эпсилон* с укороченной средней черточкой, о которой мы уже говорили в связи с некоторым изменением формы этой буквы еще в конце IV в. до н. э. Но здесь отсутствует часто и повсеместно отмечаемая деталь, свойственная письму, начиная со II в. до н. э., — замена точки в центре *тэты* горизонтальной черточкой. На основании всех этих особенностей письма Е. И. Леви склонна относить указанную надпись скорее всего «еще к III в. до н. э., вероятнее всего к последней четверти этого века»⁵¹. Автор ссылается при этом на ряд убедительных примеров из датированных надписей Боспора и Херсонеса. Датировка Е. И. Леви вполне возможна, но едва ли следует безоговорочно исключать начало II в. до н. э.⁵²

⁴⁸ А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Очерк... стр. 15—16.

⁴⁹ Там же, рис. 6 и особенно рис. 7 (II в. до н. э.), табл. II, 4 и 5.

⁵⁰ Е. И. Леви. Ольвийский декрет из раскопок 1949 г. — ВДИ, 1951, № 1, стр. 142 и сл.; О н а ж е. Ольвийская агора, стр. 98 сл., рис. 64.

⁵¹ Е. И. Леви. Ольвийская агора, стр. 100.

⁵² Склоняясь к приведенной датировке, Е. И. Леви и сама повторно указывает, намекая возможные хронологические пределы данного типа письма, на период «не ранее второй половины III в. до н. э. и не позднее первой половины II в. до н. э.»

Рис. 6. Посвятительная надпись Полимеда. II—начало I в. до н. э.

Примерно в том же стиле, что и декрет 1949 г., выполнен и еще ряд ольвийских надписей. Бывают случаи, когда некоторые детали в надписях указывают на дальнейшее развитие этого стиля; такие детали встречаются в различных областях античного мира лишь с определенного времени — иногда с конца III в. до н. э., иногда со II в. до н. э. К их числу принадлежат черточка, а не точка внутри *тэты*, ломаная гаста у *альфы*. Было бы, конечно, ошибочным считать, что подобная более поздняя деталь исключает возможность применения варианта, который был в употреблении в предшествующее время; нам известны случаи, когда в двух надписях, бесспорно одновременных, встречаются в одной более ранняя, в другой — более поздняя разновидности какой-либо буквы при одинаковых формах остальных букв⁵³. Особенно часто бывают подобные случаи, когда какое-либо изменение только-только еще начинает проникать в шрифт. А период, с которым мы имеем дело, именно и относится к таким, когда в различных областях и центрах в письме наблюдается ряд изменений.

Весьма типичны, конечно, такие надписи, в которых одновременно встречается ряд новых форм или их разновидностей и в которых вместе с тем выражен более четко новый тип шрифта. Это монументальный шрифт с выработанными формами, с отказом от чрезмерного стремления к украшениям, усложнению, комбинации мелких и крупных букв. Типичный образец такого стиля мы находим на фрагменте посвятельной надписи Полимеда (рис. 6)⁵⁴. Многие буквы этой надписи сходны с буквами декрета 1949 г., но в надписи Полимеда наблюдается следующая ступень в развитии монументального стиля: утверждаются некоторые позднеллинистические детали (*альфа* с ломаной поперечной гастой) и, что особенно важно, нет резкой разницы в величине букв — самая маленькая из букв, *омикрон*, лишь немного меньше остальных. Орнаментальные детали остаются, но уже нет того стремления к усложнению, изощренности, которое было типичным для письма предшествующего времени. Надпись, бесспорно, не древнее второй половины II в. до н. э.

Переходим к следующей группе надписей эллинистического времени, в которой сказываются уже специфические черты ольвийского лапидарного письма. Характерной чертой является применение курсивных букв. Мы уже упоминали надписи, в которых наряду с буквами обычных форм

⁵³ Для примера сошлюсь на надписи IOSPE, I², № 190 и 191, отличающиеся одна от другой главным образом разновидностями *тэты*, в одном случае — с точкой, в другом — с черточкой, правда, короткой, а также формой *пи* с обеими вертикалями одинаковой длины (№ 191). Об этих надписях и об их хронологической близости см. IOSPE, I², стр. 208—209.

⁵⁴ Е. И. Левин. Ольвийская агора, стр. 106—107, рис. 68; А. А. Белецкий и И. Надпись Полимеда из Ольвии. — ВДИ, 1956, № 3, стр. 137—141.

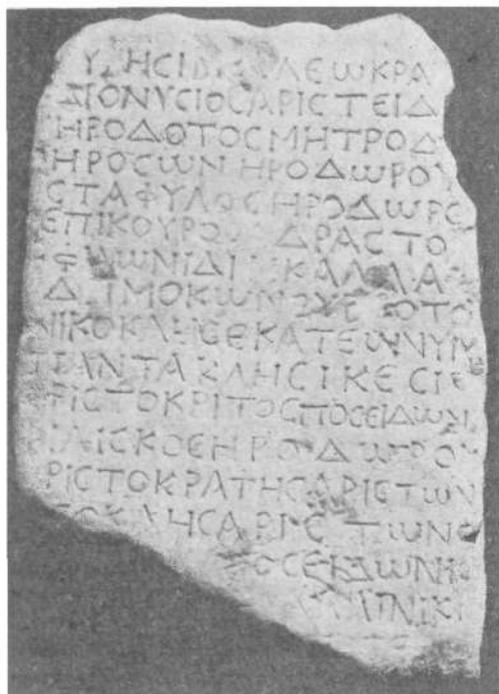

Рис. 7. Фрагмент «списка граждан» II в. до н. э. IOSPE, I², № 201

ках агоры и теменоса, отчасти и на других участках. Датировка надписей, выполненных в этом стиле, не может вызвать сомнений: разновидность *альфы* с ломаной перекладиной, *тэты* с поперечной чертой, а не точкой в центре⁵⁶, *мю* с вертикальными боковыми линиями — все это свойственно шрифту конца III в. до н. э. и особенно II в. до н. э., что засвидетельствовано многочисленными датированными надписями. Надписи указанной группы не могут быть датированы более поздним временем — против говорят прежде всего находки на ольвийской агоре, где такие надписи встречались в слоях III—II вв. до н. э.

Наблюдения над распространением курсивного шрифта в Ольвии эллинистического времени представляют большой интерес — они свидетельствуют об одной из своеобразных особенностей ольвийского лапидарного письма. В эпиграфике других центров Северного Причерноморья мы не встретим в эллинистическое время сколько-нибудь распространенной группы надписей с применением курсивного шрифта. На Боспоре, например, курсивный шрифт в надписях, предшествующих началу нашей эры, большая редкость, он получает распространение лишь в первые века, главным образом во II и III вв. н. э. Приблизительно так же обстоит дело и в других причерноморских областях.

Мы не найдем вне Ольвии прямых аналогий и шрифту некоторых других надписей. Из них заслуживает специального внимания декрет в честь Протогена (IOSPE, I², № 32). Попробуем охарактеризовать его с точки зрения палеографической. О своеобразных чертах его шрифта, затрудняю-

встречались и курсивные — главным образом *сигма*. Из них заслуживает особого внимания надпись Клеомброта (IOSPE, I², № 180), где лунарная *сигма* применяется наряду с буквами обычных форм, притом несомненно указывающих на ранний III в. до н. э. Но в период более позднего эллинизма появляется группа надписей, где курсивную форму имеют уже и *сигма*, и *эпсилон* (табл. IX, 4). Эти надписи выполнены вообще необычным и новым для Ольвии шрифтом — *омега* также имеет форму, часто встречающуюся в надписях с курсивным письмом⁵⁵, впечатление курсивного шрифта дополняется еще изогнутыми линиями, например, у *дельты*. До недавнего времени этот шрифт был представлен в Ольвии списком граждан (рис. 7, IOSPE, I², № 201). Сейчас известен еще ряд надписей, выполненных сходным шрифтом и найденных в Ольвии главным образом при раскопках

⁵⁵ А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Очерк... , табл. III, 5, две последние буквы в нижних рядах.

⁵⁶ В отдельных случаях в надписях с таким шрифтом *тэта* имеет все же точку в центре, но иногда в одной и той же надписи представлены обе разновидности этой буквы, например в списке граждан (IOSPE, I², № 201).

щих сколько-нибудь уверенную датировку, говорилось много: исследователи высказывались за разные датировки — от начала III в. до н. э. вплоть до первых веков нашей эры. Подойдем к письму этой надписи прежде всего с точки зрения общего направления развития шрифта (см. табл. IX, 6).

Нет сомнений, что мы имеем дело с эпиграфическим памятником эпохи эллинизма. Формы букв (*эпсилон*, *пи*, *гамма* и *тау* с удлинненными, часто изогнутыми горизонтальными гасами), сочетание очень мелких букв (*омикрон*, *тэта*) со значительно более крупными — весь этот комплекс явлений встречает многочисленные аналогии в причерноморских датированных надписях эпохи эллинизма⁵⁷. Есть вместе с тем и такие черты, которые говорят против очень уж позднего эллинизма. В декрете в честь Протогена у *альфы* ни разу нет ломаной переключины, поперечная линия здесь или прямая, или чаще слегка вогнутая; *тэта* имеет в центре точку, а не горизонтальную линию. Итак, в письме декрета отсутствуют некоторые черты, бесспорно говорящие о позднем времени. Не менее надежным признаком являются особенности, свойственные письму раннего времени, как, например, точка, а не черточка внутри *тэты*: эта деталь, как мы можем убедиться на примере боспорских датированных надписей, встречается не только в III, но и во II в. до н. э.⁵⁸

Перечисленные буквы сочетаются в декрете в честь Протогена с лунарной *сигмой* и с двумя буквами необычной или, скажем, редкой формы: это *омега* и *мю*. *Омега* не идентичной, но родственной формы известна еще в нескольких ольвийских надписях (IOSPE, I², № 23 и в одной пока не изданной проксии). На Боспоре форма *омеги*, подобная форме той же буквы в рассматриваемом декрете, встречается в агонистическом каталоге первой половины III в. до н. э. В Херсонесе эта форма есть в надписи более позднего времени, едва ли раньше II в. до н. э. (IOSPE, I², № 466). Вне Северного Причерноморья такая форма, по-видимому, не представлена. Что касается *мю* декрета в честь Протогена, то в Ольвии в одном случае применена не идентичная, но сходная форма⁵⁹, в остальных же центрах Северного Причерноморья эта разновидность мне неизвестна.

Таким образом, сами по себе формы букв декрета в честь Протогена и сопоставление их с немногочисленными аналогиями дают мало. Однако бесспорны, на мой взгляд, совпадения, которые могут быть замечены между надписью Протогена и одной из надписей Одесса⁶⁰. Последняя представляет собой договор Фарнака с Одессом, относящийся к 185—170 гг. до н. э. В надписи Одесса *сигма* не лунарная, *омега* обычной формы, не такая, как в декрете в честь Протогена, но *альфа* так же, как там, имеет вогнутую или прямую переключину, очень близка форма *мю*, *пи*, *гаммы*, *тау*. Сходство настолько велико, что трудно допустить слишком значительную разницу во времени. Добавим, что сочетания мелких и крупных букв (причем особенно мелки *тэта* и *омикрон*) также одинаковы в обеих надписях; *тэта* к тому же имеет в центре точку, а не черточку.

Если бы такая надпись, как надпись Одесса, притом датированная, была найдена в Ольвии, я считала бы возможным на этом основании датировать и декрет в честь Протогена едва ли более ранним временем, чем начало II в. до н. э. Но когда имеешь дело с находками в разных областях, приходится быть осторожнее. К тому же некоторые буквы надписи Одесса (*омега*) создают впечатление более позднего шрифта. Поэтому правильнее расширить датировку и считать возможным на основании палеографи-

⁵⁷ См. алфавит боспорских эллинистических надписей (А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Очерк. . . , табл. II, 4, 5); также см. фоторепродукцию надписи II в. до н. э. (там же, рис. 7).

⁵⁸ Там же, рис. 7.

⁵⁹ Е. И. Левин. Ольвийская агора, стр. 110, рис. 73.

⁶⁰ G. M i h a i l o v. Inscriptiones graecae. . . , I, № 40, табл. 14.

ческих признаков отнести декрет в честь Протогена к последним десятилетиям III—первым десятилетиям II в. до н. э.

Среди имеющихся в нашем распоряжении ольвийских надписей доримского времени мы найдем еще ряд таких, которые относятся, очевидно, к периоду второй половины III, II и частично I в. до н. э. Вряд ли стоит рассматривать весь этот материал. Следует отметить, что в тот период могут быть прослежены три направления — сохранение шрифта с не изжитым еще стремлением к украшению букв орнаментальными деталями, изогнутыми линиями и т. д., создание более простого и строгого монументального шрифта, применение шрифта с курсивными буквами. Во II и I вв. до н. э. едва ли не самым распространенным становится монументальный шрифт; к этому направлению следует отнести надпись IOSPE, I², № 35 (декрет в честь кибернета), которая принадлежит к числу датированных и о которой у нас уже шла речь. Монументальный шрифт, притом особенно характерный, имеет и декрет в честь Никерата (IOSPE, I², № 34). Однако от попытки выяснить его более или менее точную датировку я пока вынуждена воздержаться; он, несомненно, требует специального изучения, и не только с точки зрения его палеографии, но прежде всего и в отношении его орфографии.

Обзор письма ольвийских надписей с V по I в. до н. э. мы на этом закончим. Поскольку этот обзор не мог быть составлен на основе материала датированных надписей, найденных в Ольвии, все предложенные датировки неизбежно имеют элемент условности. Однако думаю, что представленная общая схема развития шрифта не должна вызывать сомнений, как и специфические особенности ольвийского письма, с которыми нам пришлось встретиться.

Переходим к обзору письма надписей первых веков нашей эры. Здесь нам отчасти помогут имеющиеся в нашем распоряжении ольвийские датированные надписи, хотя иногда и придется прибегать к помощи датированных надписей из других областей.

На стр. 8, 11 довольно подробно описан характер письма надписи IOSPE, I², № 181, принадлежащей времени императора Тиберия. Шрифт этой надписи сохраняет, хотя и в новом виде, эллинистические традиции со стремлением к применению орнаментальных деталей. Здесь эти детали, в общем, однообразны — они создаются пересечением линий (*альфа*, *дельта*), раздвоением концов линий, иногда снабжением концов линий короткими поперечными черточками. В то же время появляются новые формы букв. Из них заслуживает особого внимания первый для Ольвии случай применения нового типа *омеги*, представляющей собой один из вариантов формы, очень типичной для Боспора I в. н. э.⁶¹, заходящей там и в начало II в. н. э.⁶² Из остальных букв следует отметить очень узкое *ро*, близкое по форме той же букве в надписи кибернета, *пи* имеет короткую правую вертикаль, *омикрон* несколько меньше других букв, еще меньше *тэта*, но все же резкой разницы в размерах букв нет.

Просматривая ольвийские надписи, относящиеся во всяком случае к первым векам нашей эры, мы можем выделить среди них группу, бесспорно связанную по характеру письма с надписью времени Тиберия. Некоторые из них особенно близки этой надписи, например надпись IOSPE, I², № 183 о построении башни и посвящении ее Зевсу Полиарху Посидеем и его братьями. В этой надписи мы находим большое сходство с предыдущей и в формах букв, и в орнаментальных деталях (алфавит ее воспроизведен на табл. X, I, первый ряд), в частности в обилии деталей, создающихся посредством применения пересекающихся линий. Она встре-

⁶¹ А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Очерк..., табл. III, 4, два нижних ряда.

⁶² Там же, табл. III, 5, нижний ряд.

Рис. 8. Фрагмент надписи I в. н. э. IOSPE, I², № 169

чает также близкую аналогию в херсонесской надписи, упоминающей боспорского царя Аспурга. Различия, состоящие в скошенных боковых линиях у *μιο* в надписи IOSPE, I², № 181, вертикальных — в надписи о построении башни Зевсу Полиарху, не имеют принципиального значения и не мешают ни отнести обе надписи к одному направлению, ни хотя бы приблизительно датировать вторую из рассматриваемых надписей. В. В. Латышев определяет дату надписи IOSPE, I², № 183 временем «едва ли раньше II в. н. э.» С этим нельзя согласиться — хронологически она не может слишком далеко отстоять от надписи времени Тиберия и во всяком случае принадлежит еще I в. н. э.

Из остальных надписей того же направления особый интерес представляет посвящение Аполлону Простату (IOSPE, I², № 84). В этой надписи мы встречаем близкое сходство с надписью времени Тиберия и в формах букв, и в орнаментальных деталях, в чем легко убедиться, если сравнить ее фотовоспроизведение⁶³ с надписью Тиберия на табл. III. Различия настолько небольшие, что допускают возможность датировать надпись IOSPE, I², № 84 несколько более поздними годами того же I в. н. э.

Связана по характеру письма с надписью времени Тиберия также и группа надписей несколько иной разновидности. Образцом их является фрагмент посвяительной надписи IOSPE, I², № 169 с сохранившимся в винительном падеже именем *Ζωρσαυος* и частью имени *Καρζ[ύαζος]* (рис. 8). Шрифт близок шрифту надписи IOSPE, I², № 181, формы букв те же или почти те же, но буквы более удлинены, обильно применяются орнаментальные детали в виде раздвоения концов линий. И эта надпись не могла быть выполнена намного позднее, чем надпись с именем Тиберия, вероятно, она на выходит за пределы I в. н. э.

В это же время или несколько позднее появляется другой вариант того же направления: параллельно со случаями значительного увеличения количества орнаментальных деталей получает распространение шрифт, в котором употребляются буквы тех же форм и даже разновидностей форм, но совсем или почти совсем утрачивающие распространенные ранее

⁶³ IOSPE, I², № 84; В. В. Л а т ы ш е в. Эпиграфические новости из Южной России, стр. 104, № 5.

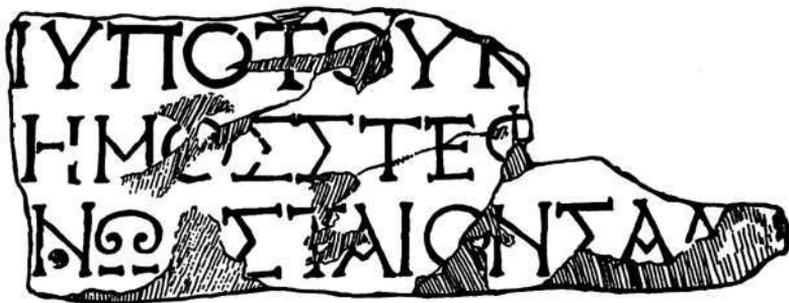

Рис. 9. Фрагмент почетного декрета. Последняя четверть II в. н. э.

орнаментальные детали. И в том же стиле, с большим или меньшим использованием орнаментальных деталей, выполнены очень многие из ольвийских надписей I и отчасти II в. н. э.

Не имея твердых опорных точек для определения времени этих надписей, приходится датировать их с большой осторожностью и оговорками. Некоторые данные для этого у нас все же есть. В письме всех надписей описанной группы отсутствуют какие бы то ни было особенности, говорящие о позднем времени: нет лигатур, нет знаков разделения; письмо выполнено в традициях монументального шрифта, сложившегося еще в конце эллинистической эпохи. Появляются новые формы букв, из них наиболее типична *omega*, распространенная в боспорских надписях I в. н. э. и встречающаяся скорее как исключение в первом десятилетии II в. н. э. Изредка мы встречаем *omega* другой, также новой для Ольвии формы, которая известна в очень фрагментарно сохранившемся декрете в честь боспорского царя Котия I (см. табл. X, 9). Другой признак — упоминающиеся в этих надписях имена. В надписях этой группы из имен, включающих помен или ргаепопен и помен римских императоров, встречается только ргаепопен и помен императора Веспасиана. В двух надписях, близких данной группе, но с некоторыми элементами в шрифте, выделяющими их из основной группы как, несомненно, позднейшие⁶⁴, содержится и родовое, и личное имя императора Траяна. Итак, есть основание считать, что группа, продолжающая и развивающая традиции письма надписи IOSPE, I², № 181, датируется I и первой половиной II в. н. э. Для более точной датировки отдельных памятников приходится учитывать все доступные признаки: и обстоятельства находки, и тип, и характер надписи в целом.

В завершение характеристики ольвийских надписей II в. н. э. нам остается сказать несколько слов еще об одной группе, обильно представленной на Боспоре и довольно слабо в Ольвии. Эта группа особенно хорошо известна в Горгиипии (один из наиболее знаменитых экземпляров — горгиипийский фиас навклеров⁶⁵). Алфавит этой группы в Ольвии приведен на табл. X, 4; типичный образец показан на рис. 9. Большинство букв имеет в общем довольно обычные формы; исключением является *omega*, состоящая из дуги с загнутыми внутрь концами, под которой на уровне нижней линии строки — две короткие черточки, не соединенные с дугой. На Боспоре этот стиль известен по датированным надписям начиная со 140 г. н. э.; затем он продолжает применяться до конца II в. н. э., заходя, возможно, и в начало III в. н. э. Интересно, что и в других местно-

⁶⁴ Признаки, говорящие о принадлежности некоторых надписей к числу наиболее поздних, состоят, кроме уже упоминавшейся тенденции к сокращению орнаментальных деталей, иногда к полному отказу от них, также и в том, что у букв, у которых линии сходятся под углом, соприкасающиеся линии присоединяются не к концам, а, отступая от них, ближе к середине линии (*сигма*, *эпсилон* и др.).

⁶⁵ В. В. Л а т ы ш е в. Неизданные горгиипийские надписи. — ИАК, вып. 37, 1910, стр. 38 сл., № 2, табл. II.

стях *omega* описанной формы начинает встречаться еще в первой половине II в. н. э.: очевидно, II, самое позднее — началом III в. н. э. должны быть датированы и ольвийские надписи с подобным шрифтом. Надписи, воспроизведенные в настоящей работе, относятся к концу II в. н. э. (не ранее), если основываться на некоторых именах стратегов, идентичных именам в других, бесспорно поздних надписях.

Мы дошли в нашем обзоре до времени, хорошо представленного в Ольвии датированными надписями. Итак, вспомним, что в конце II—начале III в. н. э. в надписях Ольвии четко прослеживаются следующие направления в развитии шрифта: угловатый шрифт, вполне выраженный и отличающийся от шрифта Боспора того же времени наличием поперечных черточек — пока еще очень коротеньких, менее бросающихся в глаза, чем это будет позднее; шрифт, который мы сочли возможным определить как ольвийский вариант архаизирующего стиля; наконец, шрифт смешанный, в котором угловатые буквы (*omega*) сочетаются с буквами округлой формы (*омикрон*, *тэта*). Позднее, в III в. н. э. (время Александра Севера), начинается следующий этап развития угловатого стиля — с обилием более длинных, более заметных черточек, примыкающих ко всем углам. И здесь заметно некоторое хронологическое отличие от Боспора: на Боспоре сходные детали имеет только одна надпись, относящаяся уже ко второй половине III в. н. э.

Параллельно с угловатым шрифтом, снабженным упомянутыми деталями, в Ольвии применялось и более простое угловатое письмо — без черточек, прилегающих к углам. По форме букв, по обилию лигатур и эти надписи принадлежат III, самое раннее — последним десятилетиям II в. н. э. Образец надписи с таким письмом показан на рис. 10.

Остается сказать несколько слов о специфических особенностях палеографии Ольвии, выясняющихся при изучении небольшого количества надписей, снабженных определенной датой, и надписей, приблизительная датировка которых дана на основании иных признаков. Мы видим, что специфические особенности ольвийского лапидарного письма проявляются главным образом в эллинистическую эпоху. Именно к этому времени относится группа ольвийских надписей, выполненных курсивным шрифтом. Насколько можно судить по имеющемуся в нашем распоряжении материалу, группа эта распространена в основном во II в. до н. э., позднее же исчезает; в первых веках нашей эры курсивные формы применяются редко и лишь как включение отдельных курсивных букв в некурсивный шрифт. В указанном явлении заключается резкое отличие от надписей Боспора, крайне редко употребляющих курсивный шрифт в период до нашей эры и гораздо чаще — в первые века нашей эры. Далее, отдельные надписи выполнены своеобразным шрифтом, не встречающимся повторовений вне Ольвии; мы видели образец такого своеобразного шрифта в декрете

Рис. 10. Фрагмент надписи конца II—начала III в. н. э.

в честь Протогена. Начертание отдельных букв в этой надписи встречает аналогии вне Ольвии, но в целом шрифт декрета в честь Протогена остается пока единственным известным нам исключением. Есть и другие подобные, хотя, может быть, менее яркие примеры; они требуют еще специального исследования. И, наконец, отметим, что в ряде случаев шрифт ольвийских надписей, имея много сходного со шрифтом других областей по основному своему характеру, отличается своеобразными деталями; образцы подобного рода мы видели в поздних надписях — в угловатом шрифте III в. н. э.

Следует еще раз вспомнить о тех несомненных и близких аналогиях, которые известны в эпиграфике Западного Причерноморья. Это, конечно, не случайно. Вопрос об отношении Северного Причерноморья к Западному — одна из важнейших проблем, заслуживающих специального внимания.

Археологические исследования Ольвии продолжаются. Они могут, несомненно, дать новые материалы для внесения дополнений в наш, пока предварительный, обзор.

К. В. ГОЛЕНКО, Д. Г. КАПАНАДЗЕ

ЧЕТЫРЕ КЛАДА КОЛХИДОК

Монеты, за которыми в литературе закрепилось название колхидок, стали известны нумизматам еще в первой половине прошлого века. Но несмотря на то, что колхидки составляют самую многочисленную группу античных нумизматических памятников кавказского происхождения, они изучены очень слабо, хотя о них говорится во многих работах, принадлежащих перу разных исследователей¹. В этих работах установлен ареал колхидок, решен вопрос об их происхождении, а также изданы важнейшие разновидности монет четырех (?) номиналов, принадлежащих пяти или шести основным типам².

Слабая степень изученности колхидок при обилии материала легко объяснима. Подавляющее большинство этих монет принадлежит лишь одной разновидности триоболов с типами человеческой головы и головы быка. Анэпиграфность колхидок³, строгая принадлежность триоболов к одному типу и вместе с тем обилие среди них вариантов стилистического оформления и трактовки деталей изображений, резкое колебание веса и чистоты металла, свидетельствующее о большом объеме и продолжительности чекана этих монет⁴, затрудняют их изучение. К сказанному следует добавить, что за редчайшими исключениями⁵ находки [колхидок не

¹ См., например, Б. Кенне. Описание музея покойного кн. В. В. Кочубея, т. I. СПб., 1857, стр. 427 сл.; Е. А. Пахомов. Несколько слов о происхождении рисунка колхидок. Батум, 1911; С. И. Макалатия. Колхская дидрахма. — ВГМГ, т. VII, 1933 (на груз. яз.), стр. 193 сл.; Он же. О находке нового клада колхидских монет. — ВДИ, 1939, № 4, стр. 157 сл.; Он же. Находки колхидских монет нового типа. — ВГМГ, т. XIV, 1947 (на груз. яз.), стр. 425 сл.; А. Н. Зограф. Распространение находок античных монет на Кавказе. — ТОНГЭ, I, 1945, стр. 35 сл.; Д. Г. Капанадзе. Заметки по нумизматике древней Колхиды. — ВДИ, 1950, № 3, стр. 193 сл.; Он же. Грузинская нумизматика. М., 1955, стр. 31 сл.; D. M. Lang. Studies in the numismatic history of Georgia in Transcaucasia. — NNM, № 130, 1955, стр. 6 сл.; Он же. Notes on Caucasian numismatic. — NC, 1957, стр. 137 сл.; Д. Г. Капанадзе, К. В. Голенко. К вопросу о происхождении колхидок. — ВДИ, 1957, № 4, стр. 88 сл.; E. Pochitov. Poznámky a doplňky k nejstarším razbám Kolchidy. — Num. Listy, 1959, 3/4, стр. 65 сл.

² См., например, Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, табл. I, 1—9.

³ На редчайших триоболох (в собрании ГМГ они составляют около 1% от общего числа этих монет) встречаются греческие буквы (А, Е, О, П, Ф, чаще МО). В наших материалах есть только одна такая монета с буквой А (№ 760). К сожалению, в литературе смысл этих обозначений еще не нашел удовлетворительного объяснения.

⁴ А. Н. Зограф. Распространение находок античных монет. . . , стр. 35 сл.

⁵ Если не принимать во внимание нескольких находок колхидок в Восточной Грузии (см., например, Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик и областей Кавказа, вып. IV. Баку, 1949, № 994, 1000, 1002), которые явно тяготеют к основному ареалу этих монет, то таких исключений мы знаем лишь

выходят за пределы современной Западной Грузии (Абхазская АССР, бывшая Кутаисская обл., Аджарская АССР), и они почти не встречаются вместе с иными монетами.

Трудность исследования колхидок очевидна. Но между тем такие исследования необходимы, поскольку колхидки остаются самым многочисленным и в настоящее время важнейшим материальным памятником доэллинистической Колхиды, история которой, как известно, очень слабо освещена письменными источниками.

Целью настоящей статьи является издание четырех кладов колхидок, на материале которых будет предложена классификация и относительная хронология этих монет. По мнению авторов, данная работа должна составить необходимый этап в деле всестороннего изучения колхидок. Ряд других вопросов, например определение весовой системы или прототипов колхидок, затрагивать преждевременно, поскольку они связаны главным образом с изучением редких разновидностей этих монет, не представленных в наших кладах в достаточном количестве.

Выбор для издания именно Ахал-сопельского, Кобулетского (1952 г.), Дабла-гомского и Чометского кладов далеко не случаен. Эти клады имеют исключительный интерес, они включают в свой состав, помимо обычных колхидок-триоболов, другие монеты или вещи, поддающиеся относительно точной датировке.

Прежде чем обратиться к указанным кладам, целесообразно перечислить и иные немногие комплексные находки колхидок и других материалов, хронология которых достаточно определена.

1. В районе Сурами были найдены персидский сикл и несколько колхидок, о чем имеется неоднократно комментировавшееся упоминание у И. Бартоломея⁶.

2. При раскопках в Нимфее (Керченский полуостров) в слое, который издатель датирует второй половиной VI в. до н. э., были обнаружены две колхидки и фрагменты пифосов колхского происхождения⁷.

3. В сел. Лихети (Амбролаурский р-н) в погребении, вскрытом в 1953 г., была найдена колхидка. Это погребение, к сожалению, до сих пор не изданное, Г. Ф. Гобеджишвили датирует временем не позже, чем V в. до н. э.⁸

4. Помимо издаваемого здесь Дабла-гомского клада, при раскопках Б. А. Куфтина был обнаружен ряд колхидок в комплексах VI—V, V—IV, IV—III вв. до н. э. Не вдаваясь в подробности хронологии материалов Б. А. Куфтина, отметим лишь важный вывод этого исследователя, согласно которому «можно считать, что крайней верхней хронологической границей для нахождения колхидок в погребениях являлся III в. до н. э. С инвентарем II—I веков до н. э. колхидки встречены еще не были»⁹.

5. В одном из погребений могильника Гуад-иху (под Сухуми), раскопанного М. М. Трапшом, найдена колхидка. Инвентарь этого погребения датируется IV—первой половиной III в. до н. э.¹⁰

6. В 1948 г. на окраине г. Кобулет (Аджарская АССР) был случайно найден клад, из состава которого известны 102 синопские драхмы,

---

два: 1. Нимфей, Керченский полуостров (В. М. Скуднов а. Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее. — ВДИ, 1952, № 2, стр. 238 сл.); 2. Херсонес (Е. А. Пахомов. Монетные клады. . ., вып. III. Баку, 1940, № 977). Впрочем, во втором случае мы имеем дело с покушкой, но не находкой колхидки в Херсонесе.

⁶ J. Bartholomai. Lettres numismatiques et archéologiques relatives à la Transcaucasie. SPb., 1859, стр. 7.

⁷ В. М. Скуднов а. Находки колхидских монет. . ., стр. 238 сл.

⁸ Устное сообщение Г. Ф. Гобеджишвили.

⁹ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950, стр. 58.

¹⁰ М. М. Трапш. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг. — СА, XXIII, 1955, стр. 222.

Рис. 1. Бронзовый сосуд, в котором находились монеты Кобулетского клада

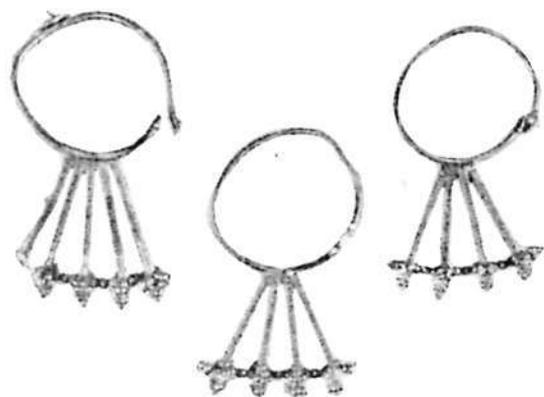
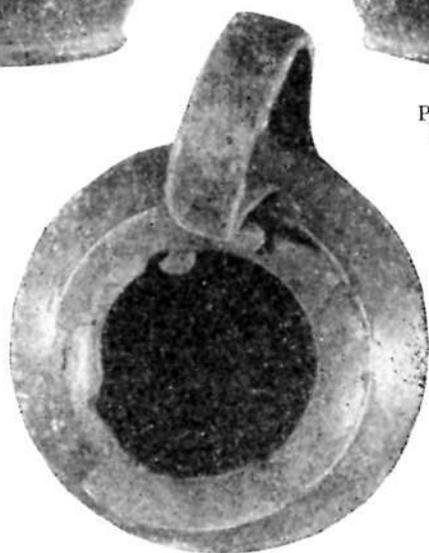

Рис. 2. Электровые серьги из Кобулетского клада

Рис. 3. Кизикин из Кобулетского клада

чеканенные в период от 363—360 до 350—345 гг. до н. э., и 58 колхидок¹¹. Эти колхидки, как мы увидим, принадлежали в большинстве своем заключительным хронологическим группам.

Таким образом, приведенные сведения предполагают сравнительно раннюю датировку наиболее обычных колхидок-триоболов. Подтверждением этому служат и материалы четырех издаваемых кладов, к краткой характеристике которых мы и переходим.

Клад из сел. Ахал-сопели (Зугдидский р-н) найден в 1933 г. По словам находчика, клад, заключенный в глиняный сосуд, состоял из пяти крупных и примерно 50 мелких колхидок. Из них три крупные монеты — дидрахмы двух типов: лежащий лев — коленопреклоненная женская фигура с бычьей головой; женская голова — две головы, повернутые друг к другу, во вдавленных прямоугольниках (№ 814, 817, 818)¹², сразу же были приобретены Кутаисским музеем, где они хранятся и сейчас. Некоторое время спустя, С. И. Макалатия приобрел у находчика из этого клада 40 триоболов обычной разновидности, две дидрахмы упомянутых типов (№ 815, 816) и три триоболов неизвестного ранее типа: голова льва — протомы львицы (№ 811—813). Все эти монеты С. И. Макалатия впоследствии передал Государственному музею Грузии; он опубликовал две статьи о монетах клада¹³, где основное внимание было уделено колхидкам редких разновидностей. Отметим, кстати, что Ахал-сопельский клад — единственный неразрозненный клад колхидок, содержащий колхидские дидрахмы¹⁴.

Полагая, что колхидки крупных номиналов и триоболы с изображением льва должны стать предметом специального исследования, отметим лишь, что нумизматы, касавшиеся в своих работах этих монет, справедливо рассматривают их как наиболее ранние среди колхидок. Если принять во внимание, что в сравнительно небольшом кладе из Ахал-сопели находилось пять очень редких дидрахм и три явно ранних триоболов с изображением льва, то становится очевидным принадлежность и остальных монет обычного типа первым выпускам.

Клад из г. Кобулет (Аджарская АССР) в 1952 г. выпаван на чайной плантации. Он был заключен в бронзовый сосуд (рис. 1) и состоял из 291 колхидки обычного типа, трех электровых серег (рис. 2) и кизикского статера (рис. 3, вес 16,14 г). Все эти материалы Н. В. Хоштария передала Государственному музею Грузии. К сожалению, аналогии кобулетскому сосуду мы указать не можем, его публикации как археологического памятника не существует, но, по мнению специалистов¹⁵, он должен быть датирован временем не позже, чем V в. до н. э. Что касается серег, то они принадлежат типу, широко известному в Западной Грузии и в западных районах Восточной Грузии, и археологи согласно датируют их очень ранним временем¹⁶. Недавно Н. В. Хоштария, публикуя материалы великолепного комплекса 1961 г. из сел. Вани, подробно остано-

¹¹ К. В. Голенко. Клад синопских и колхидских монет из Кобулет (1948 г.). — ВДИ, 1961, № 1, стр. 42 сл.

¹² Здесь и далее цифры, заключенные в скобки, означают номера монет по общему для всех кладов списку (см. Приложение 1). Нумерация монет в списке совпадает с нумерацией их в таблицах I—XVIII.

¹³ С. И. Макалатия. О находке нового клада колхидских монет; О н ж е. Находки колхидских монет нового типа.

¹⁴ Краткие упоминания о таких кладах см., например, А. Н. Зограф. Распространение находок античных монет. . . , стр. 56—59, № 35, 36; Е. Р о с h i t o н о в. Poznámky. . . , стр. 69.

¹⁵ А. А. Иессен, датируя сосуд V в. до н. э., считает возможным определять время его захоронения и IV в. до н. э., но другие исследователи — Р. М. Абрамишвили, Ю. Гагошидзе — склонны относить этот кувшин даже к VI в. до н. э., что соответствует месту, занимаемому сосудом в экспозиции ГМГ.

¹⁶ См., например, Р. М. А б р а м и ш в и л и. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных в самтаврских могильниках. — ВГМГ, т. XIX-A и XXI-B, 1957 (на груз. яз.), табл. I, 22.

лась на серьгах интересующей нас разновидности¹⁷. Она перечислила многие находки серег и показала, что эта разновидность, известная еще в эпоху поздней бронзы, продолжала существовать и в раннеантичное время, до VI—V вв. до н. э., но не позже.

Датировка кизикина достаточно определена. Следуя Г. Фритце¹⁸, нашу монету нужно относить к 550—475 гг. до н. э., а, принимая во внимание уточнения А. Болдуин-Бретт, учитывающей коррективы К. Реглинга¹⁹, — к 500—460 гг. до н. э.²⁰

Помня о широком обращении кизикинов, игравших в Причерноморье в предэллинистический период роль важного платежного средства, и о возможности сравнительно длительного бытования вещей, трудно все же предположить, что и сосуд, и серьги, и кизикин были присоединены к кладу колхидок позже V в. до н. э., в крайнем случае позже самого начала IV в. до н. э.

Клад из сел. Дабла-гоми (Ванский р-н) найден в 1929 г. при раскопках Б. А. Куфтина²¹. 110 колхидок клада были завернуты в льняную ткань, как можно об этом судить по фрагменту ткани на одной из монет²², и находились в серебряном сосуде. Весь комплекс хранится в Государственном музее Грузии.

Дабла-гомский клад в числе других раскопочных материалов суммарно издан Б. А. Куфтиным. В археологическом отношении этот клад составляет единое целое с памятниками, обнаруженными вместе с ним, которые Б. А. Куфтин относит к ахеменидской — раннеэллинистической эпохе. Издатель датирует клад в пределах VI—IV вв. до н. э.²³

Клад из сел. Чомети (Чохатаурский р-н) найден около 1928 г. Глиняный сосуд, в котором он находился, утрачен. Монеты, скипевшиеся в один комок, хранились в семье находчика и в таком виде были переданы в Государственный музей Грузии только в 1952 г. После расчистки выяснилось, что клад состоял из 380 колхидок и разломанного браслета из низкопробного серебра.

Несмотря на то, что клад попал в музей примерно четверть века спустя после его обнаружения, достоверность его состава вне сомнения. Гарантией может служить тот факт, что монеты и браслет, скипевшись, сохранили форму сосуда (рис. 4), и какие-либо изменения состава клада были практически невозможны.

Браслет из Чометского клада изготовлен из гладкого круглого в сечении прута низкопробного серебра, его концы оформлены в виде бараньих голов (рис. 5).

Н. В. Хоштария, комментируя находку подобного, но золотого браслета в сел. Вани, пишет, что браслеты такого типа известны с эпохи бронзы до V—IV вв. до н. э.²⁴, при этом она ссылается на О. Дальтона²⁵, использовавшего европейские и ассирийские материалы.

¹⁷ Н. В. Хоштария. Археологические раскопки в Вани. — Кавказско-ближневосточный сборник, т. II. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.), стр. 70 сл.

¹⁸ H. F r i t z e. Die Elektronprägung von Kizikos. — *Nomisma*, VII. Berlin, 1912, стр. 9, № 2, табл. IV, 7.

¹⁹ K. R e g l i n g. Der griechische Goldschatz von Prinkipo. — *ZfN*, XLI, 1931, стр. 1 сл.

²⁰ Agnes B a l d w i n B r e t t. Catalogue of the greek coins. — Museum of fine arts. Boston, 1955, стр. 185 сл.

²¹ Б. А. К у ф т и н. Материалы. . . , стр. 2; 112, сосуд воспроизведен на табл. А.

²² Там же, стр. 112, рис. 30. Эта монета, не подвергшаяся реставрации, не входит в число издаваемых.

²³ Н. В. Хоштария (Археологические раскопки в Вани, стр. 72 сл.) считает возможным сопоставлять дабл-гомский сосуд с аналогичными сосудами из находки 1961 г. в сел. Вани, причем эту группу памятников она, по-видимому, твердо датирует VI в. до н. э.

²⁴ Н. В. Хоштария. Археологические раскопки в Вани, стр. 72.

²⁵ O. M. D a l t o n. The Treasure of the Oxus. London, 1926, стр. 33 сл.

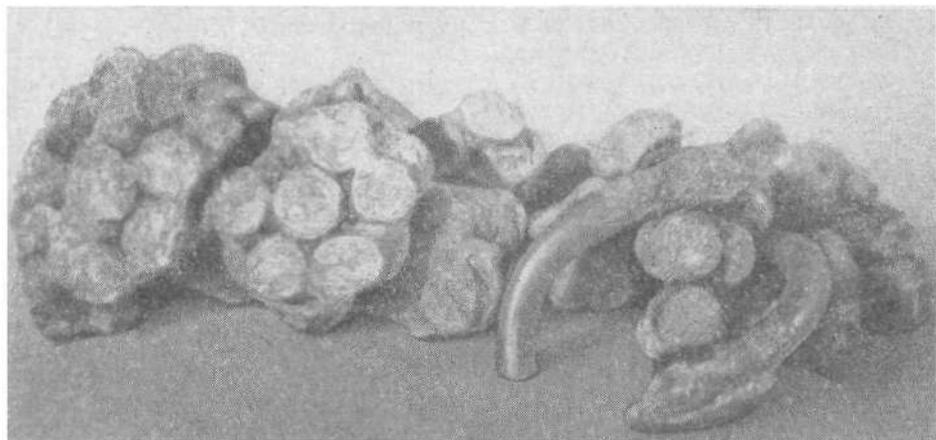

Рис. 4. Монеты и браслет из Чометского клада (до расчистки)

Таким образом, четыре клада, включающие в свой состав колхидки и материалы, поддающиеся датировке, содержат монеты и вещи VI—IV вв. до н. э., причем позднейшие из них принадлежат скорее началу или первой половине IV в. до н. э. Как мы видели, и другие комплексные находки подтверждают относительно раннюю дату колхидок-триоболов обычного типа.

Помимо находок, это наблюдение косвенно доказывает и следующий факт. У некоторых мелких колхидок явно раннего чекана все особенности трактовки изображений лицевой стороны (см., например, № 1—10) находят себе исчерпывающую аналогию в трактовке типов дидрахов с изображением голов (см., например, № 816—818). Это обстоятельство, на наш взгляд, не оставляет сомнения в безусловной одновременности изготовления монет обоих видов. Кстати, в отличие от других разновидностей колхидок только у обычных триоболов и дидрахов указанного типа изображение на лицевой стороне охвачено линейным ободком совершенно одинакового характера. Общепризнано, что дидраховы принадлежат к наиболее ранним выпускам колхидок, но среди них дидраховы с изображением голов — позднейшие. Эти монеты А. Н. Зограф относил суммарно к V в. до н. э.

Из сказанного следует, что датировка колхидок-триоболов IV—II вв. до н. э., впервые предложенная Е. А. Пахомовым²⁶ и поддержанная А. Н. Зографом²⁷, основанная на соображениях общего порядка, нуждается в существенных уточнениях. Хронология колхидок А. Н. Зографа, ставшая уже традиционной, признана не всеми. Так, например, еще Б. Хэд относил интересующие нас монеты к периоду после 400 г. до н. э.²⁸, но С. Гросе при издании собрания Мак-Клина не согласился с Б. Хэдом и, исходя из архаического стиля колхидок, предложил датировать эти монеты 500—470 гг. до н. э.²⁹ Как мы видели, при публикации материалов раскопок Дабла-гоми и Нимфея Б. А. Куфтин и В. М. Скуднова оперировали иными хронологическими категориями, нежели

²⁶ Е. А. Пахомов. Монеты Грузии. Ч. I. Домонгольский период. — ЗНОРАО т. I, вып. IV. М., 1910, стр. 7.

²⁷ А. Н. Зограф. Распространение находок античных монет. . . , стр. 37 сл.

²⁸ B. V. Head. *Historia numorum*. Oxford, 1911, стр. 495.

²⁹ S. W. Grose. *Fitzwilliam museum. Catalogue of the McClean collection of greek coins*, III. Cambridge, 1929, стр. 2.

А. Н. Зограф. Авторы настоящей работы также были склонны принять более раннюю дату чекана колхидок³⁰.

Резюмируя все сказанное, можно считать бесспорным, что начало выпуска колхидок-триоболов относится еще к V в. до н. э., вероятно, к началу или первой его половине, судя по материалам из Ахал-сопели, Кобулети (1952 г.), Нимфея и Даблагоми. Иными словами, имеют все основания принять датировку С. Гросе. Но, поскольку, кроме кизикина из Кобулети, упомянутые клады не содержат точно датированных предметов, более осторожно было бы говорить о

Рис. 5. Браслет из Чометского клада

середине V в. до н. э. Дату начала чекана колхидок-триоболов будет возможно уточнить только после детального сопоставления ранних серий этих монет и колхидок-дидрахов на основе всестороннего исследования последних, выходящего за рамки настоящей статьи.

Кобулетский клад 1948 г.³¹, помимо синопских драхм, хорошо датированных 360—345 гг. до н. э., содержал и колхидки обычного типа. Классификация не оставляет сомнения в принадлежности подавляющего большинства их к позднему выпуску, хотя среди них, как мы увидим, и отсутствуют монеты заключительной группы. Исходя из даты синопских драхм, которые были зарыты вместе с колхидками вскоре после их выпуска, нужно думать, что прекращение чекана колхидок отделено от этого момента не более чем одним-двумя десятилетиями,³² т. е. относится к периоду до 325 г. до н. э. Это предположение разрешает связать прекращение серебряного чекана в Колхиде с широким распространением там статеров александровского типа³².

* * *

Обычные колхидки-триоболы строго однотипны: на них не встречаются, если не считать редчайших обозначений греческих букв, добавочные изображения, не прослеживается отчетливо эволюция технических признаков чекана, вес их очень пестр, и резкие его колебания могут быть отмечены даже для экземпляров, битых общими штемпелями. Иными словами, отдельные категории колхидок не обладают какими-либо бросающимися в глаза, строго определенными, присущими только им признаками. Поскольку эти монеты очень многочисленны и чеканились на протяжении длительного отрезка времени, их хронологическая классификация встречается с большими трудностями и в ряде случаев не может быть безусловно точной.

³⁰ Д. Г. Капанадзе, К. В. Голенко. К вопросу о происхождении колхидок, стр. 88 сл.

³¹ К. В. Голенко. Клад синопских и колхидских монет. . . , стр. 51 сл.

³² Это положение сможет считаться доказанным только в случае установления факта проникновения в Колхиду ранних золотых монет Александра. К сожалению, количество монет такого рода из находок невелико, и монеты эти не подверглись еще специальному исследованию.

Все исследователи колхидок, неизменно отмечая единство типа этих монет, подчеркивают неоднородность их оформления. Стилистическое разнообразие колхидок-триоболов поразительно: легко проследить переходы от деталей изображений, тщательно выполненных, с тонкой моделировкой, к упрощенным, очень грубым, переданным в нарочито небрежной манере. Несомненно, резчики штемпелей были мастерами высокой квалификации, и отход или приближение в оформлении монет тех или иных групп к образцам, которые можно охарактеризовать как произведения греческого искусства, нельзя объяснять деградацией первоначального типа, отвечавшего высоким художественным требованиям. Хронологическая классификация колхидок далеко не всегда совпадает со стилистической эволюцией их типа. Эволюцию, вероятно, обуславливали самые различные обстоятельства: интенсивность чекана, творческая манера отдельных выдающихся мастеров, которой следовали другие, спешка при изготовлении монет, влияние местных или греческих традиций и т. д. Нам кажется, что постановка любого из этих вопросов в настоящий момент не может быть оправдана.

При изучении достаточно большого числа колхидок, сравнительно легко разбить их на ряд взаимосвязанных стилистических групп. Стилистические особенности, различия или общность монет разных групп часто почти неуловимы, они не всегда поддаются точной характеристике и нередко повторяются. В дальнейшем изложении мы сведем к необходимому минимуму стилистический анализ изображений на монетах, потому что расширение его неизбежно привело бы к субъективным характеристикам, ненужным частным наблюдениям, неизбежным повторениям и т. д.

Формальные особенности публикуемых здесь монет позволяют разбить их на 12 групп (А—М), независимо от принадлежности монет тому или иному кладу. Полагая, что каждая из этих групп представляет единый в хронологическом отношении выпуск колхидок, мы рассматриваем публикуемые монеты как принадлежащие 12 разновременным группам.

Каждый из кладов является очень крупным монетным комплексом, что исключает случайное отсутствие монет тех или иных групп³³. Следует иметь в виду одно положение общего порядка: наличие в двух или более кладах монет одних и тех же групп указывает на одновременность зарытия кладов. И, наоборот, несовпадение числа монетных групп предполагает разновременность кладов, при этом очевидно, что клад, содержащий наименьшее число монетных групп, зарыт ранее остальных. Отсюда намечается путь к относительной датировке выделенных групп колхидок. Несколько забегаая вперед, мы приводим табл. 1, в которой показано распределение монет кладов по группам (включены и материалы Кобулетского клада 1948 г.).

Приведенные в табл. 1 данные свидетельствуют, что позже всех был зарыт Чометский клад (он содержит монеты всех 12 групп); несколько ранее — Кобулетский 1948 г. (из позднего чекана в нем отсутствуют только колхидки группы М); Дабла-гомский старше этих двух кладов (в нем нет монет групп К—М); Кобулетский клад 1952 г. зарыт еще раньше (заключительной для него группой являются колхидки группы З) и, наконец, Ахал-сопельский клад — самый ранний (он содержит чекан только двух групп — А и Б). Таким образом, мы получаем относительную датировку для самых ранних (А, Б) и поздних (И—М) групп колхидок.

³³ Кобулетский клад 1948 г. (К. В. Г о л е н к о. Клад синопских и колхидских монет. . .) составляет в данном случае исключение. Отсутствие в нем колхидок групп А и Б следует объяснять как немногочисленностью в кладе колхидок вообще (58 экз.), так и тем, что он не был кладом длительного накопления. Кроме того, нужно иметь в виду наличие в кладе монет, которые из-за плохой сохранности нельзя с уверенностью отнести к определенной группе.

Таблица 1

Группы	Ахал-сопели	Кобулетн 1952 г.	Дабла-гоми	Кобулетн 1948 г.	Чомети	Группы	Ахал-сопели	Кобулетн 1952 г.	Дабла-гоми	Кобулетн 1948 г.	Чомети
А	+	+	+	—*	+	Ж	—	+	+	+	+
Б	+	+	+	—	+	З	—	+	+	+	+
В	—	+	+	+	+	И	—	—	+	+	+
Г	—	+	+	+	+	К	—	—	—	+	+
Д	—	+	+	+	+	Л	—	—	—	+	+
Е	—	+	+	+	+	М	—	—	—	—	+

* Знак + означает наличие, знак — — отсутствие в кладе монет соответствующей группы.

Выявить наиболее раннюю разновидность колхидок можно и другим путем. К ней, безусловно, принадлежат монеты (№ 1—12), на лицевой стороне которых помещена голова, по стилю и по трактовке деталей совершенно идентичная головам на обеих сторонах колхидок-дидрахм (№ 816—818), а ранний характер чекана последних очевиден. Но это сходство позволяет выделить из общей массы триоболов лишь ничтожную часть. Не исключены и другие, более продуктивные пути изучения колхидок в этом направлении. Одним из обязательных элементов типа триоболов служит ободок, охватывающий изображения на обеих сторонах монеты. Но если на реверсе этот ободок всегда линейный, то на лицевой стороне он может быть или линейным или точечным. Ниже мы приводим табл. 2, из которой видно распределение по этому признаку монет в публикуемых кладах, а также еще в трех кладах из собрания Государственного музея Грузии.

Таблица 2

Место находки клада	Инв. № ГМГ	Количество монет клада	Ободок ав.		
			линейный	точечный	неясно
Ахал-сопели	4808—4851	40	$\frac{39^*}{97,50}$	—	$\frac{1}{2,50}$
Кобулетн 1952 г.	8709—8999	291	$\frac{98}{33,67}$	$\frac{193}{66,33}$	—
Дабла-гоми	6238—6346	109	$\frac{26}{23,87}$	$\frac{82}{75,21}$	$\frac{1}{0,92}$
Цулукидзе	1409—1608	200	$\frac{46}{23,00}$	$\frac{148}{74,00}$	$\frac{6}{3,00}$
Лечхуми	6355—6664	310	$\frac{53}{17,50}$	$\frac{242}{78,00}$	$\frac{15}{4,50}$
Чомети	7870—8249	380	$\frac{57}{14,99}$	$\frac{315}{82,91}$	$\frac{8}{2,10}$
Кобулетн 1948 г.	6349—6354, 7097—7117	25	$\frac{3}{12,00}$	$\frac{21}{84,00}$	$\frac{1}{4,00}$
Итого		1355	$\frac{322}{23,76}$	$\frac{1001}{73,86}$	$\frac{32}{2,39}$

* Здесь и далее цифра в числителе означает число монет, в знаменателе — их процентное отношение к общему количеству монет в данном кладе.

Во всех кладах, кроме Ахал-сопельского, монеты с точечным ободком явно преобладают. Процент колхидок с линейным ободком на лицевой стороне невелик — он колеблется от 33 до 12. Отметим, что наибольшее число монет этого рода приходится на древнейшие клады (Ахал-сопели, Кобулет 1952 г.), наименьшее — на Човетский и Кобулетский 1948 г. клады. Если добавить, что линейный ободок обязателен и для лицевых сторон упоминавшихся дидрахм, то становится несомненной принадлежность колхидок-триболов с линейным ободком на обеих сторонах первым выпускам.

Приведенные наблюдения и очевидность того, что Ахал-сопельский клад, состоящий исключительно из монет групп А и Б, наиболее ранний (поскольку он содержит не только обычные триболы, но и архаические виды колхидок), свидетельствуют о правильном отнесении монет групп А и Б к начальным эмиссиям колхидок. С другой стороны, относительно поздняя датировка синопских монет Кобулетского клада 1948 г. заставляет думать, что основная часть колхидок, входящих в этот клад, принадлежит позднейшим выпускам.

Если относительная датировка групп А, Б, И—М получает, таким образом, твердую основу, то классификация наиболее многочисленных монет групп В—З более условна. Вероятная последовательность групп В—З намечается благодаря стилистическому анализу колхидок и наблюдениям над косвенными данными, например над весом и процентным соотношением монет одинаковых групп в разных кладах. Ниже мы рассмотрим все эти возможные аспекты исследования колхидок.

* * *

Из публикуемых колхидок выделено более 200 с линейным ободком на аверсе. Они распадаются на две большие группы, монеты которых, несмотря на известную общность, отличаются достаточно устойчивые внешние признаки.

К первой группе (А) мы относим 96 экз. (№ 1—96), что составляет примерно 12% от общего числа публикуемых монет. Хотя можно отметить некоторое разнообразие внешнего оформления этих монет, следует подчеркнуть единство их явно архаического стиля. Это единство выражается прежде всего степенью близости к монетам (№ 1—12), связанным общностью трактовки деталей с колхидками-дидрахмами упоминавшегося типа. Монеты группы А присутствуют во всех четырех издаваемых кладах, но место, занимаемое ими внутри каждого из кладов, далеко не одинаково. В Ахал-сопельском кладе они решительно преобладают (82,50%), но в других их очень немного — от 12,37 до 4,47%.

С л е д у ю щ а я г р у п п а (Б), для монет которой обязателен линейный ободок на обеих сторонах, в наших материалах представлена 122 экз. (№ 97—219). По-существу она распадается на две основные подгруппы, но граница между ними не может быть точно указана. Изображение на лицевой стороне первой из них (примерно № 97—131) находит много аналогий среди монет группы А, резкого перехода от которых к группе Б не существует. Оформление женской головы на колхидках более поздней подгруппы (примерно № 132—219) уже иное: оно отличается строгим стилистическим единством. Общность всех монет группы Б обнаруживается благодаря оригинальной трактовке типа оборотной стороны. В частности, можно отметить, что бык на этих монетах всегда «горбоносый», его морда почти всегда передана одной выгнутой непрерывающейся линией, продолжение которой часто образует ноздрю и лоб животного (например, № 98—104, 163—174).

Монеты группы Б входят в состав всех четырех кладов. Однако в Ахал-сопельском кладе их только шесть (15%), в то время как в других кладах количество колхидок этой группы значительно больше.

К третьей группе (В) мы относим 69 колхидок (№ 220—288). Большинство особенностей в трактовке деталей типа монет этой и предыдущей группы совпадает. Но, несомненно, монеты группы В чеканились позже. Дело в том, что для них уже характерен точечный ободок на аверсе, хотя исключения еще есть (например, № 221, 229, 232, 233, 237, 238). Кроме того, колхидки третьей группы обладают одним, присущим только им признаком — очень свободной, нарочито небрежной, «варварской» манерой передачи изображений. Встречается и необычная трактовка отдельных деталей типа (например, № 261, 263, 264 — передача шерсти быка; № 225, 228, 231—239 — серьга или, возможно, укрупненная мочка уха³⁴ на лицевой стороне). В большинстве случаев изображения на одной (например, № 220—224, 282—284) или обеих (например, № 234—245) сторонах монет даны очень крупным планом.

Колхидки группы В, как и более поздние, уже не представлены в Ахалсопельском кладе; в процентном отношении (как и групп А, Б) их более всего в Кобулетском и Дабла-гомском кладах.

Монеты, отнесенные нами к последним выпускам группы В (например, № 276—288), по манере трактовки изображений на лицевой и отчасти на оборотной сторонах находят ряд аналогий (например, № 289—296) среди колхидок, которые никак не могут быть причислены к группе В. Последние дают пример быстрого отхода от прежних типологических норм к новому стилистическому варианту, характерному для монет группы Г — самой многочисленной среди колхидок-триоболов (№ 289—530). Различие между монетами групп В и Г состоит прежде всего в том, что в числе последних не встречаются экземпляры с преувеличенно крупными изображениями и небрежным их исполнением, хотя монетам группы Г уже не свойственно тщательное, высокохудожественное оформление штемпелей, как у колхидок первых двух групп.

Для монет группы Г, а также для некоторых других, более поздних, характерен ряд устойчивых особенностей изображений — например, графически четко переданный профиль лица человека с резко очерченным подбородком и линией лба, сливающейся с линией носа, короткая морда быка с округлым выступающим лбом и вытянутым, часто заостренным кончиком носа.

В наших материалах группа Г представлена наибольшим числом монет (242 экз.). В процентном отношении их в Кобулетском кладе меньше (27,49%), чем в двух других (Дабла-гоми — 40%; Чомети — 31,32%).

Следующая, пятая группа (Д) включает в себя 70 монет (№ 531—600). Наиболее характерной их чертой является уплощенное изображение головы человека, часто посаженной на очень короткую шею, — особенность, свойственная в известной мере и некоторым колхидкам группы Г (например, № 513—526). Можно отметить значительное уменьшение изображений на обеих сторонах монеты и мелочную тщательную моделировку деталей.

В процентном отношении распределение колхидок группы Д по кладам примерно такое же, как и монет предыдущей группы: их больше всего в Дабла-гомском кладе (13,77%) и меньше всего в Кобулетском (6,19%).

Шестая группа (Е) представлена 84 монетами (№ 601—684). Большинство из них выполнено в той же манере, что и колхидки группы Д, но с некоторыми новыми чертами: голова на аверсе чаще всего дана крупным планом и посажена на высокую шею. Что касается изображения быка на реверсе, то и здесь можно отметить ряд иконографических особенностей, присущих только монетам данной группы: так, обрез шеи быка

³⁴ Эта особенность трактовки нередко встречается и на монетах более поздних групп.

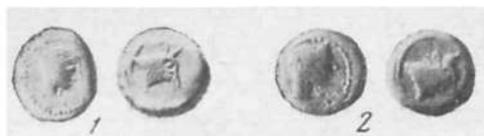

Рис. 6. Две колхидки из частных собраний (1, 2)

часто обозначен очень крупными точками (например, № 617, 622, 673, 681).

Остальные, сравнительно немногочисленные колхидки (№ 685—810), безусловно, представляют собой компактную в хронологическом отношении группу монет.

Почти все они отличаются единой манерой передачи головы человека; оформление лицевой стороны выполнено художественно, но излишне тщательно и мелочно. Немногие исключения (например, № 733—742) не меняют этого общего впечатления. Среди реверсных изображений иконографических вариантов больше, но и они не нарушают стилистического единства всех этих монет.

Однако по формальным признакам, достаточно устойчивым и определенным, колхидки № 685—810 могут быть разбиты на ряд очень мелких самостоятельных групп. Сжатые, краткие характеристики их мы приводим ниже.

Г р у п п а Ж. К ней следует отнести 36 монет (№ 685—720), которые представлены в трех кладах. Основной особенностью миниатюрных, очень тщательно выполненных изображений является трактовка волос женской головы. В отличие от других монет (кроме нескольких экземпляров группы А), где они трактованы прямыми ниспадающими прядями, на колхидках группы Ж волосы изображены в виде слегка изгибающихся, свободно лежащих на шее локонов (одного или нескольких).

Г р у п п а З содержит только 10 монет (№ 721—730), они также отмечены во всех трех кладах. Их отличает от колхидок предыдущей группы лишь обычная трактовка волос прямыми параллельными линиями.

Г р у п п а И. 12 монет этой группы (№ 731—742) представлены лишь в Дабла-гомском и Човетском кладах, в Кубулетском их нет. Единство колхидок группы И обнаруживается прежде всего в необычной манере изображения быка на аверсе, которой свойственна нарочито грубая стилизация.

Г р у п п а К. Одна из самых многочисленных групп позднейших колхидок (№ 743—773) представлена только в материалах Човетского клада. Стилистическая общность колхидок этой группы очевидна: существует одна обязательная для них внешняя особенность — передняя часть шеи женской головы передана не прямой линией, как обычно, а двумя точками. Одна из колхидок этой группы (№ 760) представляет единственную среди публикуемых монету с буквой — *альфой* — на оборотной стороне.

Г р у п п а Л. Монеты этой переходной группы представлены только 10 экз. в Човетском кладе (№ 774—783). Они сочетают в себе стилистические черты колхидок группы К (например, № 772—774, 778) и позднейшей группы М (например, № 780—783 и № 784—785).

Г р у п п а М. Особенность монет заключительной группы М (Човетский клад, № 784—810) состоит в том, что за головой на лицевой стороне всегда помещена точка, а вдоль шеи в большинстве случаев изображен локон, обязательно один и притом трактованный несколькими соединенными между собой вогнутыми линиями.

Относительная хронология большинства из групп Ж—М определяется достаточно точно путем анализа состава кладов. Но необходимо решить, правильно ли установлена последовательность групп Ж, З и К, Л. К сожалению, в первом случае мы не можем привести достаточно объективных наблюдений в пользу правильности нашего мнения. Но во втором случае стилистический анализ, по-видимому, не оставляет других путей

решения вопроса. Следует помнить, что группы З, И, Л, строго говоря, являлись переходными — монеты, относящиеся к ним, чеканились в ничтожном количестве, практически одновременно с колхидками смежных групп. На эту мысль наталкивают две колхидки из частных собраний (рис. 6, 1, 2 — вес 2,10 г и 1,91 г); две точки, трактуемые шею на лицевой стороне этих монет, говорят о принадлежности их к группе К, но отчетливо различимые локоны на одной из них (рис. 6, 1) типичны для колхидок группы Ж, а на другой (рис. 6, 2) — для колхидок группы М.

Как мы видели, стилистические признаки, характеризующие монеты отдельных групп, не всегда достаточно определены и четки для того, чтобы на них строить прочную классификацию колхидок-триоболов и, тем более, хронологическую классификацию. Но значительный по объему материал, который здесь представлен, позволяет проверить и в общей форме подтвердить правильность распределения монет по группам при помощи методов, отодвигающих на второй план анализ стиля изображений.

Прежде всего, вопреки мнению некоторых исследователей, полагавших, что среди колхидок практически не встречаются экземпляры, битые общими штемпелями, таких монет в числе издаваемых достаточно много. Особенно показательным, что общие штемпели связывают монеты разных кладов. Наглядное представление о количестве штемпелей, которые участвовали в изготовлении публикуемых монет, дает табл. 3.

Таблица 3

Группы	Число монет в группе	Число штемпелей ав.	Число штемпелей гев.	Число монет, связанных общими штемпелями	Число монет, не связанных общими штемпелями
А	96	76	84	43	53
Б	122	93	112	56	66
В	69	46	48	54	15
Г	242	150	178	175	67
Д	70	34	49	60	10
Е	84	47	61	63	21
Ж	36	21	24	26	10
З	10	9	10	2	8
И	12	7	10	10	2
К	31	27	29	10	21
Л	10	7	7	7	3
М	27	21	25	11	17

Из табл. 3 видно, что, если не принимать во внимание мелкие группы (З, И, Л), число монет, не нашедших общих штемпелей, сравнительно невелико — оно колеблется в пределах 29—21%. Исключение в этом смысле составляют первые и заключительные группы (А, Б, К, М), где колхидок такого рода более половины (соответственно 55, 54, 68, 59%). Это явление, по-видимому, не случайно. Для монет групп А и Б его можно объяснить, вероятно, тем, что они к моменту зарытия кладов (кроме Ахал-сопельского)³⁵ в большинстве своем уже вышли из обращения. Объяснение этой особенности для групп К, М, видимо, нужно искать в том, что при формировании кладов всегда отдавали предпочтение старым монетам, если они были высокого качества, а с колхидками дело обстояло именно так.

³⁵ В этой связи небезынтересно отметить, что из 53 монет группы А, не связанных общими штемпелями (всего 96 экз.), только 9 происходят из Ахал-сопельского клада, зарытого в момент чекана группы Б.

Несмотря на все сказанное, анализ штемпелей в сочетании с классификацией монет по стилю, на наш взгляд, достаточно надежен для определения границ тех или иных групп колхидок. Но нельзя абсолютно исключить возможность того, что дальнейшие исследования приведут к выделению новых групп, к перестановкам внутри групп или выявят ошибки в определении отдельных экземпляров или серий монет.

Приводим табл. 4, показывающую количественное распределение монет издаваемых кладов по группам.

Таблица 4

Группы	Распределение монет по группам внутри кладов				Всего в группе
	Ахал-сопели	Кобулетн	Дабла-гоми	Чомети	
А	33 <u>82,50</u>	36 <u>12,37</u>	10 <u>9,18</u>	17 <u>4,47</u>	96
Б	6 <u>15,00</u>	62 <u>21,31</u>	15 <u>13,76</u>	40 <u>10,52</u>	123
В	—	41 <u>14,05</u>	10 <u>9,18</u>	18 <u>4,73</u>	69
Г	—	80 <u>27,50</u>	43 <u>39,43</u>	119 <u>31,30</u>	242
Д	—	18 <u>6,19</u>	15 <u>13,76</u>	37 <u>9,74</u>	70
Е	—	34 <u>11,68</u>	8 <u>7,34</u>	42 <u>11,05</u>	84
Ж	—	19 <u>6,55</u>	3 <u>2,75</u>	14 <u>3,68</u>	36
З	—	1 <u>0,35</u>	3 <u>2,75</u>	6 <u>1,59</u>	10
И	—	—	1 <u>0,92</u>	11 <u>2,89</u>	12
К	—	—	—	31 <u>8,16</u>	31
Л	—	—	—	10 <u>2,63</u>	10
М	—	—	—	27 <u>7,10</u>	27
Неопределенные	1 <u>2,50</u>	—	1 <u>0,92</u>	8 <u>2,10</u>	10
Итого...	40	291	109	380	820

Поскольку клады содержат далеко не одинаковое количество монет, то, естественно, не имеет смысла сопоставлять абсолютное число колхидок, входящих в их состав. Но весьма интересные наблюдения можно сделать при сравнении отношений, выраженных в процентах. Так, можно констатировать, что колхидки групп А—В в пропорциональном отношении более многочисленны в Кобулетском кладе³⁶, за ним следует Дабла-

³⁶ В данном случае Ахал-сопельский клад, представленный исключительно монетами групп А, Б, во внимание не принимается.

гомский и, наконец, Човетский. Иными словами, чем древнее клад, тем больше в нем ранних монет. Другую картину дает анализ групп Г—Ж, которые представлены в трех отмеченных кладах. В Кобулетском кладе преобладают лишь монеты заключительных для него групп Е, Ж, в то время как чекан групп Г и Д в нем представлен в меньшем объеме, чем в кладах из Човети и Дабла-гоми. Монеты групп А и Д решительно преобладают в Дабла-гомском кладе, группы Е, Ж более многочисленны в Човетском. Положение: «чем древнее клад, тем больше в нем ранних монет», — в данном случае может быть расширено. На примере обоих кладов видно, что колхидок первых выпусков в них немного, преобладают средние группы, которые и составляют ядро клада, причем оно состоит из монет не однородных для всех кладов; в хронологическом отношении состав этого ядра находится в прямой зависимости от времени зарытия клада (Кобулет — Б, В; Дабла-гоми — Г, Д). Такое положение естественно для монет, испытывающих деградацию веса или качества металла³⁷, когда при формировании клада выбиралась из обращения ранняя высококачественная монета.

Важнейший элемент монеты — ее вес — применительно к колхидкам совершенно не изучен. Исследователи, касавшиеся этого вопроса, не шли дальше констатации неустойчивости веса колхидок-триоболов и крайней его пестроты. Обоснованных попыток определить весовую систему, применявшуюся при чекане колхидок, не предпринимали. Несмотря на большой объем публикуемого материала, авторы сознательно отказываются от такой попытки и в данной работе, будучи убеждены, что решение этой проблемы лежит в сфере изучения крупных номиналов — наиболее ранних монет такого рода. Устойчивый вес их должен быть ближе всего эталону, принятому при чекане колхидок. Изолированное исследование веса колхидок-триоболов, который был очень неустойчив и, как мы увидим, претерпевал эволюцию, не может иметь решающее значение.

Но все же значительное число публикуемых монет позволяет дать подробную характеристику веса триоболов. В Приложении 2 помещены графики весов монет отдельных групп. Эти материалы позволяют вывести средний вес монет по методу «весовой шкалы». Чтобы не утомлять читателя подробными анализами метрологических данных колхидок каждой отдельной группы, приводим сводную табл. 5, в которой собраны сведения о весе монет Ахал-сопельского, Дабла-гомского, Човетского и отдельно Кобулетского кладов.

Прежде чем перейти к общей характеристике метрологических данных публикуемых монет, следует остановиться на одном очень важном и интересном моменте. Несмотря на то, что монеты Кобулетского клада внешне ничем не отличаются от колхидок трех остальных кладов (в частности, монеты всех кладов взаимосвязаны общими штемпелями), вес колхидок Кобулетского клада очень высок. Так, например, решительно во всех группах предельный вес монет выше в материалах Кобулетского клада. В то же время там меньше маловесных экземпляров, вес которых все же гораздо выше, чем маловесных колхидок других кладов. Разница средних весов монет каждой группы Кобулетского и трех остальных кладов весьма значительна. Она составляет в группах: А — 0,28 г; Б — 0,21 г; В — 0,15 г; Г — 0,22 г; Д — 0,28 г; Е — 0,22 г; Ж — 0,17 г. Средний вес монет Кобулетского клада для каждой группы ниже наибольшего веса монет других кладов примерно только на 0,10 г. Практически средний вес монет из Кобулетского — это средний вес наиболее полновесных колхидок. Эта четкая и последовательная особенность монет Кобулетского клада не может быть объяснена только тем, что он был

³⁷ До массового опробования металла триоболов эту важнейшую сторону изучения колхидок авторы вынуждены обойти молчанием.

Таблица 5

Группы	Монеты Кобулетского клада					Монеты Ахал-сопельского, Дабла-гомского и Чометского кладов				
	1*	2*	3*	4*	5*	1*	2*	3*	4*	5*
А	2,40	2,45—2,35	27	2	7	2,12	2,30—2,00	45	7	9
Б	2,33	2,45—2,15	60	—	2	2,12	2,40—1,85	51	—	10
В	2,18	2,40—2,10	37	—	—	2,03	2,20—1,90	23	—	5
Г	2,17	2,35—2,00	76	1	3	1,95	2,25—1,50	149	—	11
Д	2,19	2,30—2,10	15	1	1	1,91	2,15—1,65	42	2	8
Е	2,14	2,35—2,05	32	—	—	1,92	2,10—1,70	40	3	5
Ж	2,20	2,25—2,15	16	—	3	1,93	2,15—1,70	13	—	4
З		Одна монета — 2,34				1,94	2,05—1,85	5	1	1
И						1,97	2,10—1,80	10	—	2
К						1,91	2,05—1,75	27	2	3
Л						1,92	2,05—1,85	8	—	2
М						1,80	2,05—1,40	24	—	2

* В графе 1 указан средний вес (в г) монет соответствующей группы, в графе 2 — пределы колебаний весов (в г) тех монет (их количество поставлено в графе 3), на основании которых выведен средний вес, в графе 4 — число монет, вес которых превышает пределы, отмеченные в графе 2, в графе 5 — число монет с меньшим весом (иными словами, в графах 4—5 подсчитано количество монет, которыми мы пренебрегли при выведении среднего веса).

зарыт немного ранее кладов из Дабла-гоми и Чомети. Речь может идти, на наш взгляд, о специальном, очень тщательном отборе монет высокого веса при формировании Кобулетского клада. Применительно к нему обычный принцип выборки монет для клада — предпочтение полновесных экземпляров — нашел свое ярчайшее выражение. Несомненно, владелец клада пропустил через свои руки колоссальное количество колхидок.

Переходя к общей характеристике метрологических данных монет, прежде всего подчеркнем вслед за другими исследователями необычайно значительное колебание веса колхидок. Внутри групп разница в весе отдельных монет составляет примерно 1 г (от 1,38 г в группе Б до 0,80 г в группе В), разница же между самой тяжелой (2,70 г — А) и самой легкой (1,06 г — К) монетой очень велика — 1,64 г. При этом речь идет не об отдельных экземплярах с необычным весом (процент монет, вес которых далек от нормального, всегда значителен, особенно в позднейших группах). Известное исключение составляет Кобулетский клад — там вес монет колеблется в значительно меньших пределах, чем в остальных кладах.

Работая над сравнительно небольшим числом колхидок, не разбитых на группы, можно прийти к выводу, согласно которому вес колхидок хаотичен и лишь отдаленно приближается к определенной норме. Приведенные наблюдения не противоречили бы такому выводу. Но при возможности оперировать большим сравнительным материалом он оказывается мнимым. Легко заметить, что внутри хронологических групп (особенно крупных) вес монет стабилизируется в пределах довольно узких рамок, и это позволяет определить средний вес, характерный для той или иной группы монет. Сопоставление средних весов, выведенных чисто математическим путем, показывает, что при чекане колхидок-триоболов всегда следовали единой метрологической норме, и, несмотря на огромное расхождение крайних весов, средний вес монет различных групп колеблется в сравнительно небольших масштабах. Из материалов табл. 5 видно, что наибольший средний вес принадлежит колхидкам первых двух групп — А, Б (2,40 г; 2,33 г — Кобулет; 2,12 г — остальные клады), а наимень-

ший — колхидкам заключительной группы М (1,80 г). Самые значительные колебания средних весов можно отметить для монет смежных групп Б, В, Г (2,33 г; 2,18 г; 2,17 г — Кобулет; 2,12 г; 2,03 г; 1,95 г — остальные клады) и Л, М (1,92 г; 1,80 г). Просмотр средних весов позволяет констатировать в общей форме постепенное их падение, находящееся в прямой зависимости от хронологического места группы. Такое впечатление несколько нарушают колхидки групп Е—Л из Дабла-гомского и Чометского кладов: разница их средних весов не соответствует относительной хронологии этих монет. Но эта разница ничтожна и составляет только несколько сотых грамма, а отмеченные группы — одни из самых малочисленных. Это (при учете очень значительных колебаний весов монет внутри групп Е—Л) не исключает мелких неточностей в выведении средних весов и не может опровергнуть правильности общих наблюдений.

* * *

Наблюдения и некоторые частные выводы нашей работы, по-видимому, позволяют понять ряд характерных черт в чеканке колхидок — почти неизученных и во многом еще загадочных монет. Авторы надеются, что им удалось найти верную основу для хронологической группировки колхидок. Если предложенные даты начала и окончания чекана триболов-колхидок обычного типа близки к истине, то мы можем констатировать, что самые ранние из монет, принадлежащие группе А, начали выпускать до 450 г. до н. э., а позднейшие — группы М — примерно до 325 г. до н. э. Исходя из этих датировок и сделав несложное вычисление, основанное на подсчете штемпелей, использованных при чекане монет, мы получим следующий вывод:

Группы А, Б, В	чеканены около	450—420 г.	до н. э.
» Г, Д	»	»	420—375 г.
» Е, Ж, З	»	»	375—350 г.
» И, К, Л, М	»	»	350—325 г.

Едва ли нужна и возможна более детальная дифференциация этих примерных дат. Они основаны на исходных датах, которые сами нуждаются в уточнении и подтверждении. Кроме того, не следует забывать, что мы не имеем еще ни малейшего представления о ряде важнейших фактов, например об интенсивности чекана, которая, конечно, не могла быть одинаковой во все периоды, или о возможных перерывах в выпуске монет.

В заключение следует подчеркнуть, что, хотя колхидки-триболы обычного типа были долгое время основным платежным средством на территории современной Западной Грузии, их анализ не может подменить собой изучение денежного обращения Колхиды в доэллинистический период. Дело не только в том, что необходимо учитывать поступление привозной греческой монеты, но и в том, что решение вопроса о происхождении и времени возникновения местного чекана в Колхиде требует монографического исследования ранних категорий колхидок. Эту работу авторы надеются со временем выполнить.

С другой стороны, прекращение выпуска основной массы колхидок в последние десятилетия IV в. до н. э. никоим образом не свидетельствует об окончании обращения этих монет. Эллинистические монеты из находок в Грузии, к сожалению, изучены еще слабо, но можно смело утверждать, что нет оснований говорить о мгновенном и всеобъемлющем проникновении статеров Александра Македонского на местные рынки. Безусловно, и после прекращения чекана колхидки должны были еще долго

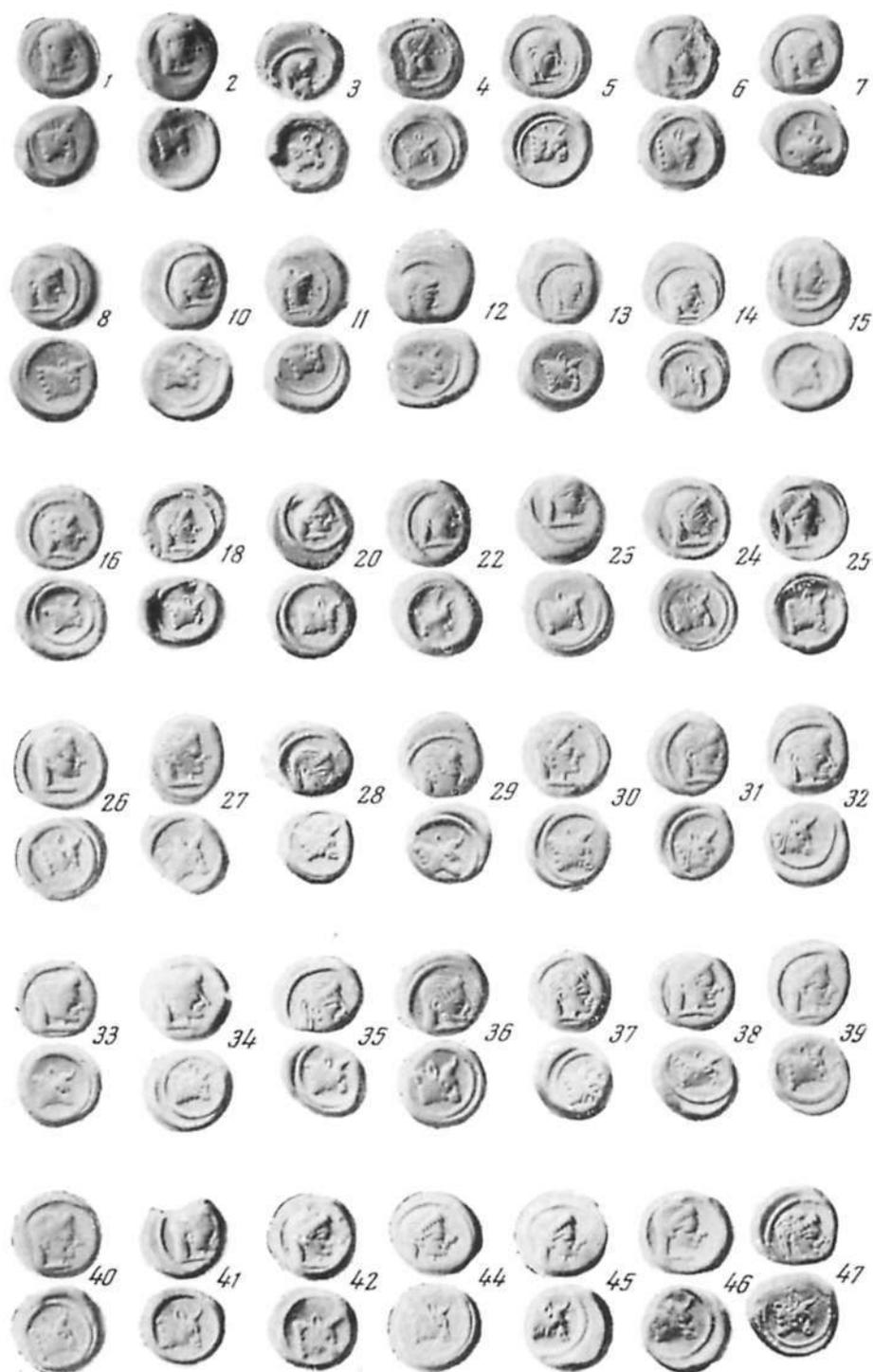
удерживаться в обращении. К сожалению, мы не можем указать достоверных случаев находок колхидок с эллинистическим материалом, но есть поразительные примеры длительности обращения монет более позднего периода в Колхиде и Иберии ³⁸. К сказанному добавим, что нельзя совершенно исключить возможность эпизодического чекана колхидок после 325 г. до н. э. Во всяком случае в литературе отмечены редкие триболы, которые не могут быть отнесены ни к одной из наших групп, а характерные особенности этих монет позволяют квалифицировать их как «варварские подражания» ³⁹.

---

³⁸ Например, статер Александра Македонского в мцхетском погребении I в. н. э. (Д. Г. Капанадзе. Монетные находки Мцхетской археологической экспедиции (1937—1948 и 1951 гг.). — ВДИ, 1955, № 1, стр. 172); подражания этим статерам в погребениях II в. н. э. у сел. Клдеети Зестафонского р-на б. Кутаисской обл. (Е. А. Пахомов. Монетные клады. . . , вып. IV, стр. 11, № 1012); многочисленные случаи обнаружения денариев Августа и драхм Готарза II в мцхетских погребальных комплексах, датируемых не ранее, чем II—III вв. н. э. (Д. Г. Капанадзе. О продолжительности обращения денариев Августа и драхм Готарза в древней Иберии. — СА, 1962, № 4, стр. 59 сл.).

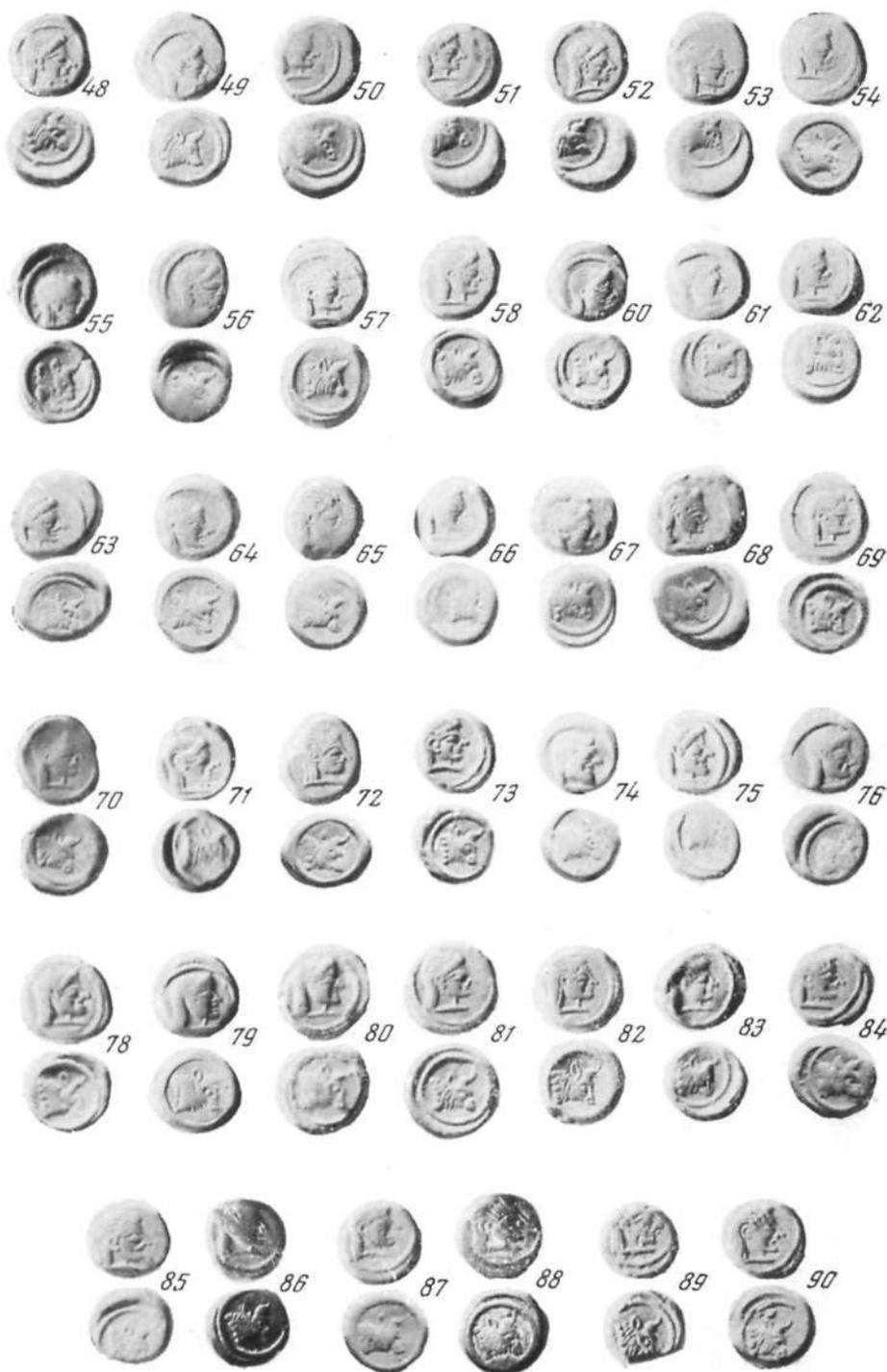
³⁹ Е. А. Пахомов. Монеты Грузии, табл. I, 5, 6.

Таблица I

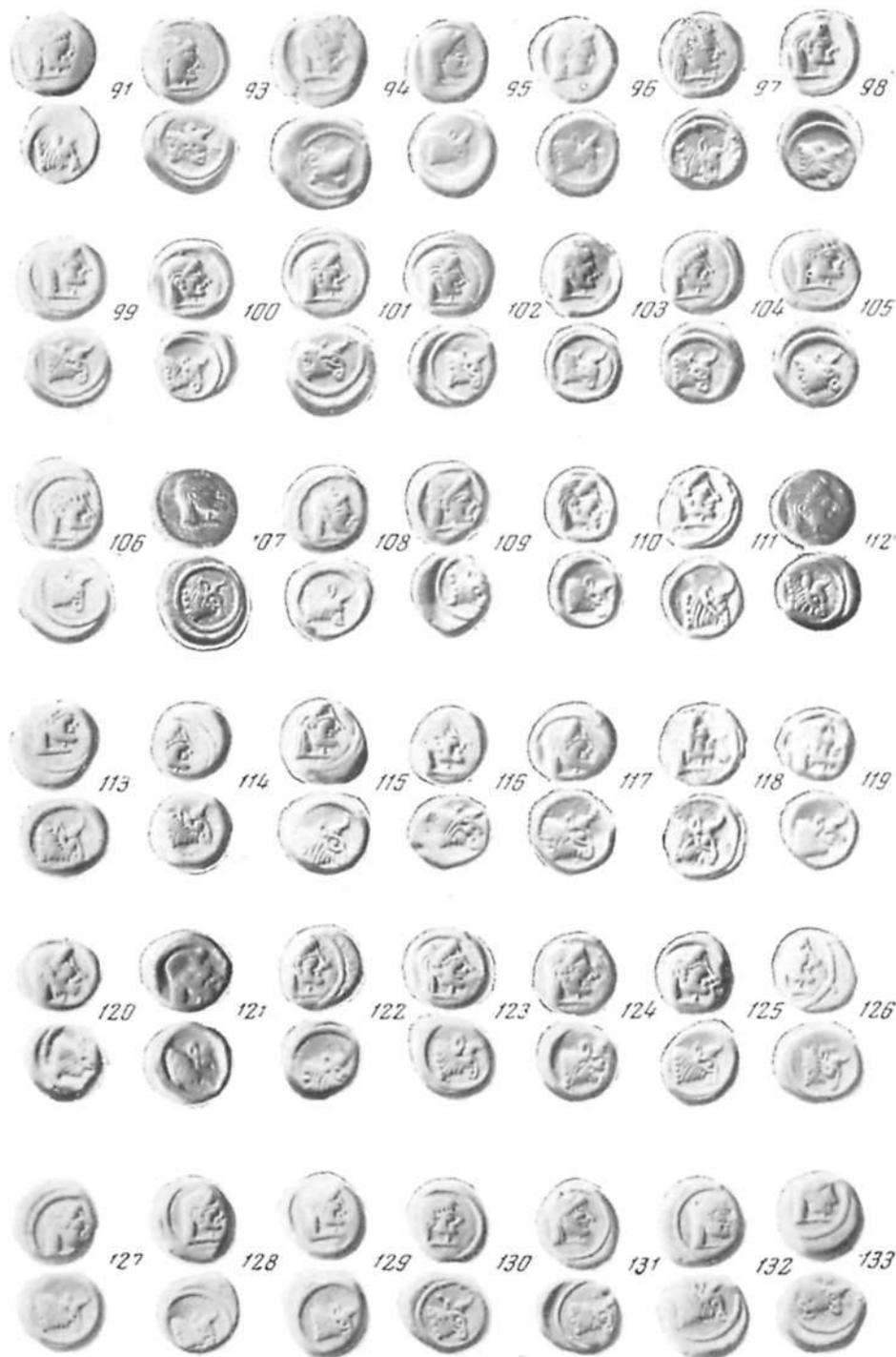

Колхидки группы А (Ахал-сопельский, Кобулетский, Дабла-гомский и Човетский клады)

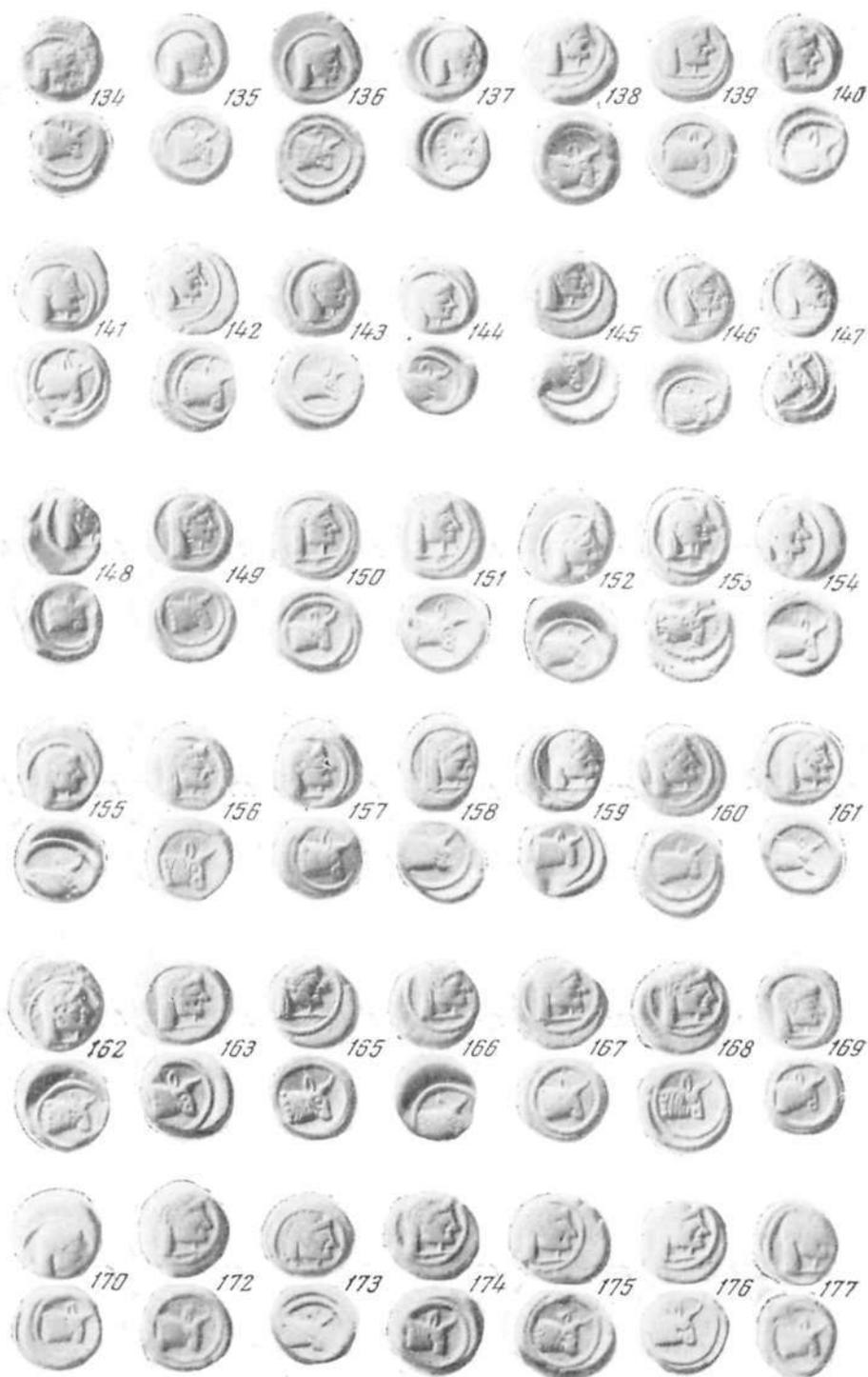
Таблица II

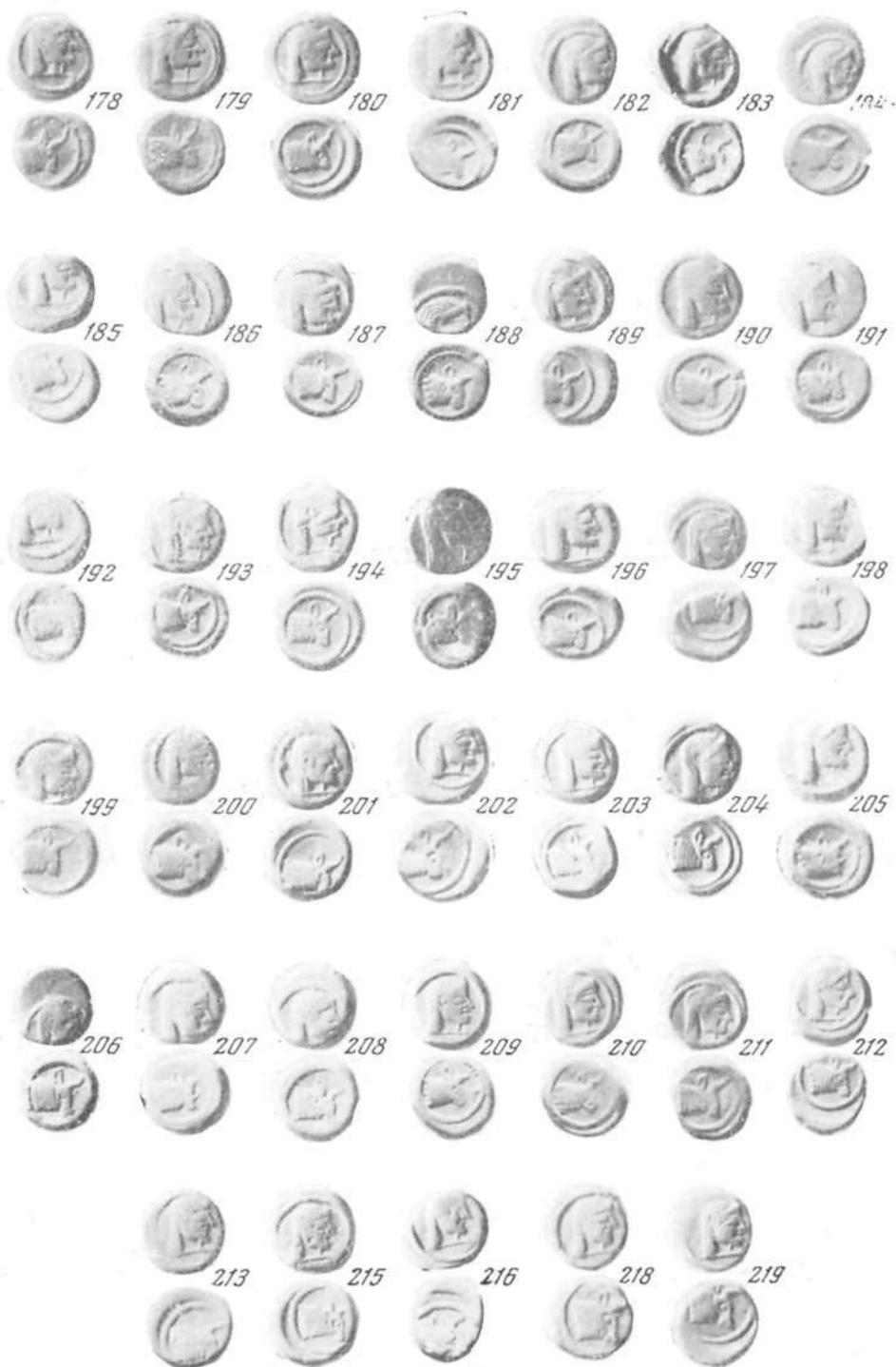
Колхидки группы А (Ахал-сопельский, Кобулетский, Дабла-гомский и Чометский клады)

Колхидки групп А, Б (Ахал-сопельский, Кобулетский, Дабла-гомский и Човетский клады)

Колхидки группы Б (Кобулетский, Дабла-гомский и Чометский клады)

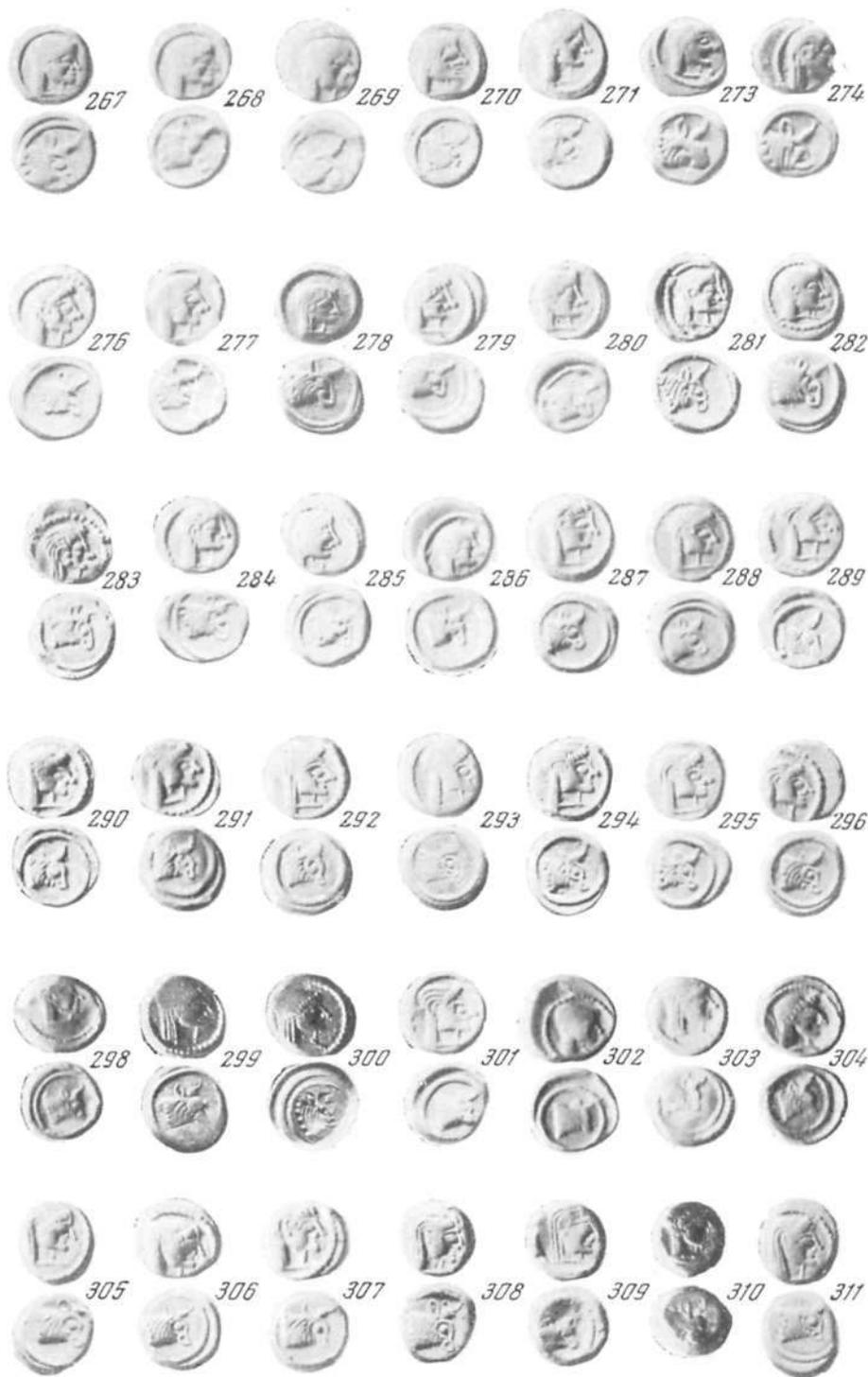

Колхидки группы Б (Кобулетский, Дабла-гомский и Чометский клады):

Колхидки группы В (Кобулетский, Дабла-гомский и Чометский клады)

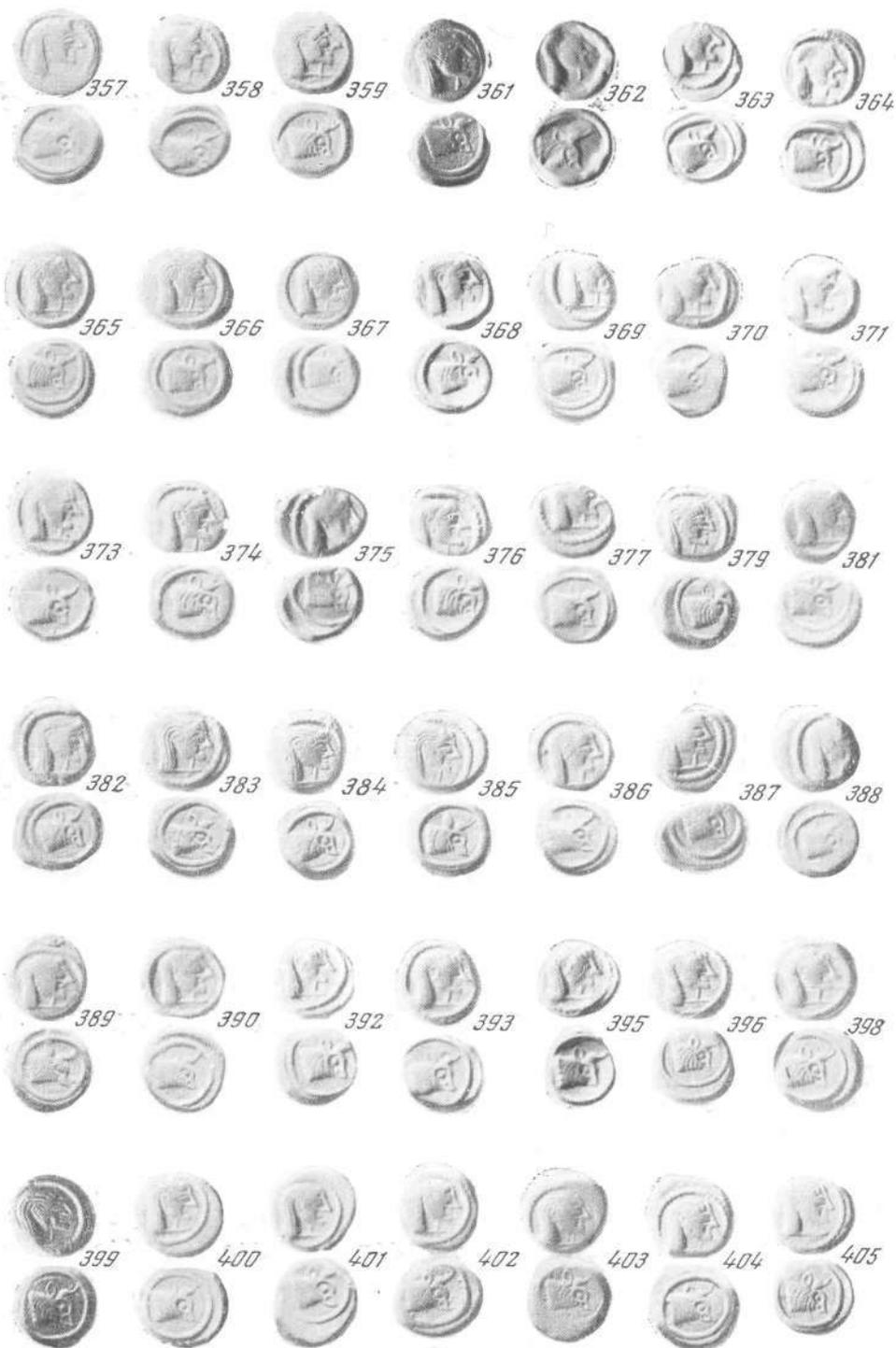
Таблица VII

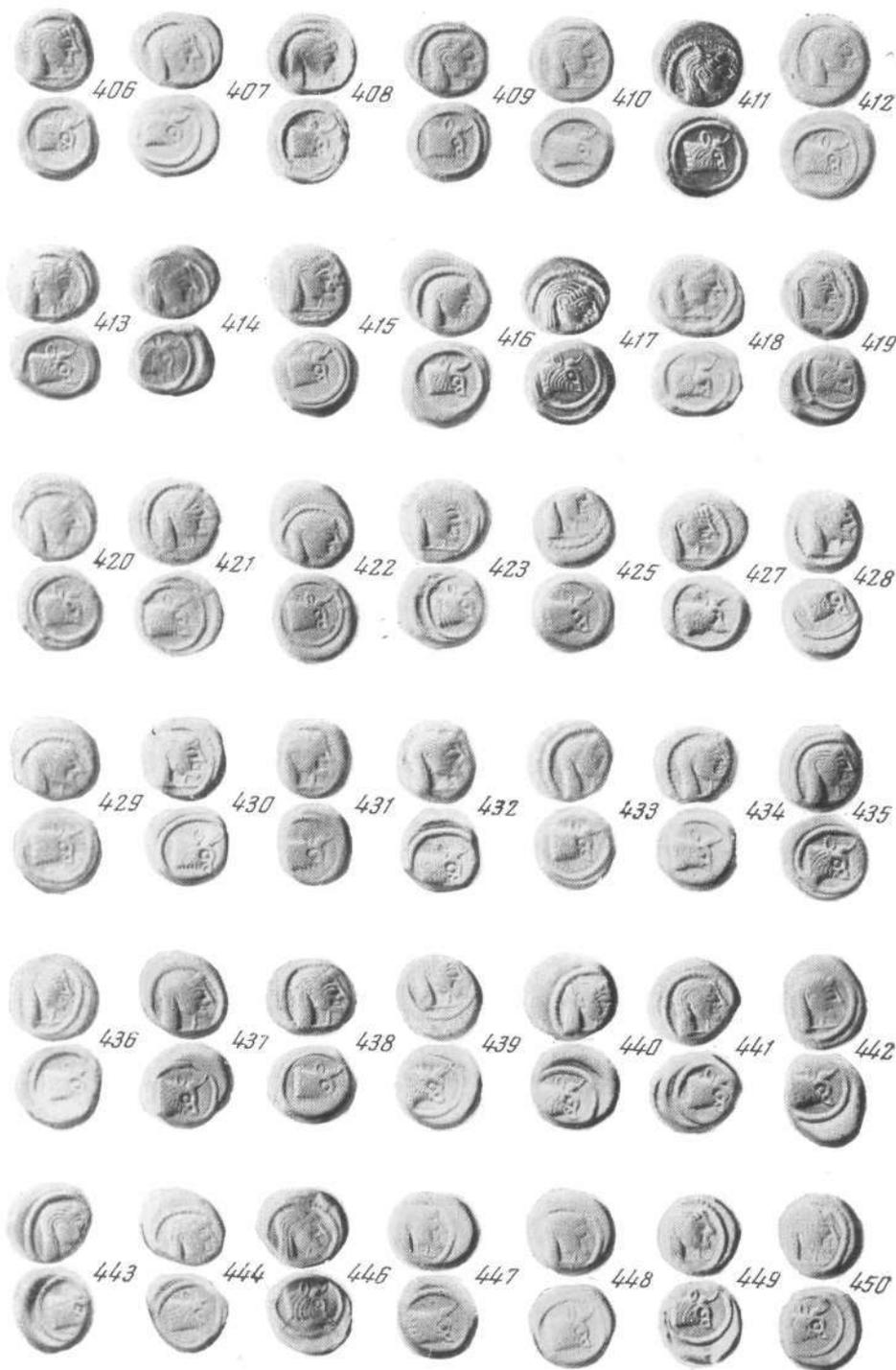
Колхидки групп В, Г (Кобулетский, Дабла-гомский и Чометский клады)

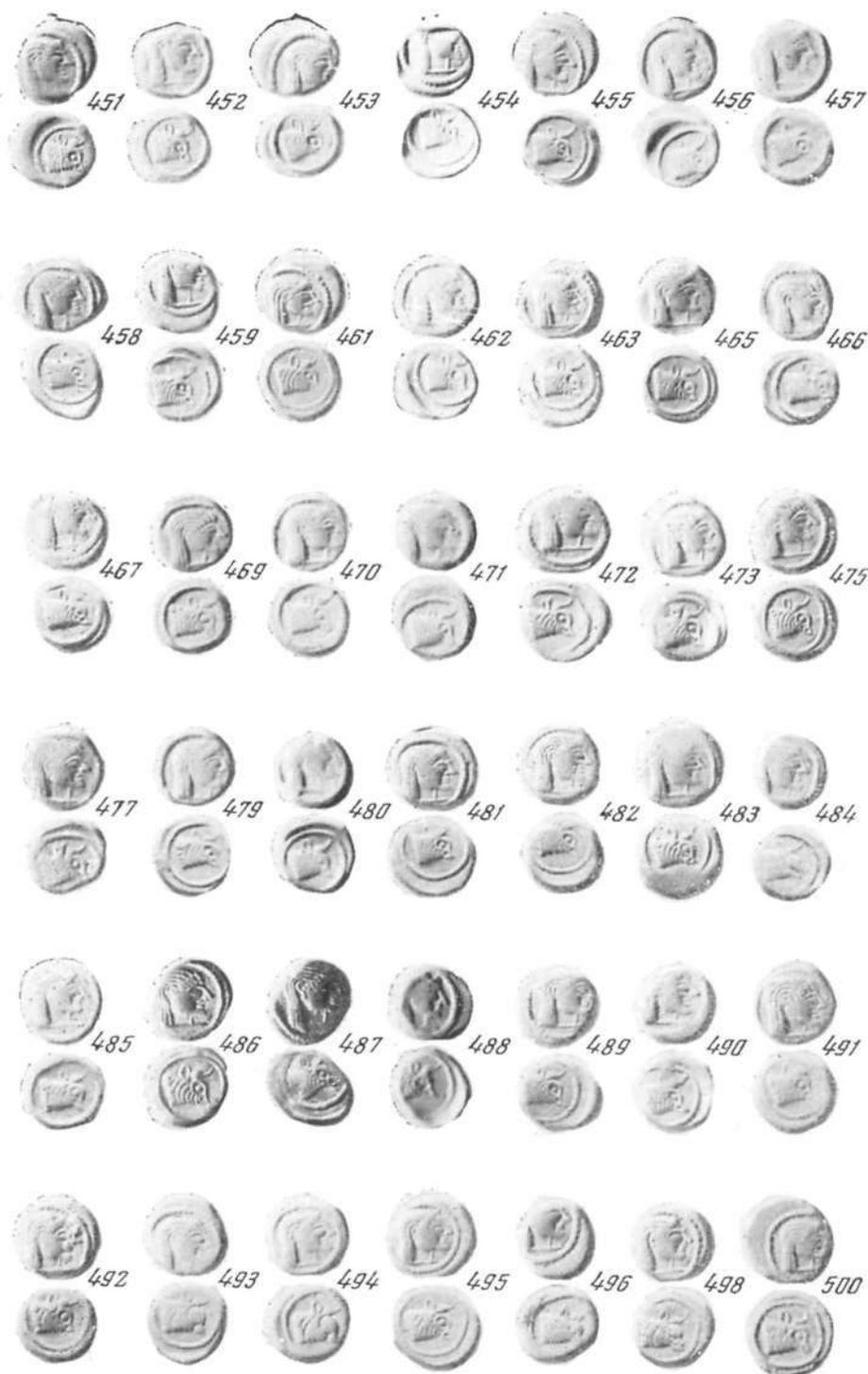
Колхидки группы Г (Кобулетский, Дабла-гомский и Чометский клады)

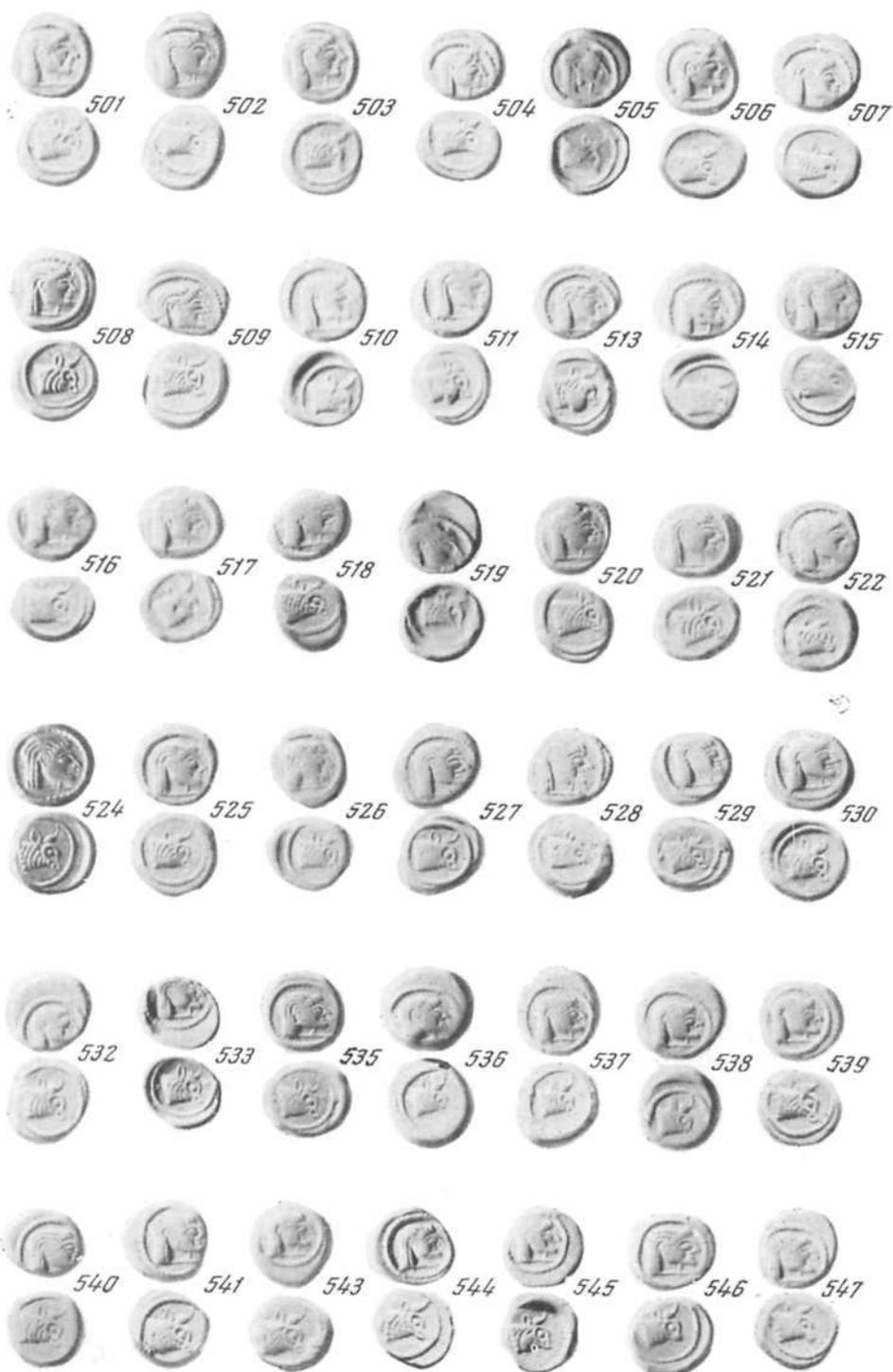
Колхидки группы Г (Кобулетский, Дабла-гомский и Чометский клады)

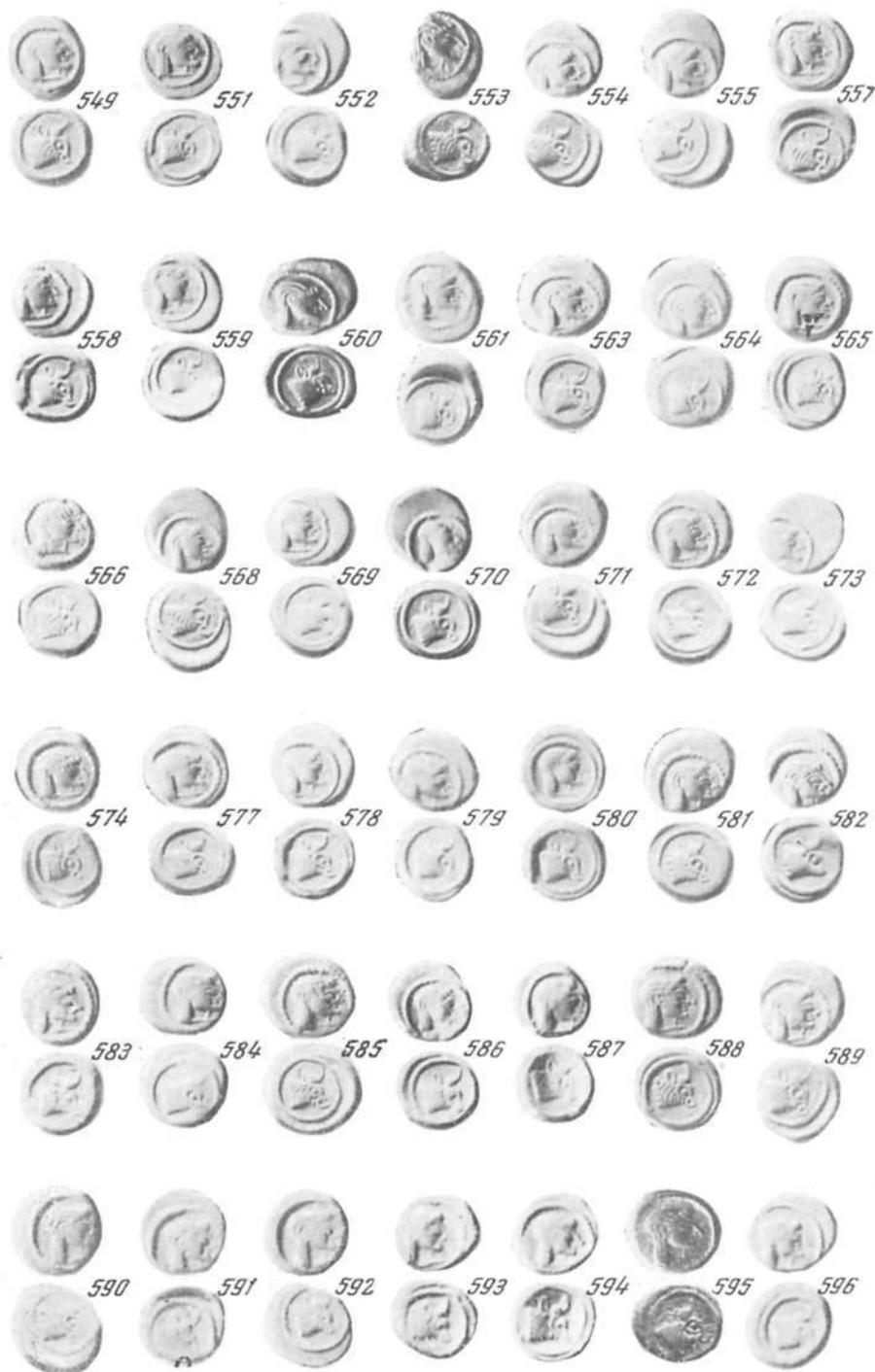
Колхидки группы Г (Кобулетский, Дабла-гомский и Чометский клады)

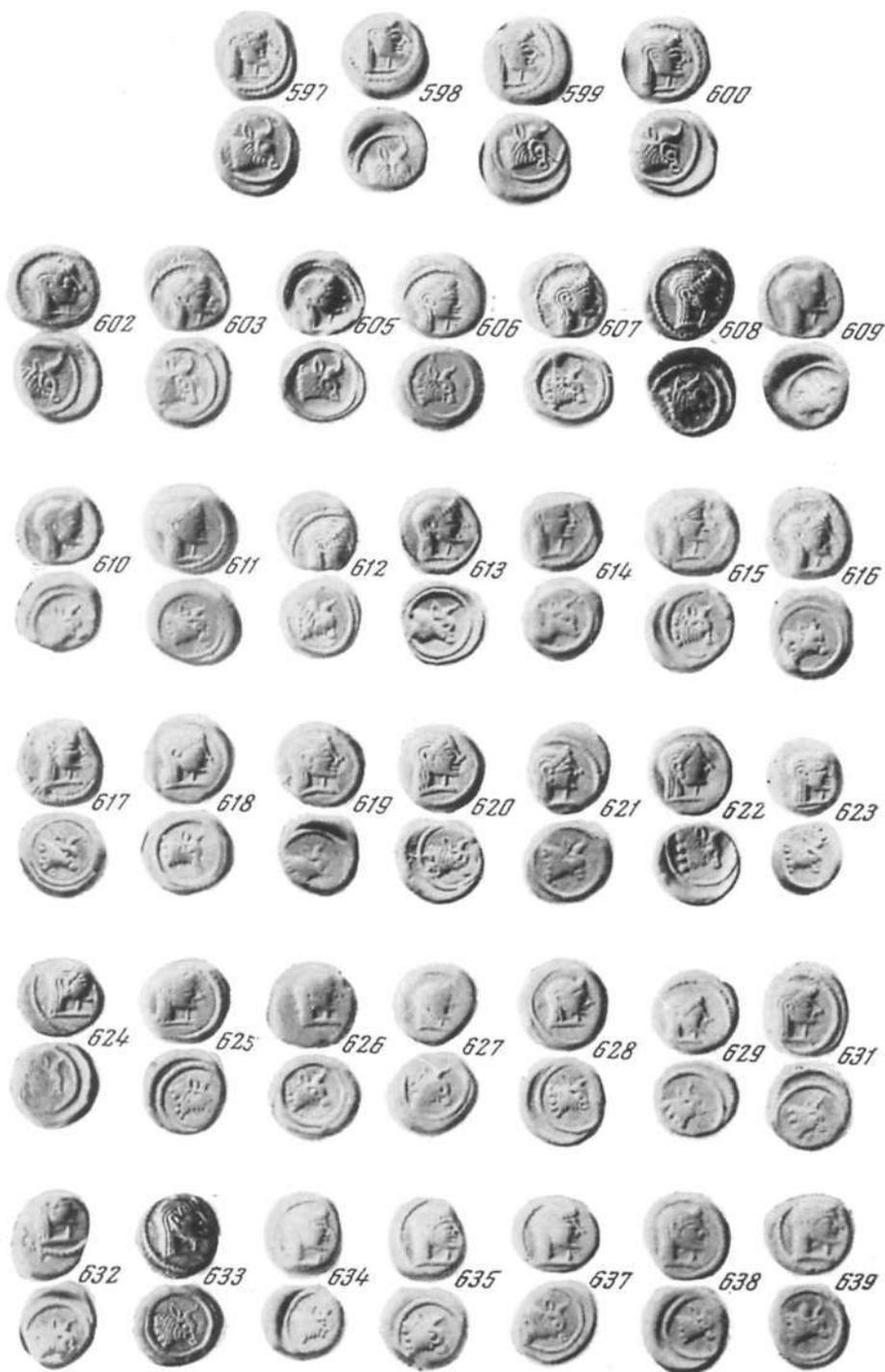
Колхидки группы Г (Кобулетский, Дабла-гомский и Човетский клады)
Зак. 606

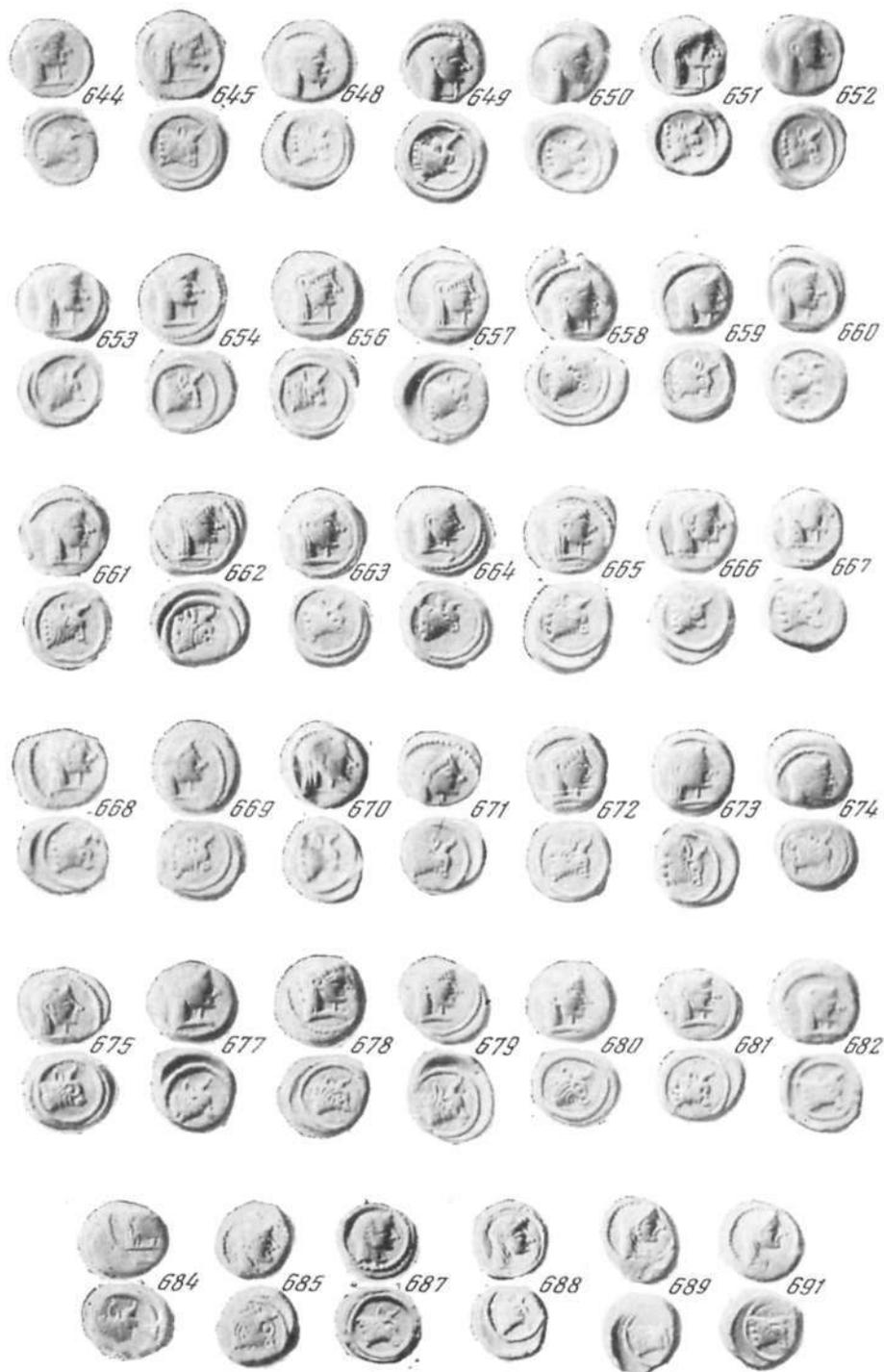
Колхидки группы Г, Д (Кобулетский, Дабла-гомский и Чометский клады)

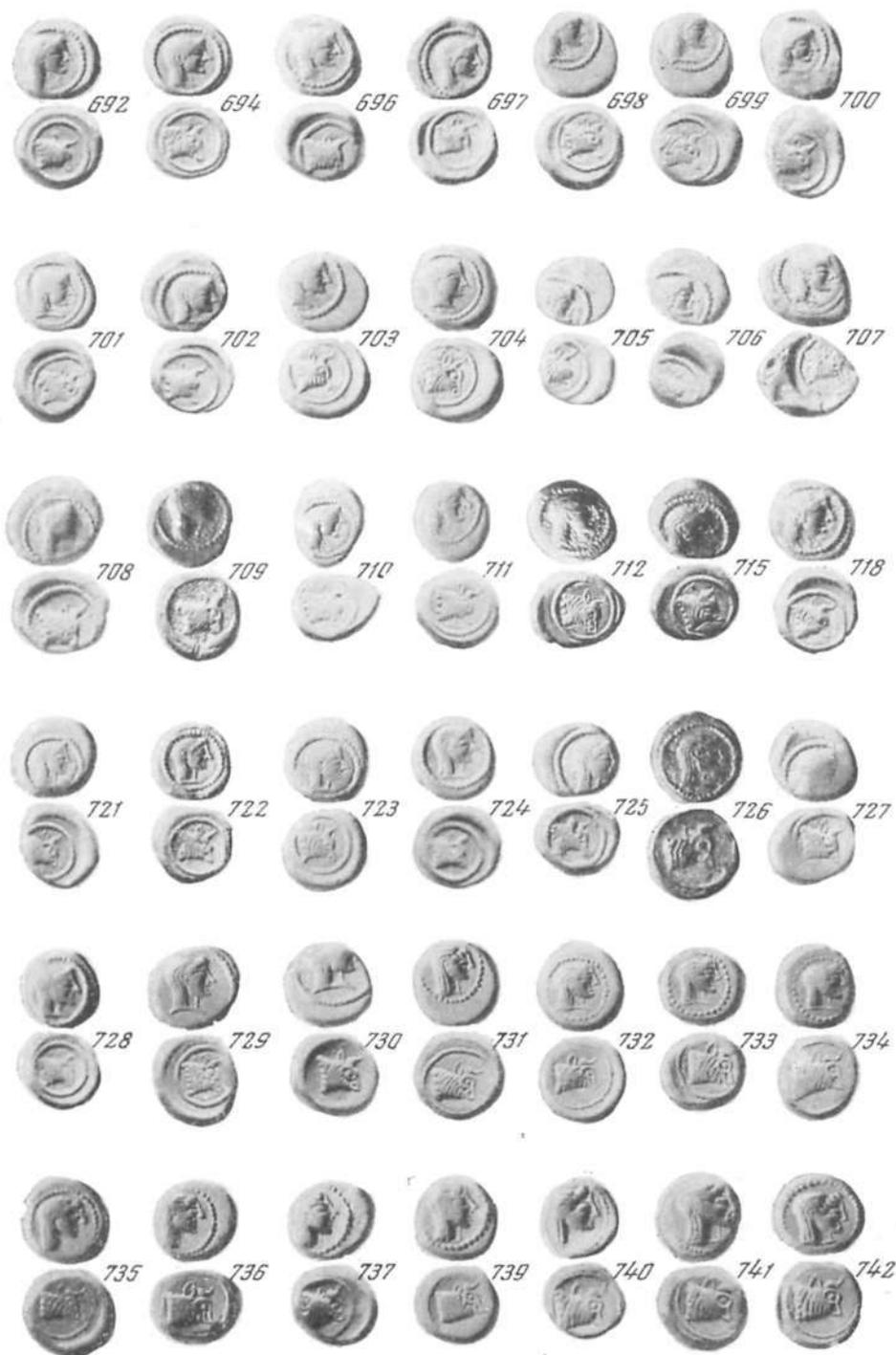
Колхидки группы Д (Кобулетский, Дабла-гомский и Чометский клады)

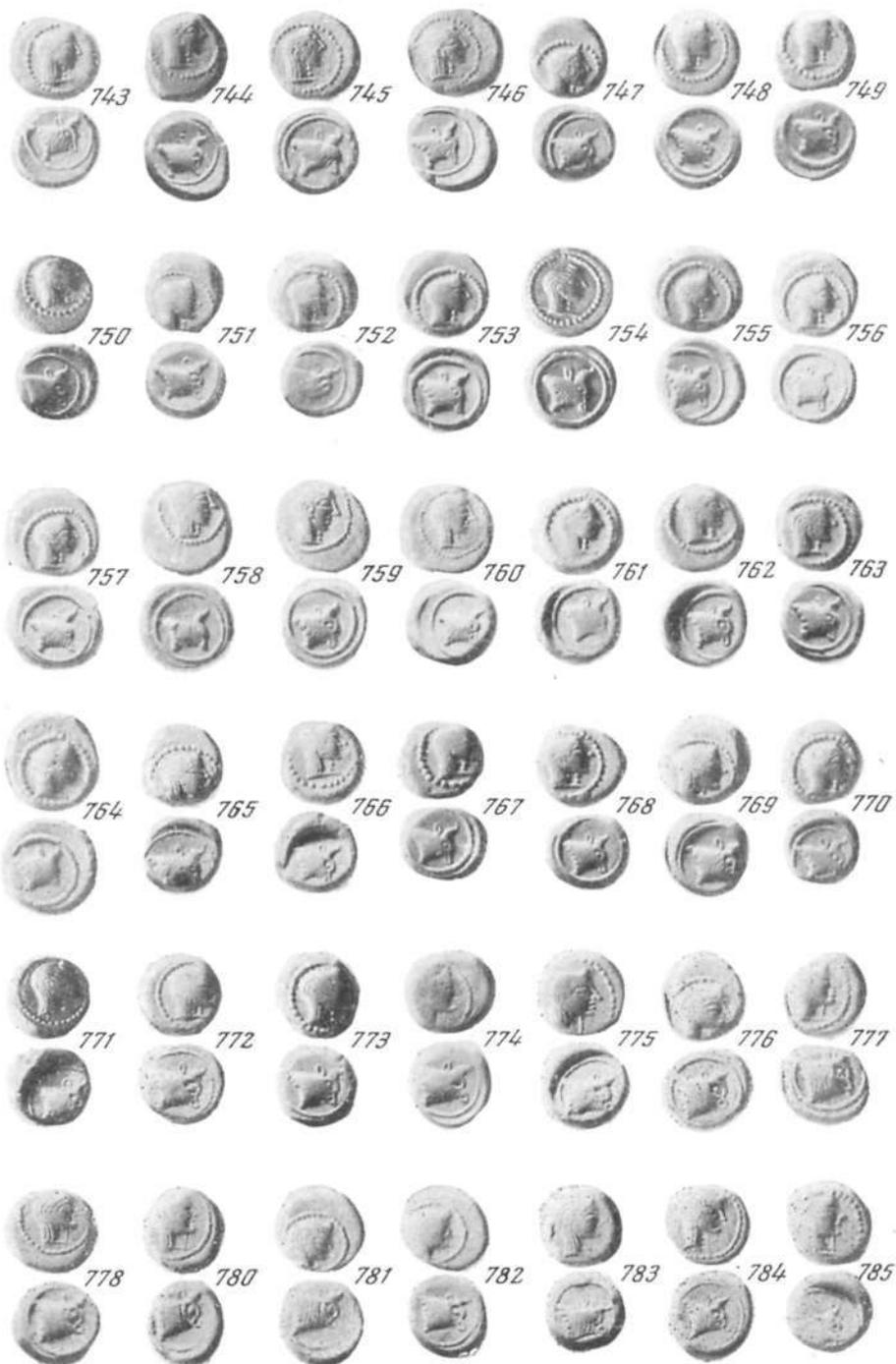
Коллидки групп Д, Е (Кобулетский, Дабла-гомский и Човетский клады)

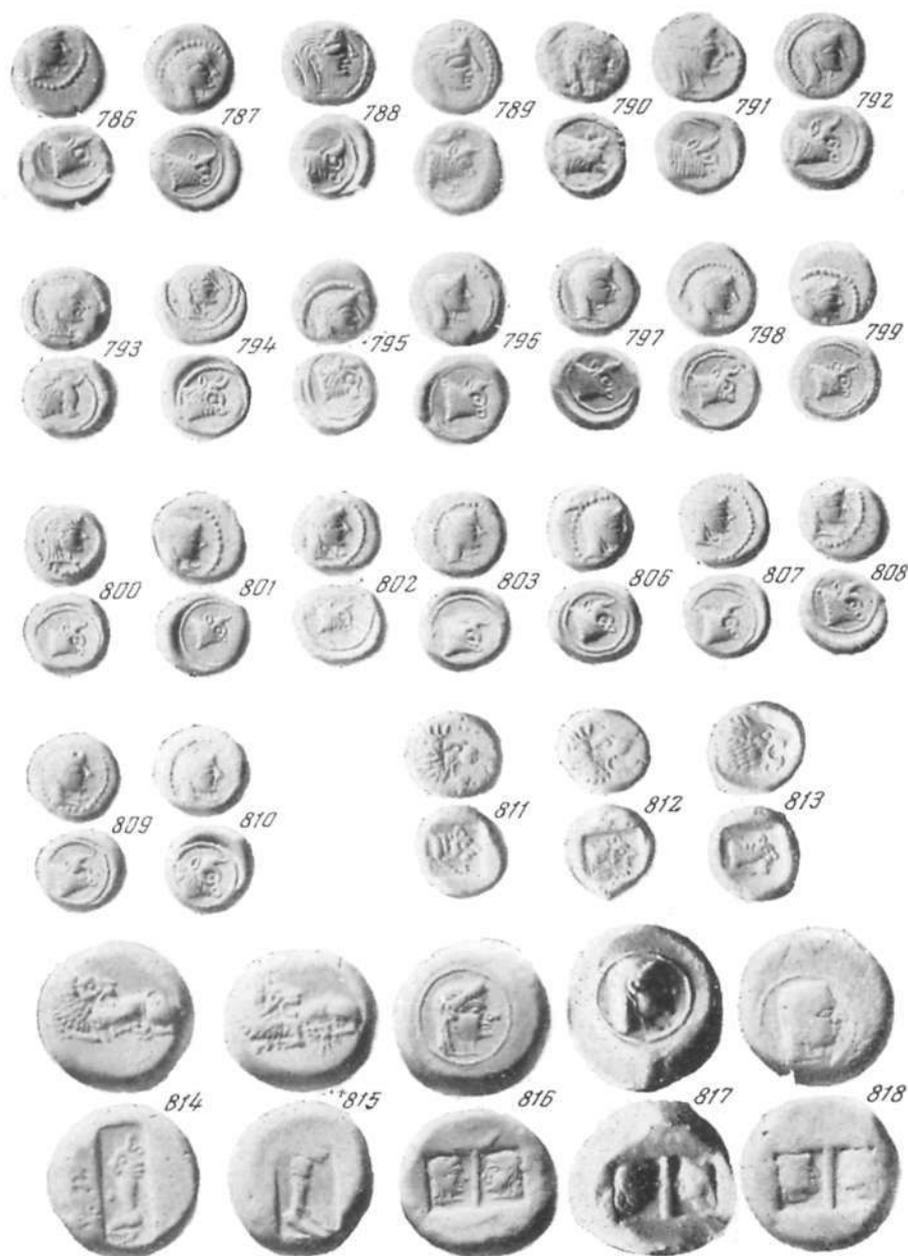
Колхидки групп Е, Ж (Кобулетский, Дабла-гомский и Човетский клады)

Колхидки групи Ж, З, П (Кобулетский, Дабла-гомский и Чометский клады)

Колхидки групп К, Л, М (Чометский клад)

Колхидки группы М (Човетский клад); колхские дидрахмы и триболы необычного типа (Ахал-сопельский клад)

**ОБЩИЙ СПИСОК МОНЕТ АХАЛ-СОПЕЛЬСКОГО, КОБУЛЕТСКОГО,
ДАБЛА-ГОМСКОГО И ЧОМЕТСКОГО КЛАДОВ ***

№ монеты, клад	Вес в г	Общие штампы		№ монеты, клад	Вес в г	Общие штампы	
		ав.	гев.			ав.	гев.
<i>Триоболы (обычного типа)</i>				41 (АС)	1,99	42, 43	
<i>Группа А</i>				42 (АС)	2,20	41, 43	43
1 (К)	2,42			43 (АС)	2,19	41, 42	42
2 (ДГ)	2,38			44 (Ч)	2,07	45, 46	
3 (АС)	1,74			45 (АС)	2,50	44, 46	
4 (АС)	2,05			46 (АС)	2,12	44, 45	
5 (АС)	2,03			47 (АС)	2,16		
6 (АС)	2,13			48 (АС)	2,32		
7 (К)	2,38	8		49 (К)	2,42		
8 (АС)	2,14	7		50 (АС)	2,21	51, 52	
9 (К)	2,54	10	10	51 (АС)	2,14	50, 52	
10 (АС)	1,97	9	9	52 (АС)	2,04	50, 51	
11 (АС)	1,97			53 (Ч)	2,22		
12 (К)	2,47			54 (Ч)	2,17	55	
13 (Ч)	2,05			55 (ДГ)	1,99	54	
14 (АС)	2,12		15	56 (К)	2,40		
15 (АС)	1,98		14	57 (Ч)	1,77		
16 (АС)	1,87	17—19		58 (К)	2,39	59, 60	59
17 (К)	2,25	16, 18, 19	18, 19	59 (АС)	2,12	58, 60	58
18 (АС)	2,18	16, 17, 19	17, 19	60 (ДГ)	2,30	58, 59	
19 (АС)	1,62	16—18	17, 18	61 (К)	2,38		
20 (АС)	2,05	21	21	62 (Ч)	2,04		
21 (АС)	1,78	20	20	63 (Ч)	2,24		
22 (АС)	1,63			64 (Ч)	2,05		
23 (Ч)	2,00			65 (Ч)	2,17		
24 (АС)	2,14			66 (Ч)	2,04		
25 (ДГ)	2,33			67 (К)	2,70		
26 (К)	2,29			68 (К)	2,45		
27 (К)	2,41			69 (К)	2,45		
28 (ДГ)	2,16			70 (ДГ)	2,30		
29 (К)	2,41			71 (АС)	2,26		
30 (К)	2,37			72 (К)	2,46		
31 (К)	2,35		32	73 (АС)	1,99		
32 (Ч)	2,21	33, 34	31	74 (К)	2,15		
33 (К)	2,47	32, 34		75 (Ч)	2,05		
34 (К)	2,38	32, 33		76 (К)	1,84		
35 (К)	2,42			77 (К)	2,10	78	78
36 (К)	2,41			78 (К)	1,67	77	77
37 (Ч)	2,19			79 (Ч)	2,26		80
38 (К)	2,44			80 (АС)	2,07		79
39 (К)	2,39			81 (К)	2,36		
40 (К)	2,41			82 (Ч)	2,14		

* В список не включены 10 монет, плохая сохранность которых не позволяет присоединить их к той или иной группе. Нумерация списка и таблиц I—XVIII — общая. Сокращения: АС — Ахал-сопельский клад, К — Кобулетский, ДГ — Дабла-гомский, Ч — Чометский.

№ монеты, клад	Вес в г	Общие штемпели		№ монеты, клад	Вес в г	Общие штемпели	
		ав.	рев.			ав.	рев.
83 (ДГ)	2,44			130 (К)	2,40		
84 (К)	2,39	85		131 (К)	2,41		
85 (К)	2,39	84		132 (Ч)	1,94		
86 (ДГ)	2,36			133 (Ч)	2,20		
87 (К)	2,35			134 (Ч)	1,33		
88 (ДГ)	2,50			135 (Ч)	1,85		
89 (АС)	2,15			136 (К)	2,26	137	
90 (АС)	1,73			137 (К)	2,27	136	
91 (ДГ)	2,47	92, 93		138 (Ч)	1,98		
92 (АС)	2,18	91, 93	93	139 (Ч)	2,18		
93 (Ч)	2,32	91, 92	92	140 (К)	2,40		
94 (К)	2,41			141 (Ч)	2,06		
95 (К)	2,39			142 (Ч)	2,10		
96 (К)	2,17			143 (Ч)	2,08	144	
				144 (К)	2,41	143	
				145 (К)	2,34		
				146 (Ч)	2,20		
				147 (ДГ)	2,07		
				148 (ДГ)	2,25		
				149 (К)	2,28		
				150 (К)	2,31	151	
				151 (Ч)	2,14	150	
				152 (Ч)	2,07		
				153 (Ч)	2,14	154	
				154 (Ч)	1,91	153	
				155 (К)	2,35		
				156 (К)	2,31		
				157 (К)	2,29		
				158 (К)	2,28		
				159 (ДГ)	2,23		
				160 (К)	2,35		
				161 (К)	2,41		
				162 (К)	2,27		
				163 (К)	2,35		
				164 (Ч)	2,06	165	165
				165 (Ч)	1,85	164	164
				166 (К)	2,28	167	
				167 (К)	2,27	166	
				168 (К)	2,41		
				169 (К)	2,10		
				170 (Ч)	1,91		
				171 (Ч)	1,60	172—176	172
				172 (К)	2,26	171, 173—176	171
				173 (Ч)	2,00	171, 172, 174—176	
				174 (К)	2,22	171—173, 175, 176	
				175 (К)	2,28	171—174, 176	
				176 (К)	2,16	171—175	
				177 (К)	2,39		
				178 (К)	2,31		
				179 (Ч)	1,18		
Группа Б							
97 (АС)	2,16						
98 (АС)	1,74	99					
99 (К)	2,38	98					
100 (АС)	2,27	101—103					
101 (К)	2,41	100, 102, 103					
102 (Ч)	2,19	100, 101, 103					
103 (ДГ)	2,36	100—102	104				
104 (К)	2,42		103				
105 (Ч)	2,34						
106 (Ч)	1,72						
107 (ДГ)	2,13						
108 (К)	2,45						
109 (АС)	2,19						
110 (АС)	2,11	111, 112					
111 (АС)	1,40	110, 112					
112 (ДГ)	2,42	110, 111					
113 (Ч)	2,22		114				
114 (Ч)	2,20	115	113				
115 (Ч)	1,99	114					
116 (К)	2,27						
117 (К)	2,40		118				
118 (К)	2,35	119	117				
119 (К)	2,37	118					
120 (ДГ)	2,39						
121 (ДГ)	2,21						
122 (К)	2,31						
123 (К)	2,39						
124 (К)	2,42						
125 (К)	2,37						
126 (Ч)	1,91						
127 (К)	2,40						
128 (ДГ)	2,40	129					
129 (Ч)	2,29	128					

№ монеты, клад	Вес в г	Общие штемпели		№ монеты, клад	Вес в г	Общие штемпели	
		ав.	рев.			ав.	рев.
180 (К)	2,26			226 (Ч)	2,05	224, 225	225, 227
181 (К)	1,88		182	227 (К)	2,19	228	225, 226
182 (К)	2,36	183	181	228 (К)	2,14	227	229
183 (ДГ)	2,28	182		229 (К)	2,17		228
184 (К)	2,15			230 (К)	2,19		
185 (Ч)	1,97			231 (ДГ)	2,21	232, 233	
186 (Ч)	2,11		187, 188	232 (Ч)	1,90	231, 233	
187 (К)	2,21		186—188	233 (К)	2,17	231, 232	234
188 (ДГ)	1,43		186, 187	234 (К)	2,23	235, 236	233
189 (К)	2,35			235 (К)	2,15	234, 236	236
190 (К)	2,29		191	236 (Ч)	1,90	234, 235	235
191 (К)	2,33		190	237 (ДГ)	2,19	238	
192 (К)	2,27			238 (К)	2,17	237	239
193 (К)	2,15			239 (К)	2,14		238
194 (Ч)	1,85			240 (Ч)	2,05		
195 (ДГ)	1,49			241 (ДГ)	2,20		242
196 (Ч)	2,05			242 (К)	2,22		241
197 (К)	2,40			243 (К)	2,25	244—246	
198 (К)	2,33	199		244 (К)	2,17	243, 245, 246	245
199 (К)	2,27	198		245 (Ч)	2,05	243, 244, 246	244
200 (К)	2,36			246 (ДГ)	2,11	243—245	247
201 (К)	2,36			247 (К)	2,22		246
202 (Ч)	2,16			248 (К)	2,26	249	
203 (Ч)	2,15			249 (К)	2,19	248	
204 (ДГ)	2,15	205		250 (Ч)	1,94		
205 (Ч)	1,97	204		251 (К)	2,17	252, 253	
206 (ДГ)	1,66			252 (К)	2,19	251, 253	
207 (Ч)	2,00			253 (Ч)	1,61	251, 252	
208 (Ч)	1,70			254 (Ч)	1,96		255
209 (Ч)	2,14			255 (ДГ)	2,06		254
210 (К)	2,45	211		256 (Ч)	1,90		
211 (ДГ)	2,34	210		257 (ДГ)	1,96		
212 (К)	2,29			258 (Ч)	1,98		
213 (К)	2,28	214—218	214	259 (Ч)	2,03		
214 (Ч)	2,08	213, 215—218	213	260 (ДГ)	2,13	261, 262	261
215 (Ч)	2,00	213, 214, 216—218		261 (К)	2,16	260, 262	260
		213—215, 217, 218		262 (К)	2,22	260, 261	263
216 (К)	2,46			263 (К)	2,18	264	262
				264 (ДГ)	1,75	263	
217 (К)	2,33	213—216, 218	218	265 (К)	2,35	266	267
218 (К)	2,27	213—217	217	266 (К)	2,27	265	268
219 (К)	2,23			267 (К)	2,09	268	265
				268 (К)	2,20	267	266
				269 (К)	2,24		
Группа В				270 (Ч)	1,62		
220 (К)	2,41	221		271 (К)	2,12		
221 (Ч)	1,82	220	222	272 (К)	2,18	273	273
222 (Ч)	2,02		221	273 (К)	2,12	272	272
223 (Ч)	2,08			274 (К)	2,17		
224 (К)	2,23	225, 226		275 (К)	2,29	276, 277	276
225 (К)	2,20	224, 226	226, 227				

№ монеты, клад	Вес в г	Общие штампы		№ монеты, клад	Вес в г	Общие штампы	
		ав.	рев.			ав.	рев.
276 (К)	2,14	275, 277	275	323 (Ч)	2,01	322, 324	322
277 (К)	2,17	275, 276		324 (К)	2,15	322, 323	325
278 (Ч)	1,90			325 (ДГ)	2,15		324
279 (К)	2,08		280	326 (ДГ)	1,71		
280 (К)	2,17		279	327 (Ч)	1,84		
281 (ДГ)	1,95			328 (К)	2,12	329	329
282 (Ч)	1,70			329 (ДГ)	1,67	328	328
283 (ДГ)	2,19		284	330 (Ч)	1,12		
284 (К)	2,16		283	331 (Ч)	2,02		
285 (Ч)	1,96		286	332 (К)	2,27	333	
286 (К)	2,37		285	333 (К)	1,99	332	
287 (К)	2,14		288	334 (ДГ)	2,15		335
288 (К)	2,22		287	335 (К)	2,20	336	334
				336 (К)	2,36	335	
				337 (К)	1,91	338—340	
				338 (Ч)	1,87	337, 339, 340	
				339 (Ч)	1,89	337, 338, 340	
				340 (К)	2,18	337—339	341
				341 (ДГ)	1,39		340
				342 (ДГ)	1,32		
				343 (К)	2,11		
				344 (К)	2,17		345
				345 (Ч)	2,25	346—348	344
				346 (Ч)	1,78	345, 347, 348	347
				347 (Ч)	1,91	345, 346, 348	346
				348 (Ч)	1,90	345—347	
				349 (Ч)	1,63	350	
				350 (Ч)	2,00	349	
				351 (ДГ)	2,23		
				352 (К)	2,10	353	
				353 (К)	2,13	352	354
				354 (К)	2,23		353
				355 (Ч)	1,98	356	
				356 (Ч)	1,86	355	357
				357 (Ч)	2,10		356
				358 (К)	2,13	359, 360	
				359 (Ч)	1,86	358, 360	360
				360 (Ч)	1,94	358, 359	359
				361 (Ч)	1,86		
				362 (ДГ)	2,07	363—365	
				363 (ДГ)	1,99	362, 364, 365	364—366
				364 (ДГ)	2,05	362, 363, 365	363, 365, 366
				365 (Ч)	1,85	362—364	363, 364, 366
				366 (Ч)	2,00		363—365
				367 (Ч)	1,93		
				368 (ДГ)	2,20		
				369 (Ч)	1,70		
				370 (К)	2,06		
				371 (К)	2,25		
Г р у п п а Г							
289 (К)	2,15						
290 (ДГ)	1,93						
291 (ДГ)	2,09						
292 (Ч)	1,51						
293 (Ч)	1,77	294	294				
294 (ДГ)	2,23	293	293				
295 (К)	2,17						
296 (К)	2,10		297				
297 (К)	2,11		296				
298 (ДГ)	2,05						
299 (ДГ)	2,03						
300 (ДГ)	2,25						
301 (К)	2,16		302				
302 (К)	2,19		301				
303 (ДГ)	2,05		304				
304 (ДГ)	2,18		303				
305 (К)	2,17	306					
306 (Ч)	2,00	305					
307 (К)	2,20						
308 (ДГ)	2,17						
309 (ДГ)	2,02						
310 (ДГ)	1,57						
311 (Ч)	1,96	312					
312 (Ч)	2,06	311					
313 (Ч)	1,64						
314 (ДГ)	2,05						
315 (Ч)	1,90	316					
316 (Ч)	1,94	315					
317 (Ч)	2,18	318, 319	318				
318 (Ч)	2,03	317, 319	317				
319 (Ч)	1,99	317, 318					
320 (Ч)	1,94						
321 (Ч)	1,93						
322 (ДГ)	2,03	323, 324	323				

№ монеты, клад	Вес в г	Общие штампы		№ монеты, клад	Вес в г	Общие штампы	
		ав.	рев.			ав.	рев.
372 (К)	2,12	373	373	416 (Ч)	2,01		415
373 (К)	2,06	372	372	417 (ДГ)	2,19		418—421
374 (Ч)	1,82	375, 376		418 (К)	2,26		417, 419—421
375 (ДГ)	1,93	374, 376		419 (Ч)	1,84		417, 418, 420, 421
376 (К)	2,13	374, 375	377				
377 (К)	2,18		376	420 (К)	2,15	421	417—419, 421
378 (Ч)	2,09	379, 380	379, 380	421 (К)	2,20	420	417—420
379 (Ч)	1,60	378, 380	378, 380	422 (Ч)	1,80		
380 (Ч)	1,32	378, 379	378, 379	423 (Ч)	2,12	424	424
381 (К)	2,19	382, 383		424 (Ч)	1,92	423	423
382 (К)	2,32	381, 383	384	425 (Ч)	2,16	426	426
383 (К)	2,30	381, 382	385	426 (Ч)	1,32	425	425
384 (Ч)	2,05		382	427 (Ч)	1,89		
385 (Ч)	1,93	386, 387	383	428 (Ч)	1,90	429	
386 (К)	2,15	385, 387		429 (Ч)	1,87	428	
387 (Ч)	1,85	385, 386		430 (Ч)	1,93		
388 (К)	2,13			431 (К)	2,09		
389 (К)	2,24	390		432 (Ч)	1,56		
390 (К)	2,15	389		433 (К)	2,26	434	
391 (К)	1,99	392—398	392	434 (Ч)	1,90	433	
392 (К)	1,93	391, 393—398	391	435 (Ч)	1,96	436	437, 439
393 (К)	2,24	391, 392, 394—398	394	436 (Ч)	1,89	435	438
		391—393, 395—398	393	437 (Ч)	2,11	438	435, 439
394 (ДГ)	2,08			438 (Ч)	2,00	437	436
		391—394, 396—398		439 (Ч)	1,35		435, 437
395 (ДГ)	2,23			440 (Ч)	1,99		441
		391—395, 397, 398		441 (Ч)	1,97		440
396 (Ч)	1,65			442 (Ч)	1,36		
		391—396, 398	398	443 (К)	2,31		
397 (Ч)	2,05			444 (Ч)	1,32	445	445
398 (Ч)	1,91	391—397	397	445 (К)	2,27	444	444
399 (ДГ)	1,29			446 (ДГ)	1,51		
400 (К)	2,20	401, 402		447 (Ч)	2,00	448	
401 (К)	2,14	400, 402		448 (Ч)	2,09	447	
402 (Ч)	1,99	400, 401	403	449 (ДГ)	2,08		
403 (Ч)	2,00	403—407	402	450 (Ч)	1,85		451, 452
404 (Ч)	2,16	403, 405—407		451 (Ч)	1,77	452, 453	450, 452
405 (Ч)	1,85	403, 404, 406, 407		452 (Ч)	1,75	451, 453	450, 451
		403—405, 407		453 (Ч)	1,95	451, 452	
406 (Ч)	1,90			454 (ДГ)	1,98		
407 (К)	2,26	403—406		455 (К)	2,18		
408 (ДГ)	1,93			456 (К)	2,18		
409 (К)	2,23	410—413	410—412	457 (К)	2,12		
410 (К)	2,14	409, 411—413	409, 411, 412	458 (К)	2,22	459	
411 (ДГ)	2,10	409, 410, 412, 413	409, 410, 412	459 (Ч)	2,05	458	
412 (Ч)	2,05	409, 410, 411, 413	409—411	460 (Ч)	1,87	461, 463	461
		409—412		461 (Ч)	1,84	460, 463	460
413 (Ч)	1,83			462 (К)	1,89	464	464, 465
414 (ДГ)	1,78			463 (Ч)	1,90	460, 461	
415 (Ч)	2,12		416	464 (Ч)	1,64	462	462, 465

№ монеты, клад	Вес в г	Общие штемпели		№ монеты, клад	Вес в г	Общие штемпели	
		ав.	рев.			ав.	рев.
465 (К)	2,10		462, 464	510 (К)	2,23	509, 511, 512	
466 (К)	2,22		467	511 (К)	2,29	509, 510, 512	512, 513
467 (Ч)	2,10	468, 469	466	512 (К)	2,12	509—511	511, 513
468 (Ч)	1,50	467, 469	469	513 (К)	2,39	514	511, 512
469 (К)	2,21	467, 468	468	514 (К)	2,34	513	515
470 (К)	2,06	471, 472		515 (К)	2,18		514
471 (К)	2,00	470, 472		516 (К)	2,15		
472 (К)	2,34	470, 471	474, 476—478	517 (К)	2,07	518	
473 (Ч)	2,04	474, 475		518 (Ч)	2,00	517	
474 (Ч)	1,90	473, 475	472, 476—478	519 (ДГ)	1,29		
475 (Ч)	2,05	473, 474		520 (Ч)	1,96		
476 (К)	2,23	477, 478	472, 474, 477, 478	521 (Ч)	1,92	522, 523	
477 (К)	2,19	476, 478	472, 474, 476, 478	522 (Ч)	2,00	521, 523	523
478 (Ч)	1,90	476, 477	472, 474, 476, 477	523 (Ч)	1,87	521, 522	522
479 (К)	2,18			524 (ДГ)	1,74	525	
480 (ДГ)	2,02			525 (Ч)	1,88	524	526
481 (Ч)	2,10			526 (Ч)	1,95		525
482 (Ч)	2,06			527 (Ч)	1,85		
483 (Ч)	2,01			528 (Ч)	1,81		
484 (К)	2,05			529 (Ч)	2,26	530	533—535
485 (К)	2,20			530 (Ч)	2,03	529	
486 (ДГ)	1,96			Группа Д			
487 (ДГ)	1,40			531 (Ч)	1,76	532	
488 (ДГ)	2,07			532 (Ч)	1,70	531	
489 (Ч)	2,05			533 (ДГ)	1,96		529, 534, 535
490 (Ч)	1,92	491		534 (Ч)	2,07	535, 536	529, 533, 535
491 (Ч)	2,12	490	492	535 (Ч)	1,44	534, 536	529, 533, 534
492 (Ч)	1,53	493	491	536 (Ч)	2,13	534, 535	537, 538
493 (Ч)	1,63	492	494	537 (Ч)	2,02	538, 539	536, 538
494 (Ч)	1,75		493	538 (Ч)	1,64	537, 539	536, 537
495 (Ч)	1,98			539 (К)	1,89	537, 538	
496 (Ч)	1,84		497, 498	540 (Ч)	1,85	541	
497 (К)	2,19	498—503	496, 498	541 (Ч)	2,15	540	542, 543
498 (Ч)	1,93	497, 498, 500—503	496, 497	542 (ДГ)	1,63	543, 544	541, 543
499 (ДГ)	2,20	497—499, 501—503	500, 501	543 (К)	2,38	542, 544	541, 542
500 (К)	2,14	497—499, 501—503	499, 501	544 (ДГ)	1,83	542, 543	
501 (К)	1,85	497—500, 502, 503	499, 500	545 (ДГ)	1,75		
502 (Ч)	1,98	497—501, 503	504	546 (К)	2,21	547	
503 (К)	2,17	497—502		547 (К)	2,05	546	
504 (К)	2,16	505	502	548 (Ч)	1,95	549—551	549, 550
505 (ДГ)	2,19	504		549 (Ч)	1,92	548, 550, 551	548, 550
506 (К)	2,14			550 (ДГ)	1,47	548, 549, 551	548, 549
507 (Ч)	2,05			551 (ДГ)	2,32	548—550	
508 (Ч)	1,90			552 (К)	2,21	553	
509 (Ч)	1,92	510—512		553 (ДГ)	1,47	552	
				554 (К)	2,32	555	
				555 (К)	2,25	554	556, 557

№ монеты, клад	Вес в г	Общие штампы		№ монеты, клад	Вес в г	Общие штампы	
		ав.	рев.			ав.	рев.
556 (К)	2,12	557	555, 557	Г р у п п а Е			
557 (Ч)	1,89	556	555, 556	601 (К)	2,33	602	602
558 (ДГ)	2,08			602 (Ч)	1,87	601	601
559 (ДГ)	1,97			603 (К)	2,28	604, 605	604
560 (К)	2,18	561—563		604 (Ч)	1,99	603, 605	603
561 (Ч)	1,74	560, 562, 563		605 (ДГ)	1,99	603, 604	
562 (Ч)	2,12	560, 561, 563	563	606 (Ч)	1,81	607—611	607
563 (Ч)	1,98	560—562	562	607 (Ч)	1,95	606, 608—611	606
564 (Ч)	1,57			608 (ДГ)	1,70	606, 607, 609—611	
565 (Ч)	1,85			609 (К)	2,24	606—608, 610, 611	610
566 (Ч)	2,03	567	567	610 (К)	2,16	606—609, 611	609
567 (Ч)	1,83	566	566	611 (Ч)	2,02	609—610	
568 (Ч)	1,91			612 (Ч)	1,57		
569 (Ч)	1,91	570	571, 572	613 (ДГ)	2,21		614
570 (ДГ)	1,95	569	570, 572	614 (К)	2,34	615	613
571 (Ч)	1,92		570, 571	615 (Ч)	1,88	614	
572 (Ч)	1,97	573		616 (Ч)	1,70		617
573 (К)	2,25	572		617 (Ч)	2,10		616
574 (Ч)	1,53	575—577	576—578	618 (Ч)	2,05		
575 (К)	2,16	574, 576, 577	575, 577, 578	619 (К)	2,18	620	
576 (Ч)	1,98	574, 575, 577	575, 576, 578	620 (Ч)	2,05	619	
577 (Ч)	1,88	574—576	575—577	621 (К)	2,10		
578 (К)	2,10	579, 580		622 (ДГ)	2,08		
579 (К)	2,20	578, 580		623 (К)	2,06		
580 (К)	2,16	578, 579		624 (К)	2,17		
581 (Ч)	1,83			265 (Ч)	1,86		
582 (Ч)	1,90	583		626 (Ч)	1,69		
583 (К)	2,23	582		627 (Ч)	1,50		
584 (Ч)	1,75			628 (Ч)	1,83	629	
585 (Ч)	1,82	586		629 (К)	2,22	628	630, 631
586 (ДГ)	1,37	585		630 (К)	2,25	631	629, 631
587 (ДГ)	2,26			631 (К)	2,18	630	629, 630
588 (Ч)	1,96	589		632 (К)	2,28		
589 (Ч)	1,13	588	589, 590	633 (ДГ)	2,15	634—642	
590 (Ч)	2,02	591—595		634 (Ч)	2,00	633, 635—642	
591 (К)	2,22	590, 592—595		635 (Ч)	2,09	633, 634, 636—642	636
592 (К)	2,14	590, 591, 593—595		636 (К)	2,09	633—635, 637—642	635
593 (ДГ)	1,67	590—592, 594, 595		637 (К)	2,15	633—636, 638—642	
594 (ДГ)	2,16	590—593, 595	595	638 (К)	2,37	633—637, 639—642	
595 (ДГ)	1,41	590—594	594	639 (К)	2,14	633—638, 640—642	640—643
596 (К)	2,20	597		640 (Ч)	2,08	633—639, 641, 642	639, 641—643
597 (Ч)	2,05	596	598	641 (Ч)	1,90	633—640, 642	639, 640, 642, 643
598 (Ч)	1,76	599, 600	597				
599 (Ч)	1,87	598, 600					
600 (Ч)	2,03	598, 599					

№ монеты, клад	Вес в г	Общие штемпели		№ монеты, клад	Вес в г	Общие штемпели	
		av.	rev.			av.	rev.
Г р у п п а Ж							
642 (Ч)	2,06	633—641	639—641, 643	685 (Ч)	1,95	686	686
643 (Ч)	1,93		639—642	686 (Ч)	1,43	685	685
644 (К)	2,13			687 (ДГ)	1,70		
645 (К)	2,22			688 (ДГ)	2,14		
646 (ДГ)	2,20	647—650	647, 648, 650—652	689 (К)	2,24	690, 691	
647 (К)	2,09	646, 648—650	646, 648, 650—652	690 (К)	2,18	689, 691	691
648 (Ч)	1,85	646, 647, 649, 650	646, 647, 650—652	691 (К)	2,03	689, 690	690
649 (Ч)	1,87	646—648, 650	653	692 (К)	2,25		693
650 (Ч)	1,59	646—649	646—648, 651, 652	693 (Ч)	2,06		692
651 (ДГ)	1,70		646—648, 650, 652	694 (К)	2,03	695	695
652 (К)	2,18	653	646—648, 650, 651	695 (Ч)	1,95	694	694
653 (К)	2,15	652	649	696 (К)	2,26	697	
654 (К)	2,16		656	697 (ДГ)	2,07	696	
655 (Ч)	1,92	656, 657	655	698 (Ч)	1,88	699	700
656 (Ч)	1,22	655, 657	655	699 (Ч)	1,94	698	701
657 (Ч)	1,83	655, 656		700 (К)	2,18	701	698
658 (Ч)	1,90	659		701 (Ч)	1,34	700	699
659 (Ч)	1,87	658		702 (К)	2,19		
660 (К)	2,22	661, 662		703 (Ч)	1,93		
661 (К)	2,20	660, 662		704 (Ч)	1,90		
662 (Ч)	1,87	660, 661		705 (К)	2,26	706	
663 (Ч)	1,95			706 (К)	2,14	705	
664 (Ч)	1,98			707 (Ч)	1,15		
665 (Ч)	1,92			708 (Ч)	1,80		
666 (К)	2,20	667		709 (Ч)	1,41		
667 (К)	2,27	666		710 (Ч)	1,95		
668 (К)	2,15	669		711 (Ч)	1,91		
669 (К)	2,12	668		712 (К)	2,20		713, 714
670 (ДГ)	1,65	671 ?		713 (К)	2,16		712, 714
671 (К)	2,04	670 ?	672	714 (К)	2,14	713, 715	712, 713
672 (Ч)	1,92		671	715 (К)	2,13	713, 714	
673 (Ч)	2,01			716 (К)	2,22	717—720	717—720
674 (Ч)	1,83			717 (К)	2,22	716, 718—720	716, 718—720
675 (К)	2,19	676	676	718 (К)	2,19	716, 717, 719, 720	716, 717, 719, 720
676 (Ч)	1,98	675	675	719 (К)	2,14	716—718, 720	716—718, 720
677 (Ч)	2,01			720 (К)	2,03	716—719	716—719
678 (Ч)	1,85			Г р у п п а З			
679 (Ч)	1,32	680		721 (Ч)	1,92	722	
680 (Ч)	2,00	679		722 (ДГ)	2,19	721	
681 (К)	2,17			723 (Ч)	2,04		
682 (К)	2,14	683	683	724 (К)	2,34		
683 (К)	2,11	682	682	725 (Ч)	1,96		
684 (Ч)	2,15			726 (ДГ)	1,23		
				727 (Ч)	1,87		
				728 (ДГ)	1,91		
				729 (Ч)	2,16		
				730 (Ч)	2,00		

№ монеты, клад	Вес в г	Общие штемпели		№ монеты, клад	Вес в г	Общие штемпели	
		ав.	рев.			ав.	рев.
Группа И							
731 (Ч)	1,37			778 (Ч)	2,04	779, 780	
732 (Ч)	2,04	733, 734		779 (Ч)	1,92	778, 780	780, 781
733 (Ч)	1,80	732, 734		780 (Ч)	1,83	778, 779	779, 781
734 (Ч)	1,92	732, 733		781 (Ч)	1,13	782	779, 780
735 (Ч)	2,03	736		782 (Ч)	1,91	781	
736 (Ч)	2,00	735		783 (Ч)	1,76		
737 (Ч)	1,99	738, 739		Группа М			
738 (Ч)	1,92	737, 739	739	784 (Ч)	1,94		
739 (Ч)	1,92	737, 738	738	785 (Ч)	1,78		
740 (ДГ)	2,00			786 (Ч)	1,62		
741 (Ч)	1,50		742	787 (Ч)	1,42		
742 (Ч)	2,08		741	788 (Ч)	1,97	789	
Группа К							
743 (Ч)	1,83			789 (Ч)	1,94	788	
744 (Ч)	1,87	745		790 (Ч)	1,72		
745 (Ч)	1,85	744		791 (Ч)	1,88		
746 (Ч)	1,90			792 (Ч)	2,05		
747 (Ч)	1,44	748 ?		793 (Ч)	1,09	794	
748 (Ч)	1,06	747 ?		794 (Ч)	1,74	793	
749 (Ч)	1,63			795 (Ч)	1,81		
750 (Ч)	1,92			796 (Ч)	1,63		
751 (Ч)	1,80			797 (Ч)	1,94		
752 (Ч)	1,86			798 (Ч)	1,45		
753 (Ч)	2,07		754	799 (Ч)	1,89		
754 (Ч)	1,94	755	753	800 (Ч)	2,02		
755 (Ч)	2,21	754		801 (Ч)	1,90		
756 (Ч)	2,02	757		802 (Ч)	1,65		
757 (Ч)	1,92	756	758	803 (Ч)	1,84	804	804
758 (Ч)	1,80		757	804 (Ч)	1,32	803	803
759 (Ч)	2,05			805 (Ч)	1,83	806, 807	806
760 (Ч)	1,98			806 (Ч)	1,25	805, 807	805
761 (Ч)	1,95			807 (Ч)	1,94	805, 806	
762 (Ч)	2,05			808 (Ч)	1,97		
763 (Ч)	1,92			809 (Ч)	1,93	810	
764 (Ч)	1,91			810 (Ч)	1,44	809	
765 (Ч)	1,90			<i>Триболы (голова льва — протома львицы)</i>			
766 (Ч)	1,74			811 (АС)	2,22	812	
767 (Ч)	1,85			812 (АС)	2,21	811	
768 (Ч)	1,93			813 (АС)	2,59		
769 (Ч)	2,11			<i>Дидрамы (лев — «Минотавр»)</i>			
770 (Ч)	1,76			814 (АС)	11,35		
771 (Ч)	1,83			815 (АС)	11,34		
772 (Ч)	2,05			<i>Дидрамы (человеческая голова — две головы)</i>			
773 (Ч)	1,86			816 (АС)	10,36		
Группа Л							
774 (Ч)	1,87			817 (АС)	9,60		
775 (Ч)	1,85			818 (АС)	9,16		
776 (Ч)	2,00		777				
777 (Ч)	1,94		776				

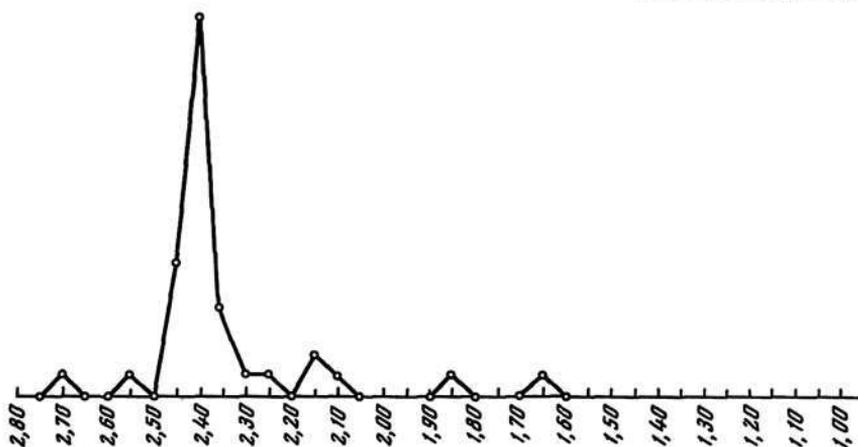

График 1. Группа А — Кобулетский клад. Средний вес 2,40 г (по монетам с весом в пределах 2,45—2,35 г)

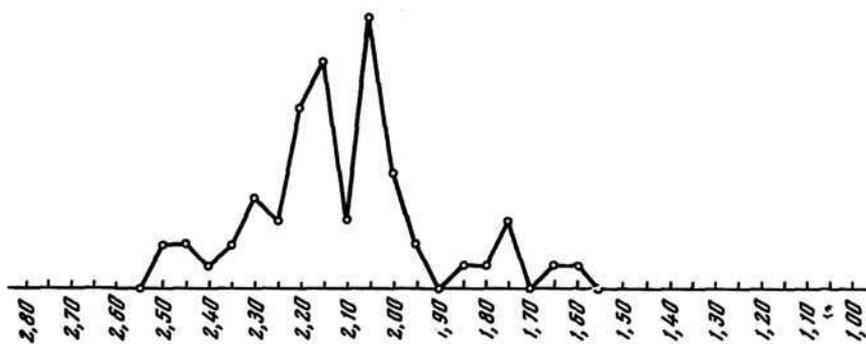

График 2. Группа А — Ахал-сопельский, Дабла-гомский и Чометский клады. Средний вес 2,12 г (по монетам с весом в пределах 2,30—2,00 г)

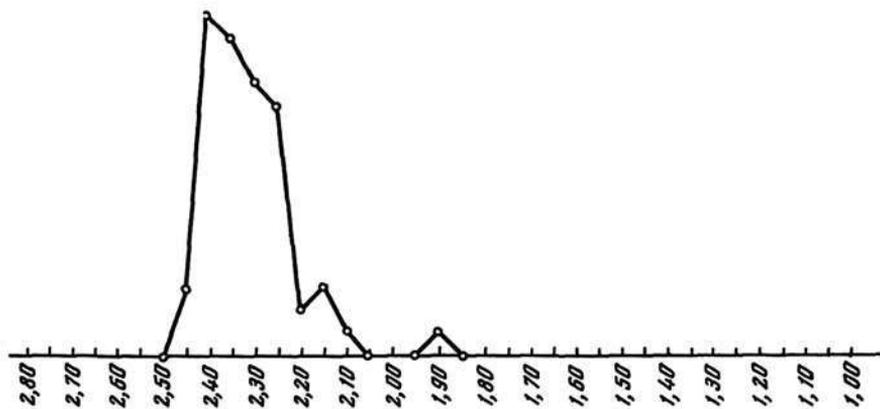

График 3. Группа Б — Кобулетский клад. Средний вес 2,33 г (по монетам с весом в пределах 2,45—2,15 г)

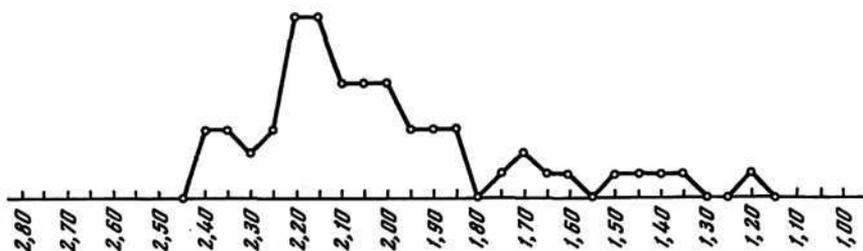

График 4. Группа Б — Ахал-сопельский, Дабла-гомский и Човетский клад. Средний вес 2,12 г (по монетам с весом в пределах 2,40—1,85 г)

График 5. Группа В — Кобулетский клад. Средний вес 2,18 г (по монетам с весом в пределах 2,40—2,10 г)

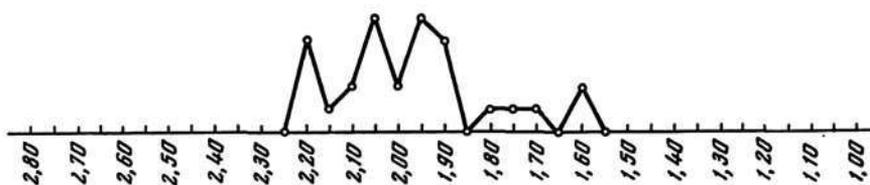

График 6. Группа В — Дабла-гомский и Човетский клад. Средний вес 2,03 г (по монетам с весом в пределах 2,20—1,90 г)

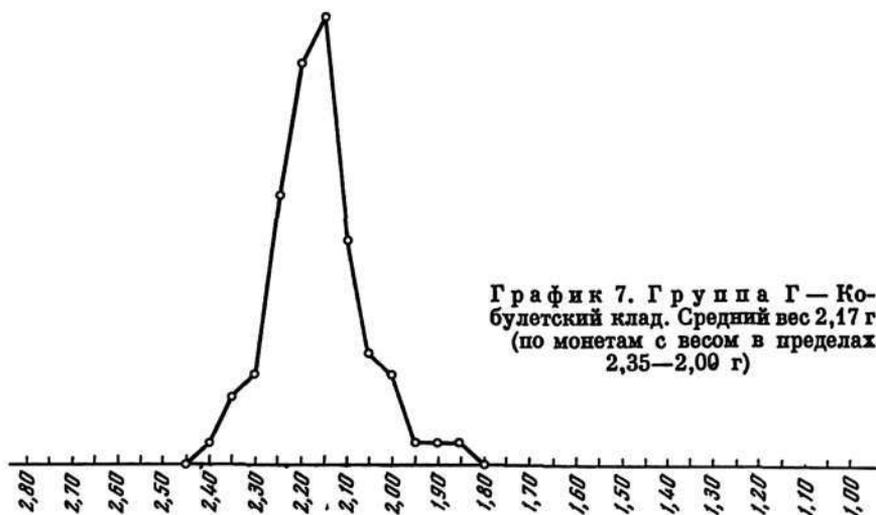

График 7. Группа Г — Кобулетский клад. Средний вес 2,17 г (по монетам с весом в пределах 2,35—2,00 г)

График 8. Группа Г —
Дабла-гомский и Човетский
клады. Средний вес 1,95 г (по
монетам с весом в пределах
2,25—1,50 г)

График 9. Группа Д — Кобу-
летский клад. Средний вес 2,19 г (по
монетам с весом в пределах 2,30—
2,10 г)

График 10. Группа Д — Дабла-гомский и Човетский клады.
Средний вес 1,91 г (по монетам с весом в пределах 2,15—1,65 г)

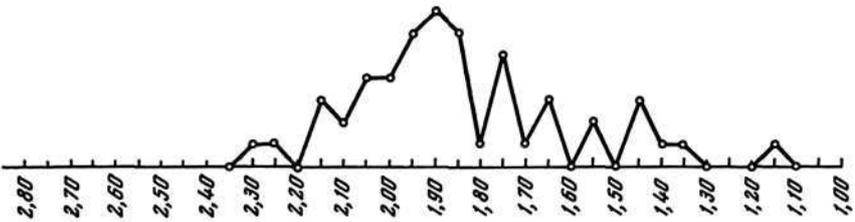
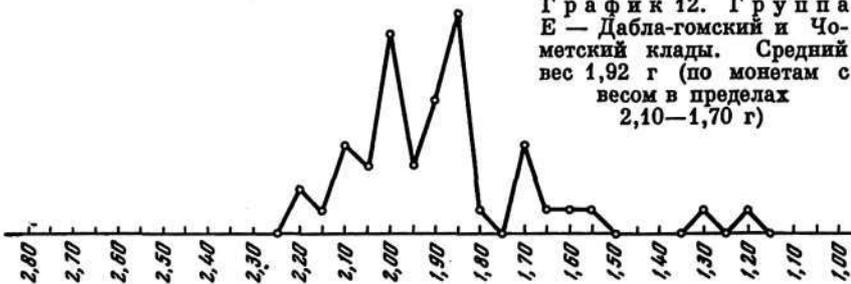

График 11. Группа Е — Кобу-
летский клад. Средний вес — 2,14 г
(по монетам с весом в пределах
2,35—2,05 г)

График 12. Группа Е — Дабла-гомский и Чо-
ветский клады. Средний
вес 1,92 г (по монетам с
весом в пределах
2,10—1,70 г)

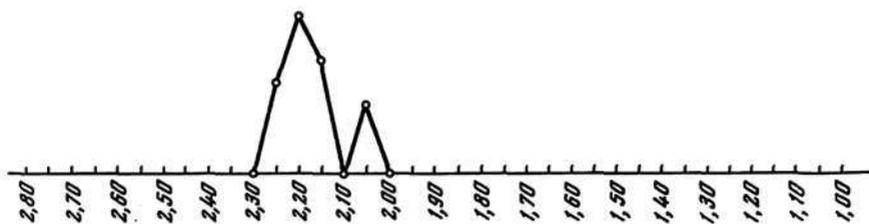

График 13. Группа Ж — Кобулетский клад. Средний вес 2,20 г (по монетам с весом в пределах 2,25—2,15 г)

График 14. Группа Ж — Дабла-гомский и Човетский клады. Средний вес 1,93 г (по монетам с весом в пределах 2,15—1,70 г)

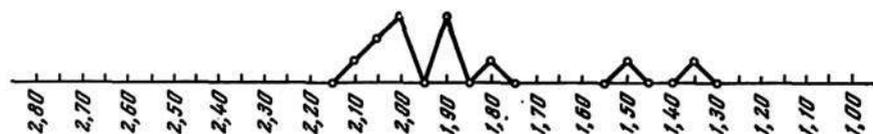

График 15. Группа И — Дабла-гомский и Човетский клады. Средний вес 1,97 г (по монетам с весом в пределах 2,10—1,80 г)

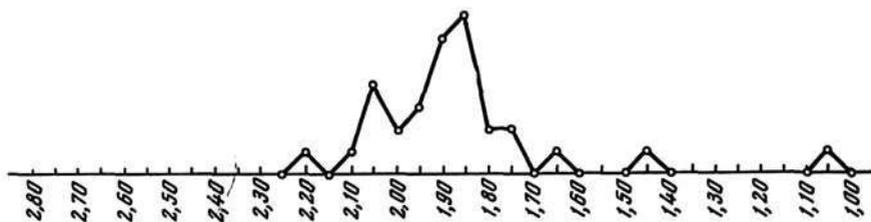

График 16. Группа К — Човетский клад. Средний вес 1,91 г (по монетам с весом в пределах 2,05—1,75 г)

График 17. Группа Л — Човетский клад. Средний вес 1,92 г (по монетам с весом в пределах 2,05—1,85 г)

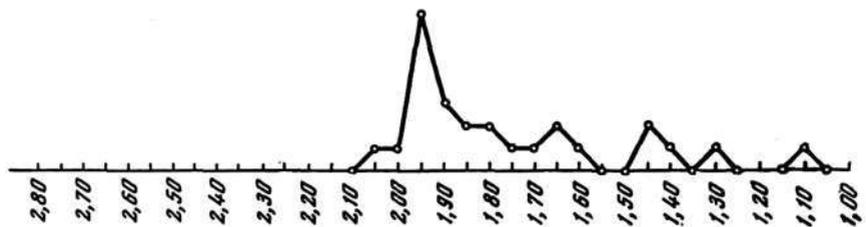

График 18. Группа М — Човетский клад. Средний вес 1,80 г (по монетам с весом в пределах 2,05—1,40 г)

Д. Б. ШЕЛОВ

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК ТАНАИСА
1955—1964 гг.

Число нумизматических находок, сделанных Нижне-Донской экспедицией за время раскопок Танаиса (Недвиговское городище), относительно невелико. В течение всех раскопочных кампаний с 1955 по 1964 г. включительно было найдено на городище и в могильнике или получено от местных жителей 142 монеты, из них 24 оказались такой плохой сохранности, что их не удалось определить даже приблизительно. Определение всех остальных найденных монет дано в Приложении.

При раскопочных работах, проводившихся на Недвиговском городище в XIX в., и при поверхностных сборах на его территории монеты находили неоднократно¹. Приблизительный подсчет показывает, что до начала работ Нижне-Донской экспедиции через руки исследователей прошло около 300 монет, происходивших из Танаиса. К сожалению, весь этот нумизматический материал не был в свое время издан и обработан, а теперь он уже не может стать объектом изучения, так как монеты из прежних сборов, согласно существовавшей ранее музейной практике, обезличены и присоединены к нумизматическим фондам музеев без сохранения паспортов. Можно только с уверенностью утверждать, опираясь на суммарную характеристику этих монет прежними исследователями, что почти все они принадлежали чеканке боспорских царей I—III вв. н. э.² Тем большее значение приобретает наша небольшая, но точно паспортизованная монетная коллекция из танаисских раскопок 1955—1964 гг.

Некоторые наблюдения, касающиеся денежного обращения Танаиса и основанные на анализе нумизматических находок Нижне-Донской экспедиции, изложены нами в специальной статье в 1960 г.³, но список монетных находок тогда опубликован не был. К тому же статья 1960 г. учитывала только монеты, найденные в 1955—1959 гг., теперь в нашем распоряжении имеются монетные находки еще пяти полевых сезонов.

В 1960—1964 гг. в Танаисе встречено всего 47 монет. Сравнительно небольшое число монетных находок объясняется тем, что в эти годы раскопки в основном были сосредоточены в западной части городища (раскопы VI, IX, XIII), где исследовались главным образом ранние слои III—I вв. до н. э., обычно лишенные в Танаисе нумизматических материалов. Это обстоятельство еще раз подтверждает представление о том, что в III—I вв. до н. э. монеты в Танаис попадали в очень небольшом коли-

¹ П. М. Леонтьев. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. — Прошлеи, т. IV. М., 1854, стр. 433, 491; Б. В. Лунины. К нумизматическим находкам на Недвиговском городище. — ПИДО, 1934, № 11—12, стр. 113; Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 120.

² Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 121.

³ Д. Б. Шелов. Денежный рынок Танаиса. — ЗОАО, I (34), 1960, стр. 133 сл.

честве ⁴. Следует остановиться на монетах № 98 и 103. Обе они являются медными монетами, вероятно гемидолами, Пантикапея; на лицевой стороне — изображение безбородой головы сатира в плющевом венке, а на оборотной — изображение львиной головы и осетра под ней; с обеих сторон имеются надчеканки в виде звезды и горита ⁵. Обращение таких пантикапейских монет твердо датируется началом III в. до н. э. ⁶ Таким образом, эти находки дают самую раннюю нумизматическую дату существования Танаиса. Одна из них (№ 98) найдена в 1960 г. на раскопе VI в засыпи помещения ББ I в. до н. э., другая (№ 103) — в мусорном слое III в. н. э. на раскопе XII. Следовательно, обе эти монеты встречены в относительно поздних слоях и не связаны стратиграфически с комплексами III в. до н. э. Третья пантикапейская монета (№ 85), датируемая первой четвертью III в. до н. э. ⁷, была найдена еще в 1958 г. в мусорной яме древнейшего периода Танаиса (раскоп VI). Эти три монеты являются единственными нумизматическими памятниками Недвиговского городища, относящимися к эллинистическому времени. К ним можно добавить еще маленькую монетку Фанагории II в. до н. э., найденную в 1908 г. при раскопках танаисского некрополя ⁸, и пантикапейский тетрахалк первой четверти I в. до н. э., обнаруженный в позднем помещении И на раскопе IV в 1964 г. Если учесть, что работами Нижне-Донской экспедиции вскрыта очень значительная площадь в ранней западной части городища (раскопы VI, VII, IX, XIII), что эллинистические слои открыты и на других участках городища, что исследованы участки танаисского некрополя III—I вв. до н. э., находка всего четырех монет первого периода существования города лишь подчеркивает почти полное отсутствие нумизматических материалов этого времени.

Все остальные монетные находки пяти последних лет не представляют чего-либо нового. Это медные сестерции, денарии и двойные денарии боспорских царей II и первой половины III в. н. э.

Следует обратить внимание на связь некоторых танаисских монет с определенными археологическими комплексами. О находке пантикапейской монеты (№ 85) в яме эллинистического времени уже говорилось. Интересна находка девяти монет (№ 60—65, 67—69) ⁹ в подвале Д на раскопе IV. Одну из этих монет (№ 69) определить не удалось, другие оказались боспорскими царскими монетами. Нескольким неожиданно присутствие среди них дуплондия (№ 67) с изображением пятиколонного храма и монограммой ¹⁰, который должен быть датирован 68—69 гг. н. э. ¹¹ Он в этом комплексе, видимо, случаен, зато остальные семь монет составляют компактную хронологическую группу, датируемую первой третью III в. н. э. Это монеты разных номиналов Савромата II, Рискупорида III, Котия III, Рискупорида IV и Инифимея. Особенно важны находки наиболее поздних монет — статера 534 г. боспорской эры (237 г. н. э.)

⁴ Д. Б. Шелов. Денежный рынок Танаиса, стр. 134—135.

⁵ П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинистическим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней Южной России. Одесса, 1884, табл. XX, 72; А. Н. Зограф. Античные монеты. — МИА, № 16, 1951, табл. XLI, 3.

⁶ Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, стр. 106 сл.

⁷ П. О. Бурачков. Общий каталог. . . , табл. XX, 73—74; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XLI, 4.

⁸ Н. Веселовский. Танаис младший. — «Гермес», 1909, № 6, стр. 251, прим. 12.

⁹ А. К. Коровина, Д. Б. Шелов. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956—1957 гг.). — Сб. «Древности Нижнего Дона». М., 1965, стр. 50.

¹⁰ П. О. Бурачков. Общий каталог. . . , табл. XXIX, 202.

¹¹ П. О. Карышковский. Боспор и Рим в I в. н. э. по нумизматическим данным. I. О монетах с изображением пятиколонного храма. — ВДИ, 1953, № 3, стр. 179 сл.

и двойного денария Иниифимея (№ 60, 65), так как они дают нам terminus post quem для засыпки подвала и для гибели всего города в III в. н. э.¹³

Нет никакого сомнения, что монеты всех указанных боспорских правителей находились в обращении в момент разрушения Танаиса. Это подтверждается находками аналогичных монет и в других подвальных помещениях, засыпанных при разрушении. В подвале А на раскопе IV¹³, принадлежащем тому же жилому комплексу, что и подвал Д, найдены денарий Рискупорида III и очень плохо сохранившийся боспорский сестерций, приблизительно датируемый II—III вв. н. э. (№ 38, 39). В большем подвале Б на раскопе XII¹⁴ обнаружены двойные денарии Иниифимея и более ранний сестерций Риметалка (№ 104—107). В подвальном помещении на раскопе I¹⁵ встречена монета Савромата II (№ 27). В подвальном помещении Б на раскопе II найдены денарий Рискупорида III и плохо определимый боспорский сестерций II в. н. э. (№ 12, 20).

Особенно показательна находка группы монет в помещении И на раскопе IV. Это помещение хозяйственного назначения погибло при разгроме города в середине III в. н. э. 19 монет лежали вместе в юго-восточном углу помещения; может быть, они находились в кошельке или каком-то другомместилище, совершенно истлевшем. Из этих монет три (№ 132—134) распались при чистке и определить их оказалось невозможным, а подавляющее большинство остальных (№ 120—131) составляли двойные денарии Иниифимея. Но вместе с ними лежали два денария Рискупорида III (№ 118, 119), один денарий Котия III (№ 116) и один плохо сохранившийся денарий, также принадлежавший одному из боспорских царей первой трети III в. н. э. (№ 117). Кроме этих 19 монет, в том же помещении И обнаружены в разных местах еще четыре отдельные монеты. Две из них (№ 137, 138) не удалось определить из-за плохой сохранности, находка третьей монеты — денария Савромата II (№ 135) — не должна нас удивлять, поскольку медные монеты этого царя, как мы видели, еще участвовали в обращении к моменту разгрома Танаиса. А вот находка четвертой монеты — пантикапейского тетрахаля митридатовского времени (№ 136) — трудно объяснима. Предполагать, что эта монета могла задержаться в обращении до половины III в. н. э., вряд ли возможно. Скорее всего эта монета, найденная у восточной стены помещения, сохранилась в какой-нибудь щели между камнями стены еще с начального периода существования всего комплекса, подобно тому, как сохранились обломки позднеэллинистической керамики в трещинах пола соседнего помещения Д на том же раскопе IV¹⁶.

Если гибель дома, к которому принадлежал подвал Б на раскопе II, хорошо датируется разными материалами, в том числе и указанными выше монетами III в. н. э., то начальный период его существования определяется монетами, встреченными во дворе этого дома. При расчистке вымостки двора между образующими ее каменными плитами были найдены три монеты второй половины I в. н. э., вероятно, закатившиеся в щели вымостки и утерянные, таким образом, еще в конце I в. н. э. Это дупондий Котия I, дупондий и сестерций Рискупорида II (№ 33—35). При расчистке стены 14, принадлежащей к этому же жилому комплексу, но сооруженной, видимо, несколько позднее основных построек, был обнаружен боспорский сестерций II в. н. э. (№ 11).

¹³ Д. Б. Шелов. К истории Танаиса. — ВДИ, 1959, № 1, стр. 126.

¹⁴ А. К. Коровина, Д. Б. Шелов. Раскопки юго-западного участка. . . , стр. 37 и сл.

¹⁵ М. А. Наливкина. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960—1961 гг.). — Сб. «Древности Нижнего Дона». М., 1965, стр. 137 и сл.

¹⁶ Т. М. Арсеньева, Д. Б. Шелов. Раскопки центральной части Танаиса (1955—1957 гг.). — Там же, стр. 10 сл.

¹⁶ А. К. Коровина, Д. Б. Шелов. Раскопки юго-западного участка. . . , стр. 50.

В стратиграфическом отношении важна монета № 57. Это денарий Рискупорида III, обращавшийся в Танаисе, как мы видели, в момент разгрома города в III в. н. э. Она найдена в мусорном слое, подстилающем стену № 60 на раскопе II. Таким образом, она подтверждает сделанный на основании других данных вывод, что стена 60 и все связанные с ней строительные остатки принадлежат уже последнему периоду существования города, восстановленного после разгрома. О времени восстановления говорят нам найденные экспедицией римские монеты второй половины IV в. н. э. — № 1 (Флацилла) и № 79 (Феодосий I), а также монета Валента, встреченная на Недвиговском городище при раскопках П. М. Леонтьева¹⁷.

Единственная в наших раскопках монетная находка из грунтового некрополя — субэратная монета Августа, интересная во многих отношениях, уже была нами опубликована¹⁸.

---

¹⁷ П. М. Леонтьев. Археологические разыскания... стр. 438.

¹⁸ Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. — МИА, № 98, 1961, стр. 30, 82, табл. XL, 1.

СПИСОК МОНЕТНЫХ НАХОДОК *

№ п/п	№ по описи	Место выпуска, царь	Номинал	Дата	Издание монеты	Место находки
1955						
1	136	Рим. Флацилла (чеканена в Никомедии)		383—388	Mattingly, Sutherland and Carson. The Roman imperial coinage, IX, табл. XVI, 8	II, пл. 2, шт. 16
2	139	Боспор. Савромат II	Двойной денарий	186—196		I, пл. 2, шт. 4
3	427	Боспор. Савромат I	Сестерций	93—113	Б, XXVIII, 159; 3, XLVII, 9	II, пл. 4, шт. 15
4	480	Боспор. Рискупорид II	Сестерций	69—92	Б, XXVII, 127	II, пл. 4, шт. 18
5	540	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXI, 271 и сл.; 3, XLIX, 11—12	III, пл. 2, шт. 12
6	707	Боспор	Сестерций	II в. (?)		III, пл. 5, шт. 11
7	734	Боспор. Инифимей	Двойной денарий	234—239	3, XLIX, 18	Случайная находка
8	1122	Боспор. Савромат II	Сестерций	174—186	Б, XXX, 222	II, пл. 5, шт. 12
9	1253	Боспор. Савромат II	Драхма	186—196	Б, XXXI, 274	II, пл. 10, шт. 9
10	1344	Боспор. Савромат II	Двойной денарий	186—196	Б, XXX, 224; 3, XLVIII, 13, но с надчеканкой	II, пл. 9, шт. 3
11	1345	Боспор	Сестерций	II в.		II, пл. 9, расчистка стоны 14
12	1402	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXII, 278 и сл.; 3, XLIX, 10	II, пом. Б
13	1445	Боспор. Инифимей	Двойной денарий	234—239	3, XLIX, 18	II, пл. 5, прирезка
14	2216	Боспор	Сестерций	II в.		II, пл. 11, шт. 9
15	2304	Боспор. Савромат I	Сестерций	93—118	Б, XXVIII, 165	Случайная находка
16	2308	Боспор	Сестерций	II в.		То же
17	2309	Боспор	Сестерций	II в.		» »
18	2310	Боспор. Котий I	Дупондий	68—69	Б, XXIX, 177; 3, XLVII, 17	II, пл. 8, шт. 10

* В «Списке...» приняты следующие сокращения: в графе «Издание монеты»: Б — П. О. Бурачков, Общий каталог..., табл.; 3 — А. Н. Зограф, Античные монеты, табл.; в графе «Место находки» римская цифра обозначает номер раскопа; пл. — площадь; шт. — штук; пом. — помещение; погр. — погребение.

№ п/п	№ по описи	Место выпуска, царь	Номинал	Дата	Издание монеты	Место находки
19	2312	Рим. Фаустина Младшая			Mattingly. Coins of the Roman Empire in the British Museum, IV, табл. 74, 974	II, пл. 4, шт. 13
20	2314	Боспор	Сестерций	II в.		II, пом. Б
21	б/н	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXI, 271 и сл.; 3, XLIX, 11—12	Случайная находка
22	б/н	Неопределима				То же
23	37	Боспор	Двойной денарий	Начало III в.		I, пл. 1, шт. 10
1956						
24	40	Боспор. Савромат I	Сестерций	93—118	Б, XXVIII, 158	V, пл. 1, шт. 6
25	50	Боспор. Рискупорид III или Котий III	Денарий	210—233	Б, XXXI, 271 и сл. или Б, XXXII, 294	I, пл. 8, шт. 9
26	75	Неопределима (монета просверлена)				II, пл. 13, шт. 5
27	81	Боспор. Савромат II	Двойной денарий	196—210	Б, XXXI, 240 и сл.; 3, XLIX, 5	I, пл. 9, пом.
28	193	Неопределима				IV, пл. 3, шт. 12
29	214	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXI, 271 и сл.; 3, XLIX, 11—12	IV, пл. 2, шт. 12
30	375	Неопределима				II, пл. 14, шт. 9
31	380	Боспор. Савромат II (монета просверлена)	Сестерций	186—196	Б, XXX, 221	VI, пл. 12, шт. 4
32	382	Боспор. Рискупорид IV	Двойной денарий	233—234		IV, пл. 11, шт. 7
33	486	Боспор. Рискупорид II	Сестерций	80—92	Б, XXVII, 130; 3, XLVII, 4	II, пл. 4, вымостка
34	469	Боспор. Котий I	Дупондий	68—69	Б, XXIX, 177; 3, XLVII, 17	То же
35	470	Боспор. Рискупорид II	Дупондий	69—92	Б, XXVII, 112; 3, XLVI, 17	» »

№ п/п	№ по описи	Место выпуска, царь	Номинал	Дата	Издание монеты	Место находки
36	569	Неопределима				II, пл. 19, шт. 9
37	657	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXII, 278 и сл.; 3, XLIX, 10	II, пл. 20, шт. 1
38	664	Боспор. Рискупорид III (?)	Денарий	210—226 (?)	Б, XXXI, 271 (?); 3, XLIX, 11 (?)	IV, пл. 5—10, шт. 12
39	665	Боспор	Сестерций	Конец I—начало III в.		IV, пл. 5—10, шт. 12
40	671	Боспор. Савромат I	Сестерций	93—118	Б, XXXI, 159; 3, XLVII, 9	IV, выброс
41	754	Боспор. Савромат II	Двойной денарий	196—210	Б, XXXI, 240; 3, XLIX, 5	II, пл. 16, шт. 5
42	755	Боспор. Савромат II	Драхма	186—196	3, XLVIII, 14	II, пл. 16, шт. 5
43	756	Боспор. Савромат II	Драхма	196—210	3, XLIX, 2	II, пл. 1, шт. 5
44	б/н	Неопределима				Случайная находка
45	б/н	Боспор	Сестерций	Конец I—II в.		То же
46	б/н	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	3, XLIX, 11—12	» »
47	б/н	Боспор. Иннфимей	Двойной денарий	234—239	3, XLIX, 18	» »
48	б/н	Боспор. Иннфимей (?)	Двойной денарий	234—239 (?)	3, XLIX, 18 (?)	» »
49	б/н	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXI, 271 и сл.; 3, XLIX, 11—12	» »
50	б/н	Неопределима				» »
51	б/н	Рим. Август (чеканена в Лугдуне (?); обтянута золотой фольгой)			Mattingly. Coins of the Roman Empire in the British Museum, I, табл. 13, 7—8	V, погр. 79
1957						
52	58а	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXII, 278 и сл.; 3, XLIX, 10	Случайная находка
53	58б	Боспор. Иннфимей	Двойной денарий	234—239	3, XLIX, 18	То же
54	58в	Неопределима				» »

№ п/п	№ по описи	Место выпуска, царь	Номинал	Дата	Издание монеты	Место находки
55	414	Неопределима				II, пл. 24, шт. 5
56	417	Боспор	Сестерций	Конец I—II в.		IV, пл. 22, шт. 2
57	434	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXII, 278 и сл.; 3, XLIX, 10	II, пл. 25, под кладкой 60
58	447	Боспор. Рискупорид I	Асс	14—37	Б, XXVI, 85; 3, XLV, 16	II, пл. 23, пом. И
59	440	Неопределима				То же
60	563	Боспор. Инифимей	Двойной денарий	234—239	3, XLIX, 18	IV, пом. Д
61	639	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXII, 278 и сл.; 3, XLIX, 10	То же
62	807	Боспор. Савромат II	Двойной денарий	196—210	Б, XXXI, 240 и сл.; 3, XLIX, 5	» »
63	822	Боспор. Котий III	Статер	528 г. боспорской э. = 231 г. н. э.	Б, XXXII, 291	» »
64	823	Боспор. Рискупорид IV	Статер	531 г. боспорской э. = 234 г. н. э.	Б, XXXII, 305	» »
65	824	Боспор. Инифимей	Статер	534 г. боспорской э. = 237 г. н. э.	3, XLIX, 16	» »
66	6/н	Неопределима				IV, пл. 28, шт. 10
67	860	Боспор	Дупондий	68—69	Б, XXIX, 202	IV, пом. Д
68	861	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXII, 281	То же
69	862	Неопределима				» »
70	1136	Боспор. Котий II	Сестерций	123—132	Б, XXIX, 176	Случайная находка
71	1138	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXII, 278 и сл.; 3, XLIX, 10	То же
72	1139	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXI, 271 и сл.; 3, XLIX, 11—12	» »
73	1140	Боспор. Савромат II	Денарий, после надчеканки двойной	186—196	Б, XXXI, 241	» »

№ п/п	№ по описи	Место выпуска, царь	Номинал	Дата	Издание монеты	Место находки
74	1141	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXI, 271 и сл.; 3, XLIX, 11—12	Случайная находка
75	1142	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXI, 271 и сл.; 3, XLIX, 11—12	То же
76	1143	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXII, 278 и сл.; 3, XLIX, 10	» »
77	1144	Боспор. Рискупорид III (?)	Денарий	210—226 (?)	Б, XXXI, 271 (?); 3, XLIX, 11—12 (?)	» »
78	1145	Неопределима				» »
79	1146	Рим. Феодосий I (чеканена в Кизикке или в Нико-медии)		379—383	Mattingly. The Roman imperial coins, v. IX. London, 1951, 242, № 14 с 3; стр. 257, № 25 с 3	» »
80	б/н	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXI, 278 и сл.; 3, XLIX, 10	» »
81	б/н	Боспор. Савромат I	Статер	418 г. боспор-ской э. = 121 г. н. э.	Б, XXVIII, 145	» »
82	б/н	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXII, 278 и сл.; 3, XLIX, 10	II, случайная находка
83	135	Боспор	Сестерций	II в.		II, пл. 20, шт. 9
1958						
84	43	Боспор. Риметалк	Сестерций	132—137	Б, XXIX, 188; 3, XLVII, 18	VIII, пл. 2, шт. 1
85	481	Пантикапей	Гемнобол (?)	Первая четверть III в. до н. э.	Б, XX, 73—74; 3, XLI, 4	VI, пл. 9, яма 6
86	б/н	Боспор. Риметалк	Сестерций	132—137	Б, XXIX, 188	V, пл. 27

№ п/п	№ по описи	Место выпуска, царь	Номинал	Дата	Издание монеты	Место находки
1959						
87	б/н	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXI, 271 и сл.; З, XLIX, 11—12	Случайная находка
88	б/н	Боспор. Савромат III	Денарий	229—231	Б, XXXII, 302	То же
89	б/н	Неопределима				» »
90	б/н	Боспор. Ининфимей	Двойной денарий	234—239	З, XLIX, 18	» »
91	б/н	Боспор. Рискупорид I	Асс	37—39	Б, XXVI, 87	» »
92	б/н	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXI, 271 и сл.; З, XLIX, 11—12	» »
93	б/н	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXI, 271 и сл.; З, XLIX, 11—12	» »
94	б/н	Боспор. Савромат I	Сестерций	93—118	Б, XXVIII, 161	» »
95	б/н	Боспор. Савромат II	Сестерций	174—186	Б, XXX, 222	» »
1960						
96	1	Боспор. Риметалк	Сестерций	132—137	Б, XXIX, 188; З, XLVII, 18	VI, пл. 49, шт. 1
97	113	Боспор. Риметалк	Сестерций	132—137	Б, XXIX, 185	Случайная находка
98	247	Пантикапей	Гемибол (?)	Начало III в. до н. э.	Б, XX, 72; З, XLI, 3	VI, пом. ББ, шт. 10
99	б/н	Неопределима				Случайная находка
100	б/н	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXI, 271 и сл.; З, XLIX, 11—12	То же
101	б/н	Боспор	?	III в.		» »
102	б/н	Боспор	?	III в.		» »
1961						
103	2384	Пантикапей	Гемибол (?)	Начало III в. до н. э.	Б, XX, 72; З, XLI, 3	XII, пл. 7, шт. 8
104	3091	Боспор. Риметалк	Сестерций	132—137	Б, XXIX, 188; З, XLVII, 18	XII, пом. Б

№ п/п	№ по описи	Место выпуска, царь	Номинал	Дата	Издание монеты	Место находки
105	3201	Неопределима				XII, пл. 5, пом. Б
106	3204	Боспор. Инифимей	Двойной денарий	234—239	З, XLIX, 18	То же
107	б/н	Боспор. Инифимей	Двойной денарий	234—239	З, XLIX, 18	» »
108	б/н	Неопределима				» »
109	б/н	Боспор	?	II—III вв.		XII, пл. 9, шт. 5
1962						
110	б/н	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXII, 278 и сл.; З, XLIX, 10	VI, пл. 75, шт. 5, яма
111	б/н	Боспор. Савромат I	Сестерций	93—118	Б, XXVIII, 160; З, XLVII, 10	VI, пл. 69, слой Е
112	б/н	Неопределима				XIII, пл. 2, шт. 1
1963						
113	165	Боспор. Котий I	Дупондий	68—69	Б, XXIX, 177; З, XLVII, 17	Случайная находка
114	166	Боспор. Инифимей	Двойной денарий	234—239	З, XLIX, 18	То же
115	167	Неопределима				» »
1964						
116	336а	Боспор. Котий III	Денарий	227—233	Б, XXXII, 294	IV, пом. И
117	336б	Боспор	Денарий	Первая треть III в.		То же
118	336в	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	З, XLIX, 12	» »
119	336г	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	З, XLIX, 12	» »
120	336д	Боспор. Инифимей	Двойной денарий	234—239	—	» »

№ п/п	№ по описи	Место выпуска, царь	Номинал	Дата	Издание монеты	Место находки
121	336е	Боспор. Инифимей	Двойной денарий	234—239	З, XLIX, 18	IV, пом. И
122	336ж	Боспор. Инифимей	Двойной денарий	234—239	З, XLIX, 18	То же
123	336з	Боспор. Инифимей	Двойной денарий	234—239	З, XLIX, 18	» »
124	336и	Боспор. Инифимей	Двойной денарий	234—239	З, XLIX, 18	» »
125	336к	Боспор. Инифимей	Двойной денарий	234—239	З, XLIX, 18	» »
126	336л	Боспор. Инифимей	Двойной денарий	234—239	З, XLIX, 18	» »
127	336м	Боспор. Инифимей	Двойной денарий	234—239	З, XLIX, 18	» »
128	336н	Боспор. Инифимей	Двойной денарий	234—239	З, XLIX, 18	» »
129	336о	Боспор. Инифимей	Двойной денарий	234—239	З, XLIX, 18	» »
130	336п	Боспор. Инифимей	Двойной денарий	234—239	З, XLIX, 18	» »
131	336р	Боспор. Инифимей	Двойной денарий	234—239	З, XLIX, 18	» »
132	336с	Неопределима				» »
133	336т	Неопределима				» »
134	336у	Неопределима				» »
135	444	Боспор. Савромат II	Денарий	186—196		» »
136	445	Пантикапей	Тетрахалк	Первая четверть I в. до н. э.	Б, XXI, 120, 122; З, XLIII, 15	» »
137	311а	Неопределима				» »
138	311б	Неопределима				» »
139	2040	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXI, 271; З, XLIX, 11	VI, пл. 96, шт. 5а
140	2102	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXI, 271; З, XLIX, 11	VI, пл. 95, развал стены
141	б/н	Боспор. Рискупорид III	Денарий	210—226	Б, XXXI, 271; З, XLIX, 11	VI, пл. 96, в проеме ка- литки
142	б/н	Боспор	Сестерций	Конец I—начало III в.		VI, пл. 88, башня III, засыпь под башней

В. В. КРОПОТКИН

НОВЫЕ НАХОДКИ РИМСКИХ МОНЕТ В СССР

(дополнение к «Своду археологических источников», вып. Г4—4)

За короткий срок, прошедший после выхода в свет книги «Клады римских монет на территории СССР»¹, удалось собрать ценные сведения о новых находках римских монет или существенно уточнить ранее опубликованные материалы.

Научная обработка римских монет, обнаруженных в пределах современных государственных границ СССР, ставит перед исследователями множество сложных проблем.

Одной из задач является анализ всех зарегистрированных монетных находок с точки зрения их достоверности и пригодности для тех или иных историко-экономических построений. В предшествующих работах мы не обращали специального внимания на этот вопрос. Поэтому наряду с публикацией новых находок мы постараемся дать краткую критическую оценку всему материалу. В первую очередь мы разграничим все клады римских монет, являющихся основным источником для характеристики товарно-денежных отношений, на три группы: 1) достоверные клады; 2) малодостоверные клады; 3) недостоверные клады.

Такая классификация позволит нам в дальнейшем смело оперировать только достоверными кладами, а остальные группы привлекать по мере необходимости с существенными оговорками.

Достоверными монетными кладами мы называем только клады, которые после своего обнаружения были доставлены в музеи или другие научные организации и целиком или в значительной части изучены специалистами. Клады, поступившие на определение не в полном составе и в силу этого обстоятельства вызывающие какие-либо сомнения, мы относим к числу малодостоверных. Все остальные находки следует считать недостоверными. Ниже мы приводим алфавитные списки достоверных и малодостоверных кладов.²

Достоверные клады

1. Антоновка, № 1169 (см. Дополнение, № 143)
2. Белгород-Днестровский, № 749
3. Белгород-Днестровский, № 752 (см. Дополнение, № 86)

4. Биэль (ныне Дорожное), № 573
5. Бориня, № 347
6. Брестов, № 398
7. Варница, № 1343
8. Гарни, № 1549
9. Герзеули, № 1577 (см. Дополнение, № 202)

¹ В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. — САИ, вып. Г4—4, 1961.

² В списки включены все клады римских монет, зарегистрированные как в основной публикации, так и в Дополнении (см. стр. 82—99, № 1734—1932).

10. Горышковка, № 271
11. Дачное, № 578
12. Збуж, № 839 (см. Дополнение, № 116)
13. Золотая Балка, № 1102
14. Калантаево, № 1772 (см. Дополнение, № 46).
15. Керчь, № 606 (см. Дополнение, № 53)
16. Кириллены, № 1347
17. Ковтуны, № 1202
18. Лукашевка, № 1350
19. Лукошино, № 796
20. Лучица, № 676 (см. Дополнение, № 75)
21. Мазепинцы, № 496
22. Матюши, № 1771 (см. Дополнение, № 43)
23. Моршанское, № 105
24. Моршанское, № 106
25. Нежин, № 1297
26. Новоград-Волынский, № 382
27. Новороссийск, № 9
28. Оргеев, № 1355
29. Переорки, № 295
30. Пицунда, № 1646 (см. Дополнение, № 208)
31. Пицунда, № 1920 (см. Дополнение, № 209)
32. Погорелое, № 299 (см. Дополнение, № 16)
33. Подлесновка, № 1840 (см. Дополнение, № 122)
34. Прибрежное, № 617
35. Рогинцы, № 955
36. Рублевка, № 813
37. Сарнакуцк, № 1558
38. Севенки, № 169
39. Сепиети, № 1651
40. Старая Романовка, № 1768 (см. Дополнение, № 38)
41. Турия, № 1270
42. Турия, № 1271 (см. Дополнение, № 162)
43. Хинислы, № 1540
44. Черница, № 393 (см. Дополнение, № 39)
45. Чухур-Кабала, № 1906 (см. Дополнение, № 193)
46. Шакумелен, № 153
47. Шильниково, № 249
48. Янаполе, № 1903 (см. Дополнение, № 190)

Малодостоверные клады

1. Байбузы, № 1223 (см. Дополнение, № 146)
2. Белгород-Днестровский, № 742
3. Белгородка, № 1118
4. Вертишов, № 345
5. Вильче, № 970
6. Богдановка, № 262
7. Ворочицы, № 317 (см. Дополнение, № 21)
8. Выспа, № 881
9. Головковка, № 1177
10. Городище, № 376
11. Грабовицы, 273
12. Гридасово, № 163
13. Дандале, № 1470
14. Домница, № 757
15. Елец, № 175
16. Жигайловка, № 952
17. Забужье, № 276
18. Инкерман, № 581
19. Калужская губ., № 161
20. Каменка, № 1384
21. Касперовцы, № 1014
22. Киев, № 464 (см. Дополнение, № 41)
23. Киев, № 466
24. Киев, № 467
25. Киреевка, № 1290
26. Климовичи, № 1386
27. Клитинка, № 1139
28. Комсомольское, № 282
29. Костополь, № 842
30. Красеев, № 1022
31. Красный Колядин, № 1291
32. Красный Кут, № 205
33. Крылов, № 555
34. Крячковка, № 787 (см. Дополнение, № 107)
35. Кудринка, № 87
36. Ларга, № 1329
37. Мизоч, № 852
38. Мизоч, № 853
39. Муджум, № 1930 (см. Дополнение, № 219)
40. Наутцвинкель, № 110
41. Нехвороща, № 799
42. Нобакеви, № 1640
43. Носири, № 1641
44. Онишковцы, № 1039
45. Орловичи, № 1382
46. Песчанка, № 770
47. Пирогово, № 511
48. Плоска, № 1331
49. Плоское, № 384
50. Прикутны, № 1304
51. Прикутны, № 1305
52. Пряжев, № 386
53. Пустоваровка, № 512
54. Расейный, № 1448
55. Рубча, № 860
56. Рыльск, № 167
57. Рязский уезд, № 195
58. Сарнки Горные, № 914
59. Свистельняки, № 915
60. Слонимский уезд, № 1376
61. Сосница, № 1309
62. Сосновое, № 863
63. Спея, № 1363
64. Старые Валки, № 1090
65. Старый Хутор, № 37, 38 (см. Дополнение, № 8)
66. Стольное, № 1313
67. Стояновка, № 864
68. Сухуми, № 1655
69. Сычовка, № 1055
70. Тептиевка, № 527
71. Чернобыль, № 537
72. Шипеницы, № 1337
73. Эрмитажный клад, № 1685
74. Эрмитажный клад, № 1932 (см. Дополнение, № 221)

Общее число зарегистрированных к настоящему времени кладов римских монет и кладов подражаний римским денариям возросло до 213.

Среди них достоверных кладов 48 (22,6%), малодостоверных — 74 (34,74%) и недостоверных — 91 (42,80%). Как мы видим, достоверные находки составляют только 22,6%, т. е. несколько меньше $\frac{1}{4}$ всей суммы известных науке кладов римских монет.

Все клады по составу мы распределяем на шесть групп:

1. Клады золотых монет	3 (1,4%)
2. Клады серебряных монет	136 (63,9%)
3. Клады медных монет	25 (11,7%)
4. Смешанные клады, состоящие из золотых, серебряных или медных монет (золото и серебро, серебро и медь)	11 (5,2%)
5. Неопределенные клады (в публикациях металл не указан)	35 (16,4%)
6. Клады варварских подражаний римским денариям	3 (1,4%)

Итого 213

Смешанные клады в свою очередь подразделяются по своему составу на две подгруппы: а) клады золотых и серебряных монет — 4; б) клады серебряных и медных монет — 7.

К сожалению, смешанные клады, как правило, не определены специалистами и входят в разряд малодостоверных и недостоверных находок.

В связи с этим целесообразно еще раз рассмотреть вопрос о достоверности кладов, в которых наряду с денариями I—III вв. н. э. (от Нерона до Септимия Севера) встречаются отдельные монеты или вещи более позднего времени, т. е. III—V вв. н. э. Мы имеем в виду широко известные в науке Нежинский (№ 1297) и Борочичский (№ 317) клады, а также ряд других, являющихся кладами длительного накопления и зарытых в землю в эпоху великого переселения народов или даже в более позднее время (Шильниково, № 249; Черница, № 393; Брестов, № 398; Пустоваровка, № 512; Крылос, № 905; Черниев, № 943; Клитинка, № 1139; Куриловка, № 1294; Каменка, № 1384).

На территории Польши также встречаются клады длительного накопления, которые, по мнению польских и немецких ученых, были зарыты в эпоху переселения народов (IV—V вв. н. э.) и в последующие столетия (Баранов, Блотница Стпелецка, Добжица, Фромборк, Конашево, Оструда, Пражуха, Радостов, Загоржин, Воляны, Домбровка, Воля Буховска, Рогожаны, Особовицы, Бельско, Гдичина, Малые Кончицы, Нова Церква, Гавроны, Тшебель и другие)³.

Как известно, именно эти клады служили основным аргументом для доказательства обращения римских денариев на территории Средней и Восточной Европы не только во II—первой половине III в. н. э., но и в последующие столетия (III—V вв. н. э.). Некоторые историки и нумизматы полагают, что обращение римских серебряных монет на территории Украины и Польши было настолько длительным, что оно смыкается с обращением куфических и западноевропейских монет в Европе в IX—XII вв. Эта научная гипотеза, по мнению М. Ю. Брайчевского, вполне закономерна, так как в некоторых кладах X—XI вв. встречаются единичные римские серебряные монеты I—III вв. н. э.⁴

³ K. M a j e w s k i. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich. Wrocław, 1949, № 432, 454, 526, 527, 673, 876, 892, 1081, 1098, 1099; М. Ю. Б р а й ч е в с ь к и й. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964, стр. 259—261.

⁴ М. Ю. Б р а й ч е в с ь к и й. Біля джерел слов'янської державності, стр. 262—263; О. В. Ф е н і н. Знахідки римських монет у Прикарпатті. — Археологія, т. V. Київ, 1951, стр. 103. А. В. Фенин высказал это предположение очень осторожно, так как в Прикарпатье найден только один клад, содержащий римские и арабские монеты (Черниев, № 943).

Обратимся к детальному разбору перечисленных выше кладов длительного накопления.

Ш и л ь н и к о в о, № 249. Клад денариев от Веспасиана до Александра Севера. В составе клада находились обломки серебряных вещей, в том числе бляхи с овальным камнем в центре и фибулы с тройной пружиной, которые не могут быть датированы ранее III—IV вв. н. э.⁵ Возможно, клад принадлежал ювелиру и был зарыт в землю в минуту опасности.

Б о р о ч и ц ы, № 317. Клад денариев от Веспасиана до Септимия Севера. Точные условия находки и количество монет не установлены. По некоторым сведениям, монеты обнаружены в византийских серебряных сосудах IV—V вв. н. э., там же найден чеканенный в Константинополе золотой медальон Иовнана (363—364) в золотой оправе, украшенной зернью.

В составе клада находился также лепной биконический лощеный сосуд с двумя ручками, близкий по форме сосудам липицкого типа. По другим сведениям, медальон Иовнана найден в составе другого клада, обнаруженного в той же местности. Противоречия в описании состава клада заставляют нас отнестись с недоверием к тому, что лепной сосуд липицкого типа обнаружен совместно с византийскими серебряными сосудами. Монетная часть клада типична для основной серии кладов Восточной Европы, в которых наиболее поздние монеты представлены денариями Коммода, Пертинакса, Септимия Севера и Александра Севера.

Ч е р н и ц а, № 393. Клад римских денариев от Траяна до Коммода (340 экз.). Монеты были зарыты в медном котелке, аналогичном котлам из сарматских и аланских погребений II—V вв. н. э. Вместе с монетами находилось серебряное кольцо от массивной пряжки, которую предположительно можно датировать III—IV вв. н. э., т. е. временем черняховской культуры.

Б р е с т о в, № 398. Клад золотых римских монет от Сабинны до Валента. Дата зарытия — конец IV в. н. э. Три монеты — с отверстиями, 10 монет — с ушками для подвешивания; там же найдены слитки золота и обрывки цепочки. Из 25 монет только две относятся ко II в. н. э. (Сабина и Марк Аврелий). Очевидно, этот клад не имеет отношения к обращению римских денариев в IV—V вв. н. э. Нельзя привлекать его и для доказательства обращения золотых римских монет II в. н. э. в конце IV в. н. э., так как многие монеты клада использовались как украшения (подвески). Возможно, клад являлся собственностью ювелира, который зарыл свои сокровища во время вторжения гуннов.

П у с т о в а р о в к а, № 512. Клад денариев от Веспасиана до Септимия Севера (386 экз.). По мнению М. Ю. Брайчевского, в составе клада найдены различные вещи, в том числе серебряное кольцо с монетой Констанция II (337—361) в виде привески⁶. Судя по описанию вещей на выставке XI археологического съезда, они найдены на древнерусском городище и относятся к X—XIII вв.

К р ы л о с, № 905. Римские монеты от Веспасиана до Грациана из собрания А. Чоловского (коллекционер конца XIX в. из Львова). Нет никаких оснований считать, что эти монеты происходят из одного клада.

Ч е р н и е в, № 943. Римские от Августа до Валентиниана, а также эллинистические, арабские и византийские монеты. Сведения об условиях и составе находки очень сомнительны; вероятно, монеты происходят из собрания А. Чоловского.

К л и т и н к а, № 1139. Клад денариев от Веспасиана до Коммода. В составе клада, по мнению А. Кетлинской, найдена бронзовая монета

⁵ В. В. Кропоткин. Клады римских монет. . . , стр. 48, № 249, рис. 11.

⁶ М. Ю. Брайчевский. Римська монета на території України. Київ, 1959, стр. 140—141, № 224.

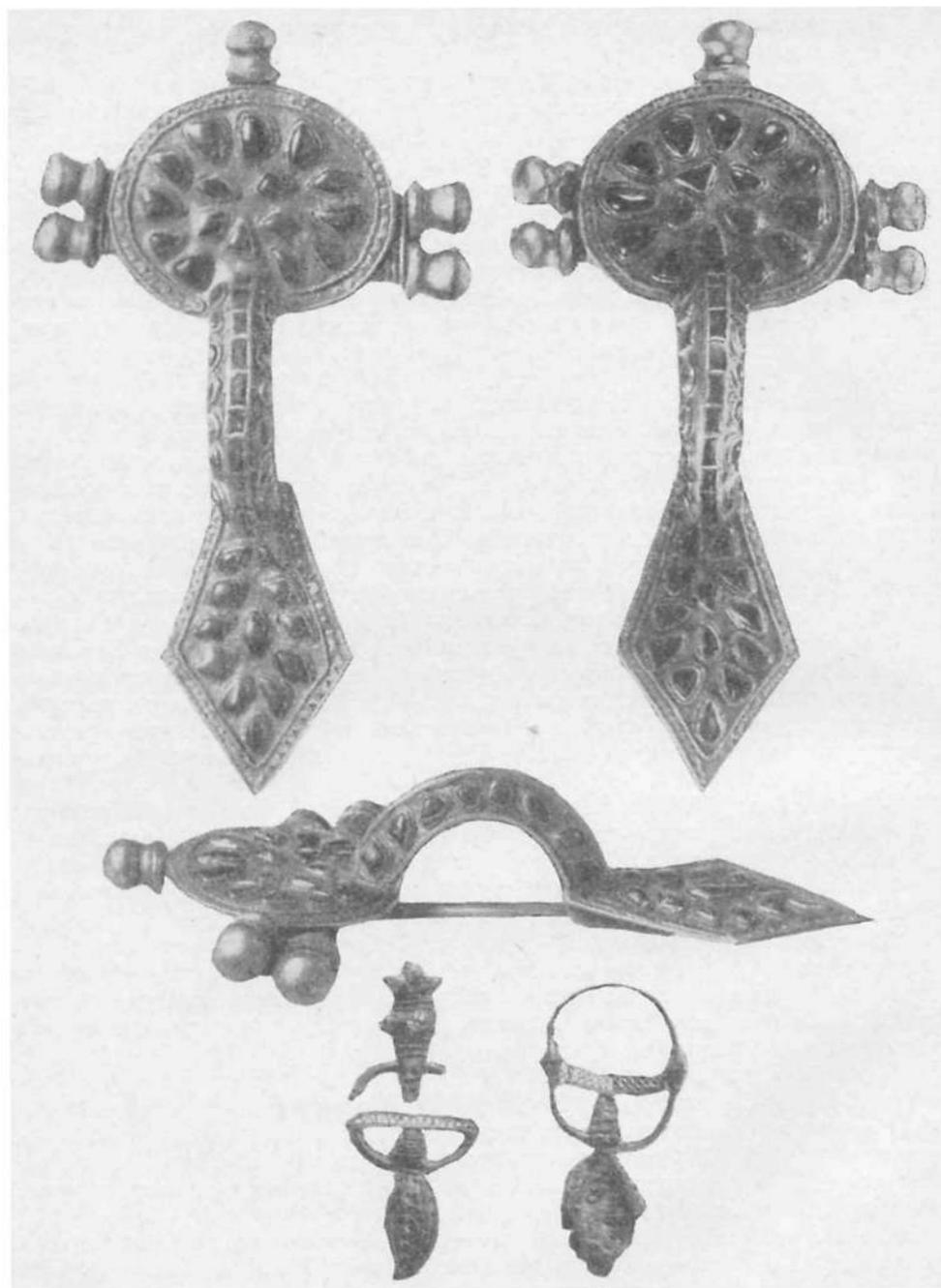

Рис. 1. Фибулы из Нежинского клада и серьги из Пражухи

Константина I (306—337), чеканенная в Фессалониках⁷. находка сомнительна.

К у р и л о в к а, № 1294. Клад монет от Домициана до Проба (276—282). Дата зарытия — конец III в. н. э. Сведения об условиях находки и составе клада очень сомнительны.

⁷ А. Kietlinska. Monety starożytne w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie. — Materiały starożytne, II. Warszawa, 1957, стр. 280—281, № 90—98.

Нежин, № 1297. Клад денариев от Нерона до Септимия Севера (1312 экз.). В составе клада найдены две серебряные фибулы, вероятно, привезенные из Подунавья, они датируются рубежом IV—V или началом V в. н. э. (рис. 1). Там же находилось овальное бронзовое кольцо (от пряжки?). Нежинский клад вполне достоверен, но условия его находки точно не описаны. Монетный состав ничем не отличается от состава типичных кладов конца II—начала III в. н. э., в которых самыми поздними монетами являются денарии Коммода, Септимия Севера и Александра Севера. Дата зарытия — конец IV—начало V в. н. э.

Каменка, № 1384. Клад монет от Траяна до Коммода. В состав клада входили вещи, в том числе серебряный слиток и однозигаговый решетчатый перстень, который относится к XI—XII вв.⁸ По-видимому, монеты и вещи происходят из разных находок.

Празуха (Польша). Клад денариев от Траяна до Септимия Севера. Сохранность монет очень плохая. В составе клада найдены серебряная серьга, украшенная зернью, и обломки двух серег, которые хорошо датируются X—XI вв. (рис. 1)⁹. Монеты и серьги, по словам находчика, обнаружены «при раскапывании небольшой возвышенности и лежали в глиняном горшке». Дата зарытия клада X—XI вв.

Домбровка (Польша). В поле около дер. Домбровы б. Бендинского у. в 1913 г. в глиняном горшке найден клад денариев от Веспасиана до Септимия Севера и гладкая золотая гривна с ушком и петлей на концах. Аналогичные гривны из керченских склепов относятся к IV—V вв. н. э.¹⁰ Дата зарытия — IV—V вв. н. э.

Если внимательно рассмотреть остальные клады с территории Польши, перечисленные в книге М. Ю. Брайчевского, то среди них также можно выделить наряду с достоверными кладами находки малодостоверные и недостоверные, что было отмечено Е. Веловейским при описании монетных кладов. Е. Веловейский внимательно изучил монетный состав отдельных находок и кладов и время их зарытия в землю¹¹.

Статистические данные о времени захоронения кладов в землю сведены в табл. 1 (табл. 7, по Е. Веловейскому).

Таблица 1

	Середина II—III в.	IV в.	V в.	VI в.	Недатованные
Силезия	11	6	4	1	12
Малая Польша . . .	17	4	4	—	24
Итого . .	28	10	8	1	36

Римские денарии I—II вв. н. э. обнаружены в кладах не только II—III вв. н. э., но также и IV в. н. э. (Воля Буховска, повет Ярославец; Блотница Стшелецка, повет Стшельцы Опольский; Рогожаны, повет Глубицы; Воляны, повет Клодзко; Вроцлав-Особовицы).

⁸ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 73, рис. 57.

⁹ W. Hensel. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. Warszawa, 1956, стр. 177, рис. 128, 5; A. Gupieniec, T. i R. Kiersnowscy. Wczesnośredniowieczne skarby srebrne z Polski środkowej, Mazowsza i Podlasia. Materiały. Wrocław—Warszawa—Krańów, 1965, стр. 33, № 48, табл. VII. 2; стр. 50, № 93, табл. XVIII.

¹⁰ Л. А. Мадзулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи. М.—Л., 1934, стр. 82—84, рис. 12, 15—17.

¹¹ J. Wielowiejski. Przemiany gospodarczo-społeczne u ludności południowej Polski w okresie późnolatańskim i rzymskim. — Materiały starożytne, VI. Warszawa, 1960, стр. 172 сл., табл. 5—8, рис. 63.

Е. Веловейский считает, что массовый приток римских монет прекратился в середине III в. н. э. Резкое сокращение притока римских монет в это время подтверждается статистикой монетных находок (табл. 2 — см. табл. 8 по Е. Веловейскому).

Распределение всех монетных находок в южной Польше по металлу (серебро, золото, медь) помогает выяснить удельный вес в обращении монет различного номинала (табл. 3 — см. табл. 8 по Е. Веловейскому).

Таблица 2

	1—сере- дина III в.	Середина III—сере- дина V в.	Всего
Силезия	841	108	949
Малая Польша	4591	112	4703
Итого	5432	220	5652

Анализ, проведенный Е. Веловейским, дает твердые основания считать, что большинство кладов было зарыто в конце II и в начале III в. н. э.; гораздо меньше в IV и V вв. н. э. Роль золотых и медных монет в обращении до середины III в. н. э. была крайне невелика; в позднеимперский период (с середины III в. н. э.) значение римских золотых и медных монет несколько возрастает¹². Хорошо известно, что во многих кладах и погребениях второй половины III—IX в. н. э. не найдено ни одного римского денария I—II вв. н. э. Отсутствие римских серебряных монет I—II вв. н. э. в большинстве кладов IV—VII вв. н. э. можно удовлетворительно объяснить только тем, что обращение полноценного римского денария на территории Восточной Европы (Северное Причерноморье, Молдавия и Украина) закончилось к середине III в. н. э. Отдельные клады IV—V вв. н. э. (Нежин, Борочицы и др.) не отражают характера денежного обращения в эпоху переселения народов, так как являются типичными кладами-сокровищами, куда наряду с серебряными монетами были положены драгоценные вещи из золота и серебра.

Таблица 3

	Серебро	Золото	Медь	Неопреде- ленные монеты	Всего
Силезия	703	42	148	56	949
Малая Польша	4512	18	89	84	4703
Итого	5215	60	237	140	5652

Если бы значительные массы римских серебряных монет задержались в обращении до IV—V вв. н. э., то вместе с денариями в кладах встречались бы и поздние монеты, которые поступали из Римской империи: находясь в обращении, ранние и поздние монеты неизбежно должны были перемешаться, что отразилось бы на составе кладов. Такое явление

¹² J. Wielowiejski. *Przemiany...*, стр. 220—221, табл. 8.

прослеживается в кладах IX—X вв., содержащих сасанидские монеты III—VI вв. н. э.

М. Ю. Брайчевский высказал предположение, что некоторые клады IV—V вв. н. э., найденные в Молдавии и на Украине (Оргеув, Лукашевка, Кирилёны, Рублевка, Киев), не отражают особенностей денежного обращения на территории черняховской культуры, ибо являются сокровищами, захваченными во время военных походов¹³. Речь идет о кладах золотых, серебряных и медных монет III—V вв. н. э., которые не содержат в своем составе римских денариев I—II вв. н. э. Но клады аналогичного состава характерны для эпохи переселения народов, они повсеместно встречаются не только на территории Римской империи, но и за пределами ее провинций. Римские, византийские и восточные монеты поступали в Среднюю и Восточную Европу не только по торговым каналам, но и другими путями (военный захват, контрибуции, выкуп пленных и другие платежи, не имеющие никакого отношения к торговле). Очевидно, постоянные войны на границах империи, опустошительные походы и вторжения варварских племен в глубинные ее районы не способствовали развитию нормальных торговых сношений. Поэтому вполне вероятно предположение, что значительная масса римского серебра проникла на варварские земли во второй половине II и первой половине III в. н. э. не по торговым путям, а в результате войн и военных походов, когда варварские отряды грабили римские провинции, захватывали пленных и сокровища римской и греческой знати. Выплата контрибуций, подкуп племенных князей, выкуп пленными служили существенным источником обогащения варварской знати в ту бурную историческую эпоху.

* * *

Перечень находок римских монет дается в следующем порядке: РСФСР, Украинская ССР, Молдавская ССР, Белорусская ССР, Литовская ССР, Азербайджанская ССР, Армянская ССР, Грузинская ССР, Таджикская ССР, Узбекская ССР и клады неизвестного происхождения. Описание находок внутри административных районов (область, край, автономная или союзная республика) дано в порядке алфавита местностей, где сделаны находки, в соответствии с административным делением СССР на 1 января 1965 г.¹⁴

В описании указаны: место, год и обстоятельства находки, состав ее, фамилия лица, определявшего монеты, место хранения, инвентарный номер и литература, послужившая источником для характеристики находки. Перед описанием стоит порядковый номер находки, в скобках — порядковый номер общего перечня находок, начинающийся с № 1734. Предшествующие номера (1—1733) опубликованы в книге автора «Клады римских монет на территории СССР». В тех случаях, когда удалось уточнить или дополнить изданные нами монетные находки, в скобках указан номер по перечню находок в упомянутой выше работе¹⁵. В список вошли все находки римских и ранневизантийских монет до конца V в. н. э., т. е. до времени правления Анастасия (491—518). Приняты следующие сокращения: В (вес в г), Д (диаметр в мм), СО (соотношение осей), сохр. (сохранность), хр. (место хранения), лит. (литература).

¹³ М. Ю. Брайчевський. Біля джерел слов'янської державності, стр. 226—227.

¹⁴ СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1965 г. М., 1965. В некоторых случаях (например, раздел «Галиция») современное административное деление не указано.

¹⁵ В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. — САИ; вып. Г4—4, 1961.

ПЕРЕЧЕНЬ НАХОДОК РИМСКИХ МОНЕТ

(addenda et corrigenda)

РСФСР

Краснодарский край

1 (1734). Г а й к а д з о р, Анапский р-н, 1959—1961 гг. В селении найдена монета — подражание римскому денарию с изображением на оборотной стороне идущего Марса с копьем. В 2,02; Д 15. Определение Ю. С. Крушкол. Л и т.: Ю. С. Крушкол. Находки античных монет в Анапском районе. — НЭ, V, 1965, стр. 53.

2 (1735). П е р в о м а й с к а я, Анапский р-н, не позже 1963 г. Близ поселка случайно найдены две римские серебряные монеты: 1) посмертный денарий Фаустины Старшей. M a t t., IV, стр. 60, № 421, табл. 9, 15; 2) посмертный денарий Марка Аврелия. M a t t., IV, стр. 692, № 24, табл. 91, 13. Определение автора. Хр.: Анапский музей, инв. № 2393 и 2398. Л и т.: не изданы, сообщение И. Т. Кругликовой.

3 (1736). Р а е в с к а я, Анапский р-н, 1962 г. При археологических раскопках Н. А. Онайко на городище близ ст. Раевской были найдены три низкопробные серебряные монеты — варварские подражания римским денариям с типом идущего Марса на оборотной стороне: 1) В 2,65; Д 17—18; сохр. хорошая; 2) В 2,45; Д 18—18,5; сохр. хорошая; 3) В 2,33; Д 18; сохр. хорошая. Определение В. В. Кротопкина. Хр.: фонды ИА АН СССР. Л и т.: Н. А. О н а й к о. О раскопках Раевского городища. — КСИА АН СССР, 103, 1965, стр. 129.

Ставропольский край

4 (1737). Н е в и н н о м ы с к, Кочубеевский р-н, не позже 1964 г. В окрестности города найдена медная монета — дунондий Веспасиана 76 г. н. э. Av.: IMP-CAESAR VESP AVG COS VII, не позже вправо. Rev.: Spes, стоит влево, в правой руке держит цветок, левой поддерживает край одежды, в поле SC. M a t t., II, стр. 169, № 725—726, табл. 29, 8. Определение В. В. Кротопкина. Л и т.: не издан, сообщение Т. М. Минаевой.

5 (1738). С е н г и л е е в к а, Шпаковский р-н, не позже 1961 г. Денарий Юлии Домны 198—209 гг. н. э. Av.: IVLIA AVGVSTA. Rev.: HILARITAS. M a t t., V, стр. 161, № 34—35, табл. 27, 17. Определение В. В. Кротопкина. Хр.: частное собрание. Л и т.: сообщение И. Д. Будникова и Т. М. Минаевой.

Белгородская область

6 (1739). Г о л о в ч и н о, Борисовский р-н, около 1960 г. Близ села найдена бронзовая монета Луциллы. Хр.: Археологический музей ХГУ, поступила в 1960 г. от Ю. Шошкина. Л и т.: Б. П. З а й ц е в. Новые материалы черняховской культуры в бассейне Северного Дона и Псла. — МИА, № 116, 1964, стр. 52.

7 (1740). Б о р и с о в с к и й р-н, 1961 г. Денарий Антонина Пия 148—149 гг. н. э. Av.: ANTONINVS AVG PIVS TRP XII. Rev.: стоящая Аннона, COS III. M a t t., IV, стр. 95, № 657, табл. 14, 6. В 3,15; Д 17—18; сохр. хорошая. Хр.: Головчинская средняя школа. Л и т.: сообщение Т. Я. Рязанова 1961 г.

8 (37, 38). С т а р ы й Х у т о р, Валуйский р-н, 1916 г. Близ хут. Ново-Павловский в размыве горы на поверхности песка крестьяне обнаружили несколько десятков римских монет. 22 денария приобрел в 1916 г. местный священник М. Погребнигов. Сообщение о находке клада и фотографии девяти денариев были опубликованы в августе 1916 г. в «Валуйском земском листке». По фотографии можно определить монеты Траяна (?), Адриана, Антонина Пия, Фаустины Старшей, Марка Аврелия (?) и Фаустины Младшей. Денарии найдены в размытом песке и установить глубину залегания клада не удалось. Сохр. хорошая.

В 1928 г. острогожский окружной инспектор по охране памятников Г. В. Еременко собрал у жителей Старого Хутора часть монет из этого клада (97 экз.). Пять денариев он получил от М. Погребникова, остальные у крестьян С. Р. Дронова и Ф. П. Дронова. На месте находки клада Г. В. Еременко обнаружил обломки древней посуды. Сообщение о находке клада римских монет было послано в Главнауку, которая переслала его в ГАИМК. По сведениям краеведа из г. Валуйки Г. Ф. Денисенко, в составе клада находились денарии Траяна, Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия и Коммода; в его коллекции сохранилось пять монет: Адриан — 1 экз., Антонин Пий — 2 экз., Марк Аврелий — 1 экз., Фаустина (I или II) — 1 экз. В опубликованных заметках указано, что в составе клада находились денарии II и начала III в. н. э. (Септимия Севера?). Г. Ф. Денисенко сообщил автору, что монеты были найдены в горшке в количестве около 200 экз. (полтора фунта). Местонахождение основной части клада установить не удалось; по-видимому, монеты утрачены. Сведения, опубликованные автором в работе «Клады римских монет на территории СССР» под

№ 37 и 38, относятся к одному и тому же кладу. Л и т.: К р о п о т к и н, стр. 40, № 37, 38; Г. Д е н и с е н к о. Из истории среднего Поосколья. — Сб. «Прошлое Курской области». Курск, 1940, стр. 110; письменное сообщение Г. Ф. Денисенко в марте 1962 г.

Новгородская область

9 (1741). С т а н к и, Валдайский р-н, 1878 г. Близ деревни в земле найдена монета Валериана (253—260). Л и т.: ЦГИАЛ, ф. 530, оп. 1, д. № 8, л. 65—66 (монета получена от П. М. Силина в 1887 г.).

Ростовская область

10 (1742). Н е д в и г о в к а, Мясниковский р-н, 1909—1910 гг. На Недвиговском городище (древний Танаис) найдены денарии Фаустины Младшей — 1 экз., Коммода — 1 экз., а также медные римские монеты различного времени. Хр.: Ростовский музей (до 1917 г.). Л и т.: А. М. И л ь и н. Каталог Ростовского-на-Дону городского музея, вып. 1, 1912, стр. 31, № 10, 11, 13.

11 (1743). Р о с т о в - н а - Д о н у, не позже 1912 г. На Темерницком городище найдены денарии Фаустины Младшей — 1 экз., Коммода — 2 экз. Хр.: Ростовский музей (две последние монеты — дар М. Б. Краснянского). Л и т.: А. М. И л ь и н. Каталог Ростовского-на-Дону городского музея, вып. 1, 1912, стр. 34, № 34—35.

Украинская ССР

Винницкая область

12 (1744). Ж о р н и щ е, Ильинецкий р-н, 1957 г. Близ поселения черняховского типа случайно найден денарий Траяна 112—117 гг. н. э. M a t t., III, стр. 124, № 124, 645, табл. 21, I (вариант). В 2,95; Д 17—18. Монета потерта, часть легенды не читается. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: ГИМ. Л и т.: не издан, сообщение П. И. Хавлюка 1962 г.

13 (1745). К о с а н о в о, Гайсинский р-н, 1962 г. На поселении черняховского типа Косаново II найдена серебряная римская монета. Определение В. А. Анохина. Хр.: фонды ИА АН УССР. Л и т.: материал не издан, сообщение В. П. Петрова.

14 (1746). М а р ь я н о в к а, Немировский р-н, 1959 г. На поселении черняховского типа близ села найден денарий Марка Аврелия 161 г. н. э. Av.: IMP M AVREL ANTONINVS AVG, голова императора вправо. Rev.: PROV DEOR TR P XV COS III, стоящая в рост Провиденция влево, в правой протянутой руке — сфера, в левой — рог изобилия. В 3,06; Д 17—18; сохр. хорошая. M a t t., IV, стр. 388; № 20, табл. 53, 16. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: ГИМ. Л и т.: не издан, сообщение П. И. Хавлюка 1962 г.

15 (1747). Н е м е р ч и, Барский р-н, 1929 г. 11 мая 1929 г. крестьянин М. Мельник во время пахоты на поле нашел денарий Марка Аврелия 149 г. н. э. Av.: AVRELIVS CAESAR AVG P II. Rev.: COS II TR POT III, богиня Паллада стоит с копьем в правой руке, вправо, опирается на круглый щит. S o h., II^a, стр. 481, № 212. Определение В. А. Шугаевского. Хр.: Лаврский музей, инв. № 19788 (поступила 19 июня 1929 г.). Л и т.: архив ИА АН УССР (сообщение В. Харитоненко в ВУАК и заметки В. А. Шугаевского).

16 (299). П о г о р е л о е, Гайсинский р-н, 1952 г. На глинице в центре села, около усадьбы колхозника А. К. Дзвоницкого, весной 1952 г. найден клад римских монет в количестве около 450 экз. Часть монет разошлась по рукам и не сохранилась. 330 денариев колхозник П. Д. Сичинский передал в Уманский краеведческий музей: Веспасиан — 2 экз., Домициан — 2 экз., Траян — 15 экз., Адриан — 29 экз. (одна монета с отверстием для подвешивания), Сабина — 5 экз., Антонин Пий — 51 экз., Фаустина Старшая — 34 экз., Марк Аврелий — 81 экз., Фаустина Младшая — 32 экз., Луций Вер — 8 экз., Луцилла — 8 экз., Коммод — 37 экз., Криспина — 1 экз., Клодий Альбин — 1 экз., Септимий Север — 4 экз., варварское подражание римскому денарию Фаустины Младшей — 1 экз., неопределенных — 19 экз. Вес монет 983 г. Младшая монета в кладе — денарий Клодия Альбина 194—195 гг. н. э. M a t t., V, стр. 36, № 94, табл. 8, 5. Денарии Септимия Севера относятся к началу его правления, к 193—194 гг. н. э. Позднейшие монеты потеряты, что свидетельствует об их обращении до того момента, как они были зарыты в землю, Определение В. В. Кропоткина. Хр.: Уманский краеведческой музей, инв. № 1675/2760 и 2355/3440. Л и т.: Г. Е. Х р а б а н. Клад римских денариев из с. Погорелого. — СА, 1958, № 2, стр. 255, рис. 1; К р о п о т к и н, стр. 51, № 299.

17 (1748). П о г о р е л о е, Гайсинский р-н, 1960 г. Медная монета Констанция II (?). Определение Г. Е. Храбана. Л и т.: сообщение Г. Е. Храбана.

18 (1749). П о л и т а н к а, Бершадский р-н, 1957 г. Денарий Автонина Пия 150—151 гг. н. э. S o h., II^a, стр. 297, № 265=M a t t., IV, стр. 104, № 719—720,

табл. 15, 10. В 2,78; Д 17—19. Определение П. О. Карышковского. Хр.: ОГАМ. Л и т.: Карышковский, стр. 67, № 23.

19 (1750). Холодовка, Тульчинский р-н, 1927 г. На поселении черняховского типа найдена римская монета. Лит.: архив ИА АН СССР, ф. ВУАК, № 115, л. 8: 20 (1751). Тышковка, Гайсинский р-н, до 1962 г. Вблизи села найдена стертая медная позднеримская монета, чеканенная в Антиохии (?). В 13,22. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: ГИМ. Л и т.: не издана, сообщение П. И. Хавлюка 1962 г.

Волинская область

21 (317). Борочичы, Гороховский р-н, 1928 г. По сведениям А. Цинкаловского, клад римских серебряных монет в количестве 1500 экз. был найден вместе с серебряными и бронзовыми сосудами. Из них два серебряных сосуда пошли на слом, два сосуда до 1939 г. хранились во Львове, а один серебряный сосуд с высоким горлом и одной ручкой находился в Луцке в собрании архимандрита К. Шептицкого. Один из сосудов имел высоту 28 см, диаметр 59 см, вес 1,205 кг; орнаментация сосуда — листья акафа. Другой сосуд имел высоту 21 см, диаметр 48 см, вес 0,544 кг. Эти сосуды, по рассказам находчиков, были наполнены золотыми и серебряными монетами, которые разошлись по рукам.

Золотой медальон Иовиана (363—364) был обнаружен в составе другогоклада, найденного неподалеку, в той же местности. Диаметр медальона 9 см, вес 0,3 кг. Ав.: DNIOVIANVSPFERP AVG, бюст императора вправо. Rev.: GAVIDIVM ROMANORVM CONSP. Медальон чеканен в Константинополе, officina 1. Известие о двухкладах подтверждает О. Дулевский, который руководил работами при строительстве ж.-д. линии Луцк (Стоянов)—Львов. Хр.: Варшава (медальон и монеты), Львов (монеты), часть монет осталась в частных руках. Лит.: Сункаловски, стр. 120—122, № 4; К. Мажевски. Uwagi do medalionu Jovianusa z Boroczyc na Wołyniu. Archeologia, X, 1, 1958, стр. 173—179, рис. 1; Кропоткин, стр. 52, № 317.

22 (1752). Владимир-Волинский, около 1931 г. Вблизи города было найдено несколько римских серебряных монет Траяна. Определение А. Цинкаловского. Хр.: частное собрание. Лит.: Сункаловски, стр. 135, № 75.

23 (1753). Владимир-Волинский у., около 1884 г. Серебряная монета Траяна. Лит.: Известия Церковно-Археологического общества за декабрь 1884 г. Труды Киевской духовной академии, 1885, № 2 (февраль), стр. 310.

24 (1754). Иваничи, Локачинский р-н, до 1914 г. При археологических раскопках были найдены золотой римский (?) перстень и три римские монеты. Лит.: В. Г. Лясковский. Римская монета в Южной Руси и сопредельных странах как исторический источник, л. 179 (рукопись в архиве ИА АН УССР).

25 (1755). Ковель, не позже 1939 г. Несколько римских монет из окрестностей города находились в собрании городской гимназии. Лит.: Сункаловски, стр. 130, № 37 (заметки А. Цинкаловского).

26 (1756). Лудин, Владимир-Волинский р-н, не позже 1931 г. Клад золотых и серебряных монет обнаружен в урочище Могулина Дороба. Лит.: Сункаловски, стр. 124, № 12 (заметки А. Цинкаловского 1931—1932 гг.).

27 (1757). Волинь (ближе неизвестно), не позже 1932 г. Большая римская монета. Сохр. плохая. Д 28. Хр.: ЛГИМ, б. музей НТШ, инв. № 22963.

Галиция

28 (1758). Галиция, не позже 1931 г. Денарий Антонина Пия. Хр.: ЛГИМ, б. музей НТШ, инв. № 21846.

29 (1759). Галиция, не позже 1939 г. Денарий Марка Аврелия. Хр.: ЛГИМ, б. музей НТШ, инв. № 21952.

30 (1760). Галиция, не позже 1930 г. Денарии Луция Вера, Адриана и помертвевший Антонина Пия. Ав.: DIVVS ANTONINVS. Хр.: ЛГИМ, б. музей НТШ, инв. № 20288.

31 (1761). Галиция, не позже 1939 г. Денарий Септимия Севера. Ав.: SEVERVS PIVS AVG. Хр.: ЛГИМ, б. музей НТШ.

32 (1762). Восточная Галиция, не позже 1930 г. Денарий Юлии Мамеи. Ав.: IVLIA MAMAEA AVG. Д 30. Хр.: ЛГИМ, б. музей НТШ, инв. № 20597.

33 (1763). Галиция, не позже 1932 г. Бронзовая монета Веспасиана. Ав.: IMP CAES VESPASIAN AVGCOS. В 12,1. Хр.: ЛГИМ, б. музей НТШ, инв. А 22394.

Днепропетровская область

34 (1764). Кулебівка, Новомосковский р-н, 1907—1909 гг. Вблизи села на огородах найдены денарии Фаустины (I или II) и Марка Аврелия (?). Хр.: Сосницкий краеведческий музей, инв. № 529—530 (дар С. А. Сиворакаша). Лит.: архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, № 109/49, л. 3 (сообщение Ю. С. Виноградского).

Житомирская область

35 (1765). Б ы с т р и к, Бердичевский р-н, 1962 г. Близ села найдены два римских денария. Л и т.: сообщение Г. Г. Богуна и И. С. Винокура 1962 г.

36 (1766). И в а н к о в ц ы, Любарский р-н, 1959 г. В 1 км к западу от села в урочище Селиско на поселении вольтинской группы III—IV вв. н. э. С. А. Липко нашел денарий Марка Аврелия. Хр.: Любарский краеведческий музей (поступил от С. А. Липко). Л и т.: Л. В. В а к у л е н к о, Е. П. Г о р о д е ц ь к и й. Розвідкові розкопки на поселеннях культури полів поховань Східної Волині у 1959 р. — Праці комплексної експедиції Чернівецького державного університету, т. VIII, серія археологічна, вип. 1, 1960, стр. 141; И. С. В и н о к у р. Памятники вольтинской группы культуры полей погребений у сел Маркуши и Иванковцы. — МИА, № 116, 1964, стр. 184.

37 (1767). М а р к у ш и, Бердичевский р-н, 1959 г. При археологических раскопках И. С. Винокура на поселении вольтинской группы III—IV вв. н. э. на полу жилища на глубине 0,45 м найден денарий Антонина Пия. Хр.: Музей исторического факультета Черновицкого университета. Л и т.: Праці комплексної експедиції Чернівецького державного університету, т. VIII, серія археологічна, вип. 1, 1960, стр. 39, 139; И. С. В и н о к у р. Памятники вольтинской группы. . . , стр. 179, рис. 3, 2 и 4.

38 (1768). С т а р а я Р о м а н о в к а, Новоград-Вольтинский р-н, 1964 г. Во время пахоты на поле близ села ученики нашли клад серебряных монет Траяна, Адриана, Антонина Пия, Фаустины Старшей, Марка Аврелия, Фаустины Младшей, Коммода (98—192 гг. н. э.). Вместе с денариями хорошей сохранности обнаружены обломки гончарного сосуда с округлым туловом. Монеты разошлись по рукам, удалось собрать 110 экз. и обломки сосуда. Хр.: Житомир, краеведческий музей (110 экз.). Л и т.: Кладу 1760 лет. — Г. «Сельская жизнь», № 15 (10108) от 20 января 1965 г.

39 (393). Ч е р н и ц а, Новоград-Вольтинский у., 1878 г. Преподаватель Литовской духовной семинарии Ф. Н. Добрянский передал в дар Археологической комиссии: 1) кольцо от большой пряжки — серебряное округлое из граненого дрота с несомкнутыми суживающимися концами; один загнут и дал трещину. Вес 23,72 г; диаметр 3,7 см; 2) республиканский денарий Луция Фламиния Цилона, около 99—94 гг. до н. э. G g u e b e r, II, стр. 278—279, № 537—539, табл. XCIII, 20 или XCIV, I. В 3,7; Д 17—19; монета потерта; 3) республиканский денарий середины III в. до н. э. (268—254 гг. до н. э.). Av.: бюст вправо, в шлеме. Rev.: колесница, запряженная четверкой лошадей вправо, на колеснице Виктория, под образом надпись ROMA. В 3,5; Д 16. Монета потерта. Монеты и серебряное кольцо от пряжки происходят из клада римских монет, обнаруженного в апреле 1878 г. близ села. Хр.: ГЭ, ОИПК, инв. № 2013/4—3 (поступили 18 февраля 1932 г. из Ленинградского историко-лингвистического ин-та). Л и т.: К р о п о т к и н, стр. 56, № 393.

Киевская область

40 (1769). В а с и л ь к о в с к и й у., не позже 1889 г. Денарий Фаустины Младшей и бронзовая пантикапейская монета найдены в земле. Л и т.: Известия Церковно-Археологического общества за ноябрь 1889 г. Труды Киевской духовной академии, 1890, № 2 (февраль), стр. 364.

41 (464). К и е в, 1846 г. В составе клада римских монет найден денарий Геты 210—212 гг. н. э. Rev.: ADVENTVS AVGVSTI. M a t t., V, стр. 368, № 63, табл. 54, 15. Л и т.: К р о п о т к и н, стр. 58, № 464.

42 (1770). К и е в, не позже 1947 г. В районе Глубочицы найдена бронзовая монета (антониниан?) Волусиана (251—253). Хр.: КИМ (зарегистрирована в 1947 г.). Л и т.: М. К. К а р г е р. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 79.

43 (1771). М а т ю ш и, Белоцерковский р-н, 1963 г. Весной 1963 г. на берегу р. Раставицы найден клад, содержащий около 60 римских денариев. Монеты разошлись по рукам, удалось определить 18 денариев: Нерон — 1 экз., Веспасиан — 4 экз., Домициан — 1 экз., Траян — 1 экз., Адриан — 3 экз., Антонин Пий — 2 экз., Фаустина Старшая — 1 экз., Марк Аврелий — 1 экз., Фаустина Младшая — 1 экз., Луций Вер — 1 экз., Луцилла — 1 экз., Коммод 186 г. н. э. — 1 экз. Определение В. А. Анохина. Хр.: Белая церковь, краеведческий музей. Л и т.: М. Н. Д р а г у н о в а. Клад римских монет из с. Матюши Киевской области. — Сб. «Нумизматика и сфрагистика», т. 2. Киев, 1965, стр. 202—205.

44 (514). П у с т о в и ц ы, Кагарлыкский р-н. Денарий Марка Аврелия 162—163 гг. н. э. M a t t., IV, стр. 413, № 209—217, табл. 57, 6. Л и т.: К р о п о т к и н, стр. 61, № 514.

45 (539). Ч е р н я х о в, Кагарлыкский р-н, до 1901 г. В разрушенном погребении найден денарий Антонина Пия 159—160 гг. н. э. Av.: ANTONINVS AVGVSTVS TRP XXIII. Rev.: PACI AVGV COS IIII. M a t t., IV, стр. 146, № 981, табл. 21, 4 Л и т.: К р о п о т к и н, стр. 62, № 539.

Кировоградская область

46 (1772). К а л а н т а е в о, Кремгэсовский р-н, 1941 г. Весной 1941 г. школьники случайно обнаружили в береговом обрыве р. Тясмин клад серебряных римских монет в количестве не менее 1200—1500 экз. Они находились в довольно большом глиняном сосуде, причем вместе с монетами было несколько серебряных слитков в виде стержней толщиной около 1 см и длиной 15—20 см. В Одесский археологический музей поступили 64 римских денария и одна амисская драхма: Гальба — 1 экз., Отон — 1 экз., Веспасиан — 4 экз., Домициан — 2 экз., Нерва — 1 экз., Траян — 7 экз., Маркиана, сестра Траяна, — 1 экз., Адриан — 7 экз. (в том числе одна драхма г. Амиса), Сабина — 2 экз., Антонин Пий — 9 экз., Фаустина Старшая — 3 экз., Марк Аврелий — 12 экз., Фаустина Младшая — 3 экз., Луций Вер — 4 экз., Коммод — 6 экз., Септимий Север — 2 экз., всего — 65 экз. Большая часть монет клада выпущена в 30—80 гг. II в. н. э. Последние монеты чеканены в 193 и 194 гг. н. э. Хр.: ОГАМ. Л и т.: П. О. К а р ы ш к о в с к и й. Клад римских монет из бассейна р. Тясмина. — НЭ, III, 1962, стр. 136—140.

47 (1773). С т а н и с л а в о в к а, Новоархангельский р-н, до 1959 г. На поселении черняховского типа найден денарий Коммода (?). Определение Г. Е. Храбана. Хр.: Уманский краеведческий музей, инв. № 5485. Л и т.: архив ИА АН УССР, ф. 12, № 437, л. 41.

Крымская область

48 (1774). З а в е т н о е, Бахчисарайский р-н, 1961 г. На городище Алма-Кермеп при археологических раскопках Т. Н. Высотской найден субэвратный денарий Марка Аврелия 165—166 гг. н. э. M a t t., IV, стр. 441, № 401—403, табл. 60, 13. Определение автора. Хр.: Бахчисарайский историко-археологический музей. Л и т.: сообщении Т. Н. Высотской 1961 г.

49 (1775). К е р ч ь, 1891 г. При раскопках А. А. Бобринского в могиле 2 найден республиканский денарий III—II вв. до н. э. (gens Cassia). Л и т.: ОАК за 1891 г., стр. 27.

50 (1776). К е р ч ь, 1891 г. При раскопках Ю. А. Кулаковского в районе Госпитальной ул. в одном из склепов найдена медная монета Константина I с отверстием для привешивания; в другом склепе — медная монета Льва I (457—474). S a b a t i e r, I, стр. 132, № 13. Л и т.: ОАК за 1891 г., стр. 60—61; Л. А. М а ц у л е в и ч. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, стр. 21.

51 (598). К е р ч ь, 1904 г. 24 июня 1904 г. при гробительских раскопках на Госпитальной ул. в склепе найдены солиды Констанция Галла (351—354), Констанция II (337—361) и золотая индикация солида Валентиниана II (375—392): 1) солид Констанция II, чеканенный в Антиохии, officina 1. Av.: [FL] IV [L] CONSTANTIVS PERP [AVG], бюст императора прямо, в диадеме, в правой руке держит дротик, слева щит. Rev.: символические изображения Рима и Константинополя в виде фигур сидящих женщин, которые держат овальный щит с надписью в четыре строки: VOT XXX MVLТ XXXX, справа и слева легенда: GIORIA REIRVBLICAE, под обрезом SMANA. С o h., VII, стр. 456, № 110. В 4,46; Д 21. CO ↓. Сохр. хорошая, с четырьмя отверстиями по краям; 2) солид Констанция Галла, чеканенный в Фессалониках. Av.: DN CONSTNTI-VS NOBCAES, бюст императора вправо. Rev.: GLORIA REIRVBLICAE. Символические изображения Рима и Константинополя в виде фигур сидящих женщин, которые держат овальный щит с надписью в четыре строки: VOT [V]MVI.T [X, под обрезом: TES. С o h., VIII, стр. 34, № 25. В 4,36; Д 21. CO ↓. Сохр. хорошая, ободок точечный; 3) золотая индикация солида Валентиниана II (375—392). Av.: бюст вправо, DNVALENTINIANVSPPAVG. Д 21. Определение А. Н. Зографа и автора. Хр.: ГЭ, 1820/835—837. Л и т.: ОАК за 1904 г., стр. 78—79; ИАК, вып. 17, 1905, стр. 38, 115; К р о п о т к и н, стр. 64, № 598.

52 (1777). К е р ч ь, 1945 г. На горе Митридат случайно найден дупондий Веспасиана 77—78 гг. н. э. (?) M a t t., II, стр. 207, № 828—829 (?). Определение К. В. Голенко. Хр.: ГМИИ, М-45 № 255. Л и т.: Голенко, Шелов, стр. 28, № 20.

53 (606). К е р ч ь, 1945 г. На территории пантикапейского некрополя в траншее для водопровода 22 декабря 1954 г. рабочие нашли клад римских монет, который разошелся по рукам. В Керченский историко-археологический музей разновременно (двумя партиями) поступили одна драхма Юлии Домны 211 г. н. э., чеканенная в Кесарии Каппадокийской, и 78 биллоновых и медных посеребренных антонирианов: Юлия Меза — 1 экз., Гордиан III — 10 экз., Филипп Араб — 12 экз., Отацилия Севера — 1 экз., Филипп Младший — 3 экз., Траян Деций — 6 экз., Этрусулла — 2 экз., Деций Младший — 2 экз., Гостиллан — 1 экз., Требоннан Галл — 25 экз., Волусян — 6 экз., Валерьян — 7 экз., Галлиен — 2 экз., всего 79 экз. Определение Н. З. Куниной и В. Э. Кунина. Хр.: Керченский историко-археологический музей, инв. № К-9382/1—71; К-9877/1—8. Л и т.: Н. З. К у н и н а. Керченский клад серебряных римских монет. — Сб. «Археология и история Боспора», т. II. Керчь, 1962, стр. 329—342, табл. I—IV; К р о п о т к и н, стр. 64, № 606 (сведения не точны).

54 (1778). Керчь, 1952 г. Медная монета Констанция II (?), пробита, случайная находка. В 4,67. Определение К. В. Голенко. Хр.: ГМИИ, № 1115. Л и т.: Голенко, Шелов, стр. 42, № 308.

55 (1779). Керчь, 1956 г. На Ново-Эспланадном раскопе (площадь I, штык 4) найдена медная монета Констанция Галла (351—354), чеканенная в Константинополе. Со н., VIII, стр. 33, № 16. В 4,74. Определение К. В. Голенко. Хр.: ГМИИ, № 24. Л и т.: Голенко, Шелов, стр. 42, № 313.

56 (1780). Керчь, 1956 г. На Ново-Эспланадном раскопе (площадь XXIII, штык 2) найдена медная римская монета IV в. н. э., имя императора и тип монеты не установлены, пробита. Определение К. В. Голенко. Хр.: ГМИИ, № 2359. Л и т.: Голенко, Шелов, стр. 46, № 399.

57 (1781). Керчь, 1957 г. На Ново-Эспланадном раскопе (площадь XXVIII, штык 1) найдена медная монета Аркадия, чеканенная в Никомерии между 378—383 гг. н. э., officina 1 или 4. RIC, IX, стр. 257, № 26 (4 или 7). Хр.: ГМИИ, № 5. Л и т.: Голенко, Шелов, стр. 48, № 443.

58 (1782). Керчь, 1957 г. На Ново-Эспланадном раскопе (площадь XXVII, штык 6) найдена провинциальная монета Антонина Пия (?). Хр.: ГМИИ, № 233. Л и т.: Голенко, Шелов, стр. 48, № 444.

59 (1783). Керчь, 1958 г. На Ново-Эспланадном раскопе случайно найдена медная монета Аркадия, чеканенная в Константинополе, officina 3, между 383—388 гг. н. э. RIC, IX, стр. 233, № 83 (с). В 5,17. Определение К. В. Голенко. Хр.: ГМИИ. Л и т.: Голенко, Шелов, стр. 56, № 624.

60 (1784). Керчь, 1959 г. На Приморском бульваре, среди камней, укрепляющих берег от подмыва, найдена медная монета Константина I. З о г р а ф, табл. XXIV, 7. Д 19. Сохр. хорошая. Хр.: Керченский музей, № К—9561. Л и т.: не издана.

61 (1785). Керчь, 1945—1961 гг. Северокавказское варварское подражание римскому денарию с изображением Марса с копьем на оборотной стороне, III—IV вв. н. э. Медь. В 1,04. Хр.: ГМИИ. Л и т.: Голенко, Шелов, стр. 61, № 736, табл. VI.

62 (1786). Керчь, 1964 г. При археологических раскопках Т. И. Макаровой на рыночной площади в кладе боспорских монет III в. н. э. найден денарий Александра Севера. Ав.: бюст вправо, IMP ALEXANDER PIVSAVG. Rev.: Марс идет вправо, в правой руке копьё, в левой щит, MARS VLTOR. В 1,93; Д 18,5—19. Сохр. хорошая. Л и т.: не издан, сообщение Т. И. Макаровой.

63 (1787). Кикенез, Ялтинский горсовет, не позже 1907 г. Медная римская монета II—III вв. н. э. Л и т.: В. Данилевич. Заметки о древностях в окрестностях д. Кикенез Ялтинского уезда. — ИТУАК, № 40, 1907, стр. 60.

64 (1788). Оборонное (б. Каморы), 1962 г. В апреле 1962 г. случайно найдена бронзовая монета Гонория (395—423). Д 20. Сохр. плохая. Определение А. М. Гилевич. Хр.: ГХМ, № 8856. Л и т.: не издана, сообщение А. М. Гилевич.

65 (1789). Родниковое, Бахчисарайский р-н, 1961 г. В январе 1961 г. найдены две монеты. Одна из них римская серебряная конца II — начала III в. н. э. (Пертинакс или Септимиус Север?). Д 15. Сохр. хорошая. Хр.: Керченский музей, № К—9793/1—2. Л и т.: не издан.

66 (1790). Севастополь, Севастопольский горсовет, 1961 г. В могильнике у совхоза № 10 (Инкерманская долина) при археологических раскопках С. Ф. Стржеleckого найдены следующие монеты: 1) биллоновый антониниан Гордиана III (погребение 20/19); 2) медная монета Диоклетиана (погребение 39а); 3) медная монета середины IV в. н. э. (погребение 41); 4) серебряный антониниан Гордиана III (погребение 47); 5) биллоновая монета Лициния Младшего (ящик XIV). Определение А. М. Гилевич. Хр.: ГХМ. Л и т.: сообщение А. М. Гилевич 1962 г.

67 (1791). Севастополь, 1961 г. Близ почты совхоза № 10 случайно найдена бронзовая поздверимская монета IV—V вв. н. э. Д 21. Сохр. плохая. Определение А. М. Гилевич. Хр.: ГХМ, инв. № 8899. Л и т.: не издана, сообщение А. М. Гилевич.

68 (1792). Севастополь, 1962 г. При археологических раскопках С. Ф. Стржеleckого могильника у совхоза № 10 найдены следующие монеты: бронзовая монета Диоклетиана, чеканенная в Фессалонике? (ящик XXV); биллоновый антониниан Гордиана III 243 г. н. э. (ящик XXV, урна 3); бронзовая монета Лициния, пробита (урна 230); бронзовая монета Галерия Максимиана, чеканенная в Антиохии, officina 1 (могила 55/15); бронзовая монета Константина, чеканенная в Фессалонике, officina 5 (могила 56/1); биллоновый антониниан Гордиана III (могила 75/14); биллоновый антониниан Филиппа Араба (могила 75/14); бронзовая монета Константина I (могила 76а/20); бронзовая монета Константина I, чеканенная в Кизике; бронзовая монета Лициния, чеканенная в Кизике, officina 2 (могила 78/10); бронзовая монета Константина или Констанция (могила 81, подбой 19 и 28); драхма Траяна, чеканенная в Кесарии Каппадокийской (могила 114/25); денарий Траяна (могила 116); антониниан Траяна Деция (могила 145/21); бронзовая монета Констанция Галла (могила 154). Определение А. М. Гилевич. Хр.: ГХМ, инв. № 8880—8897. Л и т.: не изданы, сообщение А. М. Гилевич и С. Ф. Стржеleckого.

69 (1793). Семеновка, Левинский р-н, 1961 г. При археологических раскопках И. Т. Кругликовой найден антониниан Филиппа Младшего 245 г. н. э. Со н., V²,

стр. 107, № 120. В 3,5; Д 22—23. Сохр. хорошая. Определение И. Т. Кругликовой. Хр.: фонды ИА АН СССР. Лит.: И. Т. Кругликова. Монеты из поселения у дер. Семеновки. — НЭ, IV, 1963, стр. 129, № 145.

70 (1794). Симеиз, Ялтинский горсовет, не позже 1942 г. Римские монеты, случайные находки. Лит.: В. Н. Дьяков. Таврика в эпоху римской оккупации. М., 1942, стр. 68.

71 (1795). Симферополь, 1950 г. На городище Неаполь на р. Салгире найден денарий Веспасиана 72—73 гг. н. э. Mat t., II, стр. 11, № 64, В 3,22. Сохр. хорошая. Лит.: Л. П. Харко. Монетные находки Тавро-Скифской экспедиции 1946—1950 и 1957 гг. — МИА, № 96, 1961, стр. 219, № 13, рис. 1, 13.

72 (1796). Симферополь, 1959 г. На городище Неаполь на р. Салгире случайно найдена бронзовая монета Августа. Определение А. М. Гилевич. Лит.: сообщение А. М. Гилевич.

73 (1797). Чехово, Ялтинский горсовет, 1937 г. Найдены римская монета начала III в. н. э. и боспорский статер Фофорса 298 г. н. э. Лит.: К. В. Голенко. Находка монет у подножия горы Аю-Даг. — НЭ, IV, 1963, стр. 111, прим. 8.

Луганская область

74 (1798). Гармашевка, Беловодский р-н, не позже 1957 г. Медная монета Аркадия (395—408). Определение Б. П. Зайцева. Хр.: ХГУ. Лит.: Б. Зайцев. Интересная находка. — Г. «Луганская правда» от 26 апреля 1963 г.

Львовская область

75 (676). Лучица, Сокальский р-н, 1939 г. При вспашке поля в урочище Домуловицы крестьянин А. В. Сорочук нашел большой клад римских серебряных монет I—II вв. н. э. в количестве около 1600 экз. Монеты обнаружены в горшке кирпичного цвета, который во время пахоты был разбит и не сохранился. Часть денариев разошлась по рукам. В 1959—1962 гг. тремя партиями монеты поступили на хранение во Львовский исторический музей, где были определены И. М. Зайцем и В. В. Кропоткиным: Тит — 1 экз., Домициан — 3 экз., Траян — 1 экз., Адриан — 23 экз., Сабина — 2 экз., Элий Вер — 3 экз., Антонин Пий — 156 экз., Фаустина Старшая — 46 экз., Марк Аврелий — 136 экз., Фаустина Младшая — 71 экз., Луций Вер — 16 экз., Луцилла — 14 экз., Коммод — 73 экз., Криспина — 2 экз., Пертинакс — 1 экз., Клодий Альбин — 1 экз., Септимий Север — 3 экз., Юлия Домна — 1 экз., варварское подражание римскому денарию Марка Аврелия (?) — 1 экз., неопределенные 22 экз., всего 576 экз. На месте находки клада в урочище Домуловицы В. П. Савчук обнаружил поселение III—IV вв. н. э. и собрал на поверхности обломки серокошеной керамики. Позднейшие монеты в составе клада сильно потерты и легенды их разобраны не полностью. Младшая монета — денарий Септимия Севера 194 г. н. э. (Mat t., V, стр. 32, № 70, табл. 7, 8) или денарий Юлии Домны 193—196 гг. н. э. (?) (Mat t., V, стр. 27, № 49, табл. 6, 13—15). Сохр. плохая. Определение автора. Хр.: Львов, ГИМ, инв. № 5186—5207, 5308—5785, 5910—5960. Лит.: Кропоткин, стр. 67, № 676 (сообщение И. М. Зайца, В. П. Савчука и Е. И. Козловской).

76 (1799). Лучица, Сокальский р-н, не позже 1958 г. На поселении найден римский денарий. Хр.: фонды Львовского исторического музея. Лит.: сообщение В. П. Савчука.

77 (690). Рипнев, Каменско-Бугский р-н, 1959 г. При археологических раскопках В. Д. Барана найден денарий Адриана 134—138 гг. н. э. Mat t., III, стр. 328, № 697, табл. 60, 15, 16. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: Львов, фонды ИОН. Лит.: Кропоткин, стр. 68, № 690.

78 (1800). Судовая Вишня, Городокский р-н, 1957 г. На поселении черняховского типа в урочище Замчиско найден денарий Траяна 103—111 гг. н. э. Mat t., III, стр. 71, № 285, табл. 14, 6. Сохр. средняя. Определение автора. Хр.: Львов, фонды ИОН. Лит.: материал не издан, сообщение А. А. Ратича.

Николаевская область

79 (1801). Анатолевка, Очаковский р-н, 1952—1953 гг. На огородах к западу от села, над берегом Тилигульского лимана, найдены две медные монеты. Одна из них оказалась ольвийским тетрассарием Каракаллы, входящим в состав серии, чеканенной между 198 и 207 гг. н. э. В 32; Д 21—21,5. Бурачков, табл. VIII, 188. Определение П. О. Карышковского. Лит.: Карышковский, стр. 66, № 20.

80 (1802). Березань, о-в, 1961 г. При археологических раскопках В. В. Лапина найдена бронзовая монета Каракаллы. Хр.: фонды ИА АН УССР. Лит.: сообщение В. В. Лапина 1962 г.

81 (1803). Викторівка, Очаковский р-н, 1949—1950 гг. На поселении при археологических раскопках Л. М. Славина найдена медная монета Антонина Пия. Лит.: Л. М. Славина. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників Ольвійського оточення у 1949—1950 рр. — АП УРСР, т. V, Київ, 1955, стр. 146.

82 (1804). Первомайск. Несколько лет назад на правом берегу р. Южный Буг случайно найдена бронзовая монета Филиппа Араба, чеканенная в Дакии в 247—248 гг. н. э. В 14,06; Д 28,5—31. Определение П. О. Карышковского. Лит.: Карышковский, стр. 66, № 21.

Одесская область

83 (1805). Александровка, Тарутинский р-н, 1953—1954 гг. Медная монета Максимиана (235—238). Со h., IV², стр. 509, № 34. В 21,85; Д 27—30. Определение П. О. Карышковского. Хр.: ОГАМ. Лит.: Карышковский, стр. 63, № 7.

84 (1806). Балта, 1958 г. Денарий Антонина Пия 153—154 гг. н. э. Со h., II³, стр. 292, № 198=Mat t., IV, стр. 117, № 806, табл. 17, 3. В 3,04; Д 18—18,5. Определение П. О. Карышковского. Хр.: ОГАМ. Лит.: Карышковский, стр. 65, № 17.

85 (1807). Баниовка, Измаильский р-н, 1944—1945 гг. Близ села в конце 1944 г. или в начале 1945 г. на глубине 40—60 см найден клад серебряных монет в глиняном кувшине. В 1956 г. доставлены для определения две монеты: 1) денарий Каракаллы 201 г. н. э. Mat t., V, стр. 204, № 262—263 (ср. Со h., IV, стр. 162—163, № 175). В 3,10; Д 18—19; 2) денарий Каракаллы 210—213 гг. н. э. Mat t., V, стр. 373, № 92 (ср. Со h., IV, стр. 161, № 165). В 2,80; Д 17—19. Определение П. О. Карышковского. Лит.: Карышковский, стр. 62, № 1.

86 (752). Белгород-Днестровский, 1958 г. При археологических раскопках найден клад, состоящий из вещей, 31 римского денария и 150 медных императорских монет Тиры. Римские денарии: Марк Антоний 31 г. до н. э. — 2 экз., Веспасиан — 2 экз., Тит — 1 экз., Домициан — 2 экз., Адриан — 6 экз., Луций Вер — 1 экз., Фаустина Старшая — 2 экз., Коммод — 7 экз., Клодий Альбин — 1 экз., Септимий Север — 3 экз., Юлия Домна — 1 экз., Гета — 2 экз., Каракалла — 1 экз. Монеты города Тиры: Домициан (с надчеканками) — 13 экз., Адриан — 11 экз., Антонин Пий — 7 экз., Коммод — 30 экз., Септимий Север — 23 экз., Юлия Домна — 22 экз., Плавтилла — 7 экз., неопределенных — 7 экз. Клад был зарыт в первой половине III в. н. э. Определение А. И. Фурманской. Хр.: фонды ИА АН УССР. Лит.: Кропоткин, стр. 70, № 752; А. И. Фурманська. Розкопки Тіри в 1958 р. — АП УРСР, т. XI. Київ, 1962, стр. 127.

87 (1808). Белгород-Днестровский, 1961 г. При археологических раскопках А. И. Фурманской на городище античной Тиры найдены медный антониниан Клавдия II Готского и монета Диоклетиана. Определение В. А. Анохина. Хр.: фонды ИА АН УССР. Лит.: А. И. Фурманська. Исследование Тиры. — Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях ОГАМ 1962 года, 1964, стр. 63.

88 (1809). Беляевка, не позже 1960 г. Бронзовая монета вифинского города Тия (Tium), чеканенная при Гордиане III (238—244) и впоследствии снабженная надчеканкой в виде греческой буквы *сигма* в числовом значении 6. В 7,32; Д 25—26. Определение П. О. Карышковского. Лит.: Карышковский, стр. 64, № 13.

89 (1810). Грибовка, Беляевский р-н, до 1955 г. Монета Септимия Севера. Хр.: ОГАМ. Лит.: М. С. Синицын. Карта поселень і городищ між гірлами Дністра й південного Бугу скіфсько-сарматського часу. — Наукові записки Одеського державного педі-ту ім. Ушинського, т. X. Київ, 1955, стр. 39.

90 (1811). Домница, Котовский р-н, около 1894 г. При раскопках небольшого кургана была найдена бронзовая монета Диоклетиана. Лит.: Известия Церковно-Археологического общества за апрель 1894 г. Труды Киевской духовной академии, 1884, № 5 (май), стр. 129.

91 (1812). Заря, Татарбунарский р-н, 1960 г. Денарий Веспасиана 60—70 гг. н. э. Со h., I², стр. 375, № 87=Mat t., II, стр. 2, № 11, табл. 1, 4. В 2,95; Д 18—19. Определение П. О. Карышковского. Хр.: ОГАМ. Лит.: Карышковский, стр. 63, № 5.

92 (1813). Клиья, 1941—1945 гг. Во время Великой Отечественной войны в городе в разное время находили медные римские монеты. Из них от С. И. Янкована поступили в ОГАМ две монеты: 1) медная монета Констанция II, выпущенная между 323 и 337 гг. н. э. Со h., VII, стр. 455, № 92, обозначение монетного двора стерто. В 1,91; Д 15—17; 2) медная монета того же императора, чеканенная в Антиохии между 337 и 361 гг. н. э. Со h., VII, стр. 492, № 355. В 1,65; Д 14—15. Определение П. О. Карышковского. Хр.: ОГАМ. Лит.: Карышковский, стр. 62, № 2.

93 (1814). Кринички, Любашевский р-н, не позже 1959 г. В 1959 г. колхозник А. Трофимчук передал на определение две монеты, обе с пробитыми отверстиями: 1) сликва или аргентеус Констанция II, чеканенный в Константинополе в 353—361 гг. н. э. Со h., VII, стр. 492, № 342. В 3,10; Д 20—22; 2) такая же монета, чеканенная в Сирмии в те же годы. Со h., VII, стр. 492, № 343. В 2,51; Д 19—20. Определение П. О. Карышковского. Лит.: Карышковский, стр. 65, № 18.

94 (1815). Концеба, Любашевский р-н, 1950-е годы. На поселении черняховского типа во время строительства ученики средней школы нашли денарий Луция Вера 167—168 гг. н. э. Со h., III², стр. 201, № 318=Mat t., IV, стр. 452, № 481, табл. 62, 7. В 3,14; Д 18,5—19. Определение П. О. Карышковского. Там же найдены три черняховских сосуда. Хр.: ОГАМ, инв. № 74501—74503. Лит.: Карышковский,

с к и й, стр. 66, № 19; В. Н. С т а н к о. Случайные археологические находки в с. Концеба Савранского района Одесской области. — Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях ОГУ им. И. И. Мечникова в ОГАМ, 1961, стр. 58—61.

95 (1816). Н а д р е ч н о е, Тарутинский р-н, не позже 1962 г. Весной 1962 г. местный житель М. А. Барбаяни доставил карандашную протирку медной монеты Проба. С о н., VI, стр. 264, № 87. Д 18—19. Определение П. О. Карышковского. Л и т.: К а р ы ш к о в с к и й, стр. 63, № 8.

96 (1817). Н и к о л а е в к а - Н о в о р о с с и й с к а я, Татарбунарский р-н, не позже 1961 г. Несколько лет назад найдена бронзовая монета г. Филиппополя, чеканенная при Каракалле. В 15,01; Д 28—29,5. Определение П. О. Карышковского. Л и т.: К а р ы ш к о в с к и й, стр. 63, № 6.

97 (1818). П о н я т о в к а, Раздельнянский р-н, 1931 г. Драхма Кесарии, чеканенная при Каракалле (Каппадокия). СВМ. Galatta. . ., стр. 80, № 269 (var.). Определение П. О. Карышковского. Хр.: ОГАМ. Л и т.: К а р ы ш к о в с к и й, стр. 64, № 14.

98 (1819). Р о к с о л а н ы, Беляевский р-н, 1949 г. На левом берегу Днестровского лимана между г. Овидиополем и с. Роксоланы найден небольшой клад императорских монет Тирь. Из числа найденных монет (20 или 25 экз.) было доставлено для определения всего 8: Коммод — 1 экз., Септимий Север — 1 экз., Гета — 1 экз., Каракалла — 4 экз., Юлия Мамаея — 1 экз. Определение П. О. Карышковского. Хр.: ОГАМ. Л и т.: П. О. К а р ы ш к о в с к и й. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. — ВДИ, 1960, № 3, стр. 134.

99 (1820). Р о к с о л а н ы, Беляевский р-н. Во время археологических раскопок на городище найден антониниан Корнелии Салонины. Хр.: ОГАМ. Л и т.: сообще-ние П. О. Карышковского 1961 г.

100 (1821). Т е п л и ц а, Тарутинский р-н, 1948—1949 гг. Медная монета Юлиана II, чеканенная в Константинополе. С о н., VIII², стр. 45, № 10. В 2,50; Д 15—17. Определение П. О. Карышковского. Хр.: ОГАМ. Л и т.: К а р ы ш к о в с к и й, стр. 63, № 4.

101 (1822). У д о б н о е, Белгород-Днестровский р-н, 1960 г. На поселении первых веков I тысячелетия н. э. найдена медная римская монета. Хр.: частное собрание. Л и т.: сообщение И. Т. Черникова.

102 (1823). Ш а б о, Белгород-Днестровский р-н. На винограднике близ села найден денарий Веспасиана, чеканенный между 75 и 79 гг. н. э. M a t t., II, стр. 49, № 276—278, табл. 8, 11 (ср. С о н., I, стр. 384, № 222). В 2,52; Д 18—18,5. Сохр. плохая. Определение П. О. Карышковского. Л и т.: К а р ы ш к о в с к и й, стр. 64, № 11.

103 (1824). Я с и н о в о, Любашевский р-н, 1960 г. На поселении римского времени в урочище Джерельный яр найден биллоновый антониниан Проба. С о н., VI², стр. 260, № 39. В 4,19; Д 23—24. Определение П. О. Карышковского. Хр.: ОГАМ. Л и т.: К а р ы ш к о в с к и й, стр. 65, № 16.

104 (1825). Я с и н о в о, Любашевский р-н, 1961 г. Близ села в урочище Джерельный яр найден пробитый антониниан Каракаллы 216 г. н. э. M a t t., V, стр. 461, № 169—171, табл. 72, 3 (ср. С о н., IV, стр. 181, № 358). В 4,56; Д 22,5—23. Определе-ние П. О. Карышковского. Л и т.: К а р ы ш к о в с к и й, стр. 65, № 15.

Поднепровье

105 (1826). П о д н е с т р о в ь е (ближе неизвестно), не позже 1925 г. Римский денарий I в. н. э. Хр.: ЛГИМ (б. музей НТШ), инв. № 16189.

Полтавская область

106 (1827). К о м п а н и й ц ы, Кобелякский р-н, 1962 г. При археологических раскопках Е. В. Махно в одном из погребений могильника III—IV вв. н. э. (могила 130) найден денарий Коммода с отверстием для привешивания. Сохр. плохая. Определение автора. Хр.: фонды ИА АН УССР. Л и т.: материал не издан, сообщение Е. В. Махно.

107 (787). К р я ч к о в к а, Пирятинский р-н, 1954 г. На поселении черняховского типа найден клад денариев: Веспасиан — 1 экз., Траян — 2 экз., Адриан — 1 экз., Антонин Пий — 12 экз., Фаустина Старшая — 2 экз., Марк Аврелий — 5 экз., Криспина — 1 экз., Коммод — 7 экз., всего 32 экз. В составе клада найдены две серебряные пряжки с массивным круглым кольцом и небольшим округлым щитком. Длина 2,7 см, ширина 1,8 см, вес 7,4 г. Младшая монета — денарий Коммода 187—188 гг. н. э. M a t t., IV, стр. 734, № 248—249, табл. 97, 4. Хр.: фонды ИА АН УССР (11 экз. и пряжка), собрание А. А. Святогора (9 экз.). Л и т.: сообще-ние А. А. Святогора; К р о п о т к и н, стр. 71, № 787, стр. 92, № 1298 (место находки указано ошибочно).

108 (1828). П и р я т и н, 1955 г. Денарий Антонина Пия. Хр.: собрание А. А. Святогора. Л и т.: сообщение А. А. Святогора 1962 г.

109 (1829). Р о м е н с к и й у., не позже 1889 г. Серебряная монета Марка Аврелия. Л и т.: Известия Церковно-Археологического общества за апрель 1889 г. Труды Киевской духовной академии, 1889, № 7 (июль), стр. 487.

110 (1830). Чернухи, Лохвицкий у., не позже 1881 г. Серебряная монета Нервы. Л и т.: Отчет Церковно-Археологического общества за 1881 г. Труды Киевской духовной академии, 1882, № 4 (апрель), стр. 364 (в списке населенных пунктов УССР с. Чернухи не обнаружено).

Ровенская область

111 (825). Александрия, 1873 г. Денарий Коммода. Л и т.: И. А. Орлов. Исследование о кладах Волынской губернии. Житомир, 1885, стр. 36; Архив ИА АН УССР, ф. 13, д. № 71/6, л. 1; Кропоткин, стр. 73, № 825.

112 (1831). Бударж, Здолбуновский у., не позже 1937 г. На поселении найдено несколько римских монет, в том числе одна серебряная монета времени Антонинов. Хр.: Варшава, Археологический музей. Л и т.: С у п к а л о w s k i, стр. 127, № 8.

113 (1832). Волосковичи, Острожский р-н. Денарий Фаустины (I или II?). Ав.: AVGVSTA FAVSTINA, голова вправо. Rev.: AETERNITAS, женская фигура в рост влево. Хр.: Острожский краеведческий музей. Л и т.: сообщение М. А. Тихановой 1962 г.

114 (1833). Деревянное, Клеванский р-н, 1961 г. Близ села найден денарий Адриана. М а т т., III, стр. 270, № 248—249, табл. 51, II. Определение автора. Л и т.: сообщение Ю. В. Кухаренко 1961 г.

115 (1834). Дядьковичи, Ровенский р-н, не позже 1937 г. Римская серебряная монета. Хр.: Варшава, Археологический музей (дар Гофмана). Л и т.: С у п к а л о w s k i, стр. 127—128, № 16.

116 (839). Збуж, Дерезинский р-н, 1957 г. Клад денариев от Траяна до Септимия Севера в количестве 178 экз. Позднейшие монеты в кладе чеканены в 193—195 гг. н. э. 1) Септимий Север 193 г. н. э. М а т т., V, стр. 24, № 33—34, табл. 6, 4=C o h., IV, стр. 78, № 752; 2) Септимий Север 193 г. н. э. М а т т., V, стр. 21, № 7—25=C o h., IV, стр. 31, № 260; 3) Септимий Север 194 г. н. э. М а т т., V, стр. 32, № 70, табл. 7, 8=C o h., IV, № 359; 4) Септимий Север 195 г. н. э. М а т т., V, стр. 40, № 116, табл. 8, 13. Определение автора. Клад был зарыт в землю после 195 г. н. э. Хр.: ЛГИМ, инв. № 4955. Л и т.: сообщение И. М. Зайца и И. К. Свешникова; Кропоткин, стр. 78, № 839.

117 (1835). Краев, Острожский р-н. Денарий Антонина Пия. Ав.: ANTONINVS AVG PP TRP COS III, голова вправо. Rev.: изображение Модия, легенда не читается. М а т т., IV, табл. 3, 3 или 3, 16. Определение М. А. Тихановой. Хр.: Острожский краеведческий музей. Л и т.: сообщение М. А. Тихановой 1962 г.

118 (1836). Майдан, Дубенский р-н, не позже 1902 г. Римская серебряная монета. Хр.: Музей Киевского университета, инв. № 8639. Л и т.: архив ИА АН УССР, ф. 13, д. № 69, л. 159.

119 (1837). Майдан Козлинский, Дубенский р-н. Римская серебряная монета с квадригой. Хр.: Варшава, Археологический музей. Л и т.: С у п к а л о w s k i, стр. 131, № 47.

120 (1838). Переросль, Вербский р-н, не позже 1937 г. Римская монета. Хр.: Варшава, Археологический музей. Л и т.: С у п к а л о w s k i, стр. 132, № 56 (см. Кропоткин, стр. 73, № 829).

121 (1839). Смородва, Млиновский р-н, XIX в. Клад римских монет. Хр.: по сведениям А. Цинкаловского, поступил в один из музеев Петербурга (?). Л и т.: С у п к а л о w s k i, стр. 125, № 22.

Сумская область

122 (1840). Подлесновка, Сумский р-н, 1961 г. В конце июля 1961 г. при разработке карьера на глубине около 1 м был найден клад римских серебряных монет в небольшом кувшине, который от удара разбился; обломки его не сохранились. Монеты разошлись по рукам. По словам колхозников, вес обнаруженных в кувшине монет не превышал 1 кг, общее число монет не было подсчитано (около 200 экз.). Часть клада попала в руки частных коллекционеров в Сумах и в Киеве. Шесть денариев П. П. Белый передал в КИМ. Остатки клада удалось собрать в ИА АН СССР (24 экз.), ГИМ (5 экз.): Траян — 3 экз., Адриан — 2 экз., Сабина — 2 экз., Антонин Пий — 9 экз., Фаустина Старшая — 3 экз., Марк Аврелий — 7 экз., Луций Вер — 1 экз., Луцилла — 2 экз., Криспина — 1 экз., Коммод — 4 экз., всего 35 экз. Общий вес 101,24 г (34 экз.). Определение В. В. Кропоткина. Хр.: ГИМ, инв. № 98100/1 036 658—1 036 685 (28 экз.); КИМ, инв. № 12607/1—6 (6 экз.). Л и т.: сообщения И. Г. Подужайло, А. З. Коржова, А. К. Руденко и П. П. Белого; ВДИ, 1965, № 1, стр. 136—139.

Тернопольская область

123 (1841). Борки Дедеркальские, Великодедеркальский р-н, не позже 1956 г. В бассейне р. Вилии найден денарий Фаустины Старшей. Ав.: FAVSTINA AVGVSTA. Определение М. И. Островского. Хр.: Кременецкий краеведческий музей. Л и т.: сообщение М. А. Тихановой 1962 г.

124 (1842). Гермаковка, Мельнице-Подольский р-н, 1862 г. Варварское подражание ауреусу Антонина Пия. В 5,92. Хр.: Вена, нумизматический кабинет, инв. № 13429. Л и т.: A. Alföldi. Materialien zur Klassifizierung der gleichzeitigen Nachahmungen von römischen Münzen aus Ungarn und den Nachbarländern. — Numismatikai Közlöny, XXVI—XXVII, табл. VIII, 4; К р о п о т к и н, стр. 79, № 987.

125 (1843). Кременец, не позже 1939 г. Денарий Марка Аврелия. Хр.: Кременецкий краеведческий музей. Л и т.: С у п к а л о w s k i, стр. 131, № 41.

126 (1844). Ладичин, Микулинецкий р-н, не позже 1954 г. Близ села найдены римские монеты. Л и т.: не изданы, сообщение С. С. Садовской.

127 (1845). Лопушно, Лановецкий р-н, 1926 г. В б. Почаевской гмине в разное время найдены римские монеты, в том числе денарии: Адриан — 1 экз., Луций Вер — 1 экз., Александр Север — 2 экз., медная монета (антониниан?) Клавдия II Готского — 1 экз., медная монета Константина I — 1 экз., медная монета (centenionalis) Константина II — 1 экз., серебряная монета (силиква или аргентеус) Валента — 1 экз., всего 8 экз. Л и т.: С у п к а л о w s k i, стр. 123—124, № 11.

128 (1846). Малый Раковец, Кременецкий у., до 1938 г. Близ села найдено несколько римских монет. Хр.: частное собрание. Л и т.: С у п к а л o w s k i, стр. 133, № 63.

129 (1847). Раковец Чесновский, Збаражский р-н, 1962 г. На поселении волынского типа случайно найден денарий Коммода, чеканенный между декабрем 183 и декабрем 184 г. н. э. M a t t., IV, стр. 709, № 122, табл. 93, 16. Определение автора. Хр.: Кременецкий краеведческий музей. Л и т.: не издан, сообщение И. С. Винокура и М. И. Островского.

Харьковская область

130 (1848). Белаши, Дергачевский р-н, не позже 1948 г. На правом берегу р. Лопань между селами Емцы и Белаши найдена медная монета Константа (337—350). Хр.: Археологический музей ХГУ, поступила в 1948 г. Л и т.: Б. П. З а й ц е в. Новые материалы. . ., стр. 51.

131 (1849). Глубокая, Змиевский р-н. Во время археологической разведки близ хут. Глубокая найдена серебряная монета Фаустины Старшей. Хр.: школьный музей в с. Первомайское. Л и т.: Б. П. З а й ц е в. Новые материалы. . ., стр. 51.

132 (1850). Затишье, Харьковский р-н, не позже 1934 г. При земляных работах на хуторе найдена монета Фаустины Младшей. Определение А. С. Федоровского. Л и т.: архив ИА АН УССР, ф. 7, № 31, л. 3 (запись А. С. Федоровского).

133 (1851). Новая Водолга, не позже 1949 г. Медная монета Констанция Хлора (293—306). Хр.: Археологический музей ХГУ (поступила в 1949 г.). Л и т.: Б. П. З а й ц е в. Новые материалы. . ., стр. 51.

134 (1852). Пархомовка, Краснокутский р-н, 1957 г. В овраге была найдена серебряная монета Фаустины Старшей. Хр.: краеведческий музей в г. Пархомовка. Л и т.: Б. П. З а й ц е в. Новые материалы. . ., стр. 51.

135 (1853). Пески Радьковские, Боровский р-н, не позже 1928 г. Серебряная монета Марка Аврелия. Л и т.: Н. В. С и б и л е в. Древности Изюмщины, вып. III. Изюм, 1928, стр. 17, табл. XXIII.

136 (1854). Соколово, Змиевский р-н, 1960 г. На правом берегу р. Мжи при посадке деревьев на глубине 0,1 м была обнаружена медная монета (антониниан?) Галлиена. Хр.: Археологический музей ХГУ (поступила от зав. музеем в с. Соколово А. И. Шемета). Л и т.: Б. П. З а й ц е в. Новые материалы. . ., стр. 51.

137 (1855). Тимченко, Змиевский р-н, 1948 г. На левом берегу р. Мжи близ села найден денарий Фаустины Младшей. Хр.: Археологический музей ХГУ (поступил от И. В. Плескунова из с. Тимченко). Л и т.: Б. П. З а й ц е в. Новые материалы. . ., стр. 51.

138 (1856). Шаровка, Богодуховский р-н, 1956 г. Близ села найдена серебряная монета Траяна. Хр.: до 1960 г. находилась в средней школе № 2 г. Богодухова, ныне утеряна. Л и т.: Б. П. З а й ц е в. Новые материалы. . ., стр. 51.

Хмельницкая область

139 (1857). Городище, Шепетовский р-н, 1960 г. При археологических раскопках М. К. Каргера найден денарий Тита 80 г. н. э. M a t t., II, стр. 235, № 75, табл. 45, 20. Хр.: фонды ЛОИА АН СССР. Л и т.: сообщение М. К. Каргера 1962 г.

140 (1858). Каленичи, Заславский у., не позже 1905 г. Серебряная монета Фаустины (I или II?). Л и т.: Ф. Р. Ш т е й н г е л ь. Отчет Городецкого музея. Киев, 1905, стр. 47.

141 (1859). Колубаевцы, Каменецкий у., не позже 1902 г. Серебряная монета Фаустины (I или II?). Л и т.: Поступления в древнехранилище и библиотеку Комитета. — Подольские Епархиальные ведомости, 1902, № 24—25, стр. 214.

142 (1860). Лепесовка, Белогорский р-н, 1960—1961 гг. При археологических раскопках М. А. Тихановой на поселении волынского типа III—IV вв. н. э. найдены четыре денария: Нерона (64—66 гг. н. э.), Фаустины Младшей (161 г. н. э.),

Марка Аврелия (декабрь 163—декабрь 164 г. н. э.), Марка Аврелия (пробит). Определение М. А. Тихановой. Хр.: фонды ЛОИА АН СССР. Л и т.: К р о п о т к и н, стр. 111, № 1721а; М. А. Т и х а н о в а. Днестровско-Волынская экспедиция 1960—1961 гг. — КСИА АН СССР, 102, 1964, стр. 54—55.

Черкасская область

143 (1169). А н т о н о в к а, Уманский р-н, 1929 г. На поселении черняховского типа Григорий Горбатюк нашел клад денариев: Веспасиан — 10 экз., Тит — 3 экз., Домициан — 4 экз., Нерва — 1 экз., Траян — 40 экз., Адриан — 47 экз., Сабина — 5 экз., Элий Вер — 1 экз., Антонин Пий — 53 экз., Фаустина Старшая — 31 экз., Марк Аврелий — 82 экз., Фаустина Младшая — 18 экз., Луций Вер — 8 экз., Луцилла — 6 экз., Коммод — 51 экз., Криспина — 1 экз., Дидия Клара — 1 экз., Клодий Альбин — 1 экз., Септимий Север — 7 экз., варварское подражание денарию Марка Аврелия — 1 экз., всего 371 экз. Определение С. В. Коршенко. Хр.: Уманский краеведческий музей (до 1941 г.). Л и т.: архив ИА АН УССР, ф. ВУАК № 545, л. 3—6; архив ГИМ УССР, рукопись С. В. Коршенко, л. 1—14; К р о п о т к и н, стр. 86, № 1169.

144 (1861). А н т о н о в к а, Уманский р-н, не позже 1931 г. На леваде села Григорий Горбатюк нашел два денария: Адриан — 1 экз., Луций Вер — 1 экз. Определение М. К. Якимовича. Хр.: Уманский краеведческий музей. Л и т.: архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, № 545, л. 6 (рукопись К. Петичинского).

145 (1862). Б а б а н к а, Уманский р-н, 1961 г. Весной 1961 г. школьники в яме нашли два денария: 1) Фаустина Младшая. В 2,96; 2) Септимий Север 193 г. н. э. М а т т., V, стр. 22, № 19—22, табл. 5, 13. В 2,78. Определение В. В. Кротопкина. Хр.: средняя школа в с. Бабанка. Л и т.: архив ИА АН УССР, № 458, л. 13; Г. Е. Х р а б а н. Черняховские памятники в Уманском районе Черкасской области. — МИА, № 116, 1964, стр. 259, № 7, рис. 2, 13.

146 (1223). Б а й б у з ы (по другим сведениям, М о ш н ы), Черкасский р-н, 1923 г. Весной 1923 г. близ села, в урочище Казацкая Сечь, при вспашке поля на глубине 20 см найден клад римских серебряных монет, зарытый в каком-то сосуде (?), от которого сохранилась медная ручка. Монеты разошлись по рукам. Местный учитель А. С. Харченко приобрел 13 денариев, в том числе: Траян — 1 экз., Адриан — 2 экз., Антонин Пий — 4 экз., Луций Вер — 1 экз., Марк Аврелий — 2 экз., Фаустина Младшая — 1 экз., Коммод — 2 экз. Определение В. Г. Ляскоронского. Л и т.: В. Г. Л я с к о р о н с к и й. Римская монета в Южной России. . . , стр. 73; архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, № 26, л. 1—1 (письмо А. С. Харченко); Б р а й ч е в с ь к и й, 1959, стр. 197, № 1003; К р о п о т к и н, стр. 88, № 1223.

147 (1863). Б е р е с т о в е ц, Христиновский р-н, до 1958 г. В бассейне р. Ревухи на поле были найдены денарий Антонина Пия и неопределенная медная монета. Л и т.: архив ИА АН УССР, ф. 12, № 437, л. 74 (заметки В. А. Стефановича).

148 (1864). Б у д а П о т а ш а н с к а я, Каневский у., не позже 1891 г. Серебряная монета Коммода 183 г. н. э. Л и т.: Отчет Церковно-Археологического общества за 1891 г. Труды Киевской духовной академии, 1892, № 1 (январь), стр. 343.

149 (1865). В е р х н я ч к и, Уманский р-н, не позже 1926 г. Посмертный денарий Антонина Пия. Av.: DIVVS ANTONINVS. Rev.: CONSECRATIO, сидящий орел, голова повернута влево. Ш е р ц л ь, № 5374. Определение А. С. Федоровского. Л и т.: архив ИА АН УССР, ф. 7, № 31, л. 4 (сообщение Ф. Е. Макушева от 11 июня 1926 г.).

150 (1866). Г о р д а ш о в к а, Тальновский р-н, 1958 г. Денарий Адриана. Rev.: RMTRPOCOS III. Хр.: Уманский краеведческий музей, инв. № 5279 (поступила от А. И. Заболоцкого 15 мая 1958 г.). Л и т.: архив ИА АН УССР, ф. 12, № 437, л. 43.

151 (1867). Г у т а М е ж е р и ч с к а я, Мошенский р-н, не позже 1927 г. Около плотины найдена римская серебряная монета. Л и т.: архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, № 116, л. 110 (сообщение зав. Черкасским музеем 1927 г.).

152 (1868). Ж у р а в к а, Городищенский р-н, 1961 г. Денарий Адриана (Rev.: PM TRP COS III) и Фаустины Младшей. Сохр. плохая. Хр.: фонды ИА АН СССР. Л и т.: доклад Э. А. Сымоновича на секторе скифо-сарматской археологии 18 октября 1961 г.

153 (1869). К р а с н о п о л к а, Уманский р-н, не позже 1882 г. Монета Коммода и монета Льва I (457—474). Л и т.: Известия Церковно-Археологического общества за июль 1882 г. Труды Киевской духовной академии, 1882, № 9 (сентябрь), стр. 125.

154 (1870). К у з ь м и н а Г р е б л я, Христиновский р-н, до 1961 г. Два денария, один из них Антонина Пия. Хр.: фонды ИА АН УССР. Л и т.: сообщение В. А. Стефановича 26 мая 1962 г.

155 (1871). М а л а я М а н ь к о в к а, Маньковский р-н, до 1961 г. По сведениям местного учителя, найден клад римских серебряных монет в количестве нескольких сотен экз., монеты не сохранились. Л и т.: сообщение Г. Е. Храбана.

156 (1872). П е к а р и, Каневский р-н, не позже 1846 г. На горе Нетеребка найдены римские монеты и слитки серебра. Л и т.: Город Канев. — Киевские губернские ведомости, 1846, № 7, стр. 52.

157 (1241). Полянецкое, Уманский р-н, 1951 г. На поселении черняховского типа найден денарий Антонина Пия 147—148 гг. н. э. *M a t t.*, IV, стр. 89, № 619, табл. 13, 7. Хр.: фонды Уманского краеведческого музея. Л и т.: архив ИА АН УССР, ф. 12, № 37, л. 63; К р о п о т к и н, стр. 88, № 1241; МИА, № 116, 1964, стр. 263, рис. 2, 12.

158 (1873). С и н я в к а, Каневский р-н, не позже 1961 г. Денарий Марка Аврелия. Rev.: Виктория с венком и трофеем. Хр.: школьный музей в с. Снявка. Л и т.: сообщение И. Г. Спасского 3 марта 1961 г.

159 (1874). С т е ц о в к а, Звенигородский р-н, не позже 1885 г. Серебряная монета Александра Севера. Л и т.: Известия Церковно-Археологического общества за август 1885 г. Труды Киевской духовной академии, 1885, т. III, стр. 511.

160 (1875). Т а л а л а е в к а, Христиновский р-н, 1961 г. В погребении черняховского типа найден биллоновый антониниан Валериана (253—260). Av.: IMP. . . VALERIANVS PEAVG, бюст вправо, в лучевой короне. Rev.: [VIR] TVS AVGG, две стоящие фигуры воинов с копьями. Д 22. Хр.: школьный музей в с. Талалаевка. Л и т.: сообщение В. А. Стефановича 26 мая 1962 г.

161 (1876). Т и м а ш е в к а, Маньковский р-н, 1941 г. При обработке поля найден клад римских серебряных монет, одна монета из клада — денарий Антонина Пия — передана В. А. Стефановичу. Хр.: фонды ИА АН УССР. Л и т.: сообщение В. А. Стефановича 26 мая 1962 г.

162 (1271). Т у р и я, Златопольский р-н, 1954 г. Денарий Фаустины Младшей. Av.: FAVSTINA AVGVSTA, бюст вправо. Rev.: [SAECVLI FELI] CIT. *M a t t.*, IV, стр. 403, № 136—140, табл. 55, 19. Монета происходит из клада, найденного в 1954 г. на усадьбе В. В. Голоцвана. Определение В. В. Кротопкина. Хр.: частное собрание. Л и т.: К р о п о т к и н, стр. 89, № 1271.

163 (1877). У м а н ь, 1961 г. На поселении черняховского типа найдена медная монета Константина I, чеканенная в Фессалониках, officina 2. Av.: IMPCCONSTANTINVS AVG, бюст вправо. Rev.: IOVI CONSERVATORIVCCNN, под обрезом: TSB. В 2,89; Д 21—23. Определение В. В. Кротопкина. Хр.: Уманский краеведческий музей, инв. № 6313. Л и т.: не издана.

164 (1878). У м а н ь щ и н а (ближе неизвестно), не позже 1932 г. Денарий Адриана. Rev.: SALVS AVG COS III. Определение В. А. Шугаевского. Хр.: б. Лаврский музей, инв. № 31631. Л и т.: архив ИА УССР (заметки В. В. Шугаевского в делах Лаврского музея, покупка от П. Домбровского 1 сичня 1932 г.).

165 (1879). Ю р к о в к а, Уманский р-н, 1960 г. Летом 1960 г. В. Т. Зозуля нашел на огороде помертвый денарий Фаустины Старшей. Av.: DIVA FAVSTINA, бюст вправо. Rev.: AVGVSTA. *M a t t.*, IV, стр. 60, № 421, табл. 9, 15. В 3,15. Определение В. В. Кротопкина. Хр.: Уманский краеведческий музей, инв. № 6259 (поступил 30 марта 1961 г.). Л и т.: Г. Е. Х р а б а н. Черняховские памятники в Уманском районе Черкасской области, стр. 267, рис. 2, 11.

Черниговская область

166 (1880). М а л а я Д е в и ц а, не позже 1961 г. Близ поселка (р. Галка, приток Удая) школьники нашли денарий Фаустины Младшей. Av.: бюст вправо. FAVSTINA AVGVSTA. Rev.: VNO, стоящая фигура Юноны, голова влево, в правой руке венок, в левой — длинный жезл. Определение Э. А. Сымоневич. Северная граница памятников черняховской культуры. — МИА, № 116, 1964, стр. 28.

167 (1881). Н е ж и н, не позже 1874 г. Римская монета. Л и т.: Отчет Церковно-Археологического общества за 1874 г. Труды Киевской духовной академии, 1875, № 1 (январь), стр. 142.

168 (1882). Н е ж и н, 1957 г. При расчистке русла р. Остер в черте города найден денарий Августа. Rev.: Аполлон Актинский с лирой. Л и т.: сообщение И. Г. Спасского.

169 (1883). Н о в г о р о д - С е в е р с к и й, 1959 г. На левом берегу р. Десны в окрестностях города найден денарий Септимия Севера 207 г. н. э. Av.: SEVERVS PIVS AVG. Rev.: PMTRP XV COS III PP. *M a t t.*, V, стр. 263, № 534, табл. 41, 13. Определение В. В. Кротопкина. Хр.: Черниговский краеведческий музей. Л и т.: сообщение И. И. Едомахи.

Молдавская ССР

170 (1884). Б а л ц а т ы, Ново-Аненский р-н, около 1960 г. В окрестностях села найден помертвый денарий Фаустины Старшей. *M a t t.*, IV, стр. 56, № 373—374, табл. 9, 3. В 3,11; Д 17—18. Сохр. средняя. Определение В. В. Кротопкина. Л и т.: не издан, сообщение Э. А. Рикмана.

171 (1885). К а у ш а н ы. Несколько лет назад во время полевых работ найдены два денария: 1) помертвый Фаустины Старшей. *M a t t.*, IV, стр. 53, № 346, табл. 8, 15; 2) Марка Аврелия 164—165 гг. н. э. *M a t t.*, IV, стр. 433, № 359, табл. 59, 13. Определение П. О. Карышковского. Л и т.: К а р ы ш к о в с к и й, стр. 63, № 9.

172 (1886). К и ш и н е в, 1963 г. В городе на углу улиц Хашдеу и Крянча найдена бронзовая монета времени Константина I, чеканенная от имени г. Константинополя. Ав.: CONSTANTIN (OPOLIS), женский бюст влево, в шлеме, справа скипетр. Rev.: стоящая Викторня, влево, опирается на щит, стоящий справа. Под обрезом неразборчиво: SM [ANT]. Антиохия (?). С о х., VII², стр. 326, № 21. В 2,22. Сохр. плохая. Определение автора. Хр.: фонды ИИ АН Молдавской ССР. Л и т.: сообщение Э. А. Рикмана.

173 (1887). Р а с к а й ц ы, Каушанский р-н, 1955—1956 гг. На приусадебном участке найден денарий Траяна, чеканенный скорее всего в 106 г. н. э. С о х., II², стр. 27, № 89—M a t t., III, стр. 73, № 297, табл. 14, 9. В 2,99; Д 17—18. Определение П. О. Карышковского. Хр.: ОГАМ. Л и т.: К а р ы ш к о в с к и й, стр. 63, № 10.

174 (1370). Х а д ж и А б д у л, Вулканештский р-н, 1957 г. Близ села найдены три бронзовые монеты: 1) большая бронза Марка Аврелия 167—168 гг. н. э. M a t t., IV, стр. 602, № 1335, табл. 80, 7 (?). В 21,83; Д 20—23; 2) малая бронза Константа. Rev.: VOT XX MVLV XXX, в венке. С о х., VII², стр. 435, № 197. В 1,62; Д 14—15; 3) малая бронза Констанция II, чеканенная в Константинополе, officina 3. Ав.: DNCONSTANTIVS PFAVG, бюст вправо. Rev.: FELTEMPREPARATIO, под обрезом: CONST. С о х., VII², стр. 446, № 44—45. В 1,85; Д 17—18. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: частное собрание. Л и т.: С. М о л д о в а н. Нумизматическая история родного края. — Г. «Ленинец», (г. Уфа), 18 сентября 1958 г.; К р о п о т к и н, стр. 96, № 1370.

Белорусская ССР

Брестская область

175 (1888). А н т о п о л ь, 1950-е годы. Денарий Марка Аврелия с отверстием для подвешивания найден в окрестностях города в урочище Губерния. Сохр. плохая. Хр.: Кобринский музей им. А. В. Суворова. Л и т.: не издан, сообщение Ю. В. Кухаренко.

176 (1889). Б р е с т, 1961 г. В окрестностях города, в пос. Тришин, при археологических раскопках Ю. В. Кухаренко найдены две римские монеты с отверстиями: 1) в погребении 36 субэратный денарий Траяна. С о х., II², стр. 43, № 242. В 1,47. Монета с двумя отверстиями, серебряная оболочка денария в огне расплавилась, осталось медное ядро; 2) в погребении 11 медная монета с отверстием для подвешивания. Ав.: едва заметное изображение головы императора (вероятно, римский субэратный денарий). Определение Л. Н. Беловой. Хр.: фонды ИА АН СССР. Л и т.: Ю. В. К у х а р е н к о. Могильник Брест-Тришин. — КСИА АН СССР, 100, 1965, стр. 98.

177 (1890). Л ю б о ш в а, б. Барановичская обл., 30-е годы XX в. И. И. Стабровский на выгоне близ деревни нашел два римских денария I в. н. э. Хр.: Варшава, Археологический музей (?). Л и т.: сообщение И. И. Стабровского (сведения получены от В. Н. Рябцевича).

178 (1891). П и р к о в и ч и, Дрогичинский р-н. Золотая монета Траяна. Л и т.: С у н к а л о в с к и, стр. 133, № 61.

179 (1892). Ч а х е ц, Пружанский р-н, около 1838 г. Близ деревни найден клад римских монет. Л и т.: ЦГИАЛ, ф. 1281 (сообщение В. Н. Рябцевича).

180 (1893). М о з ы р ь, 1951 г. Медная монета Гордиана III, чеканенная в г. Анхиале. Ав.: бюст Гордиана III и Транквилины. Rev.: богиня Согласня с паторой и рогом изобилия. Определение Л. Н. Беловой. Хр.: Мозырский историко-краеведческий музей. Л и т.: сообщение В. Н. Рябцевича.

Гродненская область

181 (1894). К о с и н о, Волковысский р-н, 1894 г. Близ деревни найдена серебряная монета Антония (?). Л и т.: Гродненский исторический архив, ф. 14, оп. 1, д. 361 за 1894 г., л. 258 (сообщение В. Н. Рябцевича).

Могилевская область

182 (1895). А д а м е н к а, Быховский р-н, 1962 г. При археологических раскопках Л. Д. Поболь на поселении в урочище Абидня найдена медная монета — дуплондй Геты, чеканенный в г. Августа-Траяна во Фракии. В 15,127; Д 30. Определение Л. Н. Беловой. Хр.: Могилевский краеведческий музей. Л и т.: Л. Д. П о б о л ь. Римские монеты у Беларуси. — Г. «Звезда» от 1 марта 1963 г.

Литовская ССР

183 (1896). В е ж а й ч а й, Шилутский р-н, 1953 г. В глиняном сосуде найден клад медных римских монет в количестве 45 экз. Хр.: частное собрание. Л и т.: не издан, сообщение М. Михальбертаса 1962 г.

184 (1897). К а з и т и ш к и с, Игналинский р-н, 1929 г. В окрестностях села найдена монета Марка Аврелия. Л и т.: Г. «Lietuvos aidas», № 211 (695) от 17 сентября 1929 г.; № 214 (698) от 20 сентября 1949 г.: M i c h e l b e r t a s, стр. 28, № 15.

185 (1898). К а ш е т о с, Варенский р-н, не позже 1928 г. Медная монета Валентиниана (I или II). Л и т.: М о о г а, Вд II, стр. 583, прим. 4; Т а г а с е н к а, стр. 152; M i c h e l b e r t a s, стр. 27, № 14.

186 (1899). Н о в а в о л е, Вилкавишский р-н, не позже 1938 г. Монета Адриана. Л и т.: М о о г а, Вд II, стр. 582; ВДИ, 1951, № 4, стр. 272, № 422.

187 (1900). П у н я, Езнаский р-н, 1937 г. (?). Римские монеты IV в. н. э. Находка сомнительна. Л и т.: Г. «Lietuvos aidas», № 566 (3781) от 13 декабря 1937 г.; M i c h e l b e r t a s, стр. 31.

188 (1901). Т у б а у с я й, Кретингский р-н. В могильнике найдены римские монеты. Л и т.: M i c h e l b e r t a s, стр. 29, № 40.

189 (1902). Я з д а й, Кретингский р-н, 1940 г. При археологических раскопках могильника найдена медная римская монета. Сохр. очень плохая. Хр.: Каунас, Исторический музей им. М. К. Чюрлиониса. Л и т.: M i c h e l b e r t a s, стр. 27, № 11.

190 (1903). Я н а п о л е, Варняйский р-н, 1934 г. Клад римских антонинианов III в. н. э., чеканенных в г. Никее в Вифинии (Малая Азия). Число монет в кладе точно не установлено (около 18 экз.). Удалось определить следующие монеты: Александр Север — 2 экз., Юлия Мамая — 1 экз., Максимин — 1 экз., Максим — 3 экз., Гордиан III — 7 экз., всего 14 экз. Определение М. М. Михельбертаса. Хр.: Тельшай, краеведческий музей (14 экз.). Л и т.: Г. «Lietuvos aidas», № 258 (2874) от 6 июня 1936 г.; M i c h e l b e r t a s, стр. 27, № 10.

Азербайджанская ССР

191 (1904). К а б а л а, Куткашенский р-н, 1963 г. При археологических раскопках С. Казиева в крепости Кабала, в южных предгорьях Большого Кавказа, найдены римские монеты I—II вв. н. э. Хр.: Баку, ГМАЗ. Л и т.: Г. «Московская Правда» от 16 июня 1963 г.

192 (1905). Х и н и с л ы, Шемахинский р-н, 1962 г. При раскопках Д. Халилова в погребении найден антониниан Филиппа Старшего с отверстием для привешивания. Определение Е. А. Пахомова. Хр.: фонды ИИ АН АзССР. Л и т.: сообщение Е. А. Пахомова.

193 (1906). Ч у х у р - К а б а л а, Куткашенский р-н, 1963 г. Близ крепости Кабала, в 20 км от Куткашена, найден клад серебряных монет I—III вв. н. э. (около 200 экз.), среди которых были определены парфянские драхмы Готарза (41—51) и Вологеза III (147/8—191), римские денарии Отона, Веспасиана, Траяна, Адриана и сасанидские драхмы Варахрана II (274—291). Клад в основном состоит из сасанидских драхм. Вероятно, он был зарыт в конце III в. н. э. Определение А. Раджабли. Хр.: Баку, ГМАЗ. Л и т.: А. Р а д ж а б л и. Клад древних монет. — Г. «Вышка» от 8 апреля 1964 г.

194 (1907). Я л о й л у - т а п а, Куткашенский р-н, 1926 г. При археологических раскопках Д. М. Шарифова в урочище Ялойду-тапа в погребении были обнаружены две монеты. Одна из них — римский республиканский денарий — монетарий С (aius) VIBIVS, — чеканенный около 43 г. до н. э. В a b e l o n, II, стр. 544, № 16. В 2,74; Д 17,5—19. Другая монета — подражание селевкидским драхам. В 1,78; Д 26,5—27. Определение Е. А. Пахомова. Л и т.: сообщение Е. А. Пахомова.

Армянская ССР

195 (1908). А х а в а н а д з о р, Азизбековский р-н, 1956 г. В мае 1956 г. найден республиканский денарий Юлия Цезаря. В a b e l o n, II, стр. 10, № 9. В 3,35; Д 17. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: ГМА, инв. № 17433. Л и т.: не издан, сообщение Х. А. Мушегяна.

196 (1909). Е р е в а н, 1952—1953 гг. Римский республиканский денарий — монетарий Q. Minucius Thermanus, — чеканенный около 90 г. до н. э. V a b e l o n, II, стр. 235, № 19. Rev.: Q(uintus) THERM(us) M(arci) F(ilius). В 3,7; Д 20. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: ГМА, инв. № 17342 (поступил 22 июня 1954 г. от А. А. Авагян). Л и т.: не издан, сообщение Х. А. Мушегяна.

197 (1910). Л е н и н а к а н, не позже 1953 г. Две позднеимперские медные монеты. Сохр. плохая. Одна из них чеканена в Фессалониках (?). В 2,30 и 2,35; Д 18 и 19. Хр.: ГМА, инв. № 17330/3—4 (поступили 6 августа 1953 г. от М. К. Эскичан). Л и т.: не изданы, сообщение Х. А. Мушегяна.

198 (1911). Н а р и м а н о в к а, не позже 1954 г. Римский республиканский денарий — монетарий Q. ANTO (NIVS) BALB (VS). В a b e l o n, I, стр. 158, В 3,8; Д 19. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: ГМА, инв. № 17334 (поступил из археологического отдела 3 февраля 1954 г.). Л и т.: не издан, сообщение Х. А. Мушегяна.

199 (1912). Товуз, Шамшадинский р-н, 1955 г. Республиканский денарий Марка Антония 31 г. до н. э. В а б е л о н, II, стр. 202, № 122. В 3,35; Д 17. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: ГМА, инв. № 17431/5 (поступил в 1957 г. от М. Овакияна). Л и т.: не издан, сообщение Х. А. Мушегяна.

Грузинская ССР

200 (1913). Андрицунда, Ахалкалакский р-н, 1948 г. В июне 1948 г. на кладбище колхозники нашли золотую монету Льва I (457—474). Хр.: Ахалцикский краеведческий музей. Л и т.: Т. Я. А б р а м и ш в и л и. Нокалакский клад. — ВВ, XXIII, стр. 162, № 11.

201 (1914). Б о р и, Зестафонский р-н, 1907 г. При раскопках Е. С. Такайшвили были найдены три драхмы Готара II и 16 денариев Августа (2 г. до н. э.—11 г. н. э.). М а т т., I, стр. 89, № 519 сл.; Л и т.: П а х о м о в, вып. I, № 33; З о г р а ф, № 130; Г о л е н к о, стр. 84, № 70.

202 (1577). Герзеули, Гудаутский р-н, 1925 г. В глиняном кувшине найден клад серебряных монет, из которого М. М. Иващенко описал 469 экз.: обломок подражания статуре Лисимаха, денарий Августа (2 г. до н. э.—11 г. н. э.) (М а т т., I, стр. 89, № 519 сл.), 457 монет, чеканенных в Кесарии Каппадокийской: 1 гемидрахма Нерона, 21 дидрахма, 8 драхм и 1 гемидрахма Веспасиана, 8 дидрахм и 1 драхма Домициана, 22 дидрахмы Нервы, 80 дидрахм, 84 драхмы и 1 гемидрахма Траяна, 2 дидрахмы, 13 драхм и 75 гемидрахм Адриана, 63 драхмы Антонина Пия, 28 дидрахм Луция Вера, 59 дидрахм Антонина Пия и Марка Аврелия. В ГМГ М. М. Иващенко передал часть Герзеульскогоклада, которая не вошла в его публикацию, всего восемь монет: дидрахма Домициана 91—92 гг. н. э. (S y d., № 126); дидрахма Нервы 98 г. н. э. (S y d., № 149); дидрахма Траяна 112—117 гг. н. э. (S y d., № 214); драхма Траяна 112—117 г. н. э. (вариант типа S y d., № 198); драхма Траяна 112—117 гг. н. э. (S y d., № 223); драхма Адриана 121—122 гг. н. э. (S y d., № 278a); драхма Антонина Пия 139 г. н. э. (S y d., № 299); дидрахма Луция Вера (вариант типа S y d., № 352). Хр.: ГМГ (8 экз.), ГМ Абхазии (51 экз.). Л и т.: ИГАИМК, т. VII, вып. X, 1931, стр. 1—23; П а х о м о в, вып. II, № 346; З о г р а ф, № 179; К р о п о т к и н, № 1577; Г о л е н к о, стр. 65, № 17; стр. 66, № 17a.

203 (1915). Дидо-Лало, Маяковский р-н. В погребении вместе с драхмой Готара найден денарий Августа (2 г. до н. э.—11 г. н. э.). М а т т., I, стр. 89, № 519 и сл. Хр.: ГМГ. Л и т.: Г о л е н к о, стр. 83, № 68 (сообщение Д. Г. Капанадзе).

204 (1916). Казрети, Болнисский р-н, 1945 г. На берегу реки в феврале 1945 г. при земляных работах найден солид Льва I (457—474). Определение Т. Я. Абрамишвили. Хр.: частное собрание. Л и т.: Т. Я. А б р а м и ш в и л и. Нокалакский клад, стр. 162, № 9.

205 (1917). Коршакило, Дманисский р-н, 1948 г. В июне 1948 г. колхозник во время полевых работ близ селения нашел солид Пульхерия, супруги Маркиана (450—457). Определение Т. Я. Абрамишвили. Хр.: частное собрание. Л и т.: Т. Я. А б р а м и ш в и л и. Нокалакский клад, стр. 162, № 6.

206 (1918). Новый Афон, Гудаутский р-н, 1935 г. На территории Псырцкого совхоза за Иверской горой 6 сентября 1935 г. Н. Адзинба нашел антониниан (двойной денарий) Требониана Галла. Rev.: LIBERTASAVGG. S o h., V, стр. 245, № 67. В 4,0; Д 22,5. Определение В. В. Кропоткина. Хр.: ГМ Абхазии, № 58. Л и т.: Г о л е н к о, стр. 80, № 58.

207 (1919). Пицунда, Гудаутский р-н, 1954—1960 гг. Во время археологических раскопок А. М. Апакидзе на городище были найдены следующие монеты: 1) 4 драхмы Септимия Севера, 2 драхмы Юлии Домны, 1 драхма Гордиана III, 1 дидрахма и 1 драхма неопределенные, чеканенные в Кесарии Каппадокийской; 2) две кесарийские монеты: Юлии Мезы и Гордиана III; 3) квазиавтономная монета с изображением Гомера, чеканенная в г. Амастрии; 4) монеты: Луций Вер — 1 экз., Коммод — 7 экз., Юлия Домна — 3 экз., Каракалла и Гета — 1 экз., Каракалла — 7 экз., Гордиан III — 5 экз., неопределенные — 7 экз., чеканенные в г. Трапезунде; 5) римские и ранневизантийские монеты: Август — 1 экз., Юлия Меза — 1 экз., Филипп Араб — 1 экз., Филипп Младший — 1 экз., Волусиан — 1 экз., Галлиен — 7 экз., Салонина — 2 экз., Клавдий Готский — 5 экз., Аврелиан — 9 экз., Северина — 2 экз., Тацит — 1 экз., Проб — 4 экз., неопределенные III в. — 28 экз., Диоклетиан — 8 экз., Констанций Хлор — 3 экз., Галерий Максимиан — 1 экз., Галерия (Валерия) — 1 экз., Максимиан Дазз — 7 экз., времени Константина I — 27 экз., Лициний Старший — 14 экз., Крисп — 1 экз., Константин II — 4 экз., Констанций Галл — 2 экз., Констанций II — 7 экз., неопределенные конца III—IV в. н. э. — 12 экз., Валентиниан II — 2 экз., неопределенные IV—V вв. н. э. — 48 экз., совершенно стертые — 105 экз. Хр.: ГМГ. Л и т.: Г о л е н к о, стр. 63, 64, № 14; стр. 72, № 36; стр. 74, № 43; стр. 78—79, № 57.

208 (1646). Пицунда, Гудаутский р-н, 1958 г. При археологических раскопках А. М. Апакидзе найден клад серебряных кесарийских и трапезундских медных монет: 4 дидрахмы Адриана, 1 драхма Луция Вера, 2 драхмы Септимия Севера, 1 драхма Юлии Мезы, 1 драхма Геты, 1 драхма Каракаллы, чеканенные в Кесарии Каппадо-

кийской. Трапезундские медные монеты: Коммод или Септимий Север — 8 экз., Септимий Север — 25 экз., Юлия Домна — 33 экз., Каракалла и Гета — 2 экз., Каракалла — 12 экз., Элагабал — 20 экз., Гордиан III — 16 экз., Транквиллина — 1 экз., Филипп Араб — 2 экз., Отацилия Севера — 1 экз., Филипп Младший — 1 экз., неопределенные — 18 экз. Младшая монета чеканена в 244—245 гг. н. э. Хр.: ГМГ. Лит.: Кропоткин, стр. 108, № 1646; Голенко, стр. 64, № 15; стр. 75, № 45.

209 (1920). П и ц у н д а, Гудаутский р-н, 1962 г. При археологических раскопках на городище найден клад римских бронзовых монет IV в. н. э. в количестве 310 экз.: Константина I, Фаусты, супруги Константина I, Константа I и Констанция II. Определение Д. Г. Капанадзе. Хр.: ГМГ. Лит.: не издан, сообщение Д. Г. Капанадзе.

210 (1921). С т ы р ф а з, Юго-Осетинская АО. При археологических раскопках Б. В. Техова в погребениях найдены республиканский денарий Антония с изображением галеры и денарий Августа. Хр.: Цхинвали, краеведческий музей. Лит.: Б. В. Техов. О монетах античной эпохи из с. Стырфаз. — Известия Юго-Осетинского НИИ, вып. V. Цхинвали, 1956, стр. 153—159.

211 (1922). С у х у м и, 1954 г. При раскопках М. М. Трапшем римской сторжевой башни найдены три денария: Коммода 186—187 гг. н. э. (M a t t., IV, стр. 727, № 208); Септимия Севера 195—196 гг. н. э. (M a t t., V, стр. 42, № 131); Септимия Севера 196—197 гг. н. э. (M a t t., V, стр. 47, № 162). Определение К. В. Голенко. Лит.: Кропоткин, стр. 108, № 1657; Голенко, стр. 80, 81, № 61.

212 (1923). С у х у м и, 1954 г. В крепости найдены: кесарийская монета Каракаллы 210 г. н. э.; две антиохийские монеты, одна из них времени Гальбы, другая — неопределенная; трапезундские монеты: Коммод — 3 экз., Макрин — 1 экз., Каракалла — 1 экз., Орблян — 1 экз., неопределенные — 2 экз. Хр.: АИЯЛИ. Лит.: Голенко, стр. 73, № 38; стр. 74, № 42; стр. 75, № 46.

213 (1924). С у х у м и, 1959 г. При раскопках крепости найден антониниан Нумериана антиохийского чекана типа RIC, V, 2, стр. 202, № 466. Лит.: Голенко, стр. 80, № 60 (сообщение Л. А. Шервашидзе).

214 (1925). У р б н и с и, Карельский р-н, 1954 г. Летом 1954 г. найден солид Феодосия II. Хр.: Горийский краеведческий музей. Лит.: Т. Я. Абрамишвили. Нокалакевский клад, стр. 162, № 5.

215 (1926). Х и д и с т а в и, Горийский р-н, 1947 г. Летом 1947 г. около ж.-д. платформы была найдена золотая монета Льва I, семисс. Определение Т. Я. Абрамишвили. Хр.: ГМГ, инв. № 5130. Лит.: Т. Я. Абрамишвили. Нокалакевский клад, стр. 162, № 10.

216 (1927). Ц е б е л ь д а, Сухумский р-н, не позже 1942 г. Серебряная монета Кесарии Каппадокийской, чеканенная при Адриане. В 5,9. Хр.: ГМ Абхазии, инв. № 53 (поступила 14 февраля 1942 г.). Лит.: не издана.

217 (1928). Ц е б е л ь д а, Сухумский р-н, 1959 г. В разрушенном погребении около усадьбы С. В. Воронова найдены две серебряные монеты, чеканенные в Кесарии Каппадокийской: 1) дидрахма Адриана. В 3,25; Д 19—26; 2) драхма Юлии Домны. В 2,25; Д 17—18. Определение Д. Г. Капанадзе. Хр.: фонды АИЯЛИ (поступили 11 августа 1959 г.), инв. № 94, 95. Лит.: сообщение М. М. Трапша, не изданы.

218 (1929). Ц и н а н д а л и, Телавский р-н, около 1950 г. При перекопке земли найден солид Феодосия II. Хр.: Телавский краеведческий музей. Лит.: Т. Я. Абрамишвили. Нокалакевский клад, стр. 162, № 4.

Таджикская ССР

Ленинабадская область

219 (1930). М у д ж у м, Ганчинский р-н, начало 30-х годов XX в. При строительных работах близ г. Ура-Тюбе найден клад римских денариев в количестве около 300 экз. Житель кишлака Муджум доставил клад врачу А. А. Тарпи, который отобрал 21 денарий, по 1 экз. разных типов, но две монеты впоследствии затерялись: Веспасиан — 1 экз., Траян — 1 экз., Адриан — 3 экз., Сабина — 1 экз., Фаустина Старшая — 6 экз., Антонин Пий — 3 экз., Марк Аврелий — 2 экз., Криспина — 1 экз., Коммод 186 г. н. э. — 1 экз., всего 19 экз. Определение Е. В. Зеймалю. Хр.: собрание А. А. Тарпи (г. Душанбе). Лит.: Е. В. Зеймалю. Клад римских денариев из Таджикистана. — ИЭ, III, 1962, стр. 141—146.

Узбекская ССР

Кара-Калпакская АССР

220 (1931). Б и р у н и, 1959 г. (?). Недалеко от г. Ургенча на городище Пиль-Кала III—IV вв. н. э. найден клад римских монет, из которого в Кара-Калпакский филиал АН Узбекской ССР поступила одна медная монета Константина I (306—337).

С о н., VII², стр. 253, № 223. Ав.: IMP CONS TANTINVS PFAVG, бюст вправо. Хр.: ИИЯЛИ Кара-Калпакского филлала АН Узбекской ССР, инв. № 106. Л и т.: сообщение Ю. П. Манылова.

Клады неизвестного происхождения

221 (1932). Э р м и т а ж н ы й клад, до 1803 г. В каталоге, составленном К. Келлером между 1798—1803 гг., под № 177—180 записаны золотые монеты Константина I, чеканенные в Константинополе, всего 79 экз. Хр.: ГЭ. Л и т.: сообщение И. Г. Спасского 1961 г.

* * *

РСФСР

Краснодарский край

222* (1933). К а з а н с к а я, Тбилисский р-н, 1901 г. При раскопках Н. И. Веселовского в кургане найдена монета Гордиана III 244 г. н. э. Л и т.: Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. — Труды XII археологического съезда, т. I. М., 1905, стр. 349.

Украинская ССР

Крымская область

223 (1934). К е р ч ь, 1964 г. При раскопках Т. И. Макаровой на рыночной площади найдена медная монета Марка Аврелия. Ав.: бюст вправо, AVRELIVS CAE [. . .]. Rev.: стоящая фигура, по сторонам SC. Сохр. плохая. Хр.: Керченский музей. Л и т.: сообщение К. В. Голенко.

Николаевская область

224 (1935). К о б л е в о, Очаковский р-н, 1965 г. При раскопках Э. А. Сымоновича в одном из погребений могильника черняховского типа найден денарий Траяна. Л и т.: сообщение Э. А. Сымоновича.

Черкасская область

225 (1936). К о б р и н о, Тальновский р-н, 1963—1965 гг. Денарий Марка Аврелия (?). Rev.: стоящая фигура влево, с копьём, TRPOT VIII COS II. Хр.: Уманский музей, № 7607/94. Л и т.: не издан.

226 (1937). К о б р и н о в а Гребля, Тальновский р-н, 1963—1965 гг. Денарий Фаустины Старшей. Rev.: AVGVSTA. Хр.: Уманский музей, № 7618/99. Л и т.: не издан.

227 (1938). Л е с ь к о в о, Христиновский р-н, 1963—1965 гг. Медная монета Филиппа Араба. Хр.: Уманский музей, № 7797/151. Л и т.: не издана.

228 (1939). Л и щ и н о в к а, Христиновский р-н, 1963—1965 гг. Денарий Траяна. Хр.: Уманский музей, № 7617/98. Л и т.: не издан.

229 (1940). С е в о с т ь я н о в к а, Христиновский р-н, 1963—1965 гг. Денарий Автонина Пия. Rev.: сидящая фигура, вправо, с рогом изобилия, TR POT VI. . . COS III. Хр.: Уманский музей, № 7793/150. Л и т.: не издан.

230 (1941). У м а н ь, 1963—1965 гг. Близ карьера найден денарий Траяна, обломан с края. Хр.: Уманский музей, № 7821/168. Л и т.: не издан.

231 (1942). Ю р к о в к а, Уманский р-н, 1963—1965 гг. Посмертный денарий Автонина Пия. Rev.: орел, CONSECRATIO. Хр.: Уманский музей, № 7760/135. Л и т.: не издан.

232 (1943). Ю р к о в к а, Уманский р-н, 1963—1965 гг. Медная монета Гордиана III, чеканенная в Адрианополе. Rev.: изображение крепостных ворот, AΔPIANOPO[. . . .]. Хр.: Уманский музей, № 7752/143. Л и т.: не издана.

Грузинская ССР

233 (1944). Ц е б е л ь д а, Сухумский р-н, 1964 г. При раскопках М. М. Трапша в погребении найдена серебряная греко-римская монета Юлии Домны, чеканенная в Кесарии Каппадокийской. Хр.: АИЯЛИ. Л и т.: сообщение М. М. Трапша.

* Сообщения о находках № 222—233 поступили после того, как был составлен основной перечень.

ПОПРАВКИ К «СВОДУ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ», ВЫП. Г4—4

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
22	Табл. 6, столбец 1	10-е годы IV в.—середина VII в.	70-е годы IV—конец VII в.
42 ср.	15 сн.	Лебертсхоф	Славянский, б. Лебертсхоф.
56 прав.	30 сн.	Константин II	Констанций II
65 ср.	12 сн.	Определение Л. Н. Беловой	Определение А. М. Гилевич
68 ср.	32 сн.	Березань	Левка, о-в
70 лев.	22 сн.	Белгород-Днестровский. В посаде г. Папушоя	Переможное, Белгород-Днестровский р-н, не позже 1853 г.
72 прав.	25 сн.	175	174
72 прав.	24 сн.	13	14
84 лев.	18 сн.	1907	1895
84 ср.	23 сн.	Домициан — 1,	Домициан — 1, Траян — 11,
92 лев.	12—19 сн.	1298. Нежин, около 1956 г. В окрестностях города найден клад римских серебряных монет I—II вв. (свыше 80 монет от Траяна до Коммода). Местный учитель приобрел около 20 денариев плохой сохранности, остальные разошлись по рукам. Хр.: Частное собрание. Лит.: Сообщение В. А. Анохина 9.X 1957.	1298. Нежин, не позже 1874 г. В окрестностях города найдена римская монета. Лит.: Отчет Церковно-Археологического общества за 1874 г. Труды Киевской духовной академии, 1875, № 1 (январь), стр. 142.
92 лев.	21 сн.	880	1880
92 лев.	35 сн.	Адриан — 3, Траян — 9,	Траян — 9, Адриан — 5,
94	Подпись к рис. 19	1—2 — Грациан; 3—4 — Валентиниан II; 5—8 — Феодосий I; 9—12 — Аркадий; 13 — Гонорий.	1 — Гонорий; 2, 3, 12, 13 — Аркадий; 4, 5 — Валентиниан II; 6, 7 — Грациан; 8—11 — Феодосий I.
97 ср.	10 сн.	Каменка	Каменка, Новогрудский р-н,
101 ср.	19—23 сн.	1458. Чижунай (б. Междуречье), Даугайский район. Клад римских монет — около 500 экз.: Траяна, Антонина Пия, Марка Аврелия. Лит.: Gumowski; Tagasenska, 183; Кропоткин, Клады, 258: 82.	1458. Кшевица, Люблинское воеводство, 1887 г. При рытье рва найден клад денариев в количестве около 600 экз.: Траяна, Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия, Фаустины Младшей, Коммода. Клад найден на берегу небольшого ручья, в долине р. Кшны, притоке Западного Буга. Лит.: «Athenum», 1887, т. IV, стр. 360—547; Г. «Курьер Варшавский», 1887, № 304; Тр. VII AC, III, стр. 42; WNA, IV, 1900, стр. 376; V, стр. 233; Fredrich, I, стр. 242, № 48; ZfN, 25, стр. 27; 29,

Стр.	Страна	Напечатано	Должно быть
105 ср.	5 сн.	браслет	стр. 247; Gumowski, стр. 76; Tarasenska, стр. 193; K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich. Wrocław, 1949, стр. 127, № 705; стр. 132, № 774; Nosek, стр. 316, 317, № 88; St. Bolin. Fynden av romerska mynt i det fria Germanien. Lund, 1926; Bilagor, стр. 127, № 49, 51; ВДИ, 1951, № 4, стр. 258, № 82
107 прав.	6 сн.	1601	брактеат 1641
109 лев.	4—5 св.	Ц х у м а л и, б. Квемо-Сванетский район, 1900-е годы. Солиды: Льва I — Толстой, ВМ, 120, № 3—1 экз., Анастасия — 1.	Ц х у м а р и, б. Квемо-Сванетский р-н, 1937 г. Солид Льва I — 1 экз., семисс Анастасия — 1 экз.
109 ср.	1—2 св.		
Рис. 33 (вкладка)	Условные обозначения	Пшеворская Черняховская	Черняховская Пшеворская
Рис. 36 (вкладка)	2 сн.	одной парой штемпелей	сходными штемпелями

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Б р а й ч е в с ь к и й, 1959 — М. Ю. Б р а й ч е в с ь к и й. Римська монета на території України. Київ, 1959.
- Б р а й ч е в с ь к и й, 1964 — М. Ю. Б р а й ч е в с ь к и й. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964.
- Б у р а ч к о в — П. О. Б у р а ч к о в. Общий каталог монет, принадлежащих эллиническим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней Южной России. Одесса, 1884.
- Г о л е н к о — К. В. Г о л е н к о. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964.
- Г о л е н к о, Ш е л о в — К. В. Г о л е н к о, Д. Б. Ш е л о в. Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг. — Сб. «Нумизматика и сфрагистика», т. 1. Киев, 1963.
- З о г р а ф — А. Н. З о г р а ф. Распространение находок античных монет на Кавказе. — Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа, т. 1. Л., 1945, стр. 29—85.
- К а р ы ш к о в с к и й — П. О. К а р ы ш к о в с к и й. Находки римских монет в Одесской области. — Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях ОГАМ 1961 года. Одесса, 1963, стр. 60—67.
- К р о п о т к и н — В. В. К р о п о т к и н. Клады римских монет на территории СССР. — Свод археологических источников, вып. Г4—4, 1961.
- П а х о м о в — Е. А. П а х о м о в. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. I—VIII. Баку, 1926—1959.
- Ш е р ц л ь — Р. Ш е р ц л ь. Описание медалей и монет, хранящихся в нумизматическом кабинете Харьковского университета, вып. I—III. Харьков, 1908—1912.
- В а b e l o n — E. V a b e l o n. Description historique des monnaies de la république romaine, v. I—II. Paris, 1885.

- CBM — Catalogue of the greek coins in the British museum.
- Coh. — H. Cohén. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romaine, v. I—VIII. Paris, 2 ed., 1880—1892.
- Cynkowski—A. Cynkowski. Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wolyńskiego. Warszawa, 1961.
- Grueber — H. A. Grueber. Coins of the Roman republic in the British museum, v. I—III. London, 1910.
- Gumowski — M. Gumowski. Numizmatyka litewska wieków średnich. Kraków, 1920.
- Fredrich — C. Fredrich. Funde antiker Münzen in des Provinz Posen. — Zeitschrift der historischen Gesellschaft für die Provinz Posen, Bd XXIV. Posen, 1909, crp. 193—247.
- Matt. — H. Mattingly. Coins of the Roman empire in the British museum, v. I—V. London, 1923—1951.
- Michelbertas — M. Michelbertas. Romos monetų radiniai Lietuvos TSR teritorijoje. — Lietuvos TSR mokslų akademijos darbai, Serija A, № 1 (10). Vilnius, 1961, crp. 19—35.
- Mooraa — H. Mooraa. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 a. Chr. Tartu, Bd I (1929), Bd II (1938).
- Nosek — St. Nosek. Materiały do badań nad historią starożytną i wczesnośredniowieczną międzyrzecza Wisły i Bugu. Lublin—Kraków, 1957.
- RIC — H. Mattingly, E. Sydenham. The Roman imperial coinage, v. I—IX. London, 1923—1951.
- Sabatier — J. Sabatier. Description générale des monnaies byzantines, v. I—II. Paris, 1862.
- Syd. — E. A. Sydenham. The Coinage of Caesarea in Cappadocia. London, 1933.
- Tarasenka — P. Tarasenka. Lietuvos archeologijos medžiaga. Kaunas, 1928.
- WNA — Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne. Kraków.
- ZfN — Zeitschrift für Numismatik. Berlin.

Е. А. ДАВИДОВИЧ

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В МАВЕРАННАХРЕ
ПРИ САМАНИДАХ

Саманидское время — один из немногих периодов средневековой истории Средней Азии, для характеристики монетного дела которого имеются разнообразные и многочисленные источники.

Клады серебряных монет, найденные на территории Северо-Восточной Европы, дали исследователям такой обильный материал, равного которому не оставил ни один другой период. В музеях накопилось большое количество золотых и медных саманидских монет и монет, именуемых в источниках дирхемами гитрифи, мухаммади и мусейяби.

Однако особенность источниковедческой базы для изучения денежного хозяйства этого времени заключается не только в обилии самих монет. Это единственный период средневековой истории Средней Азии, когда монетное дело обратило на себя специальное внимание современников. Действительно, в каких только сочинениях не находим мы то краткие, то более пространные известия о монетах Средней Азии IX—X вв. Средневековые источники не оставили ни одного свидетельства о чекане и обращении среднеазиатских монет, которое могло бы по полноте и достоверности сравниться с описанием Наршахи. Записи арабских географов, несмотря на их лаконичность, дают основание для весьма существенных выводов об особенностях монетного дела Средней Азии в IX—X вв. Ибн-Фадлан непритязательно описал то, что он увидел и узнал в Бухаре, и не его вина, если это ценное свидетельство очевидца дошло до нас, как показывает критика текста, с некоторыми искажениями. О монетах Средней Азии этого и близкого ему времени есть полезные сведения и в более поздних источниках, включая компилятивные материалы Якута.

Естественно, что оба вида источников рано, еще в прошлом столетии, привлекли к себе внимание исследователей. Сообщения средневековых авторов цитировали и толковали, монеты публиковали и комментировали¹. Однако из всех проблем экономической истории, которые могли быть поставлены и решены на основании изучения этих источников,

¹ Литература по нумизматике Саманидов весьма обильна, но она имеет преимущественно публикационный характер. Большое число среднеазиатских монет этого периода опубликовано в каталогах, им посвящены многочисленные статьи, заметки и две монографии: В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах. — ТВОРАО, ч. I. СПб., 1855; П. И. Лерх. Монеты Бухар-худатов. СПб., 1909. Перечень русских и зарубежных работ по саманидской нумизматике см. в библиографических указателях: Л. А. Мауег. Bibliography of Moslem numismatics. London, 1954; И. Г. Спасский и В. Л. Янин. Советская нумизматика. Библиографический указатель. 1917—1958. — НЭ, II, 1960; О н и же. Советская нумизматика. Библиографический указатель. 1959—1960. — НЭ, III, 1962.

по-настоящему глубоко и серьезно разработаны две: торговля Востока с Северо-Восточной Европой² и место восточного серебряного дирхема в русской экономике³. Но обе они почти не затрагивают явлений внутренней экономической жизни Средней Азии.

Хотя история монетного обращения в самой Средней Азии времени Саманидов не получила глубокого и всестороннего освещения в научной литературе, однако и в этом направлении кое-что было сделано.

Наибольший интерес вызвали монеты, называемые в источниках дирхемами мусейяби, мухаммади и гитрифи. После того как П. И. Лерх, сопоставив монеты, чеканенные по образцу сасанидских, с известиями письменных источников, выделил эту группу монет⁴, появилась значительная литература, посвященная им. Все исследователи, начиная с самого П. И. Лерха, пытались разбить монеты этого типа на три вида, упоминаемые в источниках. Критерием отличия считали разницу в надписях и деталях изображения. Однако такая постановка вопроса не затрагивает главного: экономических оснований сложения и устойчивого двухвекового существования дирхемов трех видов, нормы их чекана и обращения.

Внимание многих ученых привлекли и золотые монеты Саманидов, их роль в русско-среднеазиатской торговле и во внутренней торговле Средней Азии и халифата в целом. Относительно последней проблемы исследователи высказали две точки зрения, внешне противоречивые, но на самом деле не опровергающие, а дополняющие одна другую, ибо каждая характеризует разные стороны одного явления (подробно см. в разделе 1).

М. Е. Массону принадлежит наиболее основательный опыт общей характеристики монетного хозяйства в государстве Саманидов. М. Е. Массон справедливо подчеркнул, что «в нем не было той стройности, впечатление о которой складывается при просмотре в нумизматических коллекциях одних только «саманидских монет», т. е. дирхемов, фельсов и отчасти динаров общегосударственного чекана. Они не исчерпывают собой, по видимому, даже половины того количества разнообразной монеты, которое, не считая некоторого притока иностранной валюты, обращалось в саманидских владениях и выбивалось одновременно с общегосударственными стандартными сериями». Далее М. Е. Массон дал краткую характеристику монет, которые чеканились и обращались при Саманидах⁵. Не со всеми выводами и определениями М. Е. Массона можно согласиться, но этот первый опыт обобщения накопленных наблюдений был полезен уже одним тем, что он подвел итог определенному этапу в изучении саманидских монет как исторического источника. Кроме того, он мог бы уберечь историков и археологов от весьма примитивных представлений о монетном хозяйстве при Саманидах, коль скоро они обратились бы к нумизматической литературе.

1. МЕСТО ЗОЛОТЫХ МОНЕТ В ДЕНЕЖНОМ ХОЗЯЙСТВЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ X в.

При Саманидах, по словам В. В. Бартольда, «деньгами считались исключительно серебряные монеты, и золото принималось как товар, т. е. на вес»⁶. Подобное мнение (с незначительными вариантами) о месте

² П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847.

³ Новейшее исследование (там же — история вопроса) см.: В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.

⁴ П. И. Лерх. Монеты Бухар-худатов.

⁵ М. Е. Массон. К вопросу о «черных дирхемах» мусейяби. — Труды Ин-та истории и археологии АН Узбекской ССР, вып. 7. Ташкент, 1955, стр. 188—190.

⁶ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 83.

золота во внутрисоциальном денежном обращении при Саманидах не раз высказывали крупнейшие востоковеды и нумизматы, так что его можно считать общепринятым. Источник возникновения этого мнения известен: это свидетельства Истахри и Ибн-Хаукаля (также Якута) о золотых динарах в Бухаре.

С тех пор как количество золотых саманидских монет в музеях увеличилось, некоторые исследователи подвергли сомнению достоверность указаний письменных источников, что золотые динары были «как товар». Р. Н. Фрай писал: «Одной коллекции золотых монет в музее Американского нумизматического общества достаточно, чтобы опровергнуть утверждения мусульманских географов»⁷.

Но наиболее подробно новую точку зрения и на свидетельства источников, и на место золота в денежном хозяйстве Саманидского государства развил и обосновал Г. А. Федоров-Давыдов: «204 экземпляра саманидских динаров и 2 клада динаров из Средней Азии позволяют весьма скептически относиться к известному сообщению ал-Истахри, повторенному Якутом, о том, что в Средней Азии в эпоху Саманидов динары в торговле не употреблялись. И хотя среди саманидских динаров подавляющее большинство монет чеканено в городах Хорасана, клад из Самарканда показывает, что и в Средней Азии существовало обращение золотых монет». Развивая эту мысль, Г. А. Федоров-Давыдов еще раз подчеркнул, что золотые динары обеспечивали торговлю между городами и провинциями, между отдельными частями халифата⁸.

Нам придется специально вернуться к этим положениям, однако сразу нужно отметить, что Г. А. Федоров-Давыдов опровергает в известиях Истахри и Якута то, что они вовсе и не утверждали. Во-первых, Истахри и Якут говорят не о всей Средней Азии (как сформулировано у Г. А. Федорова-Давыдова), а лишь о Бухаре. Сообщая, что в Бухаре не торговали на динары, Истахри и Якут отнюдь этим не утверждают, что динары не ходили «между городами и провинциями». Во-вторых, у них есть отдельные сведения о Самарканде (которые Г. А. Федоров-Давыдов не использовал и не истолковал, так же как и сообщения Ибн-Хаукаля о динарах Самарканда и Бухары), а у Ибн-Хаукаля — еще и об Илаке. И, в-третьих, рассматривая роль динаров, Г. А. Федоров-Давыдов смешивает три функции денег: средство обращения, сокровище и мировые деньги. Наличие кладов золотых динаров (функция сокровища) само по себе, без других дополнительных данных, еще не дает права заключать, что внутри государства эти динары выполняли функцию средства обращения. Сообщение же источников о том, что в Бухаре (а не во всей Средней Азии) золотые динары были «как товар», не содержит утверждения, будто динары не обращались между провинциями и частями халифата (функция мировых денег).

Известия письменных источников относительно золотых монет, именуемых динарами, очень лаконичны, причем у Истахри, Ибн-Хаукаля и Якута приведены в двух местах: при описании денег Бухары и отдельно — при описании самаркандских денег.

Сообщения географов о золоте в Бухаре точны и недвусмысленны: золото в Бухаре подобно товару. Более пространно это сообщено у Истахри: *نقودهم الدراهم ولايتعاملون بالدينار قيمابينهم وهي كالعرض* (Монеты их — дирхемы; они не торгуют между собой на динары, которые (у них) как товар)⁹.

⁷ R. N. Frazer. Notes on the early coinage of Transoxiana. — NNM, № 113, 1949, стр. 39.

⁸ Г. А. Федоров-Давыдов. Клад золотых монет X в. из Самарканда. — Историко-археологический сборник. М., 1962, стр. 186.

⁹ Истахри, BGA, I, 314.

У Якута сказано: «Во времена Саманидов жители Бухары употребляли в торговле дирхемы, а на динары они между собой не торговали. Золото было (у них) подобно предметам торговли и товарам»¹⁰. Ибн-Хаукаль краток: نقودهم الدراهم والدنانير كالعرض (Их монеты — дирхемы; динары же как товар)¹¹.

Пробывший некоторое время в Бухаре Ибн-Фадлан, описывающий обращавшиеся в городе деньги подробно, с деталями, отсутствующими у других авторов, золото вовсе не упоминает¹², что косвенно подтверждает сообщения Истахри и Ибн-Хаукаля.

Небесполезно отметить, что, характеризуя роль динаров в Бухаре, Истахри и Ибн-Хаукаль усмотрели явление не изолированное, а достаточно широко распространенное на Востоке в X в. Например, они столь же определенно подчеркивали, что в Кермане и Фарсе монетами являются дирхемы, динары там — как товар, на динары не торгуют от границ Фарса до Кермана включительно, причем из текста Истахри о деньгах Фарса ясно, что речь идет о чеканной золотой монете¹³.

Совсем другими, на первый взгляд, выглядят известия источников о золоте в Самарканде (у Истахри и Ибн-Хаукаля одинаково): فاما نقودهم بسمرقند فالدراهم الاسماعيلية والمكسرة والدنانير монет в Самарканде, то это дирхемы исманли и ломаные и динары)¹⁴.

Здесь динары фигурируют в составе денег, что само по себе не удивительно. Те же источники для других стран и частей халифата знают золото в качестве именно денег, монет, а не товара¹⁵.

Однако внимательное рассмотрение текста о деньгах Самарканда допускает два совершенно различных толкования. Если исходить из того, что текст не искажен (а на первый взгляд никакого недоверия он не вызывает), то придется прежде всего отметить разницу в характеристике золотого обращения Бухары и Самарканда: в Бухаре золото — товар, в Самарканде же динары упомянуты как монеты. Отсюда следует, что в Самарканде в отличие от Бухары динары принимались не на вес, а поштучно¹⁶.

Различное положение золотых монет в Бухаре и в Самарканде, возможно, и не вызвало бы особого недоумения: изучение всей совокупности материалов о денежном обращении IX—X вв. убеждает в том, что территория Саманидского государства отнюдь не представляла собой единого рынка с общими и совершенно одинаковыми для всех областей нормами денежного обращения.

Однако такому толкованию текста Истахри и Ибн-Хаукаля о динарах в Самарканде несколько противоречит соответствующее место в персидской версии Истахри, где вместо слова «динар» употреблено слово «зар»

¹⁰ Jacuts geographisches Wörterbuch. . . , t. I. Aufl. F. W ü s t e n f e l d. Leipzig, 1866, стр. 519 (далее — Я к у т).

¹¹ Opus geographicum auctore Ibn-Haukal. Ed. J. Kramers. Lugduni Batavorum— Lipsiae, 1938, стр. 490 (далее — И б н - Х а у к а л ь, изд. Крамерса).

¹² А. П. К о в а л е в с к и й. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 122.

¹³ И с т а х р и, ВГА, I, 156, 168; И б н - Х а у к а л ь, изд. Крамерса, стр. 301—313.

¹⁴ И с т а х р и, ВГА, I, 323; И б н - Х а у к а л ь, ВГА, II, 373—374; в издании Крамерса вариант: «ломаные на основные части».

¹⁵ Например, И с т а х р и, ВГА, I, 192, 203, 213; М а к д и с и, ВГА, III, 240 и т. д.

¹⁶ М. Е. Массон (К вопросу о «черных дирхемах». . . , стр. 188—189) расшифровывает текст Истахри о самаркандских монетах на основании текста Якута о бухарских монетах. Учитывая различную квалификацию золота в этих двух текстах, такое механическое перенесение нельзя признать методически правильным. В результате одни и те же самаркандские динары сначала фигурируют у М. Е. Массона как деньги (по Истахри), а потом — как товар (по Якуту).

(золото), тогда как для серебряных монет сохранено слово «дирхем». В таком варианте содержится определенный намек на весовое хождение золота¹⁷. Обращает внимание порядок перечисления денег Самарканда в арабском тексте Истахри и Ибн-Хаукаля: сначала дирхемы, а потом динары, хотя можно было бы ожидать обратного. При описании денег ряда других стран Востока (например, Азербайджана, Армении, Аррана, Джебалия, Табаристана и пр.) в тех случаях, когда и золото, и серебро фигурируют под рубрикой نقود (монеты), Истахри и Ибн-Хаукаль сначала упоминают именно динары или золото, а потом уж дирхемы или серебро¹⁸. Дирхемы же упоминаются на первом месте в тех случаях, когда только они являются монетами, а динары рассматриваются как товар. Такой порядок выдержан в тексте о деньгах не только Бухары, но и других мест Востока (например, Фарса, Кермана), где, подобно Бухаре, золото или динары, — не деньги, а товар¹⁹. Следовательно, порядок перечисления дирхемов и динаров в тексте о Самарканде (такой же, как в тексте о Бухаре, Кермане, Фарсе) должен быть учтен при истолковании этого отрывка.

Если допустить, что из текста о самаркандских деньгах слово كالعرضى (как товар) после слова «динар» просто выпало, текст в целом реконструируется так: فإما نقودهم بسمرقند فالدرهم الاسماعيلية والمكسرة والدنانير [كالعرض] (что касается их монет в Самарканде, то это дирхемы исмаили и ломаные; динары же — как товар). Приведенный выше текст Ибн-Хаукаля о монетах Бухары (А монеты их — дирхемы; динары же — как товар) полностью идентичен реконструируемому, что придает реконструкции правдоподобие.

Все сказанное мы резюмируем следующим образом. В Бухаре золото (включая чеканенные монеты) считалось товаром, т. е. принималось на вес. Вопрос о месте золота в денежном обращении Самарканда на основании одних письменных источников не может быть решен окончательно. Если арабский текст Истахри и Ибн-Хаукаля о самаркандских деньгах в существующих изданиях признать искаженным, а предложенную его реконструкцию — убедительной, не будет вызывать сомнений, что положение золота в Бухаре и Самарканде было одинаковым. Только в этом случае можно будет считать правильной общепринятую точку зрения, что во всей Средней Азии при Саманидах золото принималось как товар, т. е. на вес. Если же текст Истахри и Ибн-Хаукаля правилен, то этот общий вывод снимается сам собой, ибо золотые динары в Самарканде оказываются включенными в число монет со штучным обращением.

Для решения вопроса очень важно изучить вес золотых саманидских динаров, ибо твердый вес говорил бы в пользу штучного обращения, а значительные весовые колебания, затрудняющие, а то и исключающие штучное обращение, убеждали бы в правильности предположения, что текст Истахри и Ибн-Хаукаля о самаркандских монетах искажен.

В настоящее время известно много золотых саманидских монет. Правда, основная их масса чеканена вне пределов Средней Азии, более всего — в Нишапуре и Мухаммадие. Однако для изучения веса в оговоренном аспекте это не имеет значения именно потому, что золото — валютный

¹⁷ В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах, стр. 13. Сильвестр де Саси и Х. М. Френ предлагали под словом «зар» понимать слитки золота. Так как в действительности золотые динары чеканились, то лучше толковать это слово именно как обозначение золота, принимаемого по весу.

¹⁸ Истахри, BGA, I, 192, 203, 213; Ибн-Хаукаль, изд. Крамерса, стр. 372, 382.

¹⁹ Истахри, BGA, I, 156, 168; Ибн-Хаукаль, изд. Крамерса, стр. 301, 313.

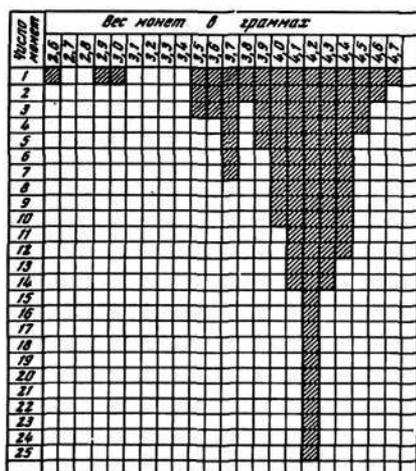

Рис. 1. Вес саманидских золотых монет Самаркандского клада и коллекции Эрмитажа.

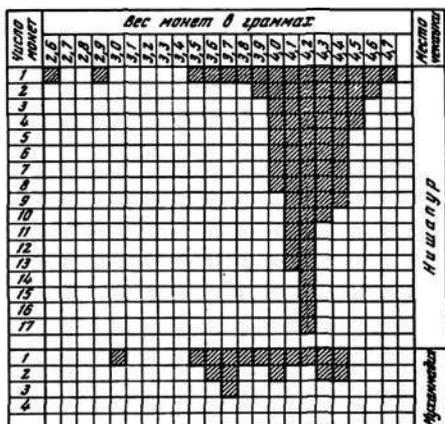

Рис. 2. Вес саманидских золотых монет, чеканенных в Нишапуре и Мухаммадие.

металл и золотые монеты могли выполнять свои функции внутри государства Саманидов вне зависимости от места выпуска каждого экземпляра. Например, в кладе золотых монет, найденном на территории города Самарканда, резко преобладают динары Нишапура, самаркандских же монет всего три ²⁰.

В графической таблице приведен вес 58 саманидских монет Самаркандского клада и 47 монет Эрмитажа (рис. 1). На основании этих весовых данных выделен вес монет Нишапура и Мухаммадие (рис. 2). Таблицы показывают большую амплитуду весовых колебаний при совершенно четко выраженном среднем весе — 4,2 г. Рассмотрим амплитуду весовых колебаний в чекане Нишапура. Весовой треугольник здесь почти равнобедренный, отклонения в обе стороны от среднего веса почти одинаковые, т. е. количества маловесных и высоковесных монет уравновешивают друг друга. Если же отбросить единичные весовые отклонения и принять во внимание амплитуду весовых колебаний основной массы нишапурских монет, то высоковесных экземпляров окажется больше, а размер завышенных отклонений от среднего веса даже превзойдет размер заниженных отклонений. Следовательно, такие значительные весовые колебания не являются результатом потертости монет (в этом случае резко увеличивалось бы число маловесных монет), а свидетельствуют о первоначально допущенных отклонениях. Иначе говоря, амплитуда весовых колебаний основной массы нишапурских монет соответствует ремедиуму. Такую же картину дает и сводная таблица.

Итак, ремедиум в чекане золотых саманидских монет был весьма значительным, не говоря уже об отклонениях случайных, за пределы ремедиума. Отсюда следует, что разница до 0,5 г в реальном весе любой пары монет была явлением частым и обычным.

Изучение веса среднеазиатских монет разных эпох убедило нас в том, что, выверяя вес монет, средневековые мастера могли достигать и достигали относительно большой точности. В ряде групп монет из серебра, а в отдельных случаях даже из меди, ремедиум гораздо меньше, чем ремедиум саманидских золотых монет. Из этого следует, что саманидское правительство просто не стремилось к достижению одинакового реального веса золотых монет, хотя это является одним из непреходящих усло-

²⁰ Г. А. Федоров - Давыдов. Клад золотых монет X в. . . , стр. 188.

вий штучного обращения монет из валютного металла, особенно из золота. Такая правительственная политика относительно веса золотых монет в сопоставлении с рассмотренными выше известиями письменных источников о золотых динарах Бухары не оставляет сомнения в том, что золотые монеты принимались именно на вес. Бесспорно, разновесные монеты и в Самарканде не могли принимать без весовой проверки. Поэтому наше первое предположение о том, что текст Истахри и Ибн-Хаукаля относительно денег Самарканда искажен (пропущено выражение «как товар»), получает подтверждение.

Прием золотых монет в Самарканде и Бухаре на вес не исключает, что монеты обращались как внутри Саманидского государства, так и за его пределами. Приведенные выше сведения письменных источников вопреки мнению Г. А. Федорова-Давыдова вовсе не говорят о том, что такого обращения не было; они этот вопрос просто не рассматривают. Что же касается сообщений о внутригородских (может быть, и внутриобластных) рынках Бухары и Самарканда, то они, как нам представляется, имеют такой смысл. Золотые динары на базарах Бухары и Самарканда появлялись редко, недаром Ибн-Фадлан в Бухаре их вовсе не видел. Их покупная способность была слишком высокой для обычной повседневной торговли. Когда же динары использовали для крупных операций, они шли на вес. Но раз они не обращались поштучно, то в понимании Истахри и Ибн-Хаукаля они были не монетами, а «товаром»²¹.

Следовательно, говоря о весовом приеме золотых монет, т. е. подчеркивая «немонетный» их прием, источники просто не освещают вопрос о сфере обращения весового золота и о степени его вторжения в торговлю.

В какой-то мере золото все же принимало участие во внутригородской и внутриобластной торговле, как видно из текста Ибн-Хаукаля о монетном дворе Илака: *وبإيلاق دار ضرب العين والورق فيروج فيها مال كثير من النوعين جميعًا* (В Илаке — монетный двор, (выпускающий) золотые²² и серебряные монеты. И обращаются в нем (Илаке) многочисленные деньги из (числа этих) двух видов (монет) вместе)²³. Здесь прямо сказано, что золотые монеты в Илаке обращаются. Нет оснований думать, что в Илаке положение золотых монет было не таким, как в Самарканде и Бухаре. Иначе говоря, в Илаке золотые монеты также, конечно, принимались на вес, но это не мешало им играть определенную роль в денежном обращении.

²¹ Любопытно, что, говоря и о Бухаре, и о Самарканде, Истахри и Ибн-Хаукаль называют в качестве монет дирхемы. Разные виды этих дирхемов действительно обращались поштучно и действительно выполняли функцию средства обращения. Тем не менее, приведя подробное их описание, Ибн-Хаукаль заключает: «А торгуют они (между собой) на фельсы». Если взять эту фразу изолированно, можно было бы приписать Ибн-Хаукалю утверждение, будто в Бухаре и дирхемы обращаются не как монеты, а как товар, подобно золоту.

²² В словарях *المنجيد الكبير* и *مختار الصحاح* приведены два подходящих по контексту значения слова *العين* — «динар», «чеканенное золото» (в противоположность серебру) и «наличные деньги», звонкая монета. Первое значение в данном случае предпочтительнее в силу следующих соображений. В тексте прямо сказано, что *العين والورق* — это два вида денег, так что обобщенный смысл «наличность» для первого слова не подходит. На втором месте названы серебряные монеты, а это позволяет думать, что на первом должно быть именно золото, что и соответствует первому из двух подходящих словарных значений. Существенно, что чеканенные в Шахе золотые монеты известны, — это подкрепляет предложенный выбор. Ср. также перевод этого слова *عين* в книге: A. G. G. o h m a n n. *Einführung und Chrestomatie zur arabischen Papyruskunde*, t. I. Praha, 1954 (Monografie Archivu orientálního, v. XIII), стр. 193, 202 и др.

²³ И б н - Х а у к а л ь, изд. Крамерса, стр. 510.

Итак, хотя золотые монеты в государстве Саманидов, в том числе в Средней Азии, чеканились, то обстоятельство, что правительство заранее допускало не штучный, а весовой их прием, свидетельствует, что обращение золота по существу не приняло полной монетной формы. Ясно, что золото в какой-то степени обслуживало денежную торговлю, но место его в этой внутригородской и внутригосударственной торговле не было значительным. Гораздо больше были развиты функции сокровища и, очевидно, мировых денег: наличие и состав кладов, разновесность монет одного клада и пр. свидетельствуют именно об этом.

2. МЕСТО И СПЕЦИФИКА ОБРАЩЕНИЯ СЕРЕБРЯНЫХ САМАНИДСКИХ ДИРХЕМОВ ИСМАИЛИ

На территории Средней Азии находки аббасидских, тахиридских и даже саманидских монет довольно редки. Причина этого явления хорошо известна: восточное серебро интенсивно вывозили в Европу. Очень выразительны слова Ибн-Фадлана и Гардизи. Описывая русов, Ибн-Фадлан замечает, что их жены носят на шеях мониста из золота и серебра, причем число рядов зависит от богатства мужа: «Каждым десяти тысячам дирхемов соответствует один ряд монет», а «на шее иной из них бывает много (рядов)». Любопытно, что именно владение серебром воспринято здесь как богатство, причем называемые цифры огромны. С этой точки зрения понятна просьба руса, обращенная к идолу: «Итак, я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца, имеющего многочисленные динары и дирхемы»²⁴. Гардизи же прямо пишет, что купцы «те дирхемы отдают русам и славянам, так как те люди не продают товара иначе, как за чеканенные дирхемы»²⁵.

Некоторое представление о размерах вывоза дает количество зарегистрированных кладов и отдельных находок восточных монет: свыше 400 на территории только Восточной Европы. При этом нужно учитывать, что регистрация находок монет началась поздно и никогда не была вполне систематической, что значительная часть ввезенного серебра была уничтожена еще в древности (переделана на вещи, превращена в денежные слитки и пр.)²⁶.

В. Л. Янину удалось уточнить начало проникновения восточного дирхема в Европу (70—80-е годы VIII в.) и выяснить состав и темп монетных поступлений в разные отрезки времени. По его данным, до первой трети IX в. в Европу поступают главным образом монеты африканской чеканки, на втором этапе (до начала X в.) преобладают аббасидские дирхемы азиатской чеканки, а на протяжении всего X в. — саманидские дирхемы. При этом показательно, что темп ввоза восточного серебра в IX в. оставался примерно одинаковым, хотя потребности восточных славян в серебре увеличивались. Зато с начала X в., когда в кладах стало преобладать саманидское серебро, общее его количество и темп ввоза резко возрастают. Время самого интенсивного ввоза саманидского серебра в Европу — шесть десятилетий X в. Позже темп начинает стремительно падать²⁷.

Итак, роль среднеазиатского серебра во внешней торговле ясна. Следует особо подчеркнуть, что резкое увеличение серебряного чекана при Саманидах прежде всего сказалось именно на внешней торговле.

Значительно сложнее решить вопрос обращения серебряных саманидских монет на внутреннем рынке. Сначала должны быть рассмотрены относящиеся к саманидскому времени свидетельства Истахри и Ибн-Хаукаля о деньгах Бухары и Самарканда.

²⁴ А. П. К о в а л е в с к и й. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана. . . , стр. 141, 142.

²⁵ В. Л. Я н и н. Денежно-весовые системы. . . , стр. 12.

²⁶ Там же, стр. 12, 13.

²⁷ Там же, стр. 84, 92, 101—103, 108, 109, 119, 121, 130.

Серебряные саманидские дирхемы, хотя и не часто, но все же встречаются на территории Средней Азии. Известны два клада саманидских серебряных монет (с некоторой примесью монет других династий). Один найден в Самарканде (ныне хранится в Самаркандском музее)²⁸, другой — в районном центре Чиназ Ташкентской обл. (ныне хранится в Музее истории АН Узбекской ССР).

Весьма интересен рассказ Наршахи в главе о начале владычества в Бухаре Исмаила. В 874 г. в Бухару прибыл Хусейн бен Тахир, который собрал подать Бухары дирхемами гитрифи и поместил эти деньги во дворец. Он хотел их променять на серебро, но не успел: *او خراج بخارا بتمامی گرفته بود همه درم غدرفی ودر میان سرای ریخته بود ومی خواست* (В эту ночь он бежал, а дирхемы гитрифи остались во дворце)²⁹. Из рассказа видно, что другие деньги всегда можно было разменять на серебро и что серебряных монет для этого было достаточно. Следовательно, во внутригосударственном денежном обращении серебро должно было занимать определенное место и при описании денег в письменных источниках о нем обязательно бы упомянули.

Описание самаркандских денег у Истахри и в обеих редакциях Ибн-Хаукаля отличается лишь небольшими деталями, однако несколько яснее текст Ибн-Хаукаля в издании Крамерса. С нашей конъектурой (в квадратных скобках) он выглядит так: *فاما نقود سمرقند فالدراهم الاسماعيلية والمكسرة العراض والدنانير [كالعرض] ولهم من نقود بخارا من مقام الاسماعيلية دراهم تعرف بالمحمدية تركب من جواهر شتى وهي من النقد المتقدم* (Что касается монет Самарканда, то это дирхемы исмаили и ломанные на основные части, а динары — [как товар]. И у них из монет Бухары вместо исмаили — дирхемы, известные [под названием] мухаммади, состоящие из разных металлов. А они из монет, упоминание [которых] предшествовало при описании Бухары)³⁰. В персидской версии Истахри ломаные монеты названы дирхемами³¹.

Итак, кроме динаров, о которых говорилось выше, в Самарканде упоминаются следующие монеты: 1) «дирхемы исмаили»; 2) монеты, «ломанные на основные части»; они же — «ломанные дирхемы»; 3) «дирхемы мухаммади», изготовленные из сплава и относящиеся к деньгам Бухары.

Прямого упоминания общегосударственных саманидских серебряных дирхемов у Истахри и Ибн-Хаукаля, следовательно, нет. Однако на основании косвенных данных можно заключить, что под «дирхемами исмаили» надо понимать именно серебряные монеты. Об этом свидетельствует порядок перечня монет разного рода. На последнем месте названы дирхемы из сплава разных металлов. Относительно ломаных дирхемов не существует двух мнений: это части серебряных монет, хорошо известные в натуре. Следовательно, целые дирхемы исмаили, названные раньше ломаных серебряных, правдоподобно счесть именно серебряными.

Сведения относительно дирхемов Бухары у Истахри и в первой редакции Ибн-Хаукаля совпадают. Этот же вариант повторяет Якут³².

²⁸ М. Е. М а с с о н. К вопросу о «черных дирхемах». . . , стр. 189.

²⁹ Наршахи. *تاریخ بخارا*. Изд. *مدرسی رضوی* (далее — Наршахи, Тегеранское изд.), стр. 92.

³⁰ И б н - Х а у к а л ь, изд. Крамерса, стр. 500. В BGA, II, 373, 374 вместо «ломанные на основные части» просто «ломанные», а слова «вместо исмаили» заменены словами «вместо этих дирхемов».

³¹ В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах, стр. 13.

³² И с т а х р и, BGA, I, 314; И б н - Х а у к а л ь, BGA, II, 363; Я к у т, стр. 519.

Здесь названы три вида дирхемов: гитрифи, мусейяби и мухаммади. Прямого упоминания серебряных дирхемов нет, отсутствуют также дирхемы исмаили и ломаные.

Значительно полнее и интереснее этот отрывок в другой редакции Ибн-Хаукаля³³. Сначала там также описываются дирхемы гитрифи, мухаммади и мусейяби. А далее сказано: *ويفضلون الجميع على الدراهم* الورق. *الاسماعيلية وكان ابو ابراهيم زاي اتخذا الغضة اولى من هذه الدراهم فهو المبتدى بضر بها بماوراءالنهر* (И все эти (монеты) они предпочитают серебряным дирхемам исмаили. Абу-Ибрахим счел, (что) брать серебро предпочтительнее, чем эти дирхемы, поэтому он — зачинатель чекана его в Мавераннахре).

В этом отрывке дирхемы исмаили прямо и недвусмысленно названы серебряными³⁴.

Кроме того, оговорено, что начало чекану серебряных монет положил Абу-Ибрахим. Название монет «исмаили» в сочетании с именем «Абу-Ибрахим» позволяет легко установить историческое лицо, которое дало свое имя серебряным дирхемам Саманидов. Это Абу-Ибрахим Исмаил бен Ахмад (892—907)³⁵. Указание, будто именно при нем начался серебряный чекан Саманидов, не соответствует действительности (известны серебряные монеты Насра), но имеет определенное основание, ибо именно при Исмаиле бен Ахмаде чекан серебра стал интенсивным и ежегодным. В этом смысле убедительный материал дает также и состав кладов первой трети X в., в которых абсолютно преобладают саманидские монеты Исмаила бен Ахмада и следующих государей³⁶.

Обращает внимание, что в описании денег Самарканда и Бухары серебряные дирхемы упомянуты по-разному. В тексте о деньгах Самарканда они названы при перечислении первыми, следовательно, они занимали определенное место в реальном денежном обращении, хотя их могли заменять изготовленными из сплава дирхемами мухаммади. В тексте о деньгах Бухары в перечне обращающихся дирхемов они вообще не названы, а на первом месте там фигурируют дирхемы гитрифи. Серебро же упомянуто в конце, причем из контекста видно, что оно не включено в число реально обращающихся в Бухаре дирхемов.

Если обратиться к самим монетам, то эта разница в денежном обращении двух городов будет засвидетельствована еще одним фактом. Монетные дворы существовали и в Бухаре, и в Самарканде, однако в Самарканде в продолжение долгого времени регулярно и систематически чеканились аббасидские, тахиридские и саманидские дирхемы. На бухарском же монетном дворе серебро выпускалось до середины X в. лишь эпизодически, очень редко³⁷. Между тем ведь именно Бухара была столицей Саманидов.

³³ И б н - Х а у к а л ь, изд. Крамерса, стр. 490.

³⁴ М. Е. Массону этот отрывок остался неизвестен, порядок же перечисления разных видов дирхемов при описании денег Самарканда он не учел. Поэтому он высказал предположение о возможном тождестве дирхемов исмаили и тех самаркандских монет из желтой меди (о них см. ниже), которые Ибн-Фадлан назвал «дирхемами» и шесть штук которых в Бухаре равнялись данаку серебра (М. Е. М а с с о н. К вопросу о «черных дирхемах». . . , стр. 190).

³⁵ Исмаил назван Абу-Ибрахимом (например, у Наршахи) прямо в заголовке главы (см.: Н а р ш а х и, Тегеранское изд., стр. 91). А. К. Марков (А. М а р к о в. Registre général de monnaies orientales suivi de la description de quelques pièces rares ou inédites du médaillier de l'Institut. SPb., 1891, стр. 19), не рассматривая вопрос о металле дирхемов исмаили, высказал, однако, весьма близкое к истине соображение о происхождении самого названия: он счел, что дирхемы исмаили — это монеты, чеканенные Исмаилом бен Ахмадом.

³⁶ В. Л. Я н и н. Денежно-весовые системы. . . , стр. 122.

³⁷ В. Г. Т и з е н г а у з е н. О саманидских монетах; О н ж е. Монеты Восточного халифата. СПб., 1873; А. К. М а р к о в. Инвентарный каталог восточных монет Эрмитажа. СПб., 1896.

К сказанному следует добавить, что ломаные дирхемы также фигурируют только среди самаркандских денег, а среди бухарских не упомянуты³⁸.

Все эти факты непреложно свидетельствуют о том, что состав денег и место монет разного вида в денежном обращении в Бухаре и Самарканде не были одинаковы, что Бухара и Самарканд выступают как центры двух областных рынков со своими специфическими особенностями.

Третьим центром был Шаш—Илак. Ибн-Хаукаль прямо пишет, что в Илаке обращаются серебряные монеты (см. выше, стр. 109). Так как Шаш наряду с Самаркандом систематически и чрезвычайно интенсивно выпускал дирхемы исмаили, не вызывает сомнений, что речь идет именно об этих монетах. Ибн-Хаукаль в тексте о деньгах Бухары обозначил металл дирхемов исмаили тем же словом *الدراهم الورق*. Но должно быть учтено и следующее обстоятельство: дирхемы другого вида — мусейяби — также были серебряные, что мы постараемся доказать. А Шаш платил харадж именно дирхемами мусейяби, так что на его территории эти монеты несомненно обращались. Не исключено поэтому, что под серебряными монетами, обращающимися в Илаке, надо понимать оба вида дирхемов: и исмаили, и мусейяби. Так или иначе, существенно, что серебро в денежном обращении Илака и Шаша занимало значительное место, несомненно большее, чем в Бухаре и, возможно, даже более значительное, чем в Самарканде.

Исследуя характер обращения серебряных самаркандских монет, необходимо выяснить вопрос, как принимали эти монеты: поштучно или на вес. По мнению М. Е. Массона, «из слов Ибн-Хаукаля явствует, что в его время у жителей Бухары не только динары, но и дирхемы общегосударственного образца ходили как товар, т. е. опять-таки на вес»³⁹. Слова Ибн-Хаукаля: *نقودهم الدراهم والدنانير كالعصر* поняты неверно. Определение «как товар» здесь относится только к динарам, что подтверждается также более пространной редакцией этого отрывка у Истахри: «Монеты их — дирхемы; они не торгуют между собой на динары, которые (у них) как товар»⁴⁰.

Источники скорее свидетельствуют в пользу штучного обращения дирхемов исмаили, так как именно они в отличие от золота названы «монетами».

Тексты Истахри и Ибн-Хаукаля о деньгах Самарканда в этом смысле совершенно определены: «их монеты в Самарканде — дирхемы исмаили»⁴¹. Менее конкретен текст Истахри и ибн-Хаукаля о деньгах Бухары, так как там специально монетами названы дирхемы вообще, а не дирхемы исмаили. Далее перечисляются разные виды дирхемов: гитрифиды, мухаммады, мусейяби, у Ибн-Хаукаля еще и исмаили, но в последнюю очередь. Следует думать, что под дирхемами-монетами здесь подразумевались все четыре вида дирхемов (у Ибн-Хаукаля во всяком случае только так).

Таким образом, вопрос о штучном или весовом приеме саманидских серебряных дирхемов исмаили на основании одних лишь письменных

³⁸ Х. М. Френ высказал предположение, поддержанное с некоторыми оговорками П. С. Савельевым, что в Самарканде в ломаных дирхемах не нуждались, так как там были медные фельсы, и дирхемы ломали только для торговли с Севером (П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика. . . , стр. XXXI). Соображения эти не кажутся убедительными. Известно, что, кроме основного серебряного номинала, его дробные единицы, несмотря на наличие медных монет, чеканились часто и в разное время. Иначе говоря, наличие медных монет не снимает потребность в серебряных монетах малого достоинства. Ломаные же саманидские дирхемы, судя по составу кладов, обращались и в самой Средней Азии.

³⁹ М. Е. Массон. К вопросу о «черных дирхемах». . . , стр. 189.

⁴⁰ Истахри, ВГА, I, 314. Близкий текст и у Якута (I, 519). Подробнее см. выше, стр. 105, 106.

⁴¹ Истахри, ВГА, I, 323; Ибн-Хаукаль, ВГА, II, 373, 374.

источников решается скорее в пользу именно штучного приема. Однако монеты весьма существенно уточняют этот вопрос.

Основным условием штучного обращения монет из валютного металла является твердость и определенность их веса в пределах ремедиума. Ранние саманидские серебряные дирхемы удовлетворяют этому условию.

Вес основной массы монет Исмаила бен Ахмада (892—907), Ахмада бен Исмаила (907—914) и первой половины правления Насра бен Ахмада колеблется в пределах 2,7—3,1 г или 2,7—3,2 г⁴². Такой ремедиум для серебряных монет средневековой Средней Азии следует считать очень небольшим, а юстировку монет — достаточно точной. Значит, в первой трети X в. серебряные саманидские дирхемы вполне могли ходить поштучно, а не на вес.

Несколько сложнее обстоит дело с монетами последующего времени. Изучение веса большого числа саманидских дирхемов привело В. Л. Янина к заключению, что монетная стопа изменилась, ремедиум в чекане серебра значительно расширился, и дирхемы эти на Руси уже не могли ходить поштучно. Наличие в кладах того времени большого количества обломков неопределенного веса и появление в них грек лишний раз свидетельствуют о переходе на весовой прием⁴³.

Конечно, вывод этот нельзя механически переносить на внутреннее обращение Средней Азии. Однако явное и очень значительное расширение ремедиума в чекане серебра не позволяет отбросить предположение о том, что и в Саманидском государстве со второй трети X в. переход от штучного к весовому приему дирхемов имел место.

Этому предположению полностью соответствует то обстоятельство, что функция дирхемов исмаили как внутривосударственного средства обращения была отнюдь не самой развитой. Во внутригородской и внутригосударственной торговле функцию средства обращения выполняли преимущественно другие монеты. К тому же, X век (особенно первые шесть десятилетий) — время самого интенсивного и все возрастающего вывоза дирхемов исмаили на Север, т. е. время, когда функция мировых денег становится для них основной. В этих условиях правительство без особого ущерба могло упростить чекан дирхемов исмаили, сняв трудоемкую операцию юстировки монет.

Весовые данные дирхемов исмаили позволяют следующим образом истолковать тексты Истахри и Ибн-Хаукаля относительно способов приема этих дирхемов. В то время, когда Истахри заканчивал свой труд, дирхемы исмаили в Средней Азии ходили поштучно, так что он с полным основанием отнес их в категорию «монет» (نقود). Ко времени завершения труда Ибн-Хаукаля положение изменилось: дирхемы исмаили при чеканке не подвергались юстировке, ремедиум чрезвычайно расширился, так что их могли принимать только на вес. Но Ибн-Хаукалю эти изменения в положении дирхемов исмаили не стали известны, и он просто переписал когда-то правильное, но уже устаревшее утверждение Истахри.

Чрезвычайно интересен вопрос о ломаных дирхемах. Существенно, что ломаные дирхемы Самарканда упомянуты у Истахри. Значит, в Самарканде они были уже в первой половине X в., когда целые дирхемы обращались поштучно. Следовало бы ожидать, что ломаные дирхемы в это время выполняли функцию мелких единиц и также ходили поштучно. В пользу такого вывода говорит текст Ибн-Хаукаля (в издании Крамерса), в котором подчеркнуто, что монеты ломали не просто, а на некие основные, главные части. Характерно, что ломаные дирхемы у Истахри и Ибн-Хаукаля не названы «товаром» (как, например, золотые динары). Однако убедительно решить этот вопрос поможет только изучение веса самих

⁴² По данным В. Л. Янина (Денежно-весовые системы. . . , стр. 122 сл.).

⁴³ Там же, стр. 133—140.

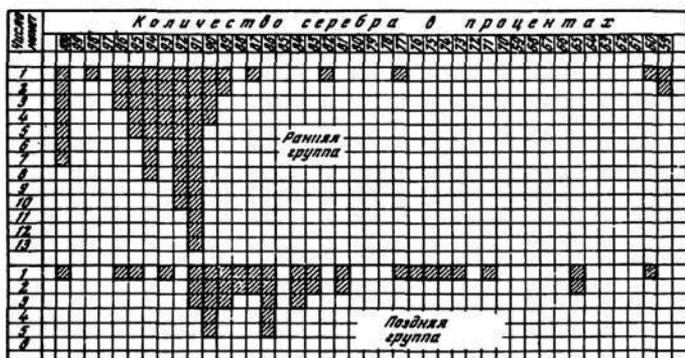

Рис. 3. Содержание серебра в саманидских монетах исмаили

обломков, причем не тех, что содержатся в кладах, находимых в Европе (ибо восточные дирхемы на Руси ломали, чтобы подогнать их вес к местным единицам), а тех, которые встречены на территории Средней Азии. Важно также изучить вес ломаных дирхемов первой трети X в. и последующего времени отдельно⁴⁴.

Вопрос о пробе серебряных монет исмаили весьма не прост. Мы предполагаем химическим количественным анализом (на серебро, медь и свинец) 104 монет (см. Приложение)⁴⁵. Монеты за малым исключением оказались достаточно высокопробными. Несмотря на самое разнообразное процентное соотношение трех металлов, монеты совершенно четко делятся на две группы, причем каждая группа укладывается в определенные хронологические рамки. Ранняя группа соответствует времени правления первых саманидских эмиров, до Насра II (301/914—331/943) включительно; поздняя группа соответствует времени правления следующих государей, до Нуха II включительно (самая поздняя из анализированных монет Нуха II чеканена в 371/981—2 г.). Проверочная графическая таблица пробы серебра в монетах особенно наглядно демонстрирует наличие двух разнопробных групп (рис. 3). Для этой графической таблицы мы округлили процент чистого серебра в монетах до целых чисел. Крайние показатели в целых числах 59 и 100%. Но распределение монет внутри этих крайних показателей неравномерно и рисует чрезвычайно интересную картину.

Среди 64 монет ранней группы 7 экз. (около 11%) чисто серебряные, в них 100% или почти 100% серебра; 5 экз. (около 8%) значительно более низкопробны (82, 77, 60, 59% серебра). Основная масса (свыше 81%) монет этой группы расположена на графике весьма компактно в пределах 89—96%. (что в среднем дает 92,5% чистого серебра) и образовала четкий треугольник с вершиной, указывающей 91%. На фоне компактного расположения проб основной массы монет отклонения в сторону завышения и занижения выглядят случайными. Это тем более правдоподобно, что монеты с отклонениями не группируются ни хронологически, ни по монетным дворам. Например, семь монет со 100%-ным содержанием серебра

⁴⁴ М. Е. Массон (К вопросу о «черных дирхемах». . . , стр. 189) упоминает клад целых и ломаных дирхемов, найденный в городе Самарканде, но ни о весе обломков, ни о хронологическом составе клада, к сожалению, не пишет. Он считает, что обломки принимались на вес. В. Л. Яниц (Денежно-весовые системы. . . , стр. 72 сл.), опираясь на ряд прямых указаний о поштучном обращении ломаных дирхемов (половинок, четвертушек и пр.) в ряде мест на Востоке, целиком склоняется к тому, что и в Самарканде они должны были ходить поштучно.

⁴⁵ Монеты ГИМ. Подбор монет для анализа и их определение сделаны С. А. Яниной. Химические анализы выполнены в Ин-те химии АН Таджикской ССР лабораторией Г. М. Калашниковой.

чеканены при трех государях в 282, 283, 295, 296, 311, 316 и 322 гг. х. на двух монетных дворах: в Шаше (4 экз.) и в Самарканде (3 экз.). Аналогичное положение и с низкопробными монетами, которые чеканены в 302, 304, 313, 317 и 323 гг. х. в Шаше (4 экз.) и Самарканде (1 экз.)⁴⁶.

Все сказанное позволяет заключить, что монеты ранней группы чеканены по одной указной пробе. Какова была эта проба?

Если процент содержания меди и свинца в монетах округлить до целых цифр, получится следующая картина. У основной массы монет примесь меди колеблется в пределах 2—6%, чаще даже в пределах 3—5%, т. е. в среднем 4%; примесь же свинца — в самых широких пределах: от 1% и менее до 7—8%. Существование монет со 100%-ным содержанием серебра позволяет допустить, что дирхемы исмаили предполагали чеканить из чистого серебра, а примеси меди и свинца у основной массы монет появились в результате недостаточно умелой очистки металла. Однако против этого заключения могут быть высказаны некоторые веские соображения.

Если бы указная проба монет равнялась 100% чистого серебра, а реальная примесь свинца и меди была бы результатом недостаточной очистки металла, то графическая таблица пробы серебряных монет ранней группы (рис. 3) имела бы совсем другой вид. Треугольник был бы значительно сдвинут влево (к большим цифрам), а вершина его (91% серебра) не была бы ниже указной пробы на целых 9%. Наличие монет, в которых количество чистого серебра достигает 98—100%, говорит о том, что в X в. владели большим умением и опытом очистки металла. Следовательно, 91% серебра в монете и другие близкие показатели (89—96% серебра в пределах основного компактного треугольника) не являются плодом простого умения очищать серебро лучше.

Более поздние аналогии показывают, что в серебре, считавшемся чистым, некоторое количество лигатуры все же могло быть. Во-первых, правительство могло назначать ремедиум (и такие примеры известны) для пробы так же, как и для веса. Во-вторых, небольшая примесь лигатуры все же могла быть следствием недостаточной очистки. Но даже в худших случаях такого рода примесь не превышала 2—2,5%, судя по среднеазиатским материалам XVI—XVIII вв.

Проба серебра в Средней Азии XVI—XVIII вв. выражалась десятичным отношением. Серебро, считавшееся абсолютно чистым, называлось ده دهی (десяти-десятое); серебро, считавшееся более низкопробным, соответственно называлось ده نهی (девяти-десятое); ده هشتی (восьми-десятое) и т. д. Для выяснения размеров недостаточности очистки серебра особенно интересны «шести-десятые» джанидские монеты XVII в. Количество серебра и меди в этих монетах выражено письменными источниками двояко: во-первых, десятичным отношением (они ده ششی — шести-десятые); во-вторых, абсолютным весом двух металлов (серебра 14 нахудов, меди 10 нахудов). Согласно первому определению, в этих монетах должно содержаться 60% серебра и 40% меди, а согласно второму определению — 58,3—58,4% серебра и 41,6—41,7% меди. Второе определение более точно, так как оно фиксирует пропорцию, в которой два металла брали для практического изготовления сплава.

Химический анализ «шести-десятых» тенег XVII в. показал, что в них обычно содержится 55—58% чистого серебра и 41—44% меди, т. е. «отставание» реальной пробы от указной (если за указную считать 60% чистого серебра) колеблется в пределах 2—5%, а фактически нефиксируемая лишняя примесь к серебру не превышает 3% (если исходить из того,

⁴⁶ Возможно, монетный двор Шаша чаще грешил такими отступлениями, но это следует проверять на значительно большем количестве анализов.

Рис. 4. Содержание лигатуры в саманидских монетах исмаили

что практически в «шести-десятих» теньгах должно было быть не 60% чистого серебра, а 58,3—58,4%).

Таковую же цифру (3%) сообщают источники для Средней Азии конца XVI в. Сведения содержатся в сочинении Абулфазла «Айини-Акбари». Абулфазл, характеризуя установленный Акбаром Великим государственный стандарт пробы серебра, подчеркивает, что стандарт этот много выше стандарта среднеазиатского серебра «лари» и «мискали». Он приводит конкретные цифры, которые позволяют легко вычислить, что в среднеазиатском серебре, считавшемся «дахдахи», т. е. чистым, было 3,01% лигатуры⁴⁷.

Итак, 3% (и даже 5%) лигатуры в серебряных дирхемах X в. можно было бы по аналогии с монетами XVI—XVIII вв. отнести за счет неумелой или небрежной очистки металла. Однако процент лигатуры у основной массы дирхемов исмаили значительно выше. Графическая таблица показывает, что за единичными исключениями процент лигатуры дает компактный треугольник в пределах 4—11% с вершиной на 8—9% (рис. 4). Компактность указывает, что колебания в пределах этого треугольника — это колебания в пределах ремедиума, вершина же треугольника соответствует указанному проценту лигатуры за вычетом того среднего процента примеси, который мог оставаться вследствие неумения полностью очищать серебро. Иначе говоря, это 8—9% минус 1—3% или даже 1—5%. А это значит, что серебряные монеты исмаили предписано было в рассматриваемое время чеканить отнюдь не из чистого серебра, а из серебра с определенным количеством лигатуры.

В Средней Азии XVII—XVIII вв., как удалось установить, принятый интервал пробы был «одна четверть-десятая», т. е. равнялся 2,5%. Следовательно, металл монет мог иметь пробу 1000; 975; 950; 925; 900; 875; 850 и т. д. Если в X в. был принят такой же интервал проб, то указанная проба дирхемов исмаили могла быть 950 или 925. В первом случае (95% чистого серебра и 5% лигатуры) практическое увеличение лигатуры до 8—9% против 5% указанных можно было бы признать следствием нефиксируемой недостаточной очистки металла. Однако наличие определенного числа монет, содержащих 98—100% чистого серебра, дает основание предполагать, что в X в. металл для монет очищали лучше, чем в XVI—XVIII вв. Следовательно, не исключено, что указанная проба дирхемов исмаили ранней группы была несколько ниже, порядка 925, т. е. 92,5% чистого серебра. Любопытно, что цифра 92,5% является средней арифметической графического треугольника пробы серебра (рис. 3), так что отклонения от нее в пределах компактного треугольника (примерно одинаковые в обе стороны, т. е. в сторону снижения пробы до 89% или повышения до 95—96%) получают вид дозволенных отклонений. Иначе говоря,

⁴⁷ Е. А. Давидович. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. Душанбе, 1964, стр. 102—110.

при таком варианте основание треугольника — это ремедиум пробы, а 92,5% — проба средняя и указная.

Итак, все приведенные соображения свидетельствуют о том, что серебро ранней группы дирхемов исмаили отнюдь не считалось чистым; их указная проба предполагала определенное количество лигатуры. Не исключено, что указная проба этой группы дирхемов исмаили равнялась 925 (92,5% чистого серебра). Реальная проба основной массы анализируемых монет этой группы вполне соответствует такой указной пробе.

Совершенно другую картину рисует графическая таблица пробы поздней группы дирхемов исмаили (рис. 3). Сразу бросаются в глаза три признака: 1) общее снижение пробы; 2) более широкий диапазон колебаний проб основной массы монет; 3) увеличение числа случайных отклонений. Эти признаки показывают, что указная проба монет после Насра II была значительно снижена, контроль за достижением сниженной указной пробы был ослаблен, а ремедиум пробы увеличен.

Каким был удельный вес серебряных саманидских дирхемов исмаили в денежном обращении Средней Азии? Уже отмечалось, что находки этих дирхемов на территории Средней Азии известны, но немногочисленны. Источники прямо говорят о том, что серебру предпочитали другие виды дирхемов. Так, Ибн-Хаукаль заключает описание дирхемов гитрифийских, мухаммадийских и мусейябских словами: «И все эти [монеты] они предпочитают серебряным дирхемам исмаили»⁴⁸. О том же свидетельствует Макдиси, называющий эти три вида дирхемов «черными»: لها فضل على البيض (у них превосходство над белыми)⁴⁹.

Такое предпочтение только на первый взгляд кажется странным. И его нельзя считать сложившимся стихийно — оно определено в основном двумя причинами. Серебро было крайне необходимо для внешней торговли. Наличие его количество не могло в равной мере обеспечить нужды и внешней, и внутренней торговли. Это обстоятельство в значительной мере повлияло на финансовую политику государства в отношении чекана и обращения монет. Государство укрепило положение дирхемов гитрифийских, мусейябских и мухаммадийских тем, что стало собирать налоги именно этими монетами. Факты, подтверждающие это мероприятие, общеизвестны: сведения Ибн-Хордадбеха и Макдиси о размерах налогов с разных областей Мавераннахра; ряд прямых и косвенных указаний у Наршахи⁵⁰. Не менее существенно и то обстоятельство, что все эти дирхемы свободно разменивались на серебряные монеты.

Чекан серебряных дирхемов в государстве Саманидов был свободным, т. е. монеты чеканились не только из государственного металла, но и из металла любого частного лица, о чем, хотя и косвенно, свидетельствует Макдиси. Перечисляя пошлины, взимаемые при переправе через Аму-Дарью, он отмечает: «Они свозят слитки серебра в Бухару, и из-за них производят обыски, и (ищут) в домах от дирхема до половины»⁵¹. По другой рукописи, обыскивают только тогда, когда запрещают перенос слитков. Думается, что здесь нет противоречия, а оба варианта этого текста дополняют друг друга: правительство настаивает на том, чтобы серебро свозили именно в Бухару — столицу государства (а Бухара в это

⁴⁸ И б н - Х а у к а л ь, изд. Крамерса, стр. 490.

⁴⁹ Эту фразу П. И. Лерх (Монеты Бухар-худатов, стр. 105) и М. Е. Массон (К вопросу о «черных дирхемах»... стр. 178) истолковали в том смысле, что черные дирхемы не просто предпочитали серебряным, а ценили их выше по курсу. Однако большинство переводчиков (Барбье де Минар, В. В. Бартольд, В. Г. Тизенгаузен) считали, что речь идет о «предпочтении» в общем смысле, вне зависимости от курса. Арабист В. И. Зеляев, которому мы весьма благодарны за консультацию, также полагает, что текст сам по себе не дает оснований говорить о курсовом превосходстве.

⁵⁰ И б н - Х о р д а д б е х, BGA, IV, 39; М а к д и с и, BGA, III, 340, 341; Н а р ш а х и, Тегеранское изд., стр. 92, 44 и др.

⁵¹ М а к д и с и, BGA, III, 340.

время чеканит серебро уже регулярно) — и запрещает (периодически?) вывоз слитков за пределы государства. И то, и другое понятно при свободном чекане, когда казна заинтересована в наибольшем притоке серебра на монетный двор. Кроме всего прочего, это увеличивает доход от монетной регалии.

3. О ЗАГАДОЧНЫХ ДИРХЕМАХ МУСЕЙЯБИ, МУХАММАДИ И ГИТРИФИ

Один из важнейших и интереснейших вопросов среднеазиатской нумизматики — «тайна» монет, условно называемых монетами бухархудатского типа и именуемых в источниках дирхемами мусейяби, мухаммади и гитрифи. Ведь именно монеты этих трех видов составляли основу денежного обращения в Мавераннахре IX—X вв.: в торговле, на внутреннем рынке, их предпочитали серебряным дирхемам исмаили; налоги также исчислялись не в дирхемах исмаили, а именно в этих дирхемах, причем каждая область выплачивала харадж монетами не любого из трех видов, а какого-либо определенного вида. Если суммировать по видам и областям данные Ибн-Хордадбега (наиболее полные), то получится следующая картина (табл. 1).

Таблица 1

Гитрифи 1 189 200	Мухаммади 1 417 000	Мусейяби Немного меньше 755 500 *
1) Бухара	1) Согд, Буттем с рудниками, Кеш с рудниками, Несеф и др. 2) Фергана 3) Усрушана (частично)	1) Шаш с рудниками 2) Ходженд 3) Усрушана (частично) 4) Тюркские города по Сыр-Дарье (частично)

* Тюркские города по Сыр-Дарье платили харадж дирхемами двух видов (мусейяби и хорезми), но количество тех и других не названо. Поэтому мы условно приплюсовали общую цифру к дирхемам мусейяби, оговорив, что сумма эта несколько превышает действительную.

Сведения Макдиси относительно распределения дирхемов трех видов по областям почти не отличаются от сообщений Ибн-Хордадбега. Из этих данных можно заключить, что на протяжении почти двух столетий — IX—X вв. — видовое распределение дирхемов по областям (за одним исключением, о котором см. ниже) не изменилось.

Такая устойчивая разница в налогообложении по областям предполагает весьма существенную и столь же устойчиво сохраняющуюся разницу между тремя видами монет. Чем же и как эти дирхемы различались?

Считается, что дирхемы всех трех видов сходны в типовом отношении, ибо все они в конечном счете восходят к типу монет сасанидского царя Варахрана V; различия же внутри этой обширной группы наблюдаются лишь в надписях и деталях изображений. Естественно поэтому, что некоторые ученые пытались именно на основании надписей различать в общей массе этих монет дирхемы, названные источниками. Наиболее полные и всесторонние исследования в этом направлении были предприняты М. Е. Массоном⁵² и Дж. Уокер⁵³.

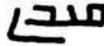
В такой постановке вопроса не затронуто, однако, самое существо, внутренняя причина сложения и двухвекового устойчивого существования дирхемов трех видов, иначе говоря, нормы их обращения. Как обра-

⁵² М. Е. Массон. К вопросу о «черных дирхемах»... стр. 175—196.

⁵³ J. Walker. A Catalogue of the arab-sassanian coins. London, 1941, стр. XC—XCVII. Металл этих монет автор не анализирует, условно называя их билловыми.

щались дирхемы трех видов: по одному, общему для всех курсу или между ними существовала курсовая разница? Устойчивый характер видообластного деления дирхемов мусейяби, мухаммади и гитрифи уже сам по себе намекает на то, что между ними была именно курсовая разница. Если бы они ходили по одному курсу и вся разница между ними сводилась бы к внешним признакам (к тому же частичным), то областные границы и отдельные названия стерлись бы быстро, ибо они не подкреплялись бы никакой экономической необходимостью. А правительство тем более не требовало бы, чтобы налог выплачивался непременно дирхемами одного из трех видов, зная, что все три вида в курсовом отношении одинаковы. К тому же нужно учесть, что после завоевания Средней Азии арабами налоги разных областей, судя по ряду примеров, сначала были исчислены в серебре и лишь много позже их пересчитали на местные дирхемы. Если бы последние были одинаковы в курсовом отношении, не стали бы усложнять сбор налогов строгой видовой регламентацией. Предположение о разном курсе делает регламентацию понятной, ибо цифра налога при пересчете от серебра на дирхемы разных видов получалась разная, и выбирали тот вид, который более всего был распространен в каждой области.

Допущение разнокурсности трех видов дирхемов ставит новый вопрос: что было практическим критерием их различения? В этом аспекте установленные исследователями различия в надписях приобретают, на первый взгляд, большое значение. Однако нельзя не отметить, что при общем типовом сходстве практическое различение монет по одним лишь надписям для очень многих представляло бы значительные затруднения. Например,

для неграмотного человека надписи и на монетах

(особенно несколько потертых) были бы трудно различимы. Кроме того, если допустить, что три вида этих монет различались только внешними деталями (главным образом надписями) при одинаковом металле (М. Е. Массон считает, что металл монет трех видов изменялся параллельно), то придется признать, что в основе их разнокурсности лежит голое декретирование. Оно могло иметь место, но, естественно, не оказалось бы прочным и долговременным.

Все эти общие соображения, опровергающие концепцию о типовом различии дирхемов мусейяби, мухаммади и гитрифи, заставили пересмотреть историко-нумизматический материал. В результате мы пришли к выводу, совершенно отличному от предложенных другими исследователями: к тому моменту, когда в Средней Азии сложились и получили свои окончательные названия (дирхемов мусейяби, мухаммади и гитрифи) три вида монет «бухар-худатского типа», они обращались по разным курсам, а в основе этой разнокурсности лежала разница в их металле; эта же разница в металле (вне зависимости от разницы в надписях) была и практическим критерием различения трех видов дирхемов.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что налог Усрушаны, по Ибн-Хордадбеку, должен был в 826—828 гг. взиматься разными монетами: мухаммадийскими (48 000 монет) и мусейябскими (2000). Следовательно, на территории Усрушаны обращались дирхемы обоих видов. При одинаковом их курсе именно потому, что это было внутри одной податной единицы, указали бы: «мусейяби или мухаммади». И уж никак не стали бы определять точные размеры суммы в монетах каждого вида ⁵⁴.

⁵⁴ То обстоятельство, что определение налога в монетах двух видов подразумевало курсовую разницу между ними, подтверждают и данные о налогах с тюркских городов по Сыр-Дарье. Для них также упомянуты обращавшиеся на их территории монеты двух видов (хорезмийские и мусейябские), курсовая разница между которыми не вызывает никаких сомнений.

Для характеристики курсовой разницы между дирхемами мусейяби и гитрифи показательны следующие цифры. По данным Ибн-Хордадбега на 826—828 гг., харадж Бухары равнялся 1 189 200 (по Наршахи — 1 168 567⁵⁵; по Макдиси — 1 166 897) дирхемов гитрифи, а области Шаш — 180 000 дирхемов мусейяби. Если бы курс монет этих двух видов был одинаковым, получилось бы, что харадж области Шаш в шесть-семь раз меньше хараджа Бухары и даже вместе со знаменитыми серебряными и прочими рудниками Шаш платил бы почти в два раза меньше (607 000 дирхемов мусейяби, по Макдиси), чем Бухара. А это невероятно.

Из Наршахи известно, что первоначальный харадж Бухары был немногим менее 200 000 серебряных дирхемов⁵⁶.

По договору между Кутейбой и Гуреком, Согд с Кешем и Несефом должны были ежегодно платить арабам также 200 000 серебряных дирхемов. Позже серебряные дирхемы в Бухаре были пересчитаны в дирхемы гитрифи, а в Согде с Кешем и Несефом — в дирхемы мухаммади. Если бы дирхемы гитрифи и мухаммади ходили по одинаковому курсу, цифры пересчета были бы одинаковыми, в Бухаре даже немного меньше. Между тем это не так. По данным Ибн-Хордадбега, харадж Бухары, как уже упоминалось, равнялся 1 189 200 дирхемов гитрифи, харадж же Согда, Несефа, Кеша с рудниками, Буттема с рудниками и пр. — 1 089 000 дирхемов мухаммади⁵⁷, т. е. на сто или почти на сто тысяч дирхемов меньше.

К тому времени, когда в Мавераннахре харадж пересчитали на дирхемы гитрифи, мусейяби и мухаммади, Несеф, Кеш и Буттем были уже самостоятельными податными единицами, так что размер хараджа с них Ибн-Хордадбех указывает отдельно. Тем не менее, называя харадж Согда, он присоединяет к нему и Кеш, и Несеф, и Буттем, т. е. возвращается к той податной единице, которая фигурирует в договоре Гурека с Кутейбой⁵⁸. В этой традиции нельзя не усмотреть намека на то, что в основе цифры 1 089 000 дирхемов мухаммади лежит установленная еще Кутейбой дань в 200 000 дирхемов серебра. Это же подтверждают и приведенные выше данные относительно Бухары.

Если допустить, что дань Кутейбы без изменения была пересчитана на дирхемы мухаммади, получится следующее отношение между серебряными и мухаммадийскими дирхемами: $1\ 089\ 000 : 200\ 000 = 5,445$.

Иначе говоря, серебряный дирхем равняется 5,5 дирхемам мухаммади. В Бухаре же, по данным Наршахи, серебряный дирхем равнялся 6 дирхемам гитрифи.

В период завоевания арабы еще недостаточно знали экономические возможности каждой области. Поэтому на Бухару и на Самарканд с Кешем, Несефом и пр. наложили одинаковую дань. Дань с Бухары со временем была немного уменьшена. Было бы логично предположить, что общая сумма дани с Самарканда, Кеша, Несефа, Буттема и рудников была увеличена, особенно учитывая развитие горнорудного дела в IX—X вв.

⁵⁵ В момент пересчета хараджа серебряный дирхем равнялся шести дирхемам гитрифи. Вторая цифра Наршахи — 1 068 567 — ошибочна (пропущена единица), ибо не отвечает исходной цифре хараджа в серебряных дирхемах ($1\ 068\ 567 : 6 = 178\ 094,5$ дирхемов серебра — должно же быть немного менее 200 000).

⁵⁶ По данным того же Наршахи, после завоевания Бухары Кутейбой ежегодный налог был определен в размере 200 000 серебряных дирхемов плюс 10 000 в пользу хорасанского наместника. Но позже эта сумма была несколько уменьшена.

⁵⁷ Здесь нельзя подозревать позднейший пропуск единицы. Ибн-Хордадбех дает общую сумму хараджа, из которой видно, что цифра 1 089 000 верна. У Макдиси (BGA, III, 340, 341) названа еще меньшая цифра — 1 039 031 дирхемов мухаммади. В одной рукописи вместо Буттема названа Усрушана. Следовательно, харадж Усрушаны (50 000 дирхемов) был приплюсован. Вероятно, у Макдиси была цифра $1\ 139\ 031$ ($1\ 089\ 000 + 50\ 000$), но единица позднее выпала.

⁵⁸ Правда, Буттем в договоре прямо не назван, но он в тот период явно тяготел к самаркандскому Согду.

В Буттеме, например, в это время интенсивно добывались различные полезные ископаемые (золото, серебро и пр.)⁵⁹, что могло существенно влиять на размер обложения. Недаром и в перечне Ибн-Хордадбега рудники Кеша и Буттема упомянуты отдельно.

Если же допустить известное увеличение общей суммы налога к моменту пересчета по сравнению с первоначальной (договорной), это изменит отношение между дирхемами серебряными и мухаммадийскими в сторону повышения курса последних. Иначе говоря, не лишено вероятия, что дирхем серебра равнялся не 5,5 дирхемам мухаммади, а меньшему их числу; следовательно, курсовая разница между дирхемами гитрифи и мухаммади в этом случае оказалась бы более значительной.

М. Е. Массон, изучая металл монет «бухар-худатского типа», разделил процесс их порчи на три этапа: 1) после подавления восстания Муканны — высокопробные серебряные монеты; 2) после введения в 792 г. «гитрифок» — монеты из сплава с преобладанием серебра; 3) начало этапа не указано — металл монет ухудшается⁶⁰. Далее исследователь заключил, что такая порча имела место внутри каждого вида и проходила параллельно, т. е. на каждом отрезке времени качество металла дирхемов мусейяби, мухаммади и гитрифи было одинаковым. Однако сопоставление установленных им данных о металле этих монет с данными письменных источников позволяет прийти к другим выводам.

Письменные источники подробнейшим образом характеризуют металл дирхемов гитрифи и мухаммади и ничего прямо не говорят о металле дирхемов мусейяби. Однако во второй версии Ибн-Хаукаля (издание Крамерса) имеется очень существенное, хотя и косвенное, указание (отсутствующее у Истахри и в первой версии Ибн-Хаукаля) о металле и курсе дирхемов мусейяби. Эта версия вообще дает наиболее полную сравнительную характеристику трех видов дирхемов.

«У них (есть) дирхемы, (которые) называют гитрифийскими. Эти дирхемы (состоят) из железа, меди, свинца и иных смесей, составленных посредством (сплавления) различных металлов. И эти дирхемы не обращаются (нигде), кроме как в Бухаре и в особых местностях за рекой (Аму-Дарьей). И из них дирхемы, известные как мухаммадийские. На них вычеканены изображения с нечитаемыми буквами, а знаки их известны. И они из чекана ислама и деяний предшественников (семьи) Асада бен Самана. И из них (также) некие, известные как мусейябские, а эти из их сокровищ» (منهاشي يعرف بالمسيبيّة وهي من ذخائرهم)⁶¹.

Дирхемы мухаммади при описании денег Бухары у Истахри и Ибн-Хаукаля (также у Якута) с точки зрения металла не охарактеризованы. Зато в тексте о деньгах Самарканда у Ибн-Хаукаля сказано, что они «из различных металлов» (من جواهر شتى)⁶², а у Истахри эти металлы даже перечислены: железо, медь, серебро и пр. (من جواهر شتى من حديد)

(ونحاس وفضة وغير ذلك)⁶³.

Из текста прежде всего явствует, что дирхемы мусейяби значительно отличались от дирхемов гитрифи и мухаммади, притом не надписями, а качеством. Только относительно дирхемов мусейяби сказано: они являются тем, что собирают, копят, что составляет запас, сокровище. Следовательно, они были ценнее дирхемов двух других видов. В этих

⁵⁹ Ср., например, данные о Шаше: вместе с рудниками Шаш платил 607 100 дирхемов мусейяби (И б н - Х о р д а д б е х, ВГА, IV, 39), а область без рудников — только 180 000 тех же дирхемов (М а к д и с и, ВГА, III, 339).

⁶⁰ М. Е. М а с с о н. К вопросу о «черных дирхемах». . ., стр. 196.

⁶¹ И б н - Х а у к а л ь, изд. Крамерса, стр. 490.

⁶² И б н - Х а у к а л ь, ВГА, II, 374; изд. Крамерса, стр. 500.

⁶³ И с т а х р и, ВГА, I, 323.

словах содержится ясный намек на то, что дирхемы мусейяби были достаточно высокопробными.

Дирхемы гитрифи и мухаммади названы сплавными, но сплавы эти были различными. В составе сплава дирхемов мухаммади определенно названо серебро. Дирхемы же гитрифи у Ибн-Хаукаля и во всех других источниках X в. и последующего времени характеризуются одинаково: в них серебра вовсе нет, они сплавлены из неценных металлов (табл. 2)⁶⁴.

Таблица 2

Ибн-Фадлан	Истахри, Ибн-Хаукаль (также Якут)	Якуби	Вируни
Сплав из разных сортов меди	Сплав из железа, меди, свинца и других металлов	Дирхемы похожи на медные	Гитрифи не что иное, как фельсы, чеканенные из меди с примесью

Итак, согласно источникам X в., дирхемы мусейяби, мухаммади и гитрифи различались качеством металла, причем мусейяби были самыми высокоценными, а гитрифи — самыми малоценными. В натуре по составу металла монеты «бухар-худатского типа» делятся на три группы: высокопробные серебряные, низкопробные серебряные (биллоновые) и медные⁶⁵. Отождествление напрашивается само: первым соответствуют мусейяби, третьим — гитрифи, следовательно, дирхемы мухаммади — это низкопробные серебряные монеты.

Такое толкование текстов как нельзя лучше подтверждают монетные находки, свидетельствующие о том, что после появления медных дирхемов «бухар-худатского типа» серебряные отнюдь не исчезли из обращения. Нам известны два клада караханидских монет начала XI в., в составе которых оказались серебряные дирхемы этого типа. Один клад найден был в Фергане еще в 1893 г. и определен В. Г. Тизенгаузенем. Он включал 397 серебряных караханидских монет 1002/3—1007/8 гг., одну медную саманидскую 954/5 г. и 13 низкопробных серебряных «бухар-худатских» монет⁶⁶. Наличие в кладе медной монеты середины X в. могло бы намекать на случайный (т. е. не обусловленный денежным обращением начала XI в.) характер появления в кладе и «бухар-худатских» монет, будь этот факт единственным. Но другой клад, происходящий из Ленинабада, имеет аналогичный состав. Мы видели восемь монет этого клада: шесть из них караханидские (с датами 1003/4 и 1005/6 гг.), а две — «бухар-худатские», довольно высокопробные, судя по их внешнему виду⁶⁷.

Оба клада свидетельствуют о том, что серебряные «бухар-худатские» монеты были в обращении еще в начале XI в. Столь существенно отличаясь от прочих «бухар-худатских» монет, сплавленных без серебра или медных, они должны были, вне зависимости от вариантов в надписях, иметь особые названия. Из трех известных нам к ним более всего подходят названия «мусейяби» или «мухаммади». Местонахождение кладов — Ленинабад и Фергана — только подтверждает это, ибо Ходжент

⁶⁴ По Наршахи, в дирхемах гитрифи преобладало серебро, но это известие основано на предании и восходит к концу VIII в., когда «медные» монеты «бухар-худатского типа», за которыми впоследствии закрепилось название «гитрифи», еще не появились.

⁶⁵ М. Е. М а с с о н. К вопросу о «черных дирхемах». . . , стр. 196 и табл. 2.

⁶⁶ Архив ИА АН СССР, ф. 1, 1894 г., д. № 98. В ОАК за 1894 г. (стр. 46, 170—171) определение обобщенное: монеты саманидские, илехские и бухарские.

⁶⁷ Е. А. Д а в и д о в и ч. Новый клад монет Ленинабадского областного историко-краеведческого музея. — Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР, вып. 14, 1958, стр. 193.

в IX—X вв. платил харадж дирхемами мусейяби, а Фергана — дирхемами мухаммади.

До сих пор мы рассматривали вопросы металлического и курсового соотношения между разными видами «бухар-худатских» монет. Только для дирхемов гитрифи известны данные о курсе их относительно серебра. Существенно, что курс этот не оставался неизменным. Сведения, приведенные в «Тарихи-Бухара», общеизвестны: сначала 1 серебряный дирхем был приравнен к 6 гитрифи, затем они сравнялись, в 220/835 г. 100 серебряных дирхемов равнялось 85, а в 522/1128 г. — уже только 70 дирхемам гитрифи.

Совершенно особняком стоит свидетельство Ибн-Фадлана: «Я видел дирхемы в Бухаре разных сортов, в том числе дирхемы, называемые ал-гитрифийа. Они состоят из меди, красной меди и желтой меди. Из них берется количество без веса — сто из них за дирхем серебра»⁶⁸. Если сравнить известие Ибн-Фадлана с данными «Тарихи-Бухара», получится нечто парадоксальное:

1) 835 г. 100 дирхемов серебра=85 дирхемам гитрифи.

2) 921 г. 1 дирхем серебра=100 дирхемам гитрифи (т. е. 100 дирхемов серебра=10 000 дирхемам гитрифи).

3) 1128 г. 100 дирхемов серебра=70 дирхемам гитрифи.

Такое колебание курса совершенно невероятно⁶⁹. Несомненно, в рукописи Ибн-Фадлана имеется искажение, в чем особенно убеждает слово «сто». Вероятно, у Ибн-Фадлана (как и в «Тарихи-Бухара») было приведено отношение дирхемов гитрифи не к 1, а к 100 серебряным дирхемам (это удобно, чтобы не было дробных чисел), но в результате искажения число дирхемов гитрифи выпало вообще, «сотня» же с серебра была перенесена на гитрифи.

Итак, курс гитрифи, резко поднявшись за время с конца VIII до первой половины IX в., оставался на этом высоком уровне и даже обнаруживал определенную тенденцию к дальнейшему повышению.

Нам неизвестно абсолютное отношение между серебряными дирхемами исмаили и дирхемами мусейяби и мухаммади. Ясно только, что курс мухаммади и мусейяби был относительно выше курса гитрифи. Очевидно, курсы трех видов «бухар-худатских» монет по отношению к серебру менялись в какой-то степени параллельно.

Все сказанное можно резюмировать следующим образом. Известные по письменным источникам три вида монет «бухар-худатского типа» обращались по разным курсам, причем курс дирхемов мусейяби был самым высоким, а дирхемов гитрифи — самым низким. Курс каждого вида по отношению к серебру за два столетия изменялся, однако, в какой-то мере параллельно, так что их разнокурсность сохранялась. В основе этой разнокурсности трех видов «бухар-худатских» монет лежала разница в их металле. Эта же разница в первую очередь была и критерием практического различения монет этих трех видов. Дирхемами мусейяби и мухаммади вплоть до начала XI в. (когда они встречаются вкладах с караханидскими монетами) назывались серебряные монеты (мусейяби — самые высокопробные из обращающихся, мухаммади — более низкопробные), вне зависимости от надписей на них. Дирхемами гитрифи в это время назывались совершенно «медноподобные» монеты, чеканенные из меди или малоценных сплавов. Представляется, что в первой четверти IX в. уже

⁶⁸ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана. . . , стр. 122. Ибн-Фадлан упоминает еще два вида «дирхемов», но это не дирхемы, а фельсы (см. ниже).

⁶⁹ Если на минуту допустить возможность такого невероятного падения курса гитрифи, следует предположить, что цифра хараджа Бухары должна была резко возрасти. Между тем Макдиси для последней четверти X в. дает примерно ту же цифру, что Ибн-Хордадбех для 826—828 гг., а в «Тарихи-Бухара» для всего времени Саманидов названа одна цифра.

оформилась разница в составе металла монет трех видов и закрепились за ними разные названия. Это, конечно, не исключает некоторых качественных изменений металла внутри монет каждого вида впоследствии, однако с сохранением «межвидовой» разницы.

Какие факты противоречат на первый взгляд всем этим выводам?

1. Макдиси и Гардизи не делают различия между тремя видами «бухар-худатских» монет, характеризуя их обобщенно. Макдиси сообщает, что они черные — практически, как фельсы; по Гардизи, они — из сплава меди и свинца⁷⁰. Не исключено, что информация Макдиси не была полной и данные о «черных» дирхемах, количественно превалировавших, он механически распространил на все три вида. Если учесть, что Макдиси отделяет от Ибн-Хаукаля не такой уж значительный отрезок времени; что Ибн-Хаукаль дает дирхемам мусейяби особую характеристику; что серебряные монеты этого типа практически еще обращались в X в., — это предположение покажется очень правдоподобным. Что касается Гардизи, то ко времени написания его труда (середина XI в.) серебряные монеты «бухар-худатского типа» (т. е. монеты, которые мы считаем дирхемами мусейяби и мухаммади) действительно должны были полностью исчезнуть из обращения, что было обусловлено общими закономерностями развития так называемого серебряного кризиса в Средней Азии⁷¹. Дирхемы же медные или из неценных сплавов, отвечающие специфике монетного чекана в XI—XII вв., сохранились во времена Гардизи и гораздо позже. Возможно, процесс исчезновения дирхемов мусейяби начался раньше, еще в последней четверти X в. (низкопробные же мухаммадийские дирхемы легко чернели), что и упростило дезинформацию Макдиси. На сокращение количества дирхемов мусейяби и области их распространения намекает исчисление налога Усрушаны, когда-то взимавшегося дирхемами мусейяби и мухаммади, но ко времени Макдиси — только дирхемами мухаммади, почему Макдиси и приплюсовал его к хараджу Согда.

2. Другое возражение — отсутствие серебряных «бухар-худатских» монет в кладах саманидского серебра X в., находимых в Европе, — снимается еще легче. Уже с IX в. курс гитрифи был выше курса серебряных дирхемов исмаили. Дирхемы гитрифи, по нашей концепции, были самыми низкокурсными среди «бухар-худатских» монет трех видов. Следовательно, вывозить серебряные «бухар-худатские» дирхемы вместе с серебряными аббасидскими, тахиридскими и саманидскими было просто невыгодно.

3. Согласно письменным источникам, дирхемы гитрифи в IX—X вв. обращались только в Бухаре и в особых местностях за Аму-Дарьей, практически же «медноподобные» монеты «бухар-худатского типа» встречаются в виде отдельных экземпляров и целыми кладами далеко за пределами этой ограниченной территории. Но в этом вопросе нужно просто отрешиться от хронологической предвзятости. Есть ли основания относить эти находки именно к саманидскому времени? Ведь «бухар-худатские» монеты чеканились и обращались после Саманидов еще два столетия, причем при Караханидах были только «медноподобные» монеты этого типа. Следовательно, можно заключить, что основная масса такого рода находок принадлежит отнюдь не саманидскому времени, а XI—XII вв.

4. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЯ МЕДНЫХ ФЕЛЬСОВ

Медные саманидские монеты довольно стандартны по содержанию и расположению надписей. Основная их масса (вне зависимости от места выпуска) чеканена от имени главы династии с титулом «эмир».

⁷⁰ Макдиси, ВГА, III, 340: Гардизи см. в кн.: W. Barthold. *Turkestan down to the mongol invasion*. London, 1928, стр. 205.

⁷¹ Е. А. Давидович. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв. — НЭ, II, 1960, стр. 42 сл.

Некоторое количество известных сейчас медных монет чеканено от имени удельных владетелей, иногда с почетным упоминанием главы династии в качестве сюзерена. Выпускные сведения на них размещены в круговой легенде лицевой стороны. В этой же надписи стоит слово «фельс». Фельсами называют медные монеты Ибн-Хаукаль: *ويتبايعون بالفلس* (А торгуют они на фельсы)⁷².

В конце главы о чеканке в Бухаре монет в «Тарихи-Бухара» Наршахи приведены примечательные строки: *وہبخارا عدلی او پیشیز زدہ اند ہر کس از آل سامان واز پادشاہن دیگر بعد از آل سامان ذکر آن کردہ نشد چون* (В Бухаре каждый из Саманидов и из других царей после Саманидов чеканил много «адли» и «пашиз». Это не упоминается, так как в этом не было ничего удивительного)⁷³.

П. И. Лерх в переводе этого отрывка на месте слов «адли» и «пашиз» поставил многоточие, а в примечании оговорил, что правильное чтение ему не ясно. Однако он считал возможным предположить, что «здесь говорится о тех монетах серебряных, которые нам давно известны как саманидские диргеми и диргеми Илеков или ханов Караханидов»⁷⁴.

Н. Лыкошин по существу также не перевел эту фразу и лишь обобщенно пересказал ее: «В Бухаре чеканили много мелкой разменной монеты»⁷⁵.

Р. Н. Фрай, переводя эти строки, подчеркивает, что речь идет о медных монетах: «Many [of the copper coins called] 'adli (and) pishiz (=fals) were struck in Bukhara». В подтверждение такого толкования текста он приводит некоторые данные относительно значения обоих терминов. «Адли» — монета малой ценности, очевидно, сплавная (alloy), но ее точная ценность неизвестна и со знакомыми нам монетами она не идентифицирована. Р. Н. Фрай упоминает также хорезмийскую монету XIII в. (не оговаривая, однако, ее металл) под названием *عدلی* и ссылается на сообщении Зеки Валеди Тогана о том, что в Хорезме было даже две группы монет (металл опять не назван) с близкими названиями: 'adli и 'adalī. «Пашиз», по словам Р. Н. Фрая, — это другая монетка малой ценности и к тому же маленького размера. Одно из значений этого термина — какая-то часть данака (4 каких-то его доли), которая по-арабски называется «фельс»⁷⁶.

Понятие «адли» уточняет среднеазиатский материал XV в., когда этот термин служил наименованием именно медных монет. В вакуфной грамоте 894/1488—9 г.⁷⁷ слово это фигурирует в той же форме, что и у Наршахи: *عدلی*. Приведено оно при перечислении денежных выплат лицам, обслуживающим объект одарения. В надписях самих медных монет и в надчеканках на медных монетах XV в. часто встречается слово *عدلیة*. Это женский род относительного прилагательного *عدلی* после неправильного множественного числа.

При Улугбеке и несколько позже, как нам удалось установить, словом «адли» именовался основной медный номинал. Однако затем основной медный номинал получил название «динар». Некоторое время оба термина — «адли» и «динар» — сосуществовали, но имели разное значение: «адли» стал наименованием медной монеты меньшего достоинства⁷⁸.

⁷² И б н - Х а у к а л ь, изд. Крамерса, стр. 490.

⁷³ Н а р ш а х и, Тегеранское изд., стр. 45. Р. Н. Фрай (Notes. . . , стр. 48) между словами «адли» и «пашиз» вставил союз «и». Союз «и» имеется в литографированном тексте Наршахи (Новая Бухара, 1904, стр. 46).

⁷⁴ П. И. Л е р х. Монеты Бухар-худатов, стр. 68.

⁷⁵ М у х а м м а д Н а р ш а х и. История Бухары. Перев. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 50.

⁷⁶ R. N. F r a y e. Notes. . . , стр. 48, 49, прим. 17.

⁷⁷ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 323, № 1202/1.

⁷⁸ Е. А. Д а в и д о в и ч. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека. — Сб. «Из истории эпохи Улугбека». Ташкент, 1965.

Позднейшие аналогии очень убедительно показывают, что под монетами «адли», а следовательно, и «пашиз» в тексте «Тарихи-Бухара» подразумевались именно медные монеты. Это в свою очередь позволяет заключить, что при Саманидах в Бухаре выпускались медные монеты двух разных достоинств.

В музеях хранится довольно много медных саманидских монет, их часто находят на всей территории Средней Азии. Не раз уже они привлекали внимание исследователей как источник для характеристики и уточнения разных вопросов политической и социальной истории Средней Азии в IX—X вв. Но изучением закономерностей обращения медных монет, в том числе и вопросом о номиналах в саманидском медном чекане, никто еще не занимался.

Изучение медных монет XV—XVI вв. позволило нам установить, что для медных монет Средней Азии в этот период назначался столь же определенный вес, как для золотых и серебряных (иногда ремедиум, правда, был шире). Медные монеты разного достоинства различались размерами, часто — внешним видом и обязательно — соответственно кратным весом. Изучение номиналов предполагает анализ весовых данных и размера монет. К сожалению, метрологическая сторона медных монет саманидского чекана совершенно еще не исследована, в каталогах их вес (как и других медных монет) часто вовсе не упомянут. Мы обработали, взвесили и обмерили медные саманидские монеты Государственного исторического музея и воспользовались весовыми данными медных саманидских монет Эрмитажа.

Основная масса медных саманидских монет — кружки довольно правильной формы и достаточно стандартных размеров (диаметр чаще всего в пределах 22—25 мм). От этой группы резко отличаются мелкие округлые монетки диаметром 15—19 мм, имеющие низкий вес: обычно больше 1 г, но меньше 2 г ⁷⁹. Не уточняя пока вопрос о весовой кратности монет этих групп, можно уверенно говорить о монетах минимум двух разных достоинств, легко различаемых практически по весу, размеру и внешнему облику.

В круговых надписях на маленьких монетках, так же как и на больших, есть слово «ал-фельс». Следовательно, оно в то время не было наименованием монет какого-либо определенного достоинства, а прилагалось к любой медной монете и обозначало только, что эта монета — медная. Два термина в тексте Наршахи, следовательно, и были собственными наименованиями монет двух разных достоинств. Напрашивается вывод, что эти два названия соответствуют только что выявленным двум группам монет разных достоинств. Порядок упоминания двух названий намекает на то, что «адли» — это более крупный номинал, соответствующий группе крупных саманидских монет, а «пашиз» — более мелкий номинал, соответствующий группе маленьких монеток.

Один из основных вопросов обращения медных монет — их отношение к валютному металлу, к серебряным монетам. Известно, например, что саманидские фельсы свободно обменивались на серебряные дирхемы. Однако норма обмена до сих пор не была установлена. Выяснить эту норму позволяет известие Ибн-Фадлана о деньгах Бухары, хотя на первый взгляд оно никакого отношения к бухарским фельсам не имеет.

После описания дирхемов гитрифи Ибн-Фадлан добавляет: *ولهم دراهم* *واخذ صفر وحده اربعين منها بدائق ولهم ايضا دراهم صفر يقال لها السمرقنديه ستة منها بدائق* (У них есть (также) дирхемы, (для которых) взята только

⁷⁹ В Музее истории АН Узбекской ССР хранится небольшой клад таких монет (инв. № 91/377). Вес пяти целых экземпляров этого клада 0,64; 0,69; 0,79; 0,92; 1,26 г. На одном экземпляре четко читается наименование монетного двора — Самарканд. Из собственных имен читается имя эмира Мансура бен Нуха.

одна желтая медь. Сорок из них за данак. У них также есть дирхемы из желтой меди, называемые самаркандскими. Шесть из них за данак)⁸⁰.

Детального анализа этого отрывка в литературе как будто не существует. Единственная известная нам попытка определить названные Ибн-Фадланом дирхемы из желтой меди принадлежит М. Е. Массону: «Может быть, эти самаркандские дирхемы могут быть отождествлены с теми дирхемами исмаилия *الاسماعيلية*, о которых пишут Истахри и Ибн-Хаукаль, отличавшие их от ходивших тогда одновременно в Самарканде черных дирхемов мухаммади»⁸¹. Выше, в разделе о серебряных саманидских монетах, вопрос о дирхемах исмаили уже рассмотрен и показано, что так назывались именно серебряные саманидские дирхемы. Таким образом, упомянутые Ибн-Фадланом два вида «дирхемов» из желтой меди ничего общего не имеют с дирхемами исмаили других источников. Что же это за монеты?

Для удобства дальнейших сопоставлений указанные Ибн-Фадланом отношения к данаку серебра следует перевести в дирхемы серебра. Данак — шестая часть чего-либо, в том числе и серебряного дирхема.

Так как дирхемы-монеты в Саманидском государстве того времени равнялись весовому дирхему серебра, упомянутый Ибн-Фадланом данак следует считать шестой частью чеканенного саманидского дирхема исмаили⁸². Следовательно, один серебряный дирхем исмаили, согласно Ибн-Фадлану, равен 240 местным, бухарским «дирхемам» из желтой меди и 36 самаркандским «дирхемам» из такой же желтой меди.

Если бы курсовая разница двух групп монет из одного и того же металла была небольшой, ее можно было бы объяснить разным весом этих монет или их разногородным происхождением. Правда, в последнем случае следовало бы ожидать, что курс местных, бухарских монет окажется не ниже, а выше курса иногородних. Но такая колоссальная разница не может быть вызвана ни той, ни другой причиной, и поэтому остается предположить, что одна из двух цифр ошибочна.

К этому же предположению приводят некоторые аналогии. От мысли, что в первом случае отношение монет передает отношение стоимостей двух металлов, заставляет отказаться сама цифра 240; такого отношения стоимостей между серебром и медью в средневековой Средней Азии не могло быть. Кроме того, отношение серебряных и медных монет, судя по всем известным примерам, в Средней Азии (и во всем халифате) ни в коей мере не было простым повторением отношения стоимости этих двух металлов. Первое могло лишь соответствовать второму в пропорционально уменьшенном виде. Конкретно отношение основных серебряных и медных номиналов в разное время колебалось около 20—50.

В халифате, например, отношение дирхемов к фельсам часто менялось: иногда оно достигало 48, иногда падало до 25⁸³.

В Хорезме XIV в. серебряный дирхем равнялся 40 медным пулам при одинаковом примерно весе серебряных и медных монет⁸⁴.

⁸⁰ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана. . . , стр. 122—123 (перевод) и стр. 342 (текст, л. 198а).

⁸¹ М. Е. М а с с о н. К вопросу о «черных дирхемах». . . , стр. 189—190. В пересказе текста Ибн-Фадлана М. Е. Массон допустил случайную ошибку: 40 дирхемов из желтой меди у него «равны одному дирхему», тогда как в тексте и переводе упоминают не дирхем, а данак.

⁸² Считать в данном случае данак шестой частью мискаля нет оснований, ибо тогда между медными «дирхемами» Ибн-Фадлана и серебряными дирхемами исмаили получилось бы дробное отношение, что не отвечает требованиям практики в денежном обращении.

⁸³ В. Г. Тизенгаузен. Монеты Восточного халифата, стр. XV, прим. 3; А. G r o h m a n n. Einführung und Chrestomatie. . . , стр. 192.

⁸⁴ Г. А. Федоров-Давыдов. Монетная система Хорезма XIV в. — СА, 1957, № 2, стр. 245.

В конце XV в. одномискальная тимуридская серебряная теньга равнялась 24 медным динарам. При Шейбанидах одномискальная серебряная теньга равнялась 20—22 динарам. В последней четверти XVI в. Шейбанид Абдулла-хан II изменил это отношение, приравняв одномискальную серебряную теньгу к 30 медным динарам⁸⁵.

При Джанидах курсовая разница между «старыми» и «новыми» теньгами была очень велика, причем «новая» теньга по-прежнему равнялась 30 медным динарам, а «старая» — меньшему их числу (пропорционально пробе серебра)⁸⁶.

С конца XVIII в. и особенно для XIX в. сведения такого рода многочисленны. Приведем некоторые из них до середины XIX в. По сообщению Ф. Ефремова (1774—1784), в Бухаре серебряная теньга (в которой около половины меди) равна 10 медным монетам-карапулам⁸⁷. По данным Т. Бурнашева на 1795 г., в Бухаре серебряная теньга равнялась 30 русским копейкам, а медный пул — полтора копейкам⁸⁸. Следовательно, теньга была равна 20 пулам. Е. Эверсман, посетивший Бухару примерно через 25 лет, отметил, что серебряная теньга равна 54—56 пулам⁸⁹. Сведения Н. Ханькова и К. Бутенева для Бухары начала 40-х годов XIX в. совпадают: теньга равна 44 пулам⁹⁰.

В Кокандском ханстве в 1830 г. серебряная теньга равнялась 76 пулам⁹¹. В анонимном обзоре Кокандского ханства (1841 г.) сообщается, что медный пул чеканят небрежно, постоянно меняют его курс и ценность, так что отношение к теньге постоянно меняется: было 21, потом 52—53, наконец, упало до 140 и опять стало повышаться⁹².

Близкие цифры можно привести и для Хивинского ханства. Так, по Н. Муравьеву, в 1819—1820 гг. теньга делилась на 40 карапул⁹³. Для 30-х годов XIX в. есть известие М. И. Иванина о том, что теньга в Хиве «ходит от 35 до 50 пул»⁹⁴. В 1842 г. ак-теньга была равна 37,5 медным пулам, а кара-теньга — 25 медным пулам⁹⁵.

Итак, отношение между серебряными и медными монетами во все времена колебалось чаще всего в пределах 20—50, изредка поднималось выше, но никогда не достигало 240, даже в последние периоды среднеазиатской чеканки, когда вместо хорошо оформленной медной монеты высокого веса стали чеканить мелкие и грубые пулы, являвшиеся самым низким номиналом в денежной системе.

Следовательно, указанное Ибн-Фадланом отношение между серебряным данаком и бухарскими «дирхемами» из желтой меди явно ошибочно. И характер ошибки легко понять: в процессе переделок и переписывания арабское слово اربع (четыре) превратилось в اربعين (сорок).

⁸⁵ Е. А. Д а в и д о в и ч. К вопросу о курсе и обращении серебряных монет в государстве Шейбанидов (XVI в.). — Труды САГУ, вып. XI. Ташкент, 1950, стр. 150 сл.

⁸⁶ Е. А. Д а в и д о в и ч. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., стр. 82—93.

⁸⁷ Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию. Казань, 1811, стр. 70.

⁸⁸ Сибирский вестник. СПб., 1818, стр. 82.

⁸⁹ E. E v e r s m a n. Reise von Ogenburg nach Buchara. Berlin, 1823, стр. 108.

⁹⁰ К. Б у т е н е в. Монетное дело в Бухарии. — Горный журнал, 1842, ч. IV, кн. XI, стр. 154; Н. В. Х а н ь к о в. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 114.

⁹¹ Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина (1830 г.) с предисловием П. Савельева. — Вестник РГО, т. 6, ч. 18, 1856, стр. 278.

⁹² Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. — Зап. РГО, кн. III, 1849, стр. 211.

⁹³ Н. М у р а в ь е в. Путешествие в Туркмению и Хиву, ч. II. М., 1822, стр. 76.

⁹⁴ М. И. И в а н и н. Хива и река Аму-Дарья. СПб., 1873, стр. 45.

⁹⁵ Г. И. Д а н и л е в с к и й. Описание Хивинского ханства. — Зап. РГО, кн. V, 1851, стр. 139.

Признание этой ошибки существенно меняет дело. Получается, что в действительности серебряный данак равнялся четырем бухарским «дирхемам» и шести самаркандским «дирхемам» из желтой меди. Отсюда, серебряный дирхем равен соответственно 24 и 36 монетам из желтой меди. Обе цифры находятся в пределах самых нормальных для средневековой Средней Азии отношений между медными и серебряными монетами. При этом самаркандские медные монеты по курсу равняются $\frac{2}{3}$ бухарских медных монет. Такая разница между разнородными монетами вполне понятна и объяснима: иногородние монеты шли по более низкому курсу. Детальное изучение всех бухарских и самаркандских медных монет покажет, опиралась ли эта курсовая разница на разницу веса или была декретированной.

Все сказанное позволяет сделать еще два вывода. Упомянутые Ибн-Фадланом бухарские и самаркандские монеты из желтой меди, названные им «дирхемами»⁹⁶, на самом деле являются медными фельсами. Медные фельсы Бухары двух номиналов Наршахи назвал «адли» и «пашпэ». Надо думать, что Ибн-Фадлана осведомили о наиболее распространенных видах монет, т. е. его бухарский «дирхем» из желтой меди — это основной медный номинал, «адли». Отсюда следует, что в первой четверти X в. 1 серебряный дирхем исмаили в Бухаре равнялся 24 медным фельсам «адли».

* * *

В заключение, не повторяя всех наблюдений и выводов, изложенных в тексте, подчеркнем лишь некоторые общие явления и закономерности обращения монет в Мавераннахре при Саманидах.

1. Золотые монеты в государстве Саманидов чеканились не в малом количестве, но преимущественно за пределами Средней Азии. Среднеазиатские монетные дворы выпускали золотые динары эпизодически. Функция золотых монет как средства обращения была наименее развитой. Все же иногда золотые динары вторгались в торговый оборот, но вторжение это имело место не в «монетной форме»: сопоставление свидетельств письменных источников с весовым ремедиумом в чекане золота убеждает в том, что золотые монеты принимались на вес. Другие функции, о которых можно судить по нумизматическим данным (функции сокровища и мировых денег), были более присущи саманидским золотым динарам. Эта характеристика золотых динаров имеет значение для истории денежного обращения всей Средней Азии. Разница в положении золотых монет в Бухаре и Самарканде, засвидетельствованная письменными источниками, оказалась мнимой (текст о динарах Самарканда в источниках, как стало ясно, искажен).

2. Саманидские серебряные монеты общегосударственного образца назывались дирхемами исмаили. Они чеканились первоначально по определенному весовому стандарту с небольшим ремедиумом, так что обращались поштучно. Впоследствии монетная стопа меняется, ремедиум чрезвычайно расширяется, правительство снимает трудоемкую операцию юстировки монет при чеканке, дирхеми исмаили уже не могут обращаться поштучно, они, подобно золоту, принимаются на вес. Этим изменениям веса и положения дирхемов исмаили хронологически примерно соответствуют и изменения их пробы. Ранняя группа дирхемов исмаили чеканена по высокой указной пробе (очевидно, 92,5% чистого серебра) с относительно небольшими дозволенными колебаниями. Проба эта сохранялась некоторое время после того, как уже произошли весовые изменения.

⁹⁶ Причина этого вполне понятна: ведь дирхеми гитрифи также были из низкопробного сплава, так что Ибн-Фадлан мог с полным основанием назвать другие виды медных монет «дирхемами».

Затем проба монет также была снижена, ремедиум пробы расширился и резко увеличилось число случайных отклонений пробы за пределы ремедиума.

3. Три вида монет «бухар-худатского типа», именуемых в источниках дирхемами гитрифи, мухаммади и мусейяби, к концу первой четверти IX в. и в последующее время различались не надписями и мелкими деталями изображений, а составом металла и курсом: дирхефы мусейяби были самыми высокопробными среди монет этих трех видов, дирхефы мухаммади чеканились из низкопробного серебра, а дирхефы гитрифи — из сплава неценных металлов, т. е. были совершенно «медноподобными». Соответственно различался и их курс.

4. Сфере серебряного обращения соответствовали следующие монеты: серебряные саманидские дирхефы исмаили, серебряные дирхефы мусейяби «бухар-худатского типа», низкопробные серебряные дирхефы мухаммади «бухар-худатского типа» и медные (или сплавные из неценных металлов) дирхефы гитрифи «бухар-худатского типа». Все эти виды дирхефов были в определенном курсовом отношении друг к другу, причем курс трех видов дирхефов «бухар-худатского типа» (в том числе и курс медных гитрифов) был выше курса серебряных дирхефов исмаили.

5. Серебряные саманидские дирхефы исмаили обслуживали главным образом внешнюю торговлю, и поэтому их находят преимущественно вне пределов Средней Азии. Внутреннюю среднеазиатскую торговлю в сфере обращения серебра обслуживали монеты «бухар-худатского типа» трех видов. Они, как правило, не выходили за пределы Средней Азии, что объясняется следующими причинами. Дирхефы гитрифи, чеканенные из меди (или сплава неценных металлов), не могли выполнять функцию мировых денег: их высокий принудительный курс был только внутригосударственным. Низкопробные серебряные дирхефы мусейяби могли бы выходить за пределы Средней Азии. Но их высокий внутригосударственный курс был принудительным, гораздо выше стоимости заключенного в них металла, поэтому вывозить такие монеты за пределы Средней Азии не имело никакого смысла.

Связь между двумя группами монет, обслуживавших в сфере серебра преимущественно внешнюю (дирхефы исмаили) или только внутреннюю (дирхефы мусейяби, мухаммади и гитрифи) торговлю, осуществлялась через свободный взаимный обмен.

6. Серебряные саманидские дирхефы исмаили играли известную роль и во внутренней торговле, хотя источники прямо подчеркивают, что им предпочитали другие виды дирхефов. Тем не менее функция средства обращения не была чужда дирхефам исмаили. Существенно, что место дирхефов исмаили во внутригосударственной торговле не было одинаковым всегда и повсюду. Переход (примерно со второй трети X в.) от штучного приема этих дирхефов к весовому свидетельствует о том, что значение дирхефов исмаили как средства внутригосударственного обращения весьма уменьшилось. Территориальная разница также заметна: судя по описанию письменных источников, дирхефы исмаили имели большее значение, например, в Самарканде, что не могло не быть связано с интенсивным выпуском их именно на самаркандском монетном дворе. В Шаше — Илаке дирхефы исмаили также обслуживали внутреннюю торговлю чаще и больше, чем в Бухаре.

7. В сфере мелкой торговли господствовали медные монеты. В Бухаре (судя по известиям письменных источников и самим монетам) чеканили медные монеты двух достоинств: основной номинал, именуемый «адли», и его кратную, именуемую «пашиз». В Самарканде также (судя по самим монетам) обращались медные фельсы двух достоинств. Медные фельсы стояли в определенных отношениях к дирхефам и свободно на них раз-

менивались. В 921 г., например, серебряный дирхем в Бухаре равнялся 24 медным бухарским фельсам.

8. Регистрация монетных находок показывает, что медные монеты выходили за пределы выпустившего их города и широко обслуживали разные рынки Средней Азии. Однако, как это следует из анализа письменных свидетельств, они не имели равного общегосударственного обращения вне зависимости от места выпуска: иногородние медные монеты принимались по более низкому курсу. Например, в Бухаре в 921 г. на серебряный дирхем шло 24 бухарских и 36 самаркандских фельсов, т. е. самаркандские фельсы равнялись по покупательной способности лишь $\frac{2}{3}$ бухарских.

9. По всем имеющимся сейчас данным видно, что территория Средней Азии при Саманидах, несмотря на большие торговые и прочие связи между областями, не представляла в экономическом отношении единого целого. Четко выделяются экономические области со своими рынками. Областные рынки при всех межобластных связях характеризуются своими специфическими особенностями вплоть до особого состава монет. Правительство вынуждено было считаться с этими особенностями и традициями. Особенно четко по монетным данным выделяются областные рынки Бухары, Самарканда и Шаха: у них обращались разные серебряные и медные монеты.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХИМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЕРЕБРЯНЫХ ДИРХЕМОВ ИСМАИЛИ *

Инв. №	Имя государя	Монетный двор	Дата выпуска (гг. х.)	Количество в %		
				серебра	меди	свинца
68	Исмаил	Самарканд	282	100	—	—
87	»	Шаш	283	100	—	—
1297	Ахмад	Шаш	295	100	—	—
22	»	Самарканд	296	96,06	1,59	2,35
1365	»	Самарканд	296	100	—	—
1493	»	Шаш	298	94,39	4,77	0,94
1559	»	Самарканд	299	93,21	4,30	2,49
1614	»	Самарканд	300	95,02	2,58	2,40
1830	Наср II	Самарканд	302	95,54	4,21	0,25
1795	»	Шаш	302	59,63	2,51	37,80
1897	»	Самарканд	303	93,80	2,57	3,63
1945	»	Шаш	304	59,39	2,54	38,07
2027	»	Самарканд	305	94,62	5,14	0,24
2005	»	Шаш	305	94,05	1,50	4,45
2062	»	Самарканд	306	92,28	3,25	4,47
2114	»	Шаш	308	94,83	4,02	1,15
2154	»	Самарканд	309	90,95	6,25	2,80
2187	»	Самарканд	310	90,73	8,47	1,80
2175	»	Шаш	310	93,07	3,27	3,66
2210	»	Самарканд	311	100	—	—
2211	»	Самарканд	311	87,42	8,75	3,83
2200	»	Шаш	311	92,91	3,42	3,66
2237	»	Самарканд	312	91,18	5,44	3,38

* Монеты ГИМ. Отобраны для анализов и определены С. А. Яниной. Анализы сделаны лаборантом Г. М. Калашниновой в Ин-те химии АН Таджикской ССР.

Инв. №	Имя государя	Монетный двор	Дата выпуска (гг. х.)	Количество в %		
				серебра	меди	свинца
2220	Наср II	Шаш	312	91,04	5,77	3,19
2258	»	Самарканд	313	92,37	4,19	3,44
28	»	Самарканд	313	93,55	4,21	2,23
2486	»	Шаш	313	91,24	4,65	4,11
2250	»	Шаш	313	58,73	34,99	6,27
2302	»	Самарканд	314	91,00	5,59	3,40
30	»	Шаш	314 ²	93,16	2,88	4,95
2273	»	Шаш	314	93,80	4,52	1,67
2380	»	Самарканд	316	94,26	4,41	1,33
2376	»	Шаш	316	100	—	—
2363	»	Шаш	316	94,31	5,05	0,64
2383	»	Шаш	317	76,82	5,12	18,05
2464	»	Самарканд	318	91,95	3,63	4,35
2422	»	Шаш	318	91,48	4,95	3,56
2500	»	Самарканд	319	92,31	0,56	7,13
35	»	Самарканд	320	93,18	4,93	1,88
2536	»	Самарканд	320	92,35	4,14	3,50
2513	»	Шаш	320	96,11	3,78	0,11
2572	»	Самарканд	321	92,42	3,40	4,18
2550	»	Шаш	321	90,03	3,01	6,96
2604	»	Самарканд	322	99,81	—	0,19
2602	»	Самарканд	322	92,13	2,95	4,91
2592	»	Шаш	322	90,88	4,93	4,19
2644	»	Самарканд	323	81,57	2,83	15,60
2616	»	Шаш ?	323	91,69	6,04	2,27
2711	»	Самарканд	324	90,41	3,20	6,38
2718	»	Самарканд	324	91,26	3,61	5,13
2670	»	Шаш	324	98,04	1,96	—
2677	»	Шаш	324	90,93	5,60	3,46
2772	»	Самарканд	325	89,45	3,03	7,52
2780	»	Самарканд	325	88,83	5,36	5,80
45	»	Самарканд	325	91,62	6,53	1,84
2811	»	Самарканд	326	94,25	2,96	2,79
2799	»	Шаш	326	91,01	3,68	6,31
47	»	Самарканд	328	92,43	4,13	3,44
48	»	Самарканд	329	90,40	2,66	6,94
50	»	Шаш	329	90,20	3,82	5,98
2952	»	Самарканд	331	95,43	4,50	—
2940	»	Шаш	331	90,86	1,64	7,50
53	»	Шаш	331	90,67	2,20	7,12
39	»	Шаш	332	95,11	3,87	1,02
73	Нух I	Бухара	332	85,84	6,75	7,39
3643	»	Самарканд	332	90,43	4,94	4,60
3653	»	Шаш	332	74,07	11,41	14,50
3717	»	Бухара	335	80,93	7,90	11,15
75a	»	Шаш?	335	89,04	7,65	3,30
76	»	Бухара	336	86,39	6,91	6,70
81	»	Самарканд	338	87,48	3,72	8,80
86	»	Шаш	341	85,72	3,67	10,06

Инв. №	Имя государя	Монетный двор	Дата выпуска (гг. х.)	Количество в %		
				серебра	меди	свинца
3907	Нух I	Шаш	341	64,52	14,02	21,45
89	»	Бухара	343	91,10	6,18	2,70
90	»	(Бухара)	343	90,19	3,90	5,91
91	»	Шаш	343	84,36	5,19	10,45
94	»	Самарканд	—	83,19	11,95	4,85
4139	Абдулмалик	Самарканд	344	89,68	6,17	4,15
110	»	Самарканд	344	89,37	4,52	6,10
112	»	Шаш	347	82,88	11,35	5,77
4181	»	Бухара	349	87,76	12,16	—
113	»	(Самарканд)	349	84,48	11,68	3,83
117	»	Шаш	349	59,82	34,83	5,34
124	»	Бухара	350	85,86	1,28	2,84
4196	»	Шаш	350	100	—	—
125	»	Бухара	—	81,31	15,21	3,48
4229	Мансур I	Бухара	351	64,61	12,31	23,08
4231	»	Шаш	351	84,25	10,97	4,78
143	»	Бухара	352	74,59	22,33	3,08
145	»	Бухара	353	73,32	25,26	1,42
147	»	Самарканд	353	76,87	10,76	12,35
4265	»	Самарканд	354	95,79	4,21	—
156	»	Шаш	354	70,93	47,41	1,65
165	»	Бухара	357	87,67	7,38	4,94
167	»	Самарканд	357	89,47	10,24	0,29
177	»	(Шаш)	359	90,29	6,89	2,82
185	»	Бухара	361	91,15	6,89	1,96
187	»	Самарканд	36. . .	90,83	9,01	0,16
186	»	Самарканд	—	76,74	7,41	15,85
189	»	Шаш	—	86,98	11,06	1,96
4475	Нух II	Бухара	366	85,58	12,39	2,03
4631	»	Шаш	369	93,20	6,80	—
4680	»	Самарканд	371	95,13	4,84	—
1003	Мансур	—	—	89,68	6,48	3,84

Н. Ф. КОТЛЯР

ЛЕВАНТИЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ ЛЬВОВА XIV—XV вв.
ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Торговля европейских стран с Востоком, которую принято называть левантийской, имеет многовековую историю. Однако вплоть до конца XI в. она носила спорадический характер да и оперировала весьма незначительным количеством товаров.

Положение изменилось с началом крестовых походов, в результате которых европейское купечество проникло на восточные рынки. Особенно преуспели итальянские торговые города — Венеция и Генуя. Эти признанные лидеры не только итальянской, но и европейской торговли, благодаря военным успехам крестоносцев, основали свои фактории во многих странах Востока. Вследствие усилий итальянского, а также испанского и французского купечества в период XI—XV вв. главной артерией мировой торговли стало Средиземное море. Прибрежные города вели крупную посредническую торговлю, снабжая пряностями, шелками, жемчугом и другими товарами восточного происхождения Англию, Францию, Северную Германию и прочие страны Западной, Центральной и Северной Европы.

Но эти страны получали восточные товары не только из средиземноморских городов. В конце XIII—начале XIV в. возникает иной путь: по Черному морю и затем через западнорусские земли, Польшу и Пруссию. Итальянские купцы сумели пробиться и туда, куда не дотянулись лапы крестоносцев, — на северное побережье Черного моря. Преимущества на Черном море добились генуэзцы, уступавшие венецианцам на Средиземном. Используя стремление Михаила Палеолога вернуть захваченный крестоносцами Константинополь, генуэзцы пообещали ему свой флот для этого предприятия, что позволило им потеснить венецианского конкурента, господствовавшего в черноморском бассейне на протяжении 179 лет (с 1082 по 1261 г.). В тексте Нимфейского договора, заключенного 13 марта 1261 г. между Византией и Генуей, для последней был особенно важен пункт о Черном море. Генуэзцы добились не только права беспопытной торговли на Черном море, но и запрета входить в него прочим итальянским купцам¹. Это позволило генуэзцам овладеть всей черноморской торговлей и создать систему колоний в Северном Причерноморье. Они основали крупные торговые фактории, прежде всего Кафу в Крыму, овладели ключевым торговым пунктом в устье Днестра — Белгородом. Венецианцы едва удерживались в Крыму, где их основная колония Сурож (Судак) находилась в зависимости от татар и не могла конкурировать с генуэзскими городами.

¹ F. Dölger. Regesten. 1204—1282. München—Berlin, 1932, № 1890.

По сей день в литературе живо мнение, что вплоть до XIV в. западно-славянские земли не принимали участие в левантийской торговле. Видный исследователь средневековых торговых связей С. Кутшеба, например, считал, что Польша в XI—XIII вв. по причине слабо развитой цивилизации не испытывала потребности в товарах Востока, большую часть которых составляли предметы роскоши². Он основывался на немногочисленных свидетельствах средневековых хронистов: в частности, польский автор XII в. Мартин Галл писал, что иностранные купцы лишь по дороге на Русь проходили через Польшу³.

Уже со второй половины XIII в. активно включились в левантийскую торговлю западнорусские города: червонорусские, волинские и подольские. Вначале крупнейшим центром не только восточной, но и западной торговли на западнорусских землях был город Владимир. В Ипатьевской летописи под 1289 г. упоминаются среди населения Владимира люди самого различного происхождения: немцы и новгородцы, сурожцы и евреи⁴, что позволяет судить о разнообразных торговых связях города. Ведь новгородцы и немцы представляли торговлю Севера и Запада, еврейское же население средневековых городов занималось, как правило, торговлей восточными товарами, обладая соответствующими знаниями и связями. Под сурожцами следует понимать не только из Сурожа (Судака), но вообще из итальянских черноморских колоний.

Со второй половины XIV в. главенствующее положение в торговле западнорусских городов занял Львов, к тому времени едва насчитывавший сто лет со дня основания⁵. Не случайно в нем сразу же возникает армянская колония. Такие колонии существовали лишь в крупнейших европейских торговых центрах — Венеции, Амстердаме. Стремительное развитие возвышение Львова явилось следствием сложных процессов развития европейской экономики эпохи позднего средневековья. Поэтому наивной выглядит попытка некоторых представителей польской буржуазной исторической школы объяснить это явление благотворным влиянием польского завоевания Червонной Руси в середине XIV в.

В результате борьбы польских, литовских и венгерских феодалов за русские земли Владимир был выключен из сферы левантийской торговли. Присоединение Червонной Руси к Польше способствовало устранению русского соперника Львова, но принесло взамен еще более острую конкуренцию польских городов, в первую очередь Кракова, купечество которых стремилось ликвидировать монопольное положение Львова в торговле товарами Востока. Львовскому купечеству пришлось приложить немало труда, чтобы удержать и укрепить свои позиции в столь неблагоприятной обстановке.

Быстрое экономическое развитие Львова было вызвано прежде всего расширением торговли Восточной и Северной Европы в результате общего экономического подъема в эпоху позднего феодализма. Большое значение имело также географическое положение Львова, оказавшегося в XIV в. на пересечении важнейших торговых путей Восточной Европы. К этому времени относится перемещение дорог, связывавших Европу с Востоком. Не последнюю роль при этом играли упадок киевско-византийской торговли и возникновение огромной татарской империи. Хотя татары не препятствовали иностранным купцам проходить через терри-

² S. K u t z e b a. Handel Polski ze Wschodem w wiekách średnich. — Przegląd Polski, 1903, t. 148—149, стр. 191.

³ Galli Anonymi Chronicon. Leopoli, 1899, стр. 4.

⁴ ПСРЛ, т. 2. СПб., 1908, стлб. 920.

⁵ Восточной торговле Львова посвящены упомянутое выше капитальное исследование С. Кутшебы, а также книга: Ł. S h a g e w i c z o w a. Handel średniowiecznego Lwowa. Lwów, 1925, которые и использованы в данной статье для очерка этой торговли.

торию их государства, но после учиненного ими погрома многие районы Восточной Европы и Азии превратились в пустыню, опасную для купеческих караванов. Поэтому с конца XIII в. прокладываются новые пути, более короткие и проходящие через населенные местности.

О львовской торговле имеются более полные и разнообразные сведения, чем о владимирской. В нашем распоряжении не только документальные свидетельства, но и нумизматический материал. Это дает возможность в общих чертах представить механизм торговли средневекового Львова.

Особый интерес представляют находки червонорусских монет — продукция Львовского монетного двора, и не столько отдельных монет, сколько кладов, включавших такие монеты.

Червонорусская монета — серебряные полугроши и медные денарии — чеканилась на Львовском монетном дворе с середины XIV до второго десятилетия XV в. Червонорусские полугроши имели на одной стороне территориальный герб — изображение стоящего на задних лапах льва, обращенного вправо, — и надпись MONETA RVSSIE (монета Руси); на другой — инициал монетного сеньора и его имя. При Владиславе Ягелло инициал был заменен польским государственным гербом — изображением орла, надписи же остались прежними. Эти полугроши носили название «русских» и выпускались при Казимире III (1333—1370), Людовике Венгерском (правил в Польше в 1370—1382 гг.), князе Владиславе Опольском (сидел во Львове в качестве вассала Людовика в 1372—1378 гг.) и Владиславе Ягелло (1386—1434). Русские полугроши изготовлялись из высокопробного серебра; по данным польского нумизмата Ф. Пьекосинского, их проба держалась на уровне 875 ‰. В царствование Владислава Ягелло на смену русским полугрошам пришли львовские полугроши. От предыдущих они отличались несколько большими диаметром и весом, легендой лицевой стороны (вместо MONETA RVSSIE — MONETA LEMBVRG, т. е. монета Львова) и примерно вдвое меньшим содержанием серебра (проба до 500 ‰).

Медные денарии вовсе лишены легенд, изображения их скупы: лишь инициалы правителей да королевские короны. Знаменателен сам по себе факт чеканки медной монеты, исключительный для Европы того времени. Возникшая как городские деньги, медная монета свидетельствует о таком интенсивном росте внутренней червонорусской торговли, при котором обычные платежные средства (серебро) были уже недостаточны.

В дореволюционной историографии утвердилось мнение о сугубо местном характере распространения червонорусских монет⁶, в лучшем случае допускалась возможность их обращения на соседних волынских и подольских землях. Эту точку зрения нельзя ставить в вину ее сторонникам: они не располагали сколько-нибудь достоверными сведениями о кладах червонорусских монет. Накопившийся за последнее время материал позволяет пересмотреть мнение о локальном характере червонорусских монет: их находили в отдаленных от места чеканки районах, в том числе в Молдавии и в Польше.

На польской территории встречаются лишь низкопробные львовские полугроши — они чеканились практически по стопе современных им польских полугрошей и поэтому легко усваивались денежным обращением экономически близких к Червонорусии районов Польши.

⁶ F. Piękosinski. O monecie i stopie menniczej w Polsce w XIV i XV w. Kraków, 1878, стр. 214—215. Результаты пробирных анализов, выполненных по просьбе автора этой статьи, совпадают с данными Ф. Пьекосинского.

⁷ Там же.

⁸ В. П. Ульяновский. Монеты, чеканенные польскими королями для Галицкой Руси в XIV—XV вв. — ТМНО, I, 1908; J. Stupnicki. O monetach halickoruskich. — Biblioteka Ossolińskich, t. 7. Lwów, 1865.

Иначе обстоит дело с высокопробными русскими полугрошами. За пределами Червоной Руси они встречаются, как правило, на землях, расположенных южнее и восточнее Львова.

Парадоксальный, на первый взгляд, факт отсутствия русских полугрошей на территории Польши находит объяснение в общей направленности львовской торговли.

В большой транзитной торговле между Западом и Востоком во второй половине XIV—XV в. Львов занимал положение посредника. Его купцы обладали монополией на покупку и продажу товаров восточного происхождения на рынках, расположенных южнее и восточнее Львова. Попыткам западных, прежде всего польских купцов проникнуть далее через Львов на юго-восток чинились всяческие препятствия, и они были вынуждены покупать пряности, шелк, жемчуг и другие продукты Востока на львовском рынке. Здесь им диктовали свои условия представители могущественного львовского купечества, которые все свое внимание уделяли левантийской торговле, так как доставляемые ею прибыли были постоянны и велики и давали львовским купцам возможность не заботиться о продаже восточных товаров на западных рынках, предоставляя заниматься этим их польским, немецким и чешским коллегам⁹. Неверно, что львовские купцы вовсе не появлялись на западноевропейских рынках. В источниках не только XV, но и XIV в. содержится много свидетельств о поездках русских купцов на Запад. Уже предшественники львовских купцов в левантийской торговле — владимирские купцы — ездили на Запад. Так, документ 1324 г. говорит о том, что два владимирских купца сумели побывать во Фландрии¹⁰. И в дальнейшем русские, в первую очередь львовские купцы появлялись на западных рынках, притом не только на польских и немецких, но даже и на силезских и чешских, косвенно связанных с русскими землями (через Польшу). Например, в Братиславе были Русская улица и специальный заезжий двор для русских купцов¹¹.

Все же основные интересы львовского купечества лежали на Востоке, что подтверждается как документами, так и нумизматическим материалом. Благодаря усилиям львовских торговых представителей червонорусские полугроши (главным образом русские; львовские встречаются гораздо реже) распространились на территориях, вовлеченных в сферу левантийской торговли Львова. Беглого взгляда на карту достаточно, чтобы убедиться в том, что клады с червонорусскими монетами найдены вдоль линии, соединяющей Львов с устьем Днестра. Это свидетельствует об участии монет Червоной Руси в денежном обращении районов, прилегающих к этой линии. Уместно поставить вопрос о путях, которыми червонорусские монеты проникали в денежное обращение территорий, находящихся к югу и востоку от Львова.

Поскольку монетные клады в той или иной степени связаны с торговыми дорогами, рассмотрим направление основных путей, соединявших в конце XIV—XV в. Львов с итальянскими колониями на Черном море.

Нумизматический материал в данном случае не может точно подтвердить документальные данные. Он лишь помогает уточнить отраженные в источниках торговые связи, главным образом для экономически близких между собой территорий. Поэтому мы тщетно стали бы искать, например, клады с червонорусскими монетами в Крыму, хотя связи Львова с крымскими генуэзскими колониями не подлежат сомнению. Торговля в районах, примыкавших к этим колониям, велась в изучаемый период на иных финансовых основах, о чем будет сказано ниже.

⁹ S. K u t r z e b a. Handel. . . , стр. 533—534.

¹⁰ Hansisches Urkundenbuch, Bd II. Halle, 1879, № 420.

¹¹ А. В. Ф л о р о в с к и й. Чехи и восточные славяне, т. 2. Прага, 1947, стр. 112.

Неясно направление дороги, связывавшей Львов с Крымом еще в первой половине XIV в. Известно лишь, что она была сухопутной и о ней знали в Европе: в 1343 г., когда началась война между крымскими генуэзскими колониями и ханом Джанибеком, генуэзский сенат послал для урегулирования конфликта посольство, которому велел, очевидно, чтобы сократить путь, ехать через Львов¹². Можно думать, что дорога Львов—Крым существовала еще в XIII в. Наверное, это и была так называемая татарская дорога (*via tartarica*), часто упоминаемая в русских и польских документах конца XIV в.¹³ Направление ее позволяет представить в самых общих чертах документ 1403 г.: через Подолию на Каменец (Подольский)¹⁴, оттуда через степи Северного Причерноморья и Крым к Кафе. Ответвление этой дороги вело вдоль Азовского моря к Танае. Обе генуэзские колонии были связаны не столько со своей метрополией, сколько с далекими восточными странами: Кафа — с Индией, Тана — с Персией и Китаем¹⁵. По всей вероятности, эту дорогу имел в виду безымянный составитель каталонской карты XIV в., указавший возле пункта «Львов», что именно оттуда поступают восточные товары к побережью Немецкого моря и во Фландрию¹⁶.

Первое упоминание о связях Львова с Кафой относится к 1386 г.: львовские армяне Иван и Амир признаются, что должны армянину Лазарю из Кафы за купленный у него шелк¹⁷. Эта запись львовской городской книги очень характерна: торговлей с Востоком занимались, как правило, представители восточных национальностей, жившие во Львове, главным образом армяне. Они знали восточные обычаи, языки, имели обширные знакомства среди восточных купцов. Последнее обстоятельство было особенно важно в эпоху, когда ввиду слабости развитых форм кредита личное представительство при совершении торговых сделок играло важную роль.

Во Львове армяне составляли обширную колонию, до сих пор сохранилось название одной из улиц — Армянская. По мнению некоторых исследователей, они появились во Львове очень рано, чуть ли не при Данииле Галицком¹⁸. Во всяком случае в 1356 г. польский король Казимир подтверждает ранее установленные права львовских армян¹⁹. Премники Казимира строго охраняли привилегии армянской общины Львова, даруя ей соответственные грамоты²⁰. О том, что Львов был значительным центром расселения армян, свидетельствует основание в нем в 1365 г. епископства для осевших в Польше армян²¹.

Во львовской городской приходно-расходной книге под 1407 г. названа сумма налогов с армянского населения, обладавшего недвижимым имуществом²². Всего было уплачено 30 коп (*sexagena*), т. е. 1800 грошей. От целого дома платили 20 грошей, от половины — 10, от четверти — 5. Там же приведен список некоторых налогоплательщиков, где фигурируют суммы в 40 и 50 грошей, следовательно, некоторые армяне имели в городе по два-три дома. По мнению львовского историка Д. Зубрицкого,

¹² S. K u t r z e b a. Handel. . . , стр. 480.

¹³ Najstarsza księga miejska. 1382—1389. Lwów, 1892, № 574 (1388); Kodeks dyplomatyczny m. Krakowa. 1257—1506, t. I. Kraków, 1879, № 54 (1379), 58 (1380), 83 (1396), 102 (1403), 108 (1406).

¹⁴ Kodeks. . . , t. I, № 104.

¹⁵ Ł. S h a r e w i c z o w a. Handel. . . , стр. 37.

¹⁶ Там же, стр. 32.

¹⁷ Najstarsza księga. . . , № 388.

¹⁸ S. B a g a c z. Rys dziejów ormiańskich. Tarnopol, 1869, стр. 104.

¹⁹ Akta grodzkie i ziemskie, t. III. Lwów, 1872, № 5.

²⁰ Грамота Елизаветы (там же, № 29); Людовика (там же, № 31); Ядвиги (там же, № 42); Владислава Ягелло (там же, № 45).

²¹ S. B a g a c z. Rys dziejów. . . , стр. 105.

²² Księga przychodów i rozchodów miasta. 1404—1414. Lwów, 1896, стр. 40—41.

во Львове в начале XV в. жило 63 армянских семейства²³ — для малонаселенного средневекового города цифра значительная.

В упоминавшейся грамоте Казимира III среди жителей Львова непольской национальности названы, кроме армян, евреи, сарацины, татары и в конце этого списка представители коренного населения — русины. Это не должно нас удивлять, русское население города занималось главным образом ремеслами, торговлю же вели представители перечисленных выше восточных национальностей, что объясняется ее специфической направленностью на восток.

В 1338 г. львовский житель Тайчадин, также армянин, завещал церкви св. Франциска в Кафе две копы грошей. Сам по себе этот факт не так уж примечателен, если бы завещатель не сообщил об этой церкви интересную деталь, говорящую о неоднократных посещениях им Кафы: в ней христиане имели обыкновение бичевать себя (*Item in Caffa est una ecclesia catholica retro ecclesiam sancti Francisci, ubi se Christiani flagellare solent, cui etiam assignavit duas sexagenas*)²⁴. Из того же завещания известно, какие товары поступали во Львов из Кафы в конце XIV в.: шелк и перец.

Непосредственные контакты между торговыми представителями Львова и Кафы сохраняются до конца XIV в.: в 1388 г. во львовской городской книге, в записи о совершении торговой сделки упоминают некий житель Кафы Схададин²⁵.

Однако в начале XV в. свидетельства о связях Львова и Кафы становятся все более редкими, а о татарской дороге и вовсе исчезают. Эта дорога имела существенный недостаток — проходила безлюдными районами и была опасна для купцов. К тому же крымские татары постоянно воевали с итальянскими колониями, и движение на татарской дороге часто прерывалось. Это побуждало купцов искать более надежную дорогу.

В конце XIV в. появляются упоминания о новой дороге из Львова в Крым — молдавской (*via moldavia*). Впервые мы узнаем о ней из документа 1386 г.²⁶ Об этой дороге имеются достаточно подробные сведения в сохранившихся жалованных грамотах (привилеях) молдавских господарей польским и русским купцам (среди последних особо оговариваются львовские), детально регламентирующих их торговую деятельность на молдавских рынках. В грамотах указаны таможенные пункты, в которых взымали пошлины с ввозимых и вывозимых товаров. Таможни служат своего рода вехами: зная их размещение, можно представить с достаточной точностью, где проходили торговые пути. Особенно детально перечисляет молдавские таможни уставная грамота Александра Доброго, данная львовским и подольским купцам в 1407 г.²⁷ Молдавские документы позволяют следующим образом представить молдавскую дорогу, вернее, сеть больших и малых дорог, соединявших Львов через Молдавию с итальянскими крымскими колониями.

Главная дорога шла из Львова через Галич, Коломыю, Снятын, Черновицы и Серет в Сучаву. Ответвление этой дороги приводило из Львова через Каменец и Хотим также в Сучаву. Из Сучавы путь вел через Яссы и Лопушно к Черному морю. Исключительное значение в торговле на этом пути имел расположенный в устье Днестра Белгород (Монкастро), находившийся с 1368 г. в руках генуэзцев, но на рубеже XIV и XV вв.

²³ D. Zubrzycki. Kronika miasta Lwowa. Lwów, 1896, стр. 69.

²⁴ Najstarsza księga. . . , № 571.

²⁵ Там же, № 576.

²⁶ Там же, № 350.

²⁷ Торговые привилеи молдавских господарей для русских и польских купцов собраны в «Приложении» к т. VII публикации документов из львовского Бернардинского архива: *Akta grodzkie i ziemskie*. Lwów, 1878. Грамота Александра Доброго от 1407 г. помещена под № 2.

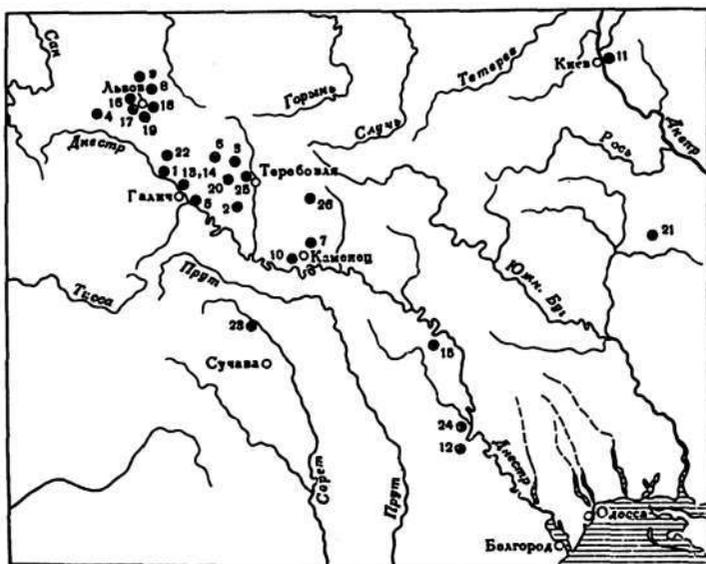

Рис. 1. Распространение кладов с червонорусскими монетами

перешедший к Молдавии. (В привилеях молдавских господарей этот порт упоминается в качестве молдавской таможни с 1407 г.) Белгород был связан с Крымом морским путем. Восточные товары приходили в Сучаву не только из Белгорода, но в небольшом количестве также из Константинополя, через соседнее с Молдавским Мултанское княжество.

Торговля Львова с Востоком не была односторонней: в обмен на восточные товары из Львова везли ремесленные изделия, в первую очередь сукно различных сортов, поступавшее на львовский рынок из Польши, Германии, Чехии и даже из далекой Фландрии, одежду, изделия из металлов, главным образом ножи и различное оружие.

Особого внимания заслуживает упоминание в привилее 1407 г. о серебре, которое львовским и подольским купцам разрешалось провозить через молдавскую территорию из Семиградья, где оно в то время добывалось в больших количествах. Это упоминание позволяет определить конкретный источник сырья для Львовского монетного двора.

Грамота 1407 г. настолько подробно регламентирует львовско-молдавскую торговлю, что есть основания считать ее не первым документом такого рода и относить начало торговли по крайней мере к середине 80-х годов XIV в.: Об этом свидетельствует не только упоминание молдавской дороги во львовской городской книге, но и известие, что еще в 1384 г. молдавские армяне подпали под юрисдикцию львовского армянского епископа ²⁸.

Основная масса кладов с червонорусскими монетами размещается на территории Червоной Руси и близкой к ней в экономическом отношении Подолии (рис. 1). К югу от Каменца находки этих монет гораздо более редки. Тем не менее топография молдавских кладов свидетельствует об участии монет Червоной Руси в обращении на территории Молдавии, где, в частности, найден крупнейший из опубликованных кладов с червонорусскими монетами (см. Приложение, 15).

Не следует удивляться отсутствию находок кладов с червонорусскими монетами южнее Сучавы, например в районе Белгорода, через который велась львовско-генуэзская торговля. Помня, что от нумизматического

²⁸ S. B a r a c z. Rys dziejów... , стр. 107.

материала нельзя ожидать буквального подтверждения документальных данных, и даже принимая во внимание недостаточную археологическую изученность Молдавии, можно все же думать, что червонорусские монеты попросту не доходили до моря, оседая в районах торговых поселений, стоявших на торговых путях. Напрашивается предположение, что львовские купцы (а ведь преимущественно они ввели монеты Червоной Руси в обращение Молдавии) также не проделывали от начала до конца путь из Львова до Кафы, а сбывали свои и закупали восточные товары на каких-то промежуточных рынках.

Применительно к территориям, на которых велась торговля при участии червонорусских монет, сомнительным выглядит тезис польского ученого М. Маловиста о том, что в XIV—XV вв. купцы предпочитали путешествовать вместе со своим товаром до крайней точки его следования²⁹. В доказательство своей правоты М. Маловист указывает, что венецианские купцы совершали длительные морские путешествия для того, чтобы лично продать свои товары на северных рынках. Однако этот пример не очень убедителен: ведь моря не имеют границ, а на сухопутных дорогах было иное положение. Многочисленные государственные и таможенные кордоны в густонаселенной и раздробленной на небольшие государства Европе делали затруднительными и невыгодными подобные купеческие поездки. К тому же иностранные купцы подвергались по пути дорожному принуждению (т. е. обязаны были следовать через указанные властями города по определенным дорогам) и действию так называемого права склада, согласно которому они должны были останавливаться в городах, обладавших этим правом, и на выгодных для местного купечества условиях продавать свои товары. Зачастую право склада носило абсолютный характер: купцу не разрешалось провозить свои товары далее складового города. В столь жесткой форме пользовалось этим правом, например, купечество польской столицы — Кракова³⁰. Все это вынуждало купцов по мере развития складового права все чаще отказываться от длительных путешествий, изыскивая наиболее выгодные способы закупки и сбыта товаров.

В рассматриваемый период возрастает роль городов-посредников, на рынках которых совершались сделки между контрагентами. Подобную роль играл для Европы в торговле восточными товарами Львов. В свою очередь львовское купечество пользовалось молдавскими рынками для закупки восточных и сбыта западных товаров.

Против гипотезы М. Маловиста говорят не только приведенные выше общие соображения, но и нумизматические данные, подтверждаемые письменными источниками. Действительно, мы не имеем не только сведений о находках червонорусских монет вблизи Белгорода, но и сколько-нибудь достоверных известий о его посещениях львовскими купцами. По-видимому, в районах южнее Сучавы экономическое влияние Львова было недостаточным для введения своей монеты в денежное обращение. Торговые коммуникации на ближайшем к Кафе отрезке дороги, соединявшей ее со Львовом, должны были находиться в руках местных — молдавских и генуэзских — купцов.

Сказанному не противоречат приведенные выше известия о посещениях Кафы торговыми представителями Львова. Они относятся к 80-м годам XIV в., когда для поездок в Крым пользовались татарской дорогой, хотя и опасной, но в экономическом отношении более выгодной, чем молдавская. Поскольку она проходила по безлюдной территории, на ней не было преград, подобных описанному: дорожного принуждения, права

²⁹ M. Małowist. W sprawie historii handlu średniowiecznego. — Przegląd historyczny, 42. Warszawa, 1951, стр. 405—413.

³⁰ Подробно об этом см.: S. Lewicki. Prawo składu w Polsce. Lwów, 1910.

склада и пр. Когда в конце XIV в. на смену татарской пришла молдавская дорога, известия о непосредственных контактах купцов Львова и Кафы становятся все реже и в начале XV в. исчезают совершенно³¹.

Ввиду изложенного легко определить посредническую роль Сучавы в левантийской торговле Львова. В конце XIV—начале XV в. она была для львовского купечества главным рынком закупки восточных и сбыта западных товаров. По сведениям различных источников, львовские купцы часто посещали сучавский рынок, только они одни обладали в Сучаве заезжим двором и складами для товаров. В грамоте Александра Доброго 1407 г. записано: «А еще есмы им (львовским купцам. — Н. К.) дали волю, штыбы собе держали оу Сочаве один дом»³².

Торговлю между Львовом и черноморскими колониями можно представить следующим образом. На участке дороги Львов—Сучава торговля велась при активном участии львовских купцов, которые лично везли свои товары на сучавский и другие молдавские рынки и закупали там товары восточного происхождения. На участках же Сучава—Белгород и Белгород—Кафа коммуникации находились в руках торговых контрагентов львовских купцов — генуэзцев и молдаван. Сами львовские купцы, по всей вероятности, редко появлялись на рынках южной Молдавии и крымских итальянских колоний.

Ареал червонорусских монет позволяет определить и значение западно-русских городов в той большой транзитной торговле восточными товарами, которую вел Львов. Выше упоминалось, что и старая, татарская, и новая, молдавская, дороги проходили через Каменец, бывший для Львова важным промежуточным пунктом в указанной торговле уже со второй половины XIV в. Об этом, в частности, говорит и такая деталь: в старейшей городской книге Львова за 1382—1389 гг. Каменец упомянут 15 раз, в то время как даже крупнейший (после Львова) из червонорусских городов Галич — лишь четыре раза. Большое число кладов на участке между Львовом и Каменцом (см. Приложение, 19, 22, 6, 3, 20, 25, 2, 26, 10, 7), а также их размещение свидетельствуют об интенсивном и полноправном участии червонорусских монет в местном денежном обращении.

Особое место занимают монетные клады в окрестностях Галича. Давно утратившая былое политическое значение древняя столица Галицко-Владимирского княжества оказалась втянутой в сферу левантийской торговли Львова. Выше отмечено, что через Галич проходила молдавская дорога. Здесь найдены и клады (см. Приложение, 1, 5, 13, 14).

Следует остановиться на месте червонорусских монет в денежных системах районов, прилегавших к дорогам из Львова на Восток. Резко отличаются друг от друга два района их обращения: один — на северо-запад от Каменца, другой — на юго-восток от него.

14 кладов, найденных в сравнительно небольшом районе Львов—Галич—Каменец, показывают, что монета Червонной Руси доминировала здесь в обращении (клады с ними встречаются гораздо чаще, чем с другими, в том числе и польскими, монетами) и являлась обиходной монетой местного населения. Характерно, что клады состоят из небольшого количества монет: они принадлежали представителям средних слоев населения. Эти клады отражают денежное обращение конца XIV—первой половины XV в., лишь один датируется концом XV—началом XVI в. Точнее установить сроки зарытия кладов невозможно ввиду отсутствия дат на монетах XIV—XV вв.

Период накопления большинства кладов невелик: пять кладов (см. Приложение, 1, 7, 14, 20, 22) содержали только червонорусские и польские монеты Владислава Ягелло (1386—1434); один (там же, 13) — Владислава

³¹ S. K u t r z e b a. Handel. . . , стр. 482.

³² Akta grodzkie i ziemskie, t. VII. Lwów, 1878, Приложение, № 2, стр. 207.

Опольского (1372—1378) и Ягелло; один (там же, 26) — Людовика Венгерского (1370—1382) и Ягелло; два клада (там же, 6, 10) содержали монеты третьей четверти XIV в. Присутствие в нескольких кладах пражских грошей начала XIV в. отнюдь не говорит о том, что эти клады накапливались в течение ста или более лет: пражские гроши, как известно, находились в обращении многие десятилетия, недаром трудно найти эти монеты сколько-нибудь удовлетворительной сохранности — так истерты они ввиду длительного употребления.

Здесь уместно напомнить о предостережении В. Л. Янина против злоупотребления термином «длительное накопление»³³. Повторяющийся состав многих кладов доказывает, что они отражают обращение тех эпох, в которые были зарыты, даже несмотря на наличие в них очень ранних монет.

Подобным однообразием состава и отличаются клады района Львов—Галич—Каменец. Поэтому нельзя механически определять период накопления клада по датам его младшей и старшей монет, в каждом отдельном случае нужно учитывать весь состав клада.

В перечисленных кладах наряду с червонорусскими монетами всех эмиссий встречаются польские коронные полугроши, главным образом Владислава Ягелло, а также пражские гроши Яна Люксембургского, Карла I и Вацлава III (IV). Лишь в одном кладе обнаружены татарские монеты Тохтамыша.

Состав и хронология кладов не оставляют сомнений в идентичном характере денежного обращения на территории между Львовом, Галичем и Каменцом. Монеты Червонной Руси, поступившие по основным торговым дорогам из Львова к восточным рынкам, активно входили в местное денежное обращение.

В районе, расположенном юго-восточнее Каменца, на территории Молдавии, клады с червонорусскими монетами редки. Известные находки³⁴ позволяют сделать лишь самые общие выводы о роли червонорусских монет в молдавском денежном обращении. В частности, скудость материала не дает оснований для категорического заключения, что в молдавском денежном обращении наряду с пражскими грошами преобладали червонорусские монеты³⁵.

Недостаточно выяснена пока и роль местной молдавской монеты в конце XIV—начале XV в. Утверждение, что в последней четверти XIV в. молдавская монета вытесняет червонорусскую и чешскую³⁶, не подтверждается фактическим материалом. Однако можно согласиться с Л. Л. Полевым в том, что ввиду тесных экономических связей Молдавии с Червонной Русью изменения в их денежном обращении вплоть до начала XV в. были адекватны³⁷.

Две единичные находки червонорусских монет Казимира III (см. Приложение, 12 и 24) позволяют думать, что монеты Червонной Руси попадали в молдавское обращение уже в середине XIV в. Особенный интерес пред-

³³ В. Л. Я н и н. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, стр. 67.

³⁴ Обстоятельной топографии кладов Молдавии не существует, имеется лишь сводка Л. Л. Полевого, носящая предварительный характер (см.: Л. Л. П о л е в о й. Материалы к топографии кладов и находок монет, обращавшихся в Молдавии в конце XIII—XV вв. — Известия Молдавского филиала АН СССР, № 4 (31). Кишинев, 1956).

³⁵ В. И. М а р к е в и ч, Л. Л. П о л е в о й и Ш. Р. Ф и н. Кугурештский монетно-вещевой клад XV в. — Труды Государственного историко-краеведческого музея Молдавской ССР (за 1960 г.). Кишинев, 1961, стр. 80.

³⁶ Там же.

³⁷ Л. Л. П о л е в о й. К истории денежного обращения в юго-западной Руси и Молдавии. — Известия Молдавского филиала АН СССР, № 5 (25). Кишинев, 1955, стр. 88.

ставляют два клада с полугрошами Червоной Руси: Кугурештский и Серетский (см. Приложение, 15 и 23). Первый был обнаружен на правом берегу Днестра — важнейшей водной торговой артерии средневековой Молдавии, которой, вероятно, могли пользоваться и львовские купцы. Второй, найденный недалеко от Сучавы, подтверждает документальные сведения об исключительном значении этого центра для левантийской торговли Львова.

Хотя Серетский клад зарыт (последняя четверть XIV в.) раньше Кугурештского (20-е годы XV в.), по своему составу они сходны (пражские гроши, червонорусские полугроши и молдавские монеты) и, по всей вероятности, отражают типические черты местного денежного обращения конца XIV—начала XV в.

Наибольший материал для представления о роли червонорусских монет на молдавской территории дает Кугурештский клад. Из 596 его монет большую часть составляют червонорусские (415 экз.). Среди них доминируют русские полугроши Владислава Ягелло (388 экз.), других русских полугрошей немного: 17 — Людовика и 3 — Владислава Опольского. Любопытно, что львовских полугрошей Ягелло в кладе было лишь семь; это подтверждает предположение, что русские полугроши использовались преимущественно в торговле на Востоке, тогда как львовские — на западе. Клад содержал незначительное количество польских монет: в молдавском обращении их роль была невелика, ведь львовские купцы крепко держали в своих руках юго-восточные рынки.

Важны для уяснения закономерностей молдавской транзитной торговли редкие генуэзско-татарские монеты (аспры с именами герцога Филиппа и хана Мухаммеда) из Кугурештского клада, удостоверяющие участие генуэзцев в торговле на молдавской территории.

Пражские гроши, хотя и содержались в кладе в значительном количестве (10 экз.), но все же в четыре раза уступали по численности червонорусским монетам. Особенный интерес представляют семь пражских грошей Карла I (1346—1378), шесть из которых обрезаны. Вес и размеры их примерно соответствуют весу и размерам русских полугрошей Людовика Венгерского (1370—1382): средний вес шести обрезанных пражских грошей 1,16 г, диаметр около 18 мм³⁸; вес русских полугрошей Людовика 1,12 г при том же диаметре³⁹.

Можно прийти к заключению, что в районе находки Кугурештского клада червонорусские полугроши были основой местной денежной системы, поскольку по их весовой норме обрезали пражские гроши. Указанное явление тем более любопытно, что пражский грош в XIV—XV вв. играл роль «международных денег» в Восточной Европе, являясь основной монетой в обращении многих стран.

Пражские гроши появились на рубеже XIII—XIV вв. и знаменовали начало новой эры в европейском денежном хозяйстве. Очень скоро они завоевали рынки многих европейских стран, в частности в Польше, Венгрии, на западнорусских землях стали обиходной монетой. На землях к юго-востоку от Львова ареал пражских грошей приблизительно совпадает с ареалом червонорусских полугрошей. Обе монеты мирно сосуществовали, что вполне объяснимо: столь же высокопробные, как и пражские гроши (и те, и другие вначале изготавливались практически из чистого серебра), русские полугроши легко укладывались в их метрологическую систему. При этом сохранилось господствующее положение пражского гроша, хотя встречались и исключения, примером которых является Кугурештский клад. Подобно червонорусским монетам, пражские гроши находят не только

³⁸ В. И. Маркевич, Л. Л. Полевой и Ш. Р. Фин. Кугурештский монетно-вещевой клад. . . , стр. 95.

³⁹ F. Piekosinski. O monesie. . . , стр. 145.

на Червоной Руси, но и на Волыни, в Подолии и Молдавии⁴⁰. Оба рассмотренных выше клада, а также ряд других, известных в литературе⁴¹, убеждают нас в том, что пражские гроши наряду с червонорусскими полугрошами играли заметную роль в молдавском денежном обращении XIV—XV вв.

Таким образом, находки монет Червоной Руси в Подолии и Молдавии указывают направления основных торговых путей Львова на юго-восток и очерчивают район, в котором вследствие торговой активности Львова обращались и даже доминировали эти монеты.

Находки двух кладов с червонорусскими монетами далеко в стороне от основной области их распространения — в районе Киева (см. Приложение, 11 и 21), вероятно, не случайны. По-видимому, львовские купцы посещали Киев даже после того, как он потерял свое бывшее торговое значение.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ НАХОДОК ЧЕРВОНОРУССКИХ МОНЕТ НА ЗЕМЛЯХ, ВОВЛЕЧЕННЫХ В ЛЕВАНТИЙСКУЮ ТОРГОВЛЮ ЛЬВОВА

1. Б а к о в ц ы, Жидачовский р-н Львовской обл., 1860 г. В кладе среди польских монет Владислава Ягелло (1386—1434) находились три его русских полугроша. *J. Sturpiński. O monetach halicko-ruskich*, стр. 84.

2. Б о б у л и н ц ы, Бучачкий р-н Тернопольской обл., 1862 г. В найденном над рекой Стрыпой кладе, насчитывавшем около 100 монет, были: русские полугроши Казимира III (1333—1370) — 4 экз., Владислава Опольского (1372—1378) — 6 экз., Людовика Венгерского (1370—1382) — 30 экз.; остальные монеты — малые пражские гроши чешских королей Яна Люксембургского (1310—1346) и Карла I (1346—1378). Большинство монет клада не было в обращении и хорошо сохранилось. Клад датируется концом XIV в. *J. Sturpiński. O monetach halicko-ruskich*, стр. 84.

3. В е л и к и е Б о р к и, Подволочисский р-н Тернопольской обл., 1909 г. Клад из 140 монет разошелся по рукам, в нем было 80 больших и 60 меньших монет. Удалось определить две монеты: из больших — обломок пражского гроша Яна Люксембургского, из меньших — русский полугрош Людовика. *WNA*, 1910, стр. 32.

4. В о л о с т к о в, Городокский р-н Львовской обл., 1902 г. Клад насчитывал 200 пражских грошей Вацлава III (IV) (1378—1419), 150 польских и 40 львовских полугрошей Владислава Ягелло. *Zapiski numizmatyczne. Lwów*, 1925, № 1, стр. 22.

5. Г а л и ч, Ивано-Франковской обл., 1884—1885 гг. В развалинах церкви св. Анны был найден медный денарий, чекаленный для Руси Владиславом Опольским. *I. Szaganiewicz. O rezultatach poszukiwań archeologicznych w okolicy Halicza w roku 1884 i 1885. Lwów*, 1886, стр. 84.

6. Г л ы б о ч о к, Борщевский р-н Тернопольской обл. (б. г.). Были обнаружены червонорусские монеты Казимира III и Владислава Опольского. *Przewodnik po muzeum Podolskiem w Tarnopolu. Tarnopol*, 1913, стр. 9.

7. Г у м е н ц ы, Каменец-Подольский р-н Хмельницкой обл., 1953 г. Клад состоял из русских, львовских и польских полугрошей Владислава Ягелло. Из клада собрано 252 монеты. Сообщение директора Каменец-Подольского государственного музея-заповедника от 27 марта 1962 г.

8. Д з и б у л ь к и, Нестеровский р-н Львовской обл., 1854 г. Находка червонорусского полугроша Людовика. *J. Sturpiński. O monetach halicko-ruskich*, стр. 137.

⁴⁰ А. А. С и в е р с. Топография кладов с пражскими грошами. — Труды Нумизматической комиссии ГАИМК, II. Пб., 1922.

⁴¹ Там же, № 1, 2, 74.

9. Д о б р о с и н, Нестеровский р-н Львовской обл., 1844 г. Клад насчитывал 319 пражских грошей Вацлава III (IV), 115 польских и 231 русский полугрош Владислава Ягелло. *J. Sturpiński. O monetach halicko-ruskich*, стр. 93.

10. К а м е в е ц - П о д о л ь с к и й, Хмельницкой обл., 1883 г. В кладе находились русские полугроши и медные денарии Казимира III, а также русские полугроши Владислава Опольского и Людовика Венгерского. *Zapiski numizmatyczne. Kraków, 1886, № 7, стр. 123—127.*

11. К и е в, 1902 г. На территории Киево-Печерской лавры был найден клад, из которого сохранилось 20 монет: 9 джучидских; 9 пражских грошей: Карла I — 3 экз., Вацлава III (IV) — 6 экз.; червонорусская монета Владислава Ягелло и венгерско-польская монета Людовика Венгерского. Отчеты Киевского церковно-археологического общества, 1902, стр. 15; А. А. С и в е р с. Топография кладов с пражскими грошами, стр. 18, № 43.

12. К и ш и н е в (б. г.). Среди собранных в районе города монет был червонорусский полугрош Казимира III. *Л. Л. П о л е в о й. Материалы к топографии кладов. . . , стр. 100—101, № 2.*

13. К о м а р о в, Галицкий р-н Ивано-Франковской обл., 1884—1885 гг. В районе города, в местностях Лунюв и Дворище были обнаружены русские монеты Владислава Опольского и Ягелло. *I. Szaganiewicz. O rezultatach. . . , стр. 80.*

14. К о м а р о в, Галицкий р-н Ивано-Франковской обл., 1861 г. В кладе из 400 монет Владислава Ягелло вместе с польскими были русские и львовские полугроши. *J. Sturpiński. O monetach halicko-ruskich*, стр. 84.

15. К у г у р е ш т ы, Флорештский р-н Молдавской ССР, 1957 г. Состав клада: а) червонорусские монеты: русские полугроши Владислава Ягелло — 21 экз.; б) польские монеты: гроши Владислава Ягелло — 21 экз.; в) пражские гроши: Карла I — 7 экз., Владислава III (IV) — 101 экз.; г) молдавская монета—грош Александра I Доброго (1400—1432); д) генуэзско-татарские монеты: аспры с титулом герцога Филиппа Марии Висконти (1421—1435) на лицевой стороне и именем хана Мухаммеда (1427—1436) на оборотной — 5 экз.; е) золотоордынские монеты — 38 экз.; ж) золотоордынская монета (чекана города Хаджи-Терхана) с литовской надчеканкой; з) неопределенные — 7 экз. Авторы публикации относят зарытие клада к рубежу 20—30-х годов XV в. В. И. М а р к е в и ч, Л. Л. П о л е в о й и Ш. Р. Ф и н. Кугурештский монетно-вещевой клад. . . , стр. 75—112.

16. Л ь в о в, 1840 г. В р. Полтаве при расчистке было найдено много медных денариев как Казимира III и Людовика, так и позднейших, чеканенных для Червоной Руси. К. S t r o n c z y Ń s k i. *Dawne monety polskie dynastyi Piastów i Jagiełłonów. III. Piotrków, 1885, стр. 32.*

17. Л ь в о в, 1826 г. В развалинах рухнувшей башни городской ратуши, заложенной в 1489 г., обнаружены русские и польские полугроши Владислава Ягелло, а также русские полугроши Казимира III и Владислава Опольского и польские Казимира IV Ягелловчика (1447—1492). *J. Sturpiński. O monetach halicko-ruskich*, стр. 81—82.

18. Л ь в о в, 1826—1865 гг. В этот период под горой «Высокий замок» дождями было вымыто много червонорусских медных денариев. *J. Sturpiński. O monetach halicko-ruskich*, стр. 82.

19. Л я ш к и М у р о в а н н ы е, возле Львова (по-видимому, село Мурованное, Каменско-Бугский р-н Львовской обл.), 1902 г. В кладе находилось около 20 русских, львовских и польских полугрошей Владислава Ягелло и 5 кг польских денариев Казимира IV Ягелловчика и Яна Ольбрахта (1492—1501). *Zapiski numizmatyczne. Lwów, 1925, № 1, стр. 22—23.*

20. М и к у л и н ц ы, Тереховлянский р-н Тернопольской обл., 1894 г. Клад из 7 львовских, 100 русских и 248 польских полугрошей Владислава Ягелло. *WNA, 1895, стр. 345.*

21. П а с т ы р с к о е, Новомиргородский р-н Кировоградской обл., 1883 г. В кладе было 38 пражских грошей Карла I и Вацлава III (IV) и 86 русских полугрошей Людовика Венгерского. Архив ЛОИА, ф. 1, 1883 г., № 30, л. 12; А. А. С и в е р с. Топография кладов с пражскими грошами, стр. 21, № 60.

22. Р о г а т и н, Рогатинский р-н Ивано-Франковской обл., 1865 г. В окрестностях города среди найденных польских монет Владислава Ягелло были его же русские полугроши. *J. Sturpiński. O monetach halicko-ruskich*, стр. 83.

23. С е р е т, Румыния, 1912 г. Обнаружен клад из 335 монет, в том числе 35 валахских монет Влада I (1364—1377), остальные — пражские гроши Вацлава II, Яна I и Карла I, червонорусские полугроши Казимира III и Владислава Опольского, а также венгерский грош Людовика Венгерского. *Л. Л. Полевой. Материалы к топографии кладов. . .*, стр. 97, № 4.

24. С т а р ы й О р х е й, Молдавская ССР, 1947—1955 гг. Во время раскопок собрана коллекция монет XIV—XV вв.; среди них медный червонорусский денарий Казимира III. *Л. Л. Полевой. Материалы к топографии кладов. . .*, стр. 99, № 22.

25. Т е р е б о в л я, Тереховлянский р-н Тернопольской обл., 1848 г. Монетно-вещевой клад. Вещевая часть — серебряные перстни. Монеты: пражские гроши Вацлава III (IV), русские и львовские полугроши Владислава Ягелло, а также венгерские денарии королевы Марии (1382—1395), польские монеты Владислава III Варненчика (1434—1444) и мелкие молдавские монеты. *J. Sturpiński. O dwóch wykopalskich starych monet w Galicyi. — Biblioteka Warszawska, t. 3, 1850, стр. 561—563.*

26. Я р м о л и н ц ы, Гайсинский р-н Винницкой обл., 1903 г. Среди 400 монет клада были русские полугроши: Людовика — 12 экз.; Владислава Ягелло — 73 экз. Кроме того, в клада находились 310 польских полугрошей Ягелло и 5 татарских монет хана Тохтамыша (1380—1395), чеканенных в Крыму. *К. В. Болсуновский. Автономные монеты Галицкой Руси XIV и XV ст. Киев, 1905, стр. 3.*

И. И. ПЛЕШАНОВА

КЕРАМИЧЕСКИЕ НАДГРОБНЫЕ ПЛИТЫ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Древний Псков рано стал крупным ремесленным центром и очагом своеобразной художественной культуры.

В XVI в. наряду с другими ремеслами в Пскове было широко развито производство различных гончарных изделий, покрытых поливой или ангобом. Керамические поливные рельефы, сохранившиеся на барабане церкви Георгия со Взвоза, вероятно, одновременны постройке церкви; таким образом, еще в конце XV в. в Пскове изготовлялась глазурованная керамика. В 40—50-е годы XVI в. на барабанах ряда храмов были выполнены пояса, состоящие из керамических надписей — «летописей» — и архитектурных керамических деталей¹. И в XVI, и в XVII вв. в Пскове применялись покрытия церковных глав зеленой поливной черепицей — лемехом². К этому же времени относятся гончарные кюты³ и зеленые печные изразцы⁴. Поливные сосуды разной формы (так называемые кубышки), находимые с монетными кладами, по составу кладов также могут быть отнесены к концу XVI и к XVII в.⁵

Среди гончарных изделий Пскова XVI—XVII вв. выделяется своей многочисленностью, оригинальностью, сложностью исполнения и высоким художественным качеством группа керамических надгробных плит, сохранившихся в подземных галереях Псково-Печерского монастыря. Эти плиты крупных размеров и разнообразной формы, с рельефными изображениями, орнаментом и надписями, покрытые блестящей ярко-зеленой поливой, являются замечательными памятниками древнерусского декоративного искусства. Тексты надписей содержат сведения, отражающие события XVI—XVII вв., историю Псковской земли и Печерского монастыря.

Псково-Печерский монастырь возник близ ливонской границы в начале 70-х годов XV в. Местоположение монастыря на пути, соединяющем Прибалтику и Псков, давало ему возможность контролировать этот путь и делало его активным участником длительной, затянувшейся на столетия борьбы Русского государства за выход к Балтийскому морю.

¹ И. И. Плешанова. Псковские архитектурные керамические пояса. — СА, 1963, № 2.

² Ю. П. Спегальский. Реконструкция церкви Николая на Усохе в Пскове. В кн. «Памятники культуры», 3. М., 1961, стр. 90; А. Дмитриев. Некоторые древности Пскова. — Ж. «Зодчий». СПб., 1897, 5, стр. 36.

³ Ю. П. Спегальский. Псковские керамические кюты. — КСИА АН СССР, 81, 1960.

⁴ Путеводитель по Музею псковского археологического общества. Псков, 1908, стр. 58—59.

⁵ Каталог Музея псковского археологического общества. Псков, [б. г.], стр. 26—27.

Толчком для создания монастыря в порубежном месте послужило обнаружение пещеры. Как рассказывает «Повесть о начале Печерского монастыря», основателем его был некий поп Иван, во иночестве Иона, пришедший из Ливонии, где он служил в «правовой церкви. . . , поставленной от пскович», и вынужден был бежать от преследования немцев⁶. Иван выкопал пещерную церковь и поставил «две келейцы». По сообщению «Повести», после смерти основателя монастыря на его теле был обнаружен «пансырь кольчатый»⁷.

В ранний период своего существования Псково-Печерский монастырь был очень беден, малолюднен, его неоднократно разорял Ливонский орден, но жизнь в нем не прекращалась. Расти и богатеть он стал только после присоединения Пскова к Московскому государству, когда великокняжеский дьяк Мисюрь Мунехин начал в нем строительство «своею казною» и привлек к монастырю внимание великого князя⁸. Особенно сильно монастырь укрепляется и богатет при игумене Корнилии в 1529—1570 гг. В связи с началом Ливонской войны его обносят каменными стенами, и он превращается в неприступную военную крепость. Очевидно, именно оборонное значение монастыря объясняет то внимание, которое уделяли ему русские государи. Ко времени составления писцовых книг (80-е годы XVI столетия) Псково-Печерский монастырь обладал огромными земельными владениями, сложившимися главным образом из пожалований Ивана IV и Федора Ивановича, и являлся самым крупным монастырем в Псковской земле⁹.

Подобно Киево-Печерскому монастырю, Псковский монастырь превращает пещеры в усыпальницу, очевидно, усвоив мнение Киево-Печерского патерика о спасительности погребения в пещерах и о нетленности погребенных¹⁰.

Пещеры расположены в слоях плотного материкового песка. За время существования монастыря они неоднократно расширялись: в начале XVI в. — по инициативе Мисюря Мунехина¹¹, позднее — при игумене Корнилии¹². В настоящее время они состоят из двух небольших помещений при входе и шести длинных подземных галерей.

В первой галерее надгробия не сохранились. Стены остальных пяти галерей покрыты множеством небольших разновременных каменных и керамических плит, так называемых керамид. Эти плиты расположены вертикально, закрывая собой отверстия отдельных погребальных камер. Более ранние плиты обычно образуют нижние ряды, более поздние — верхние.

Впервые некоторые неполные тексты надписей на каменных и керамических плитах были опубликованы в книге «Первоклассный Псково-Печерский монастырь» в 1893 г.¹³ Позднее к изучению керамид как памятников псковской керамики обращался А. В. Филиппов¹⁴. Отметив их исключительное значение в истории керамики и древнерусского искусства, А. В. Филиппов остановился лишь на плитах, относящихся

⁶ «Повесть» написана в 1531 г. в Печерском монастыре и известна по нескольким спискам. Один из списков называет автора «Повести» — игумена Корнилия (Н. С е р е б р я н с к и й. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908, стр. 39—40, Приложения, стр. 545—551).

⁷ Повесть о начале и основании Печерского монастыря, взятая из древних летописцев, обретающихся в книгохранительнице оного монастыря. Псков, 1849, стр. 5—6.

⁸ Псковские летописи, I. М.—Л., 1941, стр. 100—101.

⁹ Н. Н. М а с л е н н и к о в а. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, стр. 129—130.

¹⁰ Н. С е р е б р я н с к и й. Очерки. . . , стр. 56—59.

¹¹ Псковские летописи, I, стр. 100—101.

¹² Н. С е р е б р я н с к и й. Очерки. . . , стр. 552.

¹³ Первоклассный Псково-Печерский монастырь. Остров, 1893, стр. 152—162.

¹⁴ А. В. Ф и л и п п о в. Древнерусские изразцы, т. I. М., 1938, стр. 21—26; Альбом, № 6, 7, аннотации к рис. на стр. 56.

к 60—70-м годам XVI в., и сделал попытку рассмотреть процесс их формовки. В его альбоме имеются изображения двух плит, в аннотациях помещены тексты их надписей, кроме того, приведено еще четыре текста надгробных надписей.

В настоящее время в доступных частях пещер находится 105 керамических надгробных плит. Одна из них закрыта штукатуркой и прочесть ее текст невозможно, а три утратили надписи. В Русском музее хранятся два больших обломка керамических надгробий, но только на одном из них уцелела часть надписи. Одна плита находится в собрании Эрмитажа. Новгородский музей обладает одной хорошо сохранившейся плитой.

В настоящей публикации описываются все керамические надгробия, полностью или частично сохранившие тексты надписей. Принцип их размещения в работе не топографический, а хронологический. Однако, так как все плиты по декоративным, эпиграфическим и технологическим особенностям делятся на несколько больших групп, с течением времени сменяющих одна другую, плиты описаны по группам, что в основном не нарушает принципа хронологического их размещения.

Описание уцелевших плит дополнено сведениями о несохранившихся надгробиях, имеющимися в литературе и в архиве ЛОИА АН СССР.

В данную публикацию не включены каменные надгробия, появляющиеся в пещерах несколько позднее керамических и относящиеся главным образом к XVII в. Каменные плиты очень многочисленны, интересны как памятники прикладного искусства, тексты их надписей отражают события XVII столетия, и они должны послужить материалом отдельной публикации.

В первую, наиболее раннюю и многочисленную группу входят исполненные по одной форме богато орнаментированные плиты с киотцем (№ 1—40). Надписи нанесены после формовки на лицевую поверхность сырой плиты. Киотец-храм выполнен высоким рельефом в виде трехлопастной килевидной арочки, опирающейся на витые колонки, церковной главки с луковичным завершением и четырех шатровых башенок. Фон центрального четырехугольника заполнен витками мелкого, тонко прорисованного растительного орнамента, в завитки которого вписаны фигурки реальных и фантастических животных и птиц. В пролете арочки изображено Лобное место со скалистой Голгофой, головой Адама под нею и семиконечным крестом. Справа и слева от креста расположены вертикально стоящие копьё и трость. Фоном Лобному месту служат стены Иерусалима. Вокруг креста помещены следующие монограммы:

1. $\overline{\text{цр}}^{\wedge} - \overline{\text{сла}}$ (царь славы)
2. $\overline{\text{ис}} - \overline{\text{хс}}$ (Иисус Христос)
3. $\overline{\text{ни}} - \overline{\text{ка}}$ (Ника)
4. $\overline{\text{мл}} - \overline{\text{рв}}$ (Место Лобное — рай бысть)

Орнаментированные керамида в конце 50-х—начале 60-х годов XVI в. имеют форму прямоугольной плиты (53,5 × 41 см) с центральной частью (37 × 25 см) и выступающим бортиком шириною около 2,5 см (№ 1—8). Боковые поля между средником и бортиком заполнены текстом или крестовидным узором, иногда оставлены чистыми. Фон между буквами углублен.

Надписи наиболее ранних керамид выполнены полууставом с буквами тяжелых пропорций и разной величины. Выносных букв в надписях немного. Строки неровные, буквы выходят за границы строки вверх и вниз ¹⁵.

¹⁵ Большинство плит покрыто более или менее плотным налетом солей, края их закрыты известковым или цементным раствором, закрепляющим плиты в стенах, поэтому некоторые тексты не удалось прочесть полностью. При передаче текстов над-

1

1558, 28 октября

1. лѣта · $\overline{\neq 323}$ · го · ѿктября в кѣ
2. ѿбѣенъ вьсть ѿ нѣмецъ йва
3. нъ ѿвѣ^лоро^т снъ чихачева на ра
4. ти

(53,5 × 41)

2

1559, 11 ноября (рис. 1)

1. лѣта $\overline{\neq 3}$ · $\overline{2}$ · всмаго · мѣца новер
2. на · в · первыи на десѣть день не п
3. ама(ть) · стѣ · мученикѣ мины · и в
4. икто(р)а · и вкентиа · ѿбѣенъ в
5. вьсть ра^б вожии даннаѣ геѡрги
6. ѿвѣ снъ чебатаева ѿ магистра
7. лигоньскаго

(53,5 × 41)

3

1559, 11 ноября

1. лѣта $\overline{\neq 3}$ · $\overline{2}$ · всмаго · мѣца новер
2. на в первы^а на десѣть день ·
3. на память стѣхъ мученикѣ м
4. ины · и вкентиа · ѿбѣенъ вь
5. стѣ аковѣ · григориевѣ снъ ·
6. кошкина ѿ магистра лигон
7. ѣскаго

(53,5 × 41)

4

1560, 2 августа

1. лѣт^ѣ
2. $\overline{\neq 32}$
3. и · го · август^ѣ в^ѣ · ѿбѣенъ в
4. ѿ^т на рати ѿ нѣмѣ^т рабѣ
5. бжїѣ ѿ^тлипѣ^т михаило^т с
6. нъ григо^тева невзорѣ

(53,5 × 41)

писей введены разрывы между словами, лигатуры разъединены. Сохранены надстрочные знаки. Утраченные знаки вставлены в квадратных скобках, пропущенные — в круглых. Размеры плит указаны в см.

¹⁶ Вместо Ѧ в тексте перевернутое Ю.

Рис. 1. Керамическое надгробие Д. Г. Чебатаева, 1559 г. (№ 2)

1560, 2 августа

1. лѣта · $\neq$ зѧ · иѣ августѣ · е · днѣ ѹѢ
2. иенѣ на рати кнѧ^ѣ ивановѣ ѳѳ
3. доровичѣ мстиславскогѣ ко^ѣ
4. драгви мечан ствѣановѣ сн
5. ѣ шевелевѣ ·

(53,5 × 41)

1560, 16 августа

1. лѣта · $\neq$ зѧи · мѣа · августѣ · в · сѣ · д[нѣ]
2. престависѣ · рабѣ бжїи · ѡв[а]
3. иѣ ивановѣ снѣ кобылина

(53,5 × 41)

1560, 18 августа (рис. 2)

1. лѣ
2. та
3. $\neq$ зѧи ·
4. го августѣ · в · иѣ · днѣ · преста
5. висѣ рабѣ бжїи · дмит
6. рѣи · васильевѣ снѣ вѳ
7. селого · ѹѢѢѣ^ѣ · бы^ѣ · по^ѣ · вѣли
8. номѣ Ѱ нѣмечѣ ·

(53,5 × 41)

1561, июнь (рис. 3)

1. лѣ^ѣ · $\neq$ зѧѳ · июня · престависѣ
2. рабѣ бжїи захарна иванѣ с
3. иѣ ѡвѣѣдова

(53,5 × 41)

Начиная с 1562 г. надгробные плиты становятся разнообразнее по размерам, форме завершения и использованию тех или иных элементов орнаментации. Надгробия 1562—1564 гг., сохранившиеся в пещерах, имеют небольшие прямоугольные плечики и полукруглое завершение (№ 9, 10; 12—14). В верхней части этих плит находится нишка — киотец с голгофским крестом. Фон между буквами углублен.

Рис. 2. Надгробие Д. В. Веселого, 1560 г. (№ 7)

Рис. 3. Надгробие З. И. Объедова, 1561 г. (№ 8)

Рис. 4. Надгробие В. Сназна, 1562 г. (№ 9)

1562, 14 января (рис. 4)

1. лѣтъ · ~~ѣ~~зо^а мѣца гонварѣ в' · дѣ · на
2. памѣтъ прп^обныхъ ѡцъ ѡже в син
3. ай ѡ в райѣѣ ѡзвѣнны^ѣ
4. прѣстависѣ · рабѣ вжѣи
5. ѡнокъ варла^а снѣзинѣ

(56 × 41)

1562, ноябрь

1. лѣтъ · ~~ѣ~~зо^а · ноябра · прѣстави^ѣ
2. рабѣ вжѣи петръ врисовѣ
3. снѣ шатилова

(45 × 41)

(Разбитая плита)

1. ....ы
2. ѡ данила пррка · прѣстави
3. сѣ рабѣ вжѣи · ѡнокъ варла^а
4. плежѣевѣ¹⁷

Плиты № 12—14 невелики и имеют форму киотцев. Надписи выполнены мелким рельефным полууставом. Фон между буквами углублен, а титла и выносные буквы заглублены в фон.

1564, 25 января

1. лѣтъ · ~~ѣ~~зо^а · втораго · ге^аварѣ в'
2. ке днѣ на памѣтъ ѡже во стѣ^ѣ
3. ѡца ншего григор^а бгослова
4. архѣпскупѣ костѣтина
5. гра(да) ѡвнѣ^ѣ бысть ѡванѣ везек
6. ѣт анкѣѣ снѣ ѡть лѣте^ѣ¹⁸ со князе^ѣ пер^ѣ^ѣ
ивановиче(мъ) шѣйски^ѣ

(45 × 32)

¹⁷ День Даниила пророка — 17 декабря.

¹⁸ В надписи описка—«лѣте».

Рис. 5. Надгробие И. А. Селиванова, 1564 г. (№ 14)

1564, 25 марта

1. лѣт · $\overline{\text{жзѡв}}^{\text{т}}$ · марта в · кѣ прест
2. ависа рабѣ вжѣи іакѡвѣ
3. сѣлникъ горихвостовѣ

(45 × 32)

1564, 15 сентября (рис. 5)

1. лѣта · $\overline{\text{жзѡ}}$ · трѣ^таго · мѣца ·
2. сѣ^та^тр^а · в' · бѣ днѣ на пам
3. м^т · стого · вѣл^акомника ·
4. нѣкиты · уѣвѣ^т · вѣсть · йль
5. а андрѣѣвичь · сѣл^вновѣ Ѡ
6. ра^бо^ин^кь ·

(45 × 32)

На некоторых надгробиях имеются изображения церковных глав, иногда нишка с Голгофой обрамлена справа и слева орнаментом из завитков или крестовидным узором или же и тем и другим вместе. С конца 60-х годов XVI в. плиты завершаются в большинстве случаев полукругом во всю ширину плиты (№ 15—31).

В конце 70-х годов вновь появляются керамиды, завершенные полукругом, опирающимся на прямоугольные плечики (№ 32—36). Тексты нанесены на плиты хорошим рельефным полууставом.

1568, 23 ноября

1. лѣта
2. $\overline{\text{жзѡ}}$ · ѡ · $\overline{\text{жт}}$ · мѣца ноя^тря · вѣ · кѣ · днѣ ·
3. на памать йже во стѣ^т ѡца
4. ншего · дм'ѡилоухѣ еп^тпа й
5. [конѣискаго п]рѣстависа.....

(Ширина плиты 41)

1569, 16 января (рис. 6)

1. лѣта · $\overline{\text{жзѡз}}$ · генварѣ в' · сѣ · прѣ
2. стави^т · ра^б · вжѣи · миро^к · коста^к
3. тино^т · снѣ · вогдѣ^т · оранова

(59 × 41)

• Рис. 6. Надгробие М. К. Оранова, 1569 г. (№ 16)

1569, 7 июля

1. лѣта · $\neq$ зо · седма^т · мѣца · жюли · в · з ·
2. на памѣ^т стго пр^ор^ока н^и преста
3. висл ра^б бж^ин василѡй тимѡѡѣ
4. в^с сн^ь чюварова во йноцѣ^х йно^ѣ вад^лам

(58 × 41)

1569, 19 ноября

1. лѣт · $\neq$ з · ѡ · н^и · мѣца · ноявра · вѣ · ѡ ·
2. днѣ · прстависл · рабѣ бж^ин
3. симѡнѣ · александрѡвѣ с
4. нѣ соуморочкого · во йноч
5. вх^ь · сѡрг^ин

(52 × 41)

1570, 2 января

1. лѣта · $\neq$ зон^ѣ · генвара · в^с · в · днѣ
2. на памл^ѣ йже во ст^аѣ ѡца нше
3. го свливестра папа римѣск
4. д^ѣ · прстависл ра^б бж^ин · стѡ^ѣ п
5. ѡро^ѣ сн^ь лүкина

(52 × 41,5)

1570, 20 февраля

1. лѣт $\neq$ зон^ѣ · мѣца ѡввра^ѣ · в^с · к · днѣ · пре
2. стависл ра^б бж^ин · йгүмѡѡ · кв^ѣни
3. лей · свѣ ѡбители · прч^тылъ · вѣцы
4. монастыря пѡче^ѣска^ѣ · на памл^ѣ
5. йже во ст^ѣѣ ѡца ншего · л^ѣва ѡпк^ѣ
6. а ката^ѣскаго ·

(Высота обломка 31; основание плиты 41)

1571, 19 января

1. лѣта · $\neq$ зѡ · ѿ · го · гѡ^ѣ · варѡ · в' · ѡ^х · ¹⁰ на п
2. амѣ^ѣ · прп^хѡ · бнаго · ѡца · ншего · мак
3. арій · египтиани^а · прѣстависѣ
4. ра^б · бжѣй · полиѣктъ · шкимѡ^ѡ · сн
5. ѣ · неключѡва · сотни^ѣ · стрелѣц
6. кой · ѡ · ѡ · бнѣ · на · ра^х · по^х · колыѣанѡ^х.

(59 × 41)

1571, 30 мая

1. лѣта · $\neq$ зѡ · ѿ^ѣ · майѣ · в' · л · на · памѣ^ѣ · с
2. тго · ѡп^ѡ · ла · ѡкова · брата · ѡван
3. а · бгѡслова · ѡ · бѣ · вѣ^ѣ · бысть · ѡ · н
4. ѣ · мѣцъ · дмитрей · бѣ · гако^ѣ · снѣ · н
5. о · вокрѣ^ѣ · бѡйчико^ѣ · казанѣцъ.²⁰

1573, 27 (января)

1. лѣта · $\neq$ зпа^ѡ · вѣ · кз · днѣ · на · памѣ^ѣ
2. ѡ · же · во · стѣ^ѣ · ѡца · ѡва^ѣ · златѡ · таго
3. прѣстави^ѣ · ра^б · бжѣй · ѡ · бѣ · до^ѣ · ми
4. х · а · лѡ^ѣ · снѣ · бѣ · цѣ · ѡ · бнѣ · ѡ · немѣ^ѣ
5. по^х · горо · до^ѣ · по^х · ка^ѣ · цѣ · со^ѣ

(55 × 41)

1573, 2 февраля

1. лѣта · $\neq$ зпа^ѣ · ѡ · бѣ · ралѣ · во · вторы · н · пр
2. в · стѣ · висѣ · ра^б · бжѣй · гѡ · ѡ · ргѣ · н · ѡ · сѣ

¹⁹ В тексте «ѡй».

²⁰ День апостола Иакова — 30 апреля. Текст надписи приведен по А. В. Филиппову (Древнерусские изразцы, табл. 7, аннотация к рис. на стр. 56, в тексте — стр. 24). В настоящее время в пещерах остался только осколок этой плиты:

1. лѣта . . . . .
2. . . . . го ѡпѡла . . . . .
3. . . . . бгѡслова · ѡ · бѣ . . . . .
4. . . . . цѣ дмитрей
5. . . . . ѡ · бнѣ . . . . .

3. ко^о сы^а на прани^а срѣте^а л га вга й с
4. пса ншего ісѣ х^а

(55 × 41)

25

1573, 1 января, 5 июня

1. лѣта · зпа^а · ге^а варл в^а · д · чгн^а ѿ нем
2. е^а кна^а ю^а дреи васи^авн^а гагари^а и
3. а мкитине делѣ романоа и п
4. огреев^а у пречистио богома^а
5. и в печеръво^а манаств^арѣ в пѣр
6. ово говдино июна в^а · б^а ·

(56 × 41)

В приведенной надписи имеется ряд описок, очевидно, ее следует читать так:

1. лѣта · зпа^а · ге^а варл в^а · д · чгн^а ѿ нем
2. е^а кна^а ѿ дреи васи^авн^а гагари^а и
3. а м(н)китине делѣ романоа и п
4. огреев^а у пречистио богома(тер)
5. и в печеръ(ск)о^а монастырѣ в пѣр
6. ово говѣнно июна в^а · б^а ·

26

1574, 21 января

1. лѣта · зпв^а · генварл в^а · ка · на па
2. ма^а прп^абнаго ѿца нашего ма
3. ксиама ісповѣдника · првст
4. ависл ра^а вж^ан богда^а ѿв^ароу
5. ѣ снѣ сиротниѣ,

(52 × 41)

27

1574, 2 марта

1. лѣта, з, пв, ма^а та, в, на пама^а ста^ас
2. цинном^а ка ѿв^аота, оу^авѣнѣ бы^а
3. ра^а бо^ан ѿ^адрѣн воло^а меро^а снѣ ба
4. заро^а на ра^ан ѿ немѣ^а · й положе^а в
5. дому прич^атыѣ печерско^а монаст
6. ыря

(55 × 41)

1574, 23 июня (плита закрыта раствором)

1. [л]ѣта · ~~з~~зпв^т · ѿюна в' к^н пр[еста]
2. [вис]л ра^б вж^ни кил^а длитрен касн^т[евъ]
3. [сн^г] кропоткина в ниц^в^т 21 дн[о]
4. шсви

1575, 21 марта

1. лѣта · ~~з~~злп^т · ма^рта в' · ка · преста^н^т
2. ра^б вж^ни ниокъ макарен паницы^т
3. на пали^т иже во ст^к^х ѿца шшего ѿ
4. кова ёпк^на

(56 × 41)

1575, 27 июля

1. лѣта · ~~з~~зпг^т · ию^н · к^н прест
2. ав^н ра^б вж^ни лавре^тей те
3. ре^нг^тѣв сн^г · к^нбакина ѿ
4. в^те^н по^х перч^наво^н · 22

(57 × 37)

1576, 4 марта

1. лѣт
2. а · ~~з~~зпд^т · ма^рта в' · д^н · преста^н^т ра[въ в]
3. ж^ни п^рво^й ѿвано^т сн^г мавр[н]
4. н^д а в ию^нце^х ию^н ѿси^н ски^н на [н]
5. ама^т ст^го м^нка конона гр[адари]

(Высота плиты 58)

1576, 15 июня

1. лѣта · ~~з~~зпд^т · июна в^ъ · в^н · д^н на па
2. мать ст^го пророка амоса · пр^е
3. стави^т ра^б вж^ни г^вѣргин шковл^н

²¹ На плите — июнц^х.

²² В надписи на плите имеются описки: над обозначением года вместо выносного Г стоит выносное Т, в двух последних словах вместо О написано М.

4. снѣ насимова а убитъ ѿ немец
5. [кихъ л]юдѣи похъ апъсломъ,

(58 × 41)

33

1577, 7 июня

1. лѣта · ~~з~~пѣ · йюна в' ^хз · на памл' стго сѣа
2. цѣнномѣнка оеѡдота анѣрѣска пр
3. встависл рава бжѣа · агрипина трѣ
4. ѣкова жена дмитрѣѣва сѣа зѣва
5. того · ²³

34

1577, 20 июля

1. лѣта · ~~з~~пѣ · йюли в' · к · на памл' w (н)
2. енаго восхоженѣа стго прор[о]
3. ка нлѣн · уѣѣнъ ра^б вжи^н мо[исей]
4. всноѣви^н вѣ^ввбразо^н · · · · · лнw^н

(Ширина плиты 40)

35

1577, 4 октября

1. лѣта · ~~з~~пѣ · w^нтаѣра в' д · днѣ (н)а па
2. ма^т стго сѣнномѣнка ероѣѣа ѣн
3. к^нпа аѣнѣскаго · оубѣ^нъ в лне
4. онскон землн похъ горо^нком' похъ соци
5. дажемъ юрѣи нѣано^в снѣ кокоѣкин
6. ѣ²⁴

(50 × 39)

36

1578, 29 января

1. лѣта · ~~з~~пѣ · генѣара · в кѣ на
2. принѣсѣнне ч^нтны^н мѣѣнн с
3. тго сѣнномѣнка игнатѣа

²³ Надгробная плита входила в состав коллекции изразцов Псковского музея и находилась там до Великой Отечественной войны. В настоящее время плита представлена в экспозиции Новгородского музея. Текст надгробной надписи был опубликован М. Э. Воронцом и В. Вороновым (Изразцовые распятия Успенского собора в Дмитрове. — Сборник статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916, стр. 90) и приведен также А. Ф. Филипповым (Древнерусские изразцы, стр. 24).

²⁴ В надписи имеются описки.

4. в̄гносца ӯвиенъ в̄ скровне п
5. в̄тръ дмитреевъ сн̄ъ крениц
6. ынъ .

(54 × 40,5)

37

1. . . . . [г]енваря . в' . ѿ
2. днь . на пам̄ать . ст̄го м̄чка
3. пвлук'та престаѿи^о
4. ра^б в̄жїи . ино^ч . васна^ч . г
5. в̄вр'гивеъ . сн̄ъ ѱварѿва . васйлен

(Основание 41,5)

Кроме перечисленных надгробий, в пещерах есть еще три плиты с тем же рельефным изображением, но несколько отличающиеся от других керамид этой группы.

38

Прямоугольная плита неправильной формы, относящаяся к 1580 г. В верхней ее части помещен киотец с Голгофой, обрамленный завитками орнамента и крестовидным узором. Отформовались орнамент и изображение Голгофы плохо — вероятно, поэтому крест сделан накладным по рельефу (вырезан отдельно и наклеен сверху). Килевидная арочка мала и имеет искаженную форму, возможно, вследствие усадки во время обжига. Между верхней и нижней (с текстом) частями отчетливо виден грубый шов.

1580, 8 декабря

1. лѣтѣ ~~зпѣ~~^{зпѣ} . декабрѣ в . и . днь
2. престаѿвса рабѣ в̄и
3. времѣи да вѣанъ .
4. шд̄ановы дѣти вѣ
5. шнакѣва .

(49 × 36,5)

39

Плита также со швом, завершена небольшим полукружием и лучше выполнена. Почерк надписей обеих керамид — широкий полуустав с вертикальными мачтами, четкий и спокойный. Транскрипция надписей несложна: имеются подчинения одной буквы другой и изредка лигатуры.

1581, 10 декабря (рис. 7)

1. лѣтѣ ~~зч~~^{зч} . декабрѣ в . и .
2. престаѿвса жд̄анъ
3. ів̄анови^ч вѣашнїи^ч
4. ѿ іма в̄мѣ матѣи .

(45 × 33)

Рис. 7. Надгробие Ж. И. Квашина, 1581 г. (№ 39)

Третье надгробие — прямоугольная керамида, покрытая мутной табачно-зеленой поливой, со швом между текстом и верхней частью. Орнаментированный верх, как и в предыдущем случае, меньше по размеру, чем у других керамид этого типа, а плохо отпечатавшиеся завитки орнамента проработаны круглым штампом со стилизованным изображением зверя. Этим же штампом проработаны и боковые, свободные поля плиты.

Почерк надписи — крупный и размашистый, с широкими мачтами. В надписи имеются выносные буквы, лигатуры, подчинения, соподчинения, сокращения частей букв. Характер написания ряда букв свидетельствует о том, что мастер, нанесший текст на плиту, владел скорописью.

1581, 19 февраля (рис. 8)

1. лѣта ~~л~~зпѣ · ѿвѣра^а в ѿ дѣ^а
2. прѣ^атавѣ^а ра^о вжѣи и
3. ва^а сѣмено^а снѣ чуртова

(52 × 37)

Большое сходство с первой группой керамид имеет единственное уцелевшее надгробие, выполненное по другой форме с изображением киотцахрама (рис. 9)²⁵. Надгробие представляет собой завершенную фронтоником плиту без бортика. Помещенная в верхней его части трехлопастная килевидная арочка с башенками и церковной главкой над нею опирается на витые колонки. Поверхность арочки орнаментирована штриховкой. Голгофский крест с прямоугольным подножием наклеплен в пролете арочки. По его сторонам расположены монограммы Христа: ic—xc. Обычные копьё и трость отсутствуют, а место, где они должны были находиться, помечено процарапанными линиями. Выполненный высоким рельефом киотец справа и слева обрамлен полосами хорошо прорисованного орнамента в виде скрещенных перехватами S-образных завитков.

Над главками башенок имеются вырезанные по форме и на плите зеркально перевернутые подписи мастеров:

1. тимоха плот сѣи ѿбра
2. печи ни жець рѣ
3. икъ к залъ дав
4. къ ыдъ

Выполнены эти подписи простым и пропорциональным полууставом. Нижнюю часть плиты до самых ее краев занимает пространная, в шесть строк, надгробная надпись. Почерк надписи — красивый, тщательный полуустав.

1560, 2 августа (рис. 9)

1. в лѣтѣ ~~л~~з·з·и августа в на память сго первоу^аника
2. архидиакона стѣва(на) ѹбненъ вьсть рабѣ вж(т)и
3. григорѣи ширабѣи сынѣ ѿдоу^аровѣ ѿ(т) немѣц

²⁵ Кроме надгробия, сохранились декоративные плиты в поиске Никольского собора в г. Острове, исполненные по этой же форме (И. И. Плешанова. Керамическое надгробие из Псково-Печерского монастыря. — КСИА АН СССР, 96, 1963).

Рис. 8. Надгробие И. С. Чертова, 1581 г. (№ 40)

Рис. 9. Надгробье Г. Ш. Ододурова, 1560 г. (№ 41)

4. к на валахъ а ковода былъ князь василии и
5. вавоничъ боръбошинъ и немецъ на томъ бою множ
6. ество повиша и к(и)асца немецького ламышка езаш[а]

(58 × 40)

Среди сохранившихся имеются плиты и других форм.

42

Небольшая прямоугольная плита, края которой обрамлены бортиками (рис. 10). Верхняя часть керамида отделена от нижней полочкой квадратного сечения. Такой же полочкой обрамлено и изображение Голгофы. Семиконечный крест с копьем и тростью, стоящий на скалистой горке, и стены Иерусалима, служащие ему фоном, по характеру трактовки рельефа близки изображению Голгофы на керамидах с завитковым орнаментом. Стены имеют сдвоенные проемы со столбом-бочкой. Вокруг креста расположены следующие надписи в медальонах:

1. $\overline{\text{цк}} \overline{\text{слвы}}$
2. $\overline{\text{ис}} \overline{\text{хскъ}}$
3. $\overline{\text{кн}} \overline{\text{тр}^{\circ}\text{о}}$
4. $\overline{\text{ни}} \overline{\text{ка}}$

Бортик плиты проштампован печаткой с орнаментом-восьмеркой.

1560, 7 июля (рис. 10)

1. $\overline{\text{лв}^{\text{т}}}$ · $\overline{\text{з} \cdot \text{з}}$ · $\overline{\text{всмаго}}$ · $\overline{\text{мца}}$ $\overline{\text{июла}}$ в'
2. $\overline{\text{з}}$ · $\overline{\text{де}^{\text{т}}}$ $\overline{\text{престависа}}$ $\overline{\text{равъ}}$ $\overline{\text{вжн}}$
3. $\overline{\text{ика}^{\text{т}}}$ $\overline{\text{нарицае}^{\text{т}}}$ $\overline{\text{богда}^{\text{т}}}$ $\overline{\text{коротиве}^{\text{т}}}$

(43 × 40)

43

Очевидно, надгробие было подобно предыдущей керамиде. Уцелела только нижняя часть. Членящая плиту полочка на обломке заменена жгутом. Надписи этих плит (№ 42, 43) выполнены широким полууставом.

1561, 20 марта

1. $\overline{\text{лв}^{\text{т}}}$ $\overline{\text{з} \cdot \text{з}}$ $\overline{\text{го}}$ $\overline{\text{ма}^{\text{р}}\text{та}}$ в $\overline{\text{к}}$ на $\overline{\text{пам[а]т}^{\text{ь}}}$
2. $\overline{\text{пр}^{\text{д}}\text{вны}^{\text{т}}}$ $\overline{\text{штв}^{\text{т}}}$ $\overline{\text{иже}}$ $\overline{\text{во}}$ $\overline{\text{вбн[твн]ста}}$
3. $\overline{\text{го}}$ · $\overline{\text{савы}}$ $\overline{\text{и}^{\text{т}}}$ $\overline{\text{вбн}^{\text{т}}\text{ы}^{\text{т}}}$ $\overline{\text{и}}$ $\overline{\text{стыл} \dots}$
4. $\overline{\text{ств}^{\text{т}}}$ $\overline{\text{и}}$ $\overline{\text{самараныни}}$ $\overline{\text{пре[ст]ависа}}$ $\overline{\text{равъ}}$
5. $\overline{\text{вжн}}$ $\overline{\text{по}^{\text{ч}}\text{ичи}}$ $\overline{\text{пв}^{\text{т}}\text{ръ}}$ $\overline{\text{васи[льв]тъ}}$ . . . .

Большая группа керамид выделяется темно-зеленой глазурью очень хорошего качества (№ 44—63). Ранние из них прямоугольны (рис. 11) или с полукруглым завершением, имеют большие размеры — иногда более 60 см в высоту и около 45 см в основании. Позднее, в конце 70-х годов XVI в. плиты приобретают трехлопастное завершение, размеры их уменьшаются, несколько изменяется Голгофа — вместо полуциркульной горки появляется наивно трактованная скалистая (рис. 12). Часто бортик,

Рис. 10. Надгробие И. Коротнева, 1560 г. (№ 42)

а в некоторых случаях и фон этих плит, проработаны штампами: круглым, в виде восьмерки или капельки.

Тексты нанесены очень крупным шрифтом с простыми по начертанию буквами. Написание ряда букв характерно для скорописи. Так, наряду с обычными для полуустава начертаниями А встречается **α**, Б мастер иногда пишет как «ер», В — в виде треугольника и т. д.

Тексты надписей следующие:

44

1569, 23 января

1. лѣтѣ $\neq$ зоз гѣва^рл в' кг пре
2. стависл рабѣ бжїи стѣо
3. а^ч ивано^ч снѣ скрыпицына: о
4. ѱвѣнѣ · Ѡ литвы по^х ибор'с
5. ком ...

(53 × 39)

45

1573, 8 марта

1. лѣта · $\neq$ зпа · ма^чта в' · и^н
2. на па^ч иже во стѣ^х Ѡца наш
3. его ѳвѣниакта д^рхѣп^чкпа н
4. икомидїискаго прѣстави^ч раб
5. ѣ бжїи вогда^ч юрье^ч снѣ үнь^ч
6. о^чского а имл григоре^ч үвнѣ в
7. [к]а^ркусе

(Основание 43,5)

46

1574, 12 февраля

1. лѣта $\neq$ зпѣ^ч · ѳв^чрала в' · вї
2. прѣстависл рабѣ · бжїи
3. иванѣ ѳрѣмѣѣѣ мо^ччан
4. ѣ вѣ иноцѣ^ч їйковѣ ,:

(53 × 40)

47

1575, 13 февраля

1. лѣтѣ $\neq$ зпг^ч · ѳввра^ч в' · гї
2. днѣ · прѣстависл ра^ч бжїи
3. ѳиларе^ч скү^чни^ч гарило^ч с
4. нѣ влагина оүбнѣ · Ѡ нем
5. е^ч · по^х городу^ч по^х лиговерѣ^ч

(47 × 37)

Рис. 11. Надгробие московского пушкаря Павла Михайлова сына, 1575 г. (№ 49)

1575, 7 апреля

1. лѣта ꙗзпг^а · мцѣа · д^ар
2. ѣла в' з^а · на пѣла п
3. рп^абна^а ꙗца нше^а геврги
4. ка еп^акпа мѹ·хитин'ско^а 26 п
5. рстави^а ра^а вжїи петръ с
6. тѣано^а снѣ пушки^а · увь
7. в^а ѡ иѣмецъ по^а влъmano^а

(49 × 38)

1575, 14 июля (рис. 11)

1. лѣта ꙗзпг^а июля в' д^а п
2. рстави^а ра^а вжї(и) павѣ^а м
3. нх^аило^а снѣ про'вице д... .
4. рѣна гд^ар'ской поушка^а м
5. оско^аскон

(48 × 40)

1576, 15 февраля

1. лѣта · ꙗзпд^а · февралѣ в
2. ѣ · бѣ · прстави^а ра^авѣ · вжїї
3. григорѣи васн'евѣ снѣ
4. мотакина

(52 × 41)

1577

1. лѣта · ꙗзпѣ^а · прстави^а
2. ра^авѣ вжї^а петръ псевѣ
3. товѣ снѣ маркова

(Основание 37)

1. прстави^а р
2. авѣ вжїи · времѣи
3. григорѣевѣ снѣ с
4. ковалцынѣ ·

(48 × 35)

²⁶ Очевидно, Митиленского.

Рис. 12. Надгробие А. И. Глазова, 1580 г. (№ 55)

(Обломок верхней части плиты)

1. прѣстави[сѧ рѣв]
2. ѿ бж҃їи ва. . . .
- .....

Очевидно, из Псково-Печерского монастыря происходит небольшой обломок керамики, находящийся в собрании отдела древнерусского искусства Русского музея ²⁷

1577, 19 декабря

1. лѣта ꙗзпѣ^т · ден:
2. абра в ѿ^т прес
3. тависѧ рѣвѣ бж҃їи
- .....

(Ширина 30)

1580, 5 мая (рис. 12)

1. лѣта ꙗзпѣ^т мана в' · ѿ^т
2. а прѣстави^т рѣвѣ бж҃їи а
3. ѿнаси ивано^т снѣ гласова

(48 × 34)

1580, 8 мая

1. лѣта ꙗзпѣ^т мана в' и^т и
2. а памѧ^т стго апа неу^т а
3. иста иѡанна вгослова · пр
4. встависѧ григорви мих
5. аило^т снѣ вѣшенцов ·

(46 × 34)

1580, 18 июня

1. лѣта · ꙗзпѣ^т юна в' · и^т
2. прѣстависѧ ра^т бж҃їи ѿв
3. ш^торѣ · самдѣннико^т снѣ давы^тва

(44,5 × 32)

²⁷ Собрание ГРМ, ДР/И, № 20.

58

1580, 8 июля

1. лѣта $\neq$ зпн^т · июля в
2. и^х · ѱви^т пѡ колоче^вю
3. прѣстави(с)а романъ во
4. рисоу снъ вв^ашоеу

(43 × 32)

59

1580, 20 июля

1. лѣт · $\neq$ зпн^а · юла · в к · п
2. рѣстави^а ра^а вжїи іваї
3. івано^а снъ голаницюва к
4. утүзова на памѣ^т стг
5. ∴ о пррка · ильн :

(Основание 34)

60

1580, 31 июля

1. лѣта $\neq$ зпн^а го · ию
2. аа л · а прѣстави^а
3. рабъ вжїи княжъ пет
4. ро тутавича слуга г
5. ригорен свитоеу :

(48 × 34)

61

1580, 10 августа

1. лѣта $\neq$ зпн^а · август
2. а вѣ і · прѣстави^а рабъ
3. вжїи петръ дружи
4. ни^а снъ караулова

(44,5 × 34)

62

1580, 15 ноября

1. лѣта $\neq$ зпѡ^т ноябрѡ вѣ
2. вї · прѣстави^а рабъ вж
3. їи іванъ ѡедорови^а
4. савүрова :

(42 × 32)

63

1581, 28 января

1. лѣта $\neq$ зпѡ^т генѡва
2. ра в ки · прѣстави^а

3. ра^б бжїи алекси борисо^с
4. снъ коезина на памл прпви
5. а^с Щца нашего вѣрема сирина

(48 × 34)

Кроме перечисленных керамид, находящихся в Псково-Печерском монастыре, в Пскове до войны существовали еще две керамиды этого типа. Они были вмazаны в стену церкви Козьмы и Демьяна с Примостья²⁸.

Почти все остальные сохранившиеся в пещерах керамические надгробия имеют полукруглую форму завершения (№ 64—104). Они различны по размерам, вариантам изображения Голгофы, характеру почерка и качеству глазури.

Четыре плиты и обломок (№ 64—68) с пышными монограммами вокруг креста (рис. 13; 14) и надписями, выполненными полууставом, имеют следующие тексты:

64

1573, 1 января

1. лѣта ꙗзпа^с геввара в' х^н
2. прѣстави^с ра^б бжїи а^с Дрви
3. а^с Дрѣв^с см^с вешнако^с

(47,5 × 33)

65

1592, 24 сентября

1. лѣта ꙗзра^с сента^срл в' к^д
2. прѣстави^с ра^б бжїи стѣа^с мол
3. чано^с см^с чиркина

(45 × 41)

66

1599, 22 декабря (рис. 13)

1. лѣта ꙗзри^с декабря в' кѣ^н
2. прѣстави^с ра^б бжїи ѿвна
3. пүшки^с

(44,5 × 40,5)

²⁸ Плиты утрачены, но в фотоархиве ЛОИА АН СССР сохранились их фотографии (0.1697, № 33, 34; К. К. Романов, 1928 г.). Плиты были сильно повреждены, поэтому полностью прочитать тексты их надписей невозможно:

1

1. лѣта ꙗ... го положенъ
2. бы^с княже коледимеровск. ....
3. сир. . . . филиппъ мартинговъ с
4. нъ угрыскога на . . . . ме^с же въ ст
5. м^с Щца ншиго испокѣдника ни. . . .
6. фора па^сри . . . . ха цыриграда .

2

1577, 30 октября

1. лѣта ꙗзпа^с шктап . . . ш в л
2. на память с^см^с мчк^с зинковна
3. и зинковн прѣстави^с ра^б бжїи е
4. ұстаѣ дла. . . . .

Рис. 13. Надгробие И. Пушкина, 1599 г. (№ 66)

1605, 17 ноября (рис. 14)

1. лѣта · ~~з~~рди · нол^брл ^{дн} · пр^чга
2. в^о ра^б бжин · аксе^ттеи сн^ъ
3. оона^чл татице^в ·

(43,5 × 36,5)

1. лѣта ······
2. пр^чтави
3. ле ······

Плита отлична от других по почерку, близкому скорописи, по мутной зеленой глазури и ряду круглых отверстий, сильно закрыта известковым раствором. Можно прочитать только часть текста:

1590, марта . . .

1. лѣ ~~з~~чи · мар^т · и . . . .
2. . . . . престаи . . . . .
3. л раба бж^та . . . . .
4. . . . . горьва же . . . . .

С 90-х годов XVI в. изготавливаются плиты различных пропорций и размеров — иногда до 60 см в высоту, но в большинстве случаев от 35 до 48 см. При формовке этих плит используют штамп с изображением семиконечного креста на скалистой горке, применявшийся ранее (№ 70—74, 76, 77). Позднее штамп несколько изменяется — место горки занимает ступенчатое подножие (№ 75, 78—94), иногда частично счищенное при формовке (рис. 15).

Надписи имеют ровные строки и выполнены простым правильным почерком с вертикальными буквами стройных пропорций, с равными интервалами между ними, редкими лигатурами и немногочисленными выносами. В начале XVII в. часто употребляют надстрочные знаки удара и придыхания.

1592, 4 декабря; погребен 13 декабря

1. лѣ^т ~~з~~р дека^брл в ^{дн} на
2. памя^т стыа мч^ницы ва^р
3. варе пр^чтави^л ра^б бжин w
4. си^о а пограве^т вы^о ч^ч пр^чтеи в пе
5. чера^т сты^т мч^ни^т то^т м^оца вустра^тл

(39 × 44)

1592, 24 сентября

1. лѣта ~~з~~ра^т се^чта(в)рл
2. в к^д пр^чтави^ч д^та^т ми

Рис. 14. Надгробие А. А. Татищева, 1605 г. (№ 67)

3. Чанла богдан во ино
4. цех мисанла

(48 × 32)

72

1593, 29 апреля, погребен 1594, 21 января

1. лѣта $\neq$ зрд^т а^трв^ла кѣ^т
2. на памет сты^х м^ткъ ѿ н^т
3. в кизицѣ прѣ^тави^т ра^б во
4. жин мн^ханло нвановн^т
5. бурцо^в во иноцех макарен
6. см^т а погребен^т бы^т рв^т гв^т
7. варл в^т ка

(54 × 36)

73

1596, 4 января

1. рд^т гд^т генварл в^т д^т
2. прѣ^тависл ра^б в^тжн лѣ
3. ѿгген андрѣевн^т ѿкунев
4. во иноцехъ лаврентен.

(48 × 43)

74

1602, 25 февраля (рис. 15)

1. лѣта $\neq$ зрд^т ѿвралл
2. в кѣ прѣ^тависл ра^б в^тжн
3. григорен самоновъ
4. см^т врели^т с пачковки.

(36 × 31,5)

75

1603, февраль

1. лѣта $\neq$ зрд^т ѿвралл
2. прѣ^тави^т ра^б в^тжн максн^т
3. проко^{овъ} см^т ѿкунева да
4. до^т его настасл того^т году

(46,5 × 37)

76

1603, 11 сентября

1. лѣт $\neq$ зрд^т снтл^бра в^т д^т
2. прѣстависл мн^ханлова ж^о
3. на бурцова пеллг^л.

Рис. 15. Надгробие Г. С. Еремша, 1602 г. (№ 74)

4. во інокіи^а параско
5. вгѣа схи^ии....

(43 × 28)

Верхняя и нижняя части плиты соединены швом.

77

Обломок плиты, аналогичной предыдущей по характеру почерка, между верхней и нижней частью имеется шов.

1604, 25 января

1. лѣта ~~з~~рвѣ^и геввар^а кѣ^х.
- .....

(Ширина 33)

78

1609, 22 мая ²⁹

1. лѣта ~~з~~рзѣ^и мѣй^а в'
2. кѣ^х прѣ^итави^и ра^б ежн^и
3. прокопѣи левѣн^итебѣи^и ѡк[у]
4. не^и да до^и егѣ^и настасѣа

(43 × 34,5)

79

1609, 7 июня

1. лѣта ~~з~~рзѣ^и июнѣ^а в' з'
2. на памѣ^и стѣго сѣи^иом^и фѣв^а[ота]
3. прѣ^итави^и ра^б ежн^и не^и ми^ихѣ^илови
4. чѣ^и чи^иачевѣ^и.

(44,5 × 35)

80

Текст надписи плиты вырезан на форме, поэтому ряд букв и даже слов перевернут. Надпись слабо рельефна и читается недостаточно четко.

1610, 18 августа

1. лѣта ~~з~~рнѣ^и августѣ^а
2. ии^и на памѣ^и стѣ^и мѣи^и
3. къ ерѣла^и і ла^ира прѣ(с)тави^и ра^б
4. вѣ^и п^и.... спири^ино^и снѣ^и серѣ^ира.....

(43 × 41)

81

Большая керамида не покрыта глазурью и имеет естественную поверхность обожженной глины, сохранившей на выступающих частях отпечатки грубой ткани.

²⁹ На плите в обозначении года, очевидно, пропущено і. Прокопий Окунев был казнен во время псковской смуты в 1609 г. (Псковские летописи, II. М., 1955, стр. 272).

1609, 23 мая; 1610, 25 октября

1. лѣта $\neq$ зрѣт^т мана въ кѣ^{лп} прѣ
2. стависа ра^б вжѣи кааистра^т ѡн
3. древи^н вѣрцо^т да въ $\neq$ зрѣт^т го^{лх} ѡк
4. тѣ^бра въ кѣ днѣ прѣстави^н ра
5. ба вжѣа йюка алексаидра
6. аона^тева жена вѣрцо^тва

(60 × 47)

82

1611, март

1. лѣта $\neq$ зрѣт^т марта прѣ
2. стависа ра^б вжѣи никѣоръ
3. свѣчникъ тиѡнецъ

(38 × 32)

83

1611, 3 июля

1. лѣта $\neq$ зрѣт^т йюла въ
2. г^{лп} на палат^т стѣо мчнка
3. накинѣа прѣстависа рабъ
4. вжѣи титъ томилл впиѣа
5. нѣвѣъ снѣ мардѣсова й по
6. ложе^н вѣстѣ на мѣсте св^т

(48 × 42)

84

1611, июль (верхняя часть плиты)

1. лѣта $\neq$ зрѣт^т йюла.....
- .....

85

1611, 13 апреля, 1 августа, 4 августа, 19 августа

1. лѣта $\neq$ зрѣт^т го^{лх} апрѣ^т в^т гѣ^{лп} прѣ
2. стави^н ко^лма троѣимо^н снѣ
3. того^т го^{лх} мѣа дѣгѣ^т въ д^т днѣ прѣстави^н ва^тса
4. мла^{лх} николѣ до^т дѣгѣ^т в^т д^т прѣстависа раб
5. вжѣи алексаидръ николѣ снѣ дѣгѣ^т в^т ѣ^т
6. прѣ^тстави^н ѣвдокѣа мла^{лх} троѣимова дочъ

(50 × 45)

86

1611, 31 августа³⁰

1. лѣта $\neq$ зрѣт^т дѣгѣста
2. в^т лѣ^{лп} на п(а)мѣ^т стаго

³⁰ День святого Евдокима — 31 июля.

3. прѣвѣнаго вѣдокима прѣстави ра^б
4. вѣжн иско^вской гостъ григорен
5. цѣрки^н во июце^х горонтен схи^нни^н

(42 × 37)

87

1612, октябрь

1. лѣ^т ~~зр~~ка^х ѡктя^брѣ
2. прѣстави ра^б вѣжн гаври
3. ѡла шкѣтн^н сн^г боро^ду^лн^н
4. во июце^х галах^тивн^нгъ

(43 × 38)

88

1613, 15 мая

1. рка^т мѣна^л въ ѣ^и прѣвисл
2. ра^вгъ вѣжн канл^г рако^вскон
3. печер^ьскон хр^ѣтъ^лнн^г

(44 × 38)

89

1613, 16 июня

1. лѣ^т ~~зр~~ка^х июня в^ѣ сѣ^и
2. үвѣн^гкъ вы^ѣ каме^нци^н свѣ^тн
3. схи^ннн^гкъ ка^бали^хнн^нх

(43 × 35)

90

1614, 16 февраля

1. ркк^т вѣ^рра^т в^ѣ сѣ^и
2. үн^т по^ѣ печерали по
3. ликари^гкъ сер^гѣв^ѣ сн^г да
4. тере^нген нагн^н да кирилл
5. скү^ншико^ѣ да игнатен мѣ
6. гкой швалѣ^нской патнн^ы

(44 × 36)

91

1614, 30 апреля

1. лѣ^т ~~зр~~кѣ^т
2. апрелѣ въ л^ѣ прѣ^та
3. висл ра^б вѣжн сн^нѣ^ѣ
4. июк^ъ свѣ^тн пѣстовѣ

(40 × 31)

92

1614, 4 декабря

1. лѣ^та ~~зр~~кѣ^т
2. двка^брѣ въ д^ѣ дѣ^н

3. прѣтави раба воа
4. анна еѣдорова до кири
5. ева во иноцѣхъ алексѣи
6. Дра еѣдотова жена чиха
7. чева

(42 × 34)

93

1614—1615 (разбитая плита)

1. [лѣта] ѣзркгъ .....
2. въ кг прѣста[виса]
3. рабъ бжїи дї[а]конъ ѿвѣтъ и[о]
4. вотѣржецъ во иноцѣхъ ѿсѣла

(Основание 35,5)

94

..... 5 июня

1. лѣта ѣз..... июня въ ѣ прѣтави
2. рабъ бжїи ѿ дрѣвѣ миханлови
3. вѣцѣ во иноцѣхъ ѿ дрѣвѣ на памѣтѣ
4. стго сцѣ мѣ дорожева вѣпа ти

(47 × 38)

95

В отделе истории русской культуры Эрмитажа находится привезенная из псковских пещер нижняя часть плиты со следующим текстом:

1. .... самон. ....
2. .... прѣтави раба бжїи
3. елена петрова жена волохъ
4. меровича благова

Существует группа плит XVII в. с голгофским крестом и надписями, выполненными преимущественно вязью, иногда поздним полууставным почерком (№ 96—104). Эти плиты изготовлены без применения форм, они вырезаны из пласта сырой глины. Вязь их часто сложна; имеются многочисленные и разнообразные лигатуры, сокращения частей, подчинения и соподчинения букв. В некоторых случаях вязь широкая, грубоватая, с буквами разной ширины (плита схимника Андреана, № 96); в других рисунок букв прямоугольный, со стройными пропорциями, мачты вертикальны и часто дробятся (плита Мины Ловнева, № 101).

96

1606, 1 ноября

1. лѣтъ ѣзрѣтѣ ноября а прѣтави рабъ
2. ежи антонъ евангелъ снъ мошеи
3. ти во иноцѣхъ дрѣвѣ схишникъ

(Высота 51)

1619, 27 января

1. лѣта ~~з~~ркъ генвара
2. въ кз днь преставис раб бжна
3. иван никитин соршнев на па
4. мѣть ивана златаустаго

(44 × 41)

1625, 21 июля

1. лѣта ~~з~~рлг году мча
2. пола въ ка днь престависл
3. раба божна соина шдрова
4. жена михайловича хвосто
5. ва шока ствѣанида счимнич

(48 × 38)

1625, 24 декабря

1. лѣта ~~з~~рлд^г дека^брл в кд^х
2. на памл^г стыл при^ном^ницы вв
3. гини^н престави^о ра^б бжи^н в^нод^н
4. ма^рдасо^н во июце^х еу^ниме^н схи^н

(45,5 × 39)

1626, 3 марта (рис. 16)

1. лѣ^т ~~з~~рлд^г марта в г^н на па
2. матъ стыхъ личикъ еутроша
3. престависл рабъ бжи^н василе^н пу
4. то^нки^на и^но^н ски^н варламъ

(45 × 40)

1628, февраль; 1629, 23 апреля

1. лѣ^т ~~з~~рлз апри^н в к^н на памл ст^гго великому^н
2. георг^н престави^н ра^б бжи^н мина ивано^н снъ лѣнневъ^н
3. рлз^н февралѣ в к^н престависл рабъ бжи^н
4. матрѣна минина жена лѣвниха

(47 × 42)

Рис. 16. Надгробие В. Пустошкина, 1626 г. (№ 100)

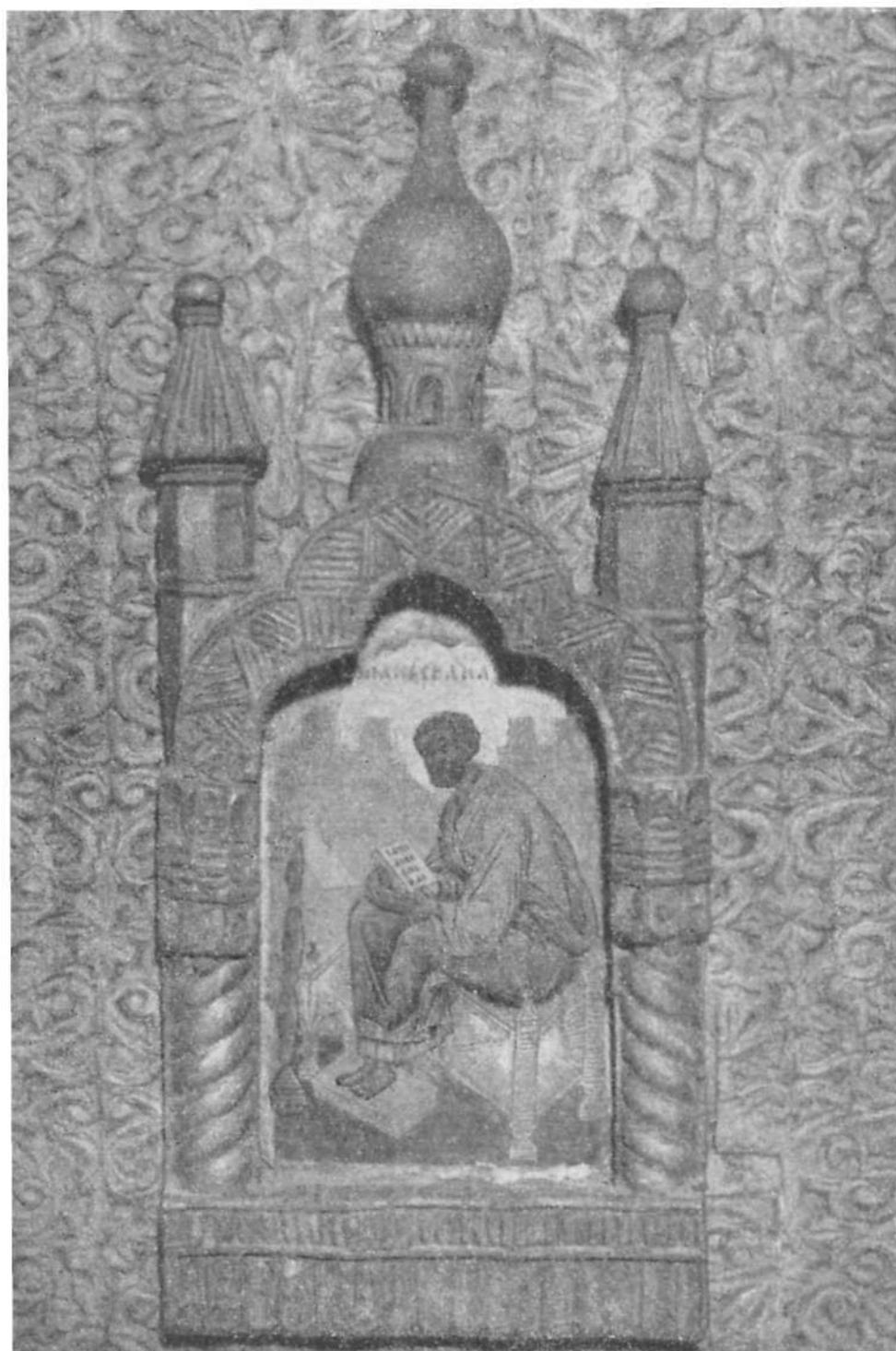

Рис. 17. Киотец царских врат XVI в. из собрания Русского музея

Таким образом, до настоящего времени в пещерах сохранились керамические надгробия, крайние даты которых 1558 и 1671 гг. На протяжении этого периода меняются форма плит и их композиция, технология изготовления и графика надписей.

Все сохранившиеся в пещерах плиты — памятные доски, имеющие в верхней части изображение Лобного места, которое на ранних и наиболее многочисленных плитах обрамлено киотцами в виде храма или килевидной арочки. Помимо того, некоторые надгробия сами обладают формой киотца.

Выполненный высоким рельефом, объемный, дающий глубокие живописные тени, киотец-храм в то же время имеет реальные и внимательно прослеженные детали: горизонтальные тяги, опоясывающие башенки и круглое тулово барабана, обрамленные нишками оконца, граненые покрытия верхов башенок. Ближайшая аналогия киотцам керамических плит в целом и в деталях — киотец-храм на резных царских воротах XVI в., находящихся в собрании Русского музея (рис. 17)³³.

Плиты с киотцами первоначально прямоугольны, а в их композиционном решении важнейшее место занимают рельефное изображение и орнамент, надпись второстепенна и грубовата. В дальнейшем, в 60—70-е годы XVI в. эти плиты приобретают различную форму завершения, часто очень декоративную. Одновременно больший удельный вес в построении плиты получает надпись, выполняемая красивым рельефным полууставом. Последние образцы орнаментированных плит относятся к 1580—1581 гг.

Очень своеобразен растительный, свободно и красиво прорисованный орнамент, покрывающий средник плит с киотцами. Слева, на уровне основания храма, стоит зверь с поднятой лапой. Из его пасти выходит дубовая, образующая завитки ветвь. Другая ветвь, с разбросанными листьями и желудями, поднимается справа. Завиваясь поочередно направо и налево, они заполняют фон средника плиты. В завитки вписаны маленькие фигурки животных и птиц: голуби, грифон, вставший на задние лапы медведь, петух, хищная птица, кабан, лань, борющийся со змеем зверь. На двух главках башен сидят хищные птицы, одна из них терзает извивающуюся змею. В левом верхнем углу плиты — трехглавое крылатое чудовище, видимо дербер, справа — распластанный двуглавый орел.

Изображения птиц и зверей в круге или в растительном завитке появились в искусстве Пскова, очевидно, в конце XV в. Из Псковской и Новгородской земель происходят бронзовые хоросы XV—XVI вв. с заключенными в круг изображениями кентавров и барсов³⁴. Подобные же изображения имеются на керамической плите Георгиевской церкви со Взвоза (1494 г.), на царских воротах из Снеогорского монастыря XVI в.³⁵, на некоторых предметах, найденных во время археологических работ в Пскове³⁶, на печатях и щитках перстней³⁷. Надписи псковских колоколов XVI в. членятся фигурами барсов, грифонов, львов, оленей, драконов, кентавров. Иногда эти фигурки вписаны в круглые медальоны или входят в пояса пышного растительного орнамента, очень часто — в завитки, подобные завиткам керамики³⁸.

³³ ГРМ, ДР/И № 449, происхождение неизвестно.

³⁴ Н. Р. Л е в и н с о н. Изделия из цветного и черного металла. — В кн. «Русское декоративное искусство», I. М., 1962, стр. 298.

³⁵ Н. В. П о к р о в с к и й. Заметки о памятниках псковской церковной старины. М., 1914, табл. III.

³⁶ Г. П. Г р о з д и л о в. Раскопки древнего Пскова. — АСГЭ, 4, 1962, рис. 48, 13; 54, 17.

³⁷ Каталог Музея псковского археологического общества, стр. 42—44, 86—88.

³⁸ П. П. П о к р ы ш к и н. Церкви псковского типа XV—XVI столетий по восточному побережью Чудского озера и на р. Нарове. — ИАК, вып. 22, 1907, стр. 20; А. И. С е м е н о в. Новгородские и псковские литейщики XVI—XVII вв. — Сборник новгородского общества любителей древности, IX, 1928, стр. 52; Э. С. С м и р-

Звериный стиль был широко распространен в искусстве средневековья. Псковские звериные орнаменты стилистически близки изображениям зверей в декоративном искусстве Византии, для которого характерны вкомпанованные в круглый медальон или растительный завиток фигурки зверей и птиц³⁹. Изображения фантастических и реальных животных, в том числе и вписанные в круг, имели место в искусстве домонгольской Руси. Насыщено образами зверей искусство южных славян⁴⁰.

Другие орнаментальные мотивы ранних керамид — полосы, состоящие из скрепленных перехватами завитков, жгутик и вьюнок — также были распространены в Византии, на Балканах и в домонгольской Руси.

Появление этих орнаментов в Пскове, по-видимому, связано с характерным для русского орнаментального искусства XV—XVI вв. обращением к старым византийским образцам.

Большая группа плит с киятами, выделяющаяся среди остальных керамических надгробий своими художественными достоинствами, наиболее сложна и интересна и с точки зрения техники керамического ремесла XVI в. Как уже говорилось, вопроса технологии производства ранних плит касался А. В. Филиппов, который предположил, что плиты формовались при помощи сборной формы, состоящей из многих частей, в том числе и отдельной доски для надписи, каждый раз вырезаемой заново. Появление плит с неровными строками надписей А. В. Филиппов объяснял применением прибитой к форме тонкой лубяной пластины с прорезным шрифтом⁴¹. Относимый им к числу надгробий керамический киятец (37 × 25 см) из г. Острова, очевидно, не был намогильной плитой, его использовали как декоративный элемент в керамическом поясе — «летописи» — на барабане Никольской церкви 1543 г. В том же поясе имеется и второй киятец с подписью мастеров Тимохи и Давыда. Для производства киятцев из г. Острова и керамических надгробий служили одни и те же формы, однако на первых не изображали Лобное место.

Безусловно, плиты этой группы, имеющие одинаковую высоту, основание, ширину и толщину, выполнены по одной форме. В форму забивалась густая глиняная масса, о чем свидетельствует расположение слоев в сколе разбитых плит. Обратная сторона тщательно разравнивалась. О том, какой была форма, можно судить только с большой осторожностью. Маловероятно, что форма средника плиты была деревянной, так как сложно моделированную поверхность киятца с тончайшими орнаментами трудно получить без приготвления модели. Возможно, эту форму изготавливали по «образцу» — деревянной модели киятца. «Образцом» в древней Руси именовали именно модель⁴². Полная аналогия деталей и обработки поверхности киятцев на керамических плитах и на резных царских вратах XVI в. из собрания Русского музея дает основание предположить, что первоначально был вырезан киятец, а не форма. Если это предположение правильно, то форма с такого образца могла быть глиняной. Глиняные штампы для изразцов использовались древнерусскими гончарами⁴³.

нова. Два памятника псковского художественного литья XVI в. — СА, 1962, № 2, стр. 347.

³⁹ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. М.—Л., 1959, стр. 244, 338—357; Otto von Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberei. Berlin, 1921, рис. 167, 169, 173, 174, 198 и др.; O. M. Dalton. Byzantine art and archaeology. Oxford, 1911, рис. 24, 25, 27.

⁴⁰ А. Васильев. За няком образци на старобългарската резба. — Ж. «Искусство», 1962, кн. 4—5, стр. 77—78; А. Дероко. Монументална и декоративна архитектура у средњевековној Србији. Београд, 1953, стр. 76, 97.

⁴¹ А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы, стр. 24.

⁴² Н. Н. Ворониин. Итоги развития древнерусского искусства. — В кн. «История русского искусства», IV. М., 1959, стр. 623; Он же. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.—Л., 1934, стр. 73—75.

⁴³ М. Г. Рабинович. Московская керамика. — МИА, № 12, 1949, стр. 93—95.

В одной из пещер имеется заштукатуренная и забеленная плита с кiotцем в окружении завиткового орнамента и с рельефной надписью, закрытой штукатуркой. Возможно, это наиболее раннее из сохранившихся надгробий. Средник с кiotцем находится в глубоком ковчеге, изображения Лобного места нет, как и на плитах из г. Острова, надпись нанесена на поля. Позднее, очевидно, форма средника была включена в обвязку, вместе с которой составила большую форму прямоугольной керамиды (53,5 × 41 см; № 1—8). При этом средник не вполне правильно вошел в обвязку. Имеющиеся на плитах вертикальные рельефные полосы свидетельствуют о наличии щелей, левый верхний угол средника на керамидах несколько приподнят над плоскостью плиты, нижний правый — утоплен. Изображение Лобного места первоначально наносили на плиту отдельным штампом, так как оно значительно углублено в кiotец. Позднее фон его поднимается вровень с фоном плиты.

Надписи ранних керамид нанесены на сырые отформованные плиты при помощи наборов печаток-букв, которыми продавливался фон вокруг буквы, а поверхность самой буквы оставалась в плоскости плиты. Фон между знаками углублен, неровен и часто имеет следы четырехугольных штампов. Надписи на плиты № 1—3, 5, 6 нанесены одним набором печаток с повторяющимися буквами. Например, буква В этого набора — более крупная, чем остальные, с массивной четырехугольной нижней петлей и маленькой круглой неровно вырезанной верхней — прослеживается на всех таких плитах. Надписи на плиты № 4, 7 нанесены другим набором с более крупными знаками. Крупный полуустав еще одного набора прослеживается на плитах № 8—11, 15.

В начале 60-х годов XVI в., очевидно, используется та же форма плиты, но место, отведенное для нанесения надписи, увеличивается или уменьшается в зависимости от величины текста. При этом часть деталей иногда считывается, убираются главки храма или основание его, снимается завитковый орнамент, завершению плиты придается разнообразное очертания. Как и на более ранние плиты, тексты нанесены печатками, однако рельефные буквы подняты над поверхностью плиты. Наиболее вероятно, что эти надписи наносили на лицевую поверхность плиты путем подкладывания комочка глины под печатку. Надстрочные знаки и титла, выносные ДН, ДО, «ерок» выполнены тем же способом, а реже употребляемые в выносе знаки — при помощи налепа и последующего вырезывания из него знака. Способ нанесения надписей на плиты обусловил их эпиграфические особенности — все надписи этих плит выполнены хорошим полууставом без лигатур; строки надписей неровные.

Надпись на плите 1560 г. с подписью мастеров Тимохи и Давыда (№ 41) рельефна, исполнена при помощи печаток, но иным способом. Поверхность плиты хранит выпуклые отпечатки штампов, т. е. надпись могла быть нанесена не на плиту, а на пластичную форму для нижней части плиты.

В нескольких случаях верхняя часть плиты (с кiotцем) и нижняя (с текстом) формовались отдельно. Это относится к последним плитам с кiotцами: 1580 г. — сыновей Вешнякова (№ 38), 1581 г. — Ивана Чортова (№ 40) и Ждана Квашина (№ 39). Все три плиты выполнены не по первоначальной форме керамиды, а, вероятно, по слепку с существовавших уже плит. Верхняя часть их имеет меньшие размеры, чем у остальных керамид с кiotцами, она деформирована, рельеф утратил четкость, в результате чего на надгробии Вешняковых в кiotце сделан накладной голгофский крест, а на надгробии Чортова завитковый орнамент проштампован круглой печаткой. Нижняя часть этих плит соединена с верхней швом, иногда очень грубо. Возможно, все три плиты изготовлены уже после осады монастыря Баторием, во время которой форма керамиды могла быть утрачена. В это же время перестают производить керамиды с трехлопастным завершением.

В конце 60-х годов XVI в. появляются прямоугольные или с полукруглым завершением надгробия, покрытые хорошей зеленой поливой глубокого тона. Основными элементами их оформления являются плоскостное изображение голгофского креста и надпись крупным полууставом. Позднее, в конце 70-х годов, плиты получают нарядное трехлопастное завершение. Последняя из них помечена январем 1581 г.

На плиты 1569—1580 гг. надписи нанесены двумя разными способами. До 1577 г. они вырезаны крупным полууставным почерком по лицевой поверхности плиты, фон между буквами выбран. Написание знаков имеет ряд признаков, характерных для скорописи. Позднее надписи выполняются путем налепа узкой глиняной ленточки. Знаки слабо держатся на поверхности плиты, иногда утрачены. Графика надписей несколько изменяется: исчезают варианты букв, вытягиваются их пропорции, строка становится более тесной. Для нанесения на плиты изображения Голгофы использован штамп. Этот штамп употребляли и позднее, на плитах конца XVI—начала XVII в.

В 90-е годы XVI и в начале XVII в. производятся очень простые надгробия с полукруглым завершением и скромным голгофским крестом. Надписи этих плит, покрывающие почти всю их поверхность, выполнены оброчно, крупным однообразным суховатым полууставом. Несмотря на достаточно хорошее исполнение и высокое качество глазури (что, впрочем, теряется в начале XVII в.), для них характерна утрата декоративности, большая утилитарность. Плиты XVII в., полностью изготовленные от руки, с голгофским крестом на широком ступенчатом или полукруглом подножии, с надписями вязью или крупным полууставом, индивидуальны и декоративны, однако более грубы.

В начале XVII в. верхнюю и нижнюю части плит иногда формовали порознь. Таким образом сделаны надгробия Пелагеи Бурцовой 1603 г. (№ 76) и Петра Спиридонова сына 1610 г. (№ 80). В этих случаях формой для части с текстом послужила деревянная доска. Рельеф надписи слабый, текст плохо читается. На плите 1610 г. многие буквы перевернуты.

Как в XVI, так и в XVII в., помимо штампов-букв, применялись разнообразные орнаментальные печатки, которыми обрабатывали свободные от надписей части плит, их бортики, иногда весь фон.

В тех случаях, когда можно видеть оборотную сторону плит, они имеют оранжево-красный обжиг, подглазурная часть в изломе серая. В керамическую массу плит с киотцами включена небольшая добавка мелкой дресвы, а глазурь этих плит положена на ангоб. Позднее количество дресвы в массе возрастает, зерна ее укрупняются, глазурь покрывает непосредственно обожженную глину.

Количественный спектральный анализ глазурей, взятых с трех различных обломков керамид XVI—начала XVII в., был выполнен в Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР⁴⁴. Состав всех трех глазурей аналогичен — это свинцово-кремнеземные стекла, имеющие 55—60% окиси свинца и до 30% кремнезема. Песок, вероятно, применялся неочищенный, вследствие чего в глазурах имеются окись железа (2—4%), глинозем (0,7—6%), окись кальция (1—3%) и другие примеси. В качестве красителя введена окись меди (3—10%), которая вместе с окисью железа окрашивает глазурь в зеленый цвет.

В производстве глазурованной керамики Псков значительно опередил Москву, так как в Москве «муравленные» изразцы распространяются только в середине XVII в., а поливная посуда — даже в конце XVII в.⁴⁵

⁴⁴ Д. В. Наумов. Опыт количественного спектрального анализа древнего стекла. — СА, 1962, № 4.

⁴⁵ М. Г. Рабинович. Московская керамика, стр. 66; Он же. Материалы по истории Великого посада Москвы. — Труды Музея истории и реконструкции Москвы, 5, 1954, стр. 64—65.

Нет оснований связывать появление в Пскове в конце XV в. зеленых свинцовых глазурей с какими-либо заимствованиями. Однако само название керамического надгробия — керамида — указывает на некоторую связь с гончарством Византии и Балкан. Это греческое слово, обозначающее глиняную обожженную плиту или черепицу⁴⁶, было распространено у южных славян и до настоящего времени живет в греческом и болгарском языках. В Пскове название прижилось, но употреблялось без понимания смысла. В XVII в. керамидами именовались любые плиты с надписями, в том числе каменные надгробия. Текст надписи каменной плиты, сохранившейся в южной стене Мирожского собора, является одним из примеров употребления наименования «керамида» применительно к известняковой плите:

1690, 13 июля

1. лѣта 73рчи^г го^лу мѣа июля въ г^т на собо^р
2. стѣго архангела гавріила прествѣи
3. ся раба бжѣа мариа ѿ с неи погре
4. вена ѿрина а строили сню керемн
5. ду казначей ию^с нав^а схи^нни^с да вну^с
6. ево свѣщенноѿрѣи дну дре^т раднино^с

Керамические надгробия изготовлялись, безусловно, на месте и местными мастерами. Надпись, сделанная ремесленниками Тимохой и Давыдом, сохранила особенность псковского говора — смещение «з» и «ж» в слове «ображец»⁴⁷.

Производство архитектурной керамики и керамических надгробий сопровождалось, вероятно, изготовлением поливной черепицы, печных изразцов, керамических киотов и поливной посуды. Некоторые из псковских кубышек и надгробные плиты орнаментированы одними и теми же штампами.

Можно предполагать, что местом изготовления керамид Псково-Печерского монастыря являлся монастырский посад. В 1586 г. перед Никольскими воротами монастыря, на горе, находился «дворец монастырский», где, кроме лиц, имеющих ту или иную связь с монастырем, жили также 160 конюхов, плотников, тележников и всяких работников по службам в монастыре и вне его. Рядом же находился «кузнечный дворец» с кузнецом, делавшим на монастырь «всякое дело»⁴⁸. Неподалеку, на речке Пачковке, стояла монастырская слобода. Жившие в ней непашенные люди-бобыли имели лавки возле монастыря. По документам XVII в., они возили товары из-за рубежа, работали по найму у псковских посадских людей, а также, очевидно, занимались всяким «рукоделием»⁴⁹. Упоминания писцовой книги о многочисленных резных киотах, царских дверях, «монастырской кузни», находившихся в храмах⁵⁰, свидетельствуют о том, что на Печерском посаде работали ремесленники различных специальностей, среди которых были и гончары.

Тексты надписей керамических надгробий, несмотря на их краткость, являются интересным, но пока не использованным историческим источником. Тексты керамид в той или иной мере отражают события второй

⁴⁶ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, I. СПб., 1893, стлб. 1205—1206.

⁴⁷ А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. СПб., 1908, стр. 84.

⁴⁸ Псково-Печерский монастырь в 1586 г. — Ж. «Старина и новизна», VII. СПб., 1904, стр. 270—272.

⁴⁹ Ю. Труссман. Псково-Печерский монастырь. — Псковские губернские ведомости за 1888 г., № 28, стр. 199.

⁵⁰ Псково-Печерский монастырь в 1586 г., стр. 258—267.

половины XVI и начала XVII в., причем большая часть керамид относится ко времени Ливонской войны.

Будучи пограничным постом Пскова, а затем и крепостью, Печерский монастырь был связан с армией и получал известия о боевых действиях русских войск. Писанный в монастыре Строевский список Псковской летописи подробно повествует о передвижениях армии, называет воевод, перечисляет ливонские крепости и населенные пункты, сановников Ордена, указывает число погибших русских воевод и детей боярских. Дважды летопись отмечает выезд представителей монастыря в действующую армию. В 1558 г. наряду с другими лицами игумен Корнилий ездил в только что взятый Ругодив (Нарву) для вывоза найденных там икон⁵¹. В 1560 г. в связи с осадой Феллина Корнилий направил в армию старца Феоктиста с просфорами и святой водой. В день его приезда осажденный город сгорел и затем сдался. Современники связали приезд старца с последовавшими событиями, и воеводы в знак благодарности отправили в монастырь феллинский колокол⁵².

Начиная с 1558 г. тела убитых, да вероятно, и умерших в армии привозят в монастырь для погребения. Немногословные, скупые тексты надписей керамических надгробий не всегда называют места гибели погребенных, однако их легко сопоставить с датами событий Ливонской войны. Гибель И. Ф. Чихачева 28 октября 1558 г. (№ 1) может быть связана со взятием магистром Готгардом Кетлером городка Ринген близ Юрьева, который с 1 октября 1558 г. в течение четырех недель героически защищал небольшой русский гарнизон, истребленный при падении городка⁵³. Убитые 11 ноября 1559 г. Д. Г. Чебатаев, Я. Г. Кошкин (№ 2, 3) и Г. И. Воронов⁵⁴, очевидно, находились в отряде Захария Плещеева, разбитом Кетлером также близ Юрьева⁵⁵. Одной из крупнейших и наиболее удачных для русских войск явилась происшедшая 2 августа 1560 г. Эрмеская битва, в результате которой был разбит отряд под командованием ландмаршала Филиппа фон Белля, включавший лучшие силы Ордена и его видных сановников. Этой датой отмечены три плиты: надгробия Ф. М. Григорьева, К. С. Шевелева и Г. Ш. Ододурова (№ 4, 5, 41). В последней надписи не ограничились указанием на то, что погребенный «убиен на рати от немец», как на предыдущих, но рассказали об этом сражении, назвав его место, воеводу князя В. И. Барбашина и плененного ландмаршала. Этот текст подтверждает сообщение Псковской III летописи и рассказ о битве Андрея Курбского⁵⁶. 18 августа 1560 г. под Феллином был убит Д. В. Веселый (№ 7), вероятно во время осады, так как взятие города русскими войсками произошло позднее. Надпись плиты с датой 25 января 1564 г. (№ 12) отражает события, отмеченные летописью: «Того же лета, генваря, послал царь и великий князь воевод с Москвы, князя Василя Серебряного и иных в Литовскую землю воевати, а ис Полоцка князя Петра Ивановича Шуйского и иных воевод. И божиа не помощь, князя Петра оубили и иных воевод и дворян»⁵⁷. 11 января 1569 г. «литвою» обманом был взят Изборск, вскоре отбитый псковским наместником князем Ю. И. Токмаковым⁵⁸. Убитый 23 января С. И. Скрыпицын (№ 44),

⁵¹ Псковские летописи, II, стр. 235—236.

⁵² Там же, стр. 239—240.

⁵³ Псковские летописи, II, стр. 237; Б. Рюссов. Ливонская хроника. — Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, II. Рига, 1879, стр. 378; А. Курбский. Сочинения, I. — РИБ, XXXI. СПб., 1914, стр. 235.

⁵⁴ Первоклассный Псково-Печерский монастырь, стр. 159.

⁵⁵ Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, I. СПб., 1893, стр. 107.

⁵⁶ Псковские летописи, II, стр. 239; А. Курбский. Сочинения, I, стр. 250—252; Б. Рюссов. Ливонская хроника, II, стр. 391; Н. М. Карамзин. История государства Российского, IX. СПб., 1834, стр. 20—24.

⁵⁷ Псковские летописи, II, стр. 245.

⁵⁸ Там же, стр. 261.

очевидно, погиб в боях за Изборск. Стрелецкий сотник П. Я. Неключодов был убит 19 января 1571 г. во время осады русскими Колывани (Ревеля), о чем и сообщает текст (№ 21). Князь А. В. Гагарин погиб 1 января 1573 г. (№ 25), возможно, во время приступа и взятия у шведов крепости Пайды (Вейсенштейна). Одним из воевод передового полка в этом походе был Н. Р. Юрьев, имя которого упоминается в тексте надписи⁵⁹. После взятия Пайды русские войска разделились на три части. Одна из них вскоре выбила шведов из крепости Каркус⁶⁰. При осаде или взятии крепости 27 января 1573 г. погиб Ф. М. Бурцов (№ 23), а несколько позднее, 8 марта, там же «преставился убиен» Б. Ю. Уньковский (№ 45). 2 марта 1574 г. убит А. В. Базаров (№ 27). Дата керамида падает на день третьей по счету, сильнейшей, но неудачной попытки шведов, наемников — шотландцев и немцев выбить русских из крепости Ракобор (Везенберг)⁶¹. В текстах плит конца войны постоянно называются места гибели погребенных.

Среди погребенных в пещерах, возможно, были и лица, погибшие от царской опалы; однако тексты надписей об этом умалчивают. В надгробной плите игумена Корнилия (№ 20), о казни которого Иваном IV сообщает А. Курбский и свидетельствует упоминание его имени в синодике опальных⁶², отмечается дата его кончины и употреблена формулировка «преставился». Псково-Печерский синодик говорит об этом событии завуалированно: «от тленного сего жития земным царем предпослан к небесному царю в вечное жилище в лето 7078 (1570) февраля в 20 день на 69 году рождения своего»⁶³. Обращает на себя внимание одновременная смерть двух братьев Еремея и Ивана, сыновей тысячника Ждана Андреева, сына Вешнякова, псковского дворового помещика (№ 38). В синодике опальных есть имя Ивана Вешнякова⁶⁴. Гибель братьев в декабре 1580 г. могла быть связана с военной службой, но в этом случае надпись была бы сформулирована иным образом.

В текстах надписей уцелевших надгробий не нашли отражения события 1581—1582 гг., несмотря на то, что Псков выдержал в это время очень длительную и жестокую осаду войсками Стефана Батория. Печерский монастырь, вокруг которого захватчики «все обвоевали и запустили», имея небольшой гарнизон с юным начальником осадных головой Юрием Нечаевым, оказывал всяческую поддержку Пскову, а затем сам подвергся осаде и мужественно выдержал ее с 29 октября 1581 г. вплоть до заключения мира⁶⁵. Псков и монастырь теряли людей при вылазках, приступах и от распространившихся болезней. Однако в пещерах нет надгробных плит времени осады (за исключением плиты Ждана Квашнина, которая, возможно, изготовлена позднее) — едва ли ими занимались в этот тяжелый период.

События начала XVII в. — времени ожесточенной классовой борьбы в Пскове — также не нашли отражения в текстах керамических надгробий. Однако среди погребенных в эти годы есть лица, являвшиеся активными участниками событий. Псковский гость Григорий Щукин

⁵⁹ Б. Рюсс ов. Ливонская хроника. — Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, III. Рига, 1880, стр. 216; В. В. В е л ь я м и н о в - З е р н о в. Исследование о касимовских царях и царевичах, т. II. СПб., 1864, стр. 15.

⁶⁰ Г. В. Ф о р с т е н. Балтийский вопрос. . . , I, стр. 645—646.

⁶¹ Б. Рюсс ов. Ливонская хроника, III, стр. 225.

⁶² А. К у р б с к и й. Сочинения, I, стр. 320; С. Б. В е с е л о в с к и й. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник. — Проблемы источниковедения, III. М.—Л., 1940, стр. 300.

⁶³ Е. Б о л х о в и т и н о в. Описание Псково-Печерского первоклассного монастыря. Дерпт, 1821, стр. 52; Повесть о начале и основании Печерского монастыря. . . , стр. 1.

⁶⁴ С. Б. В е с е л о в с к и й. Синодик. . . , стр. 270.

⁶⁵ Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. М.—Л., 1952, стр. 111; Повесть о начале и основании Печерского монастыря. . . , стр. 21—30.

принадлежал к числу тех «богатством кипящих» мужей, против которых в 1606 г. восстал весь Псков: «И с тех месть развращение бысть велие во Пскове, большии на меньших, меньшии на больших, и тако бысть к погибели всем»⁶⁶. Григорию Шукину удалось окончить свои дни в Печерском монастыре, в иноческом чине (№ 86). Другой представитель псковских «больших людей», Прокопий Окунев, относился к числу детей боярских, которые, по словам летописи, хотели в 1609 г. немцам «Псков отдати и кровь неповинную пролити», за что «многая кровь пролилася больших людей и бояр, Прокофья Окунева»⁶⁷. Насильственную смерть Прокопия Окунева подтверждает и следующая запись в Синодике Троицкого собора: «Окуневъ. Прокопия оубиеннаго»⁶⁸. Текст надгробной надписи умалчивает о характере смерти Окунева (№ 78).

Представляет интерес вопрос о социальной принадлежности лиц, погребенных в XVI—XVII вв. в пещерах Печерского монастыря. В некрополь монастыря наряду с индивидуальными погребениями входят так называемые братские пещеры с безымянными и недатированными захоронениями. Эпиграфический материал надгробных плит позволяет сделать выводы, касающиеся индивидуальных погребений. Причем о похороненных в XVI в. керамические надгробия дают исчерпывающий материал, а о погребенных в XVII в. сведений в таком объеме нет, так как в этот период преобладают каменные плиты.

Большинство погребенных в XVI—XVII вв. (убитых и умерших) служилые люди. В тех случаях, когда на иноческих надгробиях указаны мирские имена и фамилии, погребенные оказываются представителями все тех же служилых помещиков, вероятно, прекративших службу ввиду старости, увечий или принявших пострижение перед смертью. К числу таких лиц относятся умерший в 1596 г. Леонтий Андреевич Окунев, в иночестве Лаврентий (№ 73), до 1583 г. наместник в Белой и, по писцовым книгам (середины 80-х годов)⁶⁹, крупный псковский помещик, князь Дмитрий Васильевич Кропоткин, в иночестве Дионисий (№ 28), за год до смерти находившийся на годовой службе в Ливонии⁷⁰ и др. В большинстве случаев погребенные довольно родовиты. Имена многих из них известны по Бархатной и Тысячной книгам. Следующие помещики (или их отцы) относятся к числу избранной тысячи: А. В. Базаров, Вешняковы, И. И. Голенищев-Кутузов, П. Д. Караулов, И. И. Кобылин, Г. Ш. Ододуров, С. И. Скрыпичин, В. Т. Чубаров⁷¹. Некоторые лица имели значительное служебное положение и выполняли ответственные поручения правительства или неоднократно упоминаются Разрядными записями среди голов в полках и на годовой службе в качестве воевод, наместников и осадных голов в городах «от немецкие украины». Одним из таких лиц является Михайло Иванович Бурцов (№ 72), упоминаемый разрядами на протяжении 1559—1585 гг. В 1586 г. он вместе с думным дворянином Р. М. Пивовым сопровождал в Астрахань крымского царевича⁷². Ждан Иванович Квашнин, названный в 1576—1581 гг. среди

⁶⁶ Псковские летописи, II, стр. 267—268.

⁶⁷ Там же, стр. 271—272.

⁶⁸ Псковский музей, древлехранилище, Синодик Троицкого собора, № 90/49, л. 73.

⁶⁹ Сборник МАМЮ, V, 1913, стр. 110, 140, 168, 171, 206, 209; Н. Новиков. Древняя Российская вивлиофика, XIV, М., 1790, стр. 439.

⁷⁰ Псковские летописи, II, стр. 246, 247; Н. Новиков. Древняя Российская вивлиофика, XIII, стр. 271, 277, 315, 387, 429, 439; Сибирский сборник, 30. М., 1845, стр. 19, 33, 40, 41.

⁷¹ А. А. З и м и н. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.—Л., 1950, стр. 92, 99, 101, 102.

⁷² Сибирский сборник, стр. 56, 57, 76, 91; П. Н. М и л ю к о в. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. М., 1901, стр. 224; Н. Новиков. Древняя Российская вивлиофика, XIII, стр. 314; XIV, стр. 313, 389, 438, 448, 476.

голов в полках и на годовой службе в ряде городов ⁷³, в 1577 г. вел переговоры в Вене, где, кроме того, должен был выяснить интересовавшие московское правительство вопросы о взаимоотношениях и внутреннем положении европейских государств (№ 39) ⁷⁴. Называемый в надписи на надгробии Е. Благово (№ 95), Петр Владимирович Благово дважды — в 1589 и 1601 гг. — состоял в качестве дворянина при посольстве в Польшу, а также находился при датском принце Густаве в 1602 г. ⁷⁵ Фигурируют в разрядах имена Леонтия Андреевича Окунева, Ивана Федоровича Сабурова, Третьяка Зубатого, князя Дмитрия Васильевича Кропоткина, Василия Тимофеева сына Чубарова, Ивана Еремеева ⁷⁶. Наряду с подобными лицами в пещерах погребено значительное количество менее знатных детей боярских, имен которых нет ни в Тысячной, ни в Разрядных книгах. Однако имена этих помещиков или их близких родственников сохранились в писцовых книгах. К их числу относятся Афанасий Иванов сын Глазов, Иван (Богдан) Коротнев, Григорий Васильев сын Мотякин, Илья Андреевич Селиванов, Стефан Молчанов сын Чиркин, Богдан Юрьев сын Уньковский ⁷⁷ и др.

В пещерах имеются надгробия нескольких представителей или нескольких поколений одной семьи помещиков. Из семьи крупных псковских помещиков Окуневых, владевших в 80-х годах XVI в. рядом деревень и пустошей в Завелицкой, Заклянской, Деманицкой и Мелетовской засадах, кроме Л. А. Окунева и его сына П. Л. Окунева, в пещерах погребены М. П. Окунев, А. П. Окунева и А. М. Окунева. Несколько керамических и каменных плит принадлежит Бурцовым, Татищевым (псковским и новгородским), Назимовым, Елагиным, Симанским, Вельяшевым, Чихачевым и др.

В пещерах есть и керамида лиц, окружавших крупных вотчинников. Убитый 2 августа 1560 г. Кондратий (Нечай) Стефанов сын Шевелев (№ 5) — «княж Иванов Федоровича Мстиславского» принадлежал, очевидно, к числу служивших с земли людей князя Мстиславского, боярина, воеводы Большого полка и крупнейшего вотчинника, сохранившего вотчину до 1571 г. ⁷⁸ Умерший в 1580 г. Григорий Сеитов — «княж Петро Тутаевича слуга» (№ 60). Петр Тутаевич Шейдяков — ногойский мурза, князь, воевода и псковский наместник. Григорий Сеитов — по-видимому, крещеный ногоец. Его фамилия произведена от слова, характеризовавшего общественное положение. Сеитами, или сеидами, мусульмане именовали обычно служивших людей ⁷⁹.

Употребленный относительно Григория Сеитова термин «слуга» свидетельствует о его вассальной зависимости. Слуги в монастырских и боярских вотчинах занимали наиболее высокое положение среди служивших людей ⁸⁰.

⁷³ Сибирский сборник, стр. 49, 57, 64, 76; Н. Новиков. Древняя Российская вивлиофика, XIV, стр. 320, 345, 389, 405.

⁷⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, IX, стр. 271—272.

⁷⁵ Энциклопедический словарь, т. IV. Под ред. И. Е. Андреевского. СПб., 1891, стр. 41—42.

⁷⁶ Сибирский сборник; П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга. . .; Н. Новиков. Древняя Российская вивлиофика, XIII—XIV.

⁷⁷ Сборник МАМЮ, V, стр. 187, 195, 202, 204, 242, 318, 320, 321, 324, 326, 355, 361, 362, 363, 386, 392; Новгородские писцовые книги, IV. СПб., 1886, стлб. 281, 416—418, 427, 428; V. СПб., 1905, стлб. 439, 450, 458, 466, 481, 486, 526, 637, 677.

⁷⁸ П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., т. I, вып. 1. Киев, 1917, стр. 103, 105, 121; Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889, стр. 262—263.

⁷⁹ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях. . ., II, стр. 440; М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 50—51.

⁸⁰ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 276; Он же. Россия в XVI столетии, стр. 60—61.

Только в начале XVII в. в пещерах появляются надгробия представителей иных слоев населения. К таким плитам относятся керамида 1602 г. Григория Семенова сына Еремина, с Пачковки (№ 74), очевидно, сына того Сеньки Еремеева — Печерского монастыря крестьянина с Пачковки, — который в 80-х годах XVI в. имел клеть в Пскове⁸¹, а также плита 1613 г. печерского крестьянина Клима (№ 88). Есть подобные надгробия и среди каменных плит, но количество их в общем невелико.

Среди погребенных в пещерах преобладают служилые люди, владевшие поместьями в Псковской земле, Шелонской и других пятинах Новгорода, в Торопце, а в период Ливонской войны — в Ливонии, т. е. это помещики пограничных территорий, на которые тяжелым бременем легла Ливонская война, а позднее, в начале XVII в., шведская и польская интервенция. Эти помещики связаны с пограничными землями не только поместьями, но и военной службой, обязывавшей их неизменно участвовать в походах и нести гарнизонную службу в «украинных» городах.

Пещеры Псково-Печерского монастыря представляют собой усыпальницу воинов XVI—XVII столетий, а надгробия являются драгоценными страницами своеобразной летописи.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, УПОМИНАЕМЫХ В НАДПИСЯХ НА КЕРАМИЧЕСКИХ НАДГРОБИЯХ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ *

Александр Николин сын. Умер 4 августа 1611 г. — № 85	Бурцов Андреян Михайлович, в иночестве Андрей, очевидно, псковский помещик — № 94
Антон Феофилактов сын, в иночестве схимник Андреян, москвитин. Умер 1 ноября 1606 г. — № 96	Бурцов Афанасий, очевидно, псковский помещик — № 81
Базаров Андрей Владимиров сын, псковский помещик Бельской засады, городской. Убит 2 марта 1574 г. — № 27	Бурцов Калистрат Андреевич, очевидно, псковский помещик. Умер 23 мая 1609 г. — № 81
Барабашин Василий Иванович, князь, воевода — № 41	Бурцов Михайло Иванович, в иночестве схимник Макарий, голова в полку, осадный голова, городской воевода, очевидно, псковский помещик. Умер 29 апреля 1593 г. — № 72
Безобразов Моисей Иосифович. Убит 20 июля 1577 г. — № 34	Бурцов Федор Михайлов сын, очевидно, псковский помещик. Убит под Каркусом 27 января 1573 г. — № 23
Бешенцов Григорий Михайлов сын, возможно, новгородский помещик. Умер 8 мая 1580 г. — № 56	Бурцова, в иночестве Александра, жена Афанасия Бурцова. Умерла 25 октября 1610 г. — № 81
Благово Елена, жена Петра Владимировича Благово — № 95	Бурцова Пелагея, в иночестве схимница Парасковия, жена Михаила Бурцова. Умерла 11 сентября 1603 г. — № 76
Благово Петр Владимирович, дворянин при посольстве — № 95	Васса Николина дочь, младенец. Умерла 1 августа 1611 г. — № 85
Бойчиков Дмитрий Булгаков сын, казанец, новокрещен. Убит 30 мая 1571 г. — № 22	Вельшов Роман Борисов сын, псковский или новгородский помещик. Убит
Бородулин Гаврила Никитин сын, в иночестве Галактион. Умер 20 октября 1612 г. — № 87	

⁸¹ Сборник МАМЮ, V, стр. 18.

* При составлении указателя, помимо указанных выше, использованы следующие источники и литература: Л. М. С а в е л о в. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства. Острогжск, 1898; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе: 1) Родословную книгу, собранную и сочиненную в разряде при царе Феодоре Алексеевиче и по временам дополняемую, и которая известна под названием Бархатной книги; 2) Роспись алфавитную тем фамилиям, от которых родословные росписи в Разряде поданы. . . Изд. Новикова, 1787, ч. I, II; Временник Императорского Московского общества истории и древности российских, кн. X. М., 1851, стр. 1—286; В. Р. А п у х т и н. Псково-Печерский монастырь и его вкладная книга 1558 г. М., 1914.

- под Коловерью (Лоде) 8 июля 1580 г. — № 58
- Веселый Дмитрий Васильев сын, вероятно, новгородский помещик. Убит 18 августа 1560 г. во время осады Феллина — № 7
- Вешняков Андрей Андреев сын, очевидно, псковский помещик Рожницкой засады. Умер 1 января 1573 г. — № 64
- Вешняков Еремей Жданов сын, очевидно, псковский помещик Рожницкой засады. Умер 8 декабря 1580 г. — № 38
- Вешняков Иван Жданов сын, очевидно, псковский помещик Рожницкой засады. Умер 8 декабря 1580 г. — № 38
- Воронов-Григорьев Григорий (Золотой) Иванов сын. Убит 11 ноября 1599 г. — Стр. 192
- Гагарин Андрей Васильевич, князь. Убит 1 января 1573 г. — № 25
- Георгий Исаков сын. Умер 2 февраля 1573 г. — № 24
- Глазов Афанасий Иванов сын, очевидно, псковский помещик Выборского уезда. Умер 5 мая 1580 г. — № 55
- Голенищев-Кутузов Иван Иванов сын, торопецкий помещик, дворовый. Умер 20 июля 1580 г. — № 59
- Горихвостов Яков (Селник). Умер 25 марта 1564 г. — № 13
- Григорьев Филипп (Невзор) Михайлов сын, очевидно, псковский помещик. Убит 2 августа 1560 г. — № 4
- Давыдов Федор Злыденников сын, псковский или новгородский помещик. Умер 18 июня 1580 г. — № 57
- Евдокия Трофимова дочь, младенец. Умерла 19 августа 1611 г. — № 85
- Елагин Филарет Гаврилов сын, псковский помещик. Убит 13 февраля 1575 г. у Лиговери (Ленневарден) — № 47
- Еремеев Иван (Молчан), в иночестве Иаков, голова у наряда, псковский помещик по Вышгороду, дворовый. Умер 12 февраля 1574 г. — № 46
- Еремин Григорий Семенов сын, крестьянин монастырской деревни Пачковки. Умер 25 февраля 1602 г. — № 74
- Захарьин-Юрьев Никита Романович, боярин, воевода — № 23
- Зубатая Агрипина, жена Третьяка Зубатого. Умерла 7 июня 1577 г. — № 33.
- Зубатый Третьяк Дмитриев сын, осадный голова, наместник в Копорье, помещик Юрьева Ливонского — № 33
- Иван Глебов сын. Убит в августе 1559 г. — Стр. 192
- Иван (Езекей) Анкифов сын. Убит 25 января 1564 г. — № 12
- Иван, в иночестве Исаия, новоторжец, дьякон. Умер в 1615 г. (или в 1614 г.) — № 93
- Иосиф. Умер 4 декабря 1592 г. — № 70
- Истомин-Кипкеев Лука Симонов сын. Умер 11 июня 1669 г. — № 103
- Кабалихин, в иночестве схимник Сергей, каменщик — № 89
- Караулов Петр Дружинин сын, новгородский помещик Шелонской пятины. Умер 10 августа 1580 г. — № 61
- Квашнин Матвей (Ждан) Иванович, голова в полку, городской воевода, помещик Юрьева Ливонского. Умер 10 декабря 1581 г. — № 39
- Кириев Федор — № 92
- Клим, печерский крестьянин. Умер 15 мая 1613 г. — № 88
- Кобылин Иван Иванов сын, новгородский помещик Шелонской пятины, дворовый. Умер 16 августа 1560 г. — № 6
- Коезин Алексей Борисов сын (в Синодике — Кавезин). Умер 28 января 1581 г. — № 63
- Козлов Иван, старец Псково-Печерского монастыря — Стр. 192
- Козьма Трофимов сын. Умер 13 апреля 1611 г. — № 85
- Кокоскин Юрий Иванов сын, вероятно, псковский помещик. Убит 4 октября 1577 г. под Социдажем (?) — № 35
- Корнилий, игумен Псково-Печерского монастыря. Казнен 20 февраля 1570 г. — № 20
- Коротнев Иван (Богдан), новгородский помещик Бежецкой пятины. Умер 7 июля 1560 г. — № 42
- Кошкин Яков Григорьев сын. Убит 11 ноября 1559 г. — № 3
- Креницын Наум Васильевич — № 104
- Креницын Петр Дмитриев сын, лудский помещик. Убит 29 января 1578 г. в Скровном (Апераде) — № 36
- Креницына Агания Евдокимова дочь, жена Наума Васильевича Креницына. Умерла 2 января 1671 г. — № 104
- Кропоткин Дмитрий Васильевич, в иночестве Дионисий, князь, голова в полку, городской воевода, помещик Шелонской пятины, новопомещик в Литве. Умер 23 июня 1574 г. — № 28
- Кулибакин Лаврентий Терентьев сын. Убит под Перновом 27 июля 1575 г. — № 30
- Ламышка, ландмаршал Ливонского ордена Филип Шалль фон Белль — № 41
- Ловнев Мина Иванов сын. Умер 23 апреля 1629 г. — № 101
- Ловнева (Ловника) Матрена, жена Мины Ловнева. Умерла в феврале 1628 г. — № 101
- Лукин Стефан Петров сын, вероятно, новгородский помещик. Умер 2 января 1570 г. — № 19
- Маврин Первой Иванов сын, в иночестве схимник Иосиф, очевидно, новгородский помещик. Умер 4 марта 1576 г. — № 31
- Мардасов Елифаный, в иночестве схимник Евфимий. Умер 24 декабря 1625 г. — № 99
- Мардасов Тит (Томила) Епифаниев сын. Умер 3 июля 1611 г. — № 83
- Марков Петр Пересветов сын. Умер в 1577 г. — № 51

- Михайло (Богдан), в иночестве Мисаил, дьяк. Умер 24 сентября 1592 г. — № 71
- Мотякин Григорий Васильев сын, псковский помещик. Умер 15 февраля 1576 г. — № 50
- Мстиславский Иван Федорович, князь, боярин — № 5
- Мяжкой Игнатий, помещик Шелонской пятины. Убит под Печерами 16 февраля 1614 г. — № 90
- Нагин Терентий, помещик Шелонской пятины. Убит под Печерами 16 февраля 1614 г. — № 90
- Назимов Георгий Яковлев сын, возможно, псковский помещик. Убит 15 июня 1576 г. под Апслом — № 32
- Неклюдов Ползевкт Иоакимов сын, стрелецкий сотник, псковский или новгородский помещик. Убит 19 января 1571 г. под Колыванью (Ревелем) — № 24
- Никифор, свечник, тихвинец. Умер в марте 1611 г. — № 82
- Ногин Евдоким — № 104
- Объедов Захария Ивaнов сын. Умер в июне 1561 г. — № 8
- Огарев (Агарев) Филипп (Образец), сын боярский. Умер 15 февраля 1578 г. — Стр. 192
- Ододуров (Дудоров) Григорий Ширяев сын, псковский помещик, городской по Опочке. Убит 2 августа 1560 г. в битве при Валках (Валк) — № 41
- Окунев Леонтий Андреевич, в иночестве Лаврентий, осадный голова, голова в полку, наместник в Белой, псковский помещик. Умер 4 января 1596 г. — № 73
- Окунев Максим Прокопиев сын, псковский помещик. Умер в феврале 1603 г. — № 75
- Окунев Прокопий Леонтьевич, псковский помещик. Убит 22 мая 1609 г. во время псковской смуты — № 78.
- Окунева Анастасия, дочь Максима Окунева. Умерла в 1603 г. — № 75
- Окунева Анастасия, дочь Прокопия Окунева. Умерла в 1609 г. — № 78
- Оранов (Орапов?) Мирон (Богдан) Константинов сын. Умер 16 января 1569 г. — № 16
- Павел Васильев сын, служба Псково-Печерского монастыря. Умер 11 февраля 1580 г. — Стр. 192
- Павел Михайлов сын, московский пушкар. Умер 14 июля 1575 г. — № 49
- Пансий (Обутков), священноинок, келарь Псково-Печерского монастыря. Умер 30 мая 1591 г. — Стр. 192
- Палицын, в иночестве Макарий, очевидно, новгородский помещик. Умер 21 марта 1575 г. — № 29
- Пестов, в иночестве старец Сергей, возможно, новгородский помещик. Умер 30 апреля 1614 г. — № 91
- Петр Васильев сын, подьячий. Умер 20 марта 1561 г. — № 43
- Петр Спиридонов сын. Умер 18 августа 1610 г. — № 80
- Плещеев (Плежеев), в иночестве Варлаам — № 11
- Подликарп Сергеев сын, очевидно, помещик Шелонской пятины. Убит под Печерами 16 февраля 1614 г. — № 90
- Порошин Степан Семенов сын, вероятно, помещик Шелонской пятины. Умер 13 сентября 1633 г. — № 102
- Пустопкин Василий, в иночестве схимник Варлаам, очевидно, новгородский помещик. Умер 3 марта 1626 г. — № 100
- Пушкин Иван (Субота) Стефанович, в иночестве Иона, новгородский помещик Шелонской пятины. Умер 22 декабря 1599 г. — № 86
- Пушкин Петр Стефанов сын, новгородский помещик Шелонской пятины. Убит 7 апреля 1575 г. под Елманом — № 48
- Пушкин Симеон Васильев сын, инок. Умер 24 января 1565 г. — Стр. 192
- Сабуров Иван Федорович, голова в полку, осадный голова, городской воевода, возможно, новгородский помещик Шелонской пятины. Умер 15 ноября 1580 г. — № 62
- Соитов Григорий, приближенный князя Петра Тутаевича Шейдякова. Умер 31 июля 1580 г. — № 60
- Селиванов Илья Андреевич, новгородский помещик Шелонской пятины Бельского погоста. Убит 15 сентября 1564 г. — № 14
- Селин Яков Никитин сын. Убит в 1660 г. — Стр. 192
- Сиротин Богдан Федоров сын. Умер 21 января 1574 г. — № 26
- Скобельцын Еремей Григорьев сын, очевидно, новгородский помещик Шелонской пятины — № 52
- Скрыпичин Стефан Иванов сын, очевидно, новгородский сын боярский Обонежской пятины. Убит под Изборском 23 января 1569 г. — № 44
- Скунщиков (Кунщиков) Кирилл, помещик Шелонской пятины. Убит под Печерами 16 февраля 1614 г. — № 90
- Сназин, в иночестве Варлаам, очевидно, новгородский помещик Шелонской пятины. Умер 14 января 1562 г. — № 9
- Сорочнев (Сорошнев) Иван Никитин сын. Умер 27 января 1619 г. — № 97
- Сумороцкий Симеон Александров сын, в иночестве Сергей, очевидно, псковский помещик. Умер 19 ноября 1569 г. — № 18
- Татищев Авксентий Афанасьев сын, псковский или новгородский помещик. Умер 17 ноября 1605 г. — № 67
- Уваров Василий Георгиев сын, в иночестве Васьян, псковский помещик — № 37
- Уньковский Григорий (Богдан) Юрьев сын, очевидно, новгородский помещик Шелонской пятины. Убит в Каркусе 8 марта 1573 г. — № 45

- Хвостов Андрей Михайлович, красногородский осадный голова, псковский помещик — № 98
- Хвостова София, в иночестве схимница Стефанида, жена Андрея Михайловича Хвостова. Умерла 21 июля 1625 г. — № 98
- Чебатаев Даниил Георгиев сын, псковский или новгородский помещик. Убит 11 ноября 1559 г. — № 2
- Чертов (Чортов) Иван Семенов сын. Умер 19 февраля 1581 г. — № 40
- Чиркин Стефан Молчанов сын, псковский помещик. Умер 24 сентября 1592 г. — № 65
- Чихачев Иван Михайлович, псковский или новгородский помещик. Умер 7 июня 1609 г. — № 79
- Чихачев Иван Федоров сын, псковский или новгородский помещик. Убит 28 октября 1558 г. — № 1
- Чихачев Федот — № 92
- Чихачева Анна Федорова дочь, в иночестве Александра, жена Федота Чихачева. Умерла 4 декабря 1614 г. — № 92
- Чубаров (Чюбаров) Василий Тимофеев сын, в иночестве Варлаам, голова в полку, новгородский сын боярский, дворовый, Вотской пятины. Умер 7 июля 1569 г. — № 17
- Шаблыкин Яков Иванов сын, помещик Шелонской пятины. Убит 21 октября 1571 г. — Стр. 192
- Шатилов Петр Борисов сын. Умер в ноябре 1562 г. — № 10
- Шевелев Кондратий (Нечай) Стефанов сын, приближенный князя Иванова Федоровича Мстиславского. Убит 2 августа 1560 г. — № 5
- Шейдяков Петр Тутавич, князь, ногайский мурза, воевода, псковский наместник — № 60
- Шуйский Петр Иванович, князь, боярин, воевода, псковский наместник — № 12
- Щукин Григорий Васильев сын, в иночестве схимник Геронтий, псковский гость. Умер 31 августа 1611 г. — № 86

Т. В. НИКОЛАЕВА

НОВЫЕ НАДПИСИ НА КАМЕННЫХ ПЛИТАХ XV—XVII вв.
ИЗ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

Опубликованные недавно В. Б. Гиршбергом «Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв.»¹ имеют большую научную ценность. Тщательная систематизация всех известных надписей на камнях дала возможность проследить изменение эпиграфических признаков, орнамента, техники обработки камня на протяжении нескольких столетий. Историческое значение опубликованных надписей исключительно велико, так как они содержат сведения не только о лицах, известных в истории, но и о тех, кто не упоминается в письменных источниках. Сюда прежде всего нужно отнести мастеровых, ремесленников, слуг и служебников, посадских людей. Порою только из надписей на камнях мы узнаем и о некоторых членах боярских и княжеских фамилий, особенно женщинах. По существу каждая надпись является самостоятельной страничкой истории.

Хотя число надписей, изданных в настоящее время, довольно велико, в них заметны два существенных пробела. В общем хронологическом ряду надписей еще слишком небольшое место занимают плиты XV—первой трети XVI в., содержащие наиболее разнохарактерные по начертанию надписи и наиболее архаические элементы орнамента. Кроме того, письменные источники и сами надписи не дали пока почти никаких сведений о мастерах, изготовлявших каменные плиты, и о «писцах», наносивших на них текст². Эти пробелы в какой-то мере восполняют новые находки на территории Троице-Сергиевой лавры. Составляя единый исторический комплекс, связанный с определенным художественным центром, надписи лавры занимают особо важное место в общем ряду эпиграфических памятников Москвы и Подмосковья.

В 1963 г. на территории лавры проводились большие земляные работы в связи с нивелировкой площади между древнейшими архитектурными сооружениями — Троицким собором (1422 г.) и Духовской церковью (1476 г.). Работы затронули самый древний участок монастырского некрополя. Около Троицкого собора хоронили с середины XIV в. Ко времени составления первого списка надгробий (середина XVII в.) большинство древних могил было уже забыто, а ранние надгробные плиты «ушли в землю». Поздние захоронения нарушили планировку древнего некро-

¹ В. Б. Г и р ш б е р г. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. Часть I. Надписи XIV—XVI вв. — НЭ, I, 1960; Часть II. Надписи первой половины XVII в. — НЭ, III, 1962, стр. 212—287.

² Исключение составляет разве только надпись на плите 1541 г. Повилики тверитина, если считать, что он сам вырезал надпись на памятной плите в честь построенной им церкви Кирилла чудотворца на Возмище. См.: В. Б. Г и р ш б е р г. Надпись мастера Повилики. — СА, 1959, № 2.

поля, и находившиеся в земле тонкие белокаменные доски оказались сдвинутыми со своих мест, разбитыми и частично утраченными. Тем не менее именно на этом участке удалось обнаружить наиболее ранние надписи. Большинство из них сохранилось только во фрагментах.

Новые находки дают возможность прежде всего уточнить характер орнамента на ранних надгробиях. Подавляющее большинство найденных сейчас плит XV—первой трети XVI в. не имеет сверху лучеобразных клейм. Как правило, клейма в виде круга или полукруга заполнены треугольниками, уложенными рядами или плотной сеткой. Дважды встречены клейма в виде ободка из двух или трех рядов мелких треугольников, без орнамента внутри (№ 2 и 13). С 30-х годов XVI в. лучеобразные клейма уже преобладают, а сетчатые становятся архаизмом. Клейма же в виде ободка исчезают совсем.

Для XVI в. клейма сверху в виде круга являются большой редкостью³. Но, по-видимому, эту деталь узора следует считать не просто прихотью мастера, а отражением орнамента более раннего периода, когда такие клейма были обычными. Надгробие 1495 г. (№ 1) с круглым сетчатым клеймом в верхней части плиты свидетельствует о древности этой особенности орнамента, тем более, что орнамент на этом надгробии может быть даже старше указанной на нем даты. Дополнительная орнаментика на плите 1495 г. в виде ободков из двух рядов треугольников в верхних углах говорит о возможности более сложной композиции в XV в., что еще более приближает украшения на каменных плитах к трехгранновыемчатой резьбе на народных деревянных предметах.

На известных нам плитах XV в. нет обводки внутренних контуров орнамента врезанной линией, но она появляется все же очень рано, с самого начала XVI в.

В первой четверти XVI в. орнаментика надгробных плит еще не приобрела четко установившегося канона, свойственного более позднему времени. Кроме уже отмеченной особенности верхних клейм, встречаются и другие отступления от традиционного орнамента. Так, по краям плиты 1519 г. (№ 6) вместо обычных двух рядов треугольников тянутся три ряда, опускающиеся ниже закругленных тяг, а по верхнему краю плиты проложены не три, а четыре ряда треугольников.

На плитах XV в. узор высечен более глубоко и четко и лучше размещен на поверхности камня, чем на плитах первой трети XVI в. К сожалению, большинство ранних плит сохранилось только во фрагментах, и мы часто лишены возможности судить о композиции орнамента в целом.

Надписи на плитах конца XV—первой трети XVI в. выполнены либо полууставом, либо несложной вязью с небольшим количеством лигатур. Как правило, они бывают плохо увязаны с орнаментом и плохо размещены на поверхности камня. Это подтверждает уже ранее отмеченную последовательность изготовления надгробных плит⁴. Сначала мастер-белокаменщик делал самую плиту и наносил на нее орнамент. Затем «писцы» вводили надпись о погребенном. Судя по надписям, «писцы» далеко не всегда были профессионалами и не всегда понимали надпись и орнамент как единое художественное целое. В Троице-Сергиевом монастыре, где постоянно хоронили за крупные вклады деньгами, вотчинами или имуществом, всегда был, по-видимому, запас надгробных плит, на которые оставалось только нанести надпись о погребенном.

Впервые на плитах первой четверти XVI в. обнаружены надписи-граффити мастеров. Они также свидетельствуют о том, что плиты делались заранее и в большом количестве (число «KS» — 26 — на обороте надгробия). На одной из плит граффито содержит указание года, в который была

³ В. Б. Г и р ш б е р г. Материалы. . . , ч. I, табл. III, I: VI. I.

⁴ Там же, ч. II, стр. 213.

сделана заготовка надгробия (№ 7). Кроме того, мастера, по-видимому, иногда помечали на плитах, кому из заказчиков предназначается надгробие (№ 8). О том, что такие надписи делали не «писцы», а мастера-белокаменщики, говорит тот факт, что надписи иногда размещены на оборотных сторонах досок.

Мастера-белокаменщики могли быть и непосредственными исполнителями надписей на надгробиях, о чем можно судить по плитам середины XVI в., на которых надпись и орнамент хорошо увязаны между собой. В какой мере работа «писца» и белокаменщика была разделена, судить пока трудно.

Среди довольно большого числа надгробий, открытых в Троице-Сергиевой лавре, представляется возможным указать плиты, «подписанные» одной рукой. Так, надпись на плите Шемячича 1561 г. (№ 14) аналогична надписи на плите княгини Глинской 1562 г.⁵ Надпись на плите Новосильцева 1594 г.⁶ близка к надписи на плите Анны Глинской 1596 г. (№ 24). Эти надписи обнаруживают не просто палеографическое сходство, а единство «почерка».

В XVI в. в монастыре, несомненно, были мастера-каллиграфы, специалисты по надписыванию плит. Об одном из них имеются сведения и в письменных источниках: «На Максиме Греке камень подписывал Каменского монастыря постриженник черной дьяконъ Григорей, прозвище Ефиоп, ино сказал достоверно, что на камени надписано: Максим Грек, прозвище слиняло от доски»⁷. К сожалению, плита Максима Грека не сохранилась.

Престарелые жители монастыря, по-видимому, сами заботились о приобретении надгробных плит и о надписях на них. Об этом свидетельствуют находки камня с надписью «вместо старца Данила»⁸ и камня Боташева-Безбородого, где не дописаны год и число кончины (№ 25).

Мастера могли делать надгробия в качестве вклада, точно так же, как в качестве вклада поступал и другой погребальный инвентарь, например гробы. Так, в 1637 г. «дал вкладу володимерского уезду государевы Кривеницкие волости крестьянин Назар Тархов сын Артемов. . . пять гробов по цене за 5 рублей и за тот вклад ево постригли, во иноцех Никонор»⁹.

Большинство надписей Троице-Сергиевой лавры, даже сохранившихся в отдельных фрагментах, может быть датировано и дополнено при помощи письменных документов. Таким образом, они представляют собой не бессмысленные отрывки, а полноценные исторические источники.

Большая часть недавно найденных в лавре надгробий не упоминается в известных нам списках погребенных и является новым дополнением к этим спискам.

1

Между 1484 и 1495 гг.

Надгробие новгородского архиепископа Сергия

Инв. № 694 арх. Нижний конец плиты утрачен, сохранившаяся часть разбита в двух местах. Размеры: длина 119 см, ширина сверху 57 см, ширина внизу 54 см, толщина 12 см.

⁵ В. Б. Гиршберг. Материалы. . . , ч. I, табл. IV, 3.

⁶ Т. В. Николаева. К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры. — СЗМ, № 3, 1960, стр. 185, табл. 89.

⁷ Чины разные. XVII в. Рукопись ГБЛ, ф. 304 (ТСЛ), № 740. Надпись приведена у Арсения, но без слова «Григорей». См.: Арсений. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1879, стр. 132—133.

⁸ С. К. Смирнов. Древние надгробные надписи, открытые в Троицкой лавре. — Труды I АС, т. II. М., 1871, стр. 420.

⁹ Вкладная книга 1673 г. Рукопись в архиве ГЗМ, № 288, л. 1005 об. — 1006.

Найдено в 1,2 м к востоку от центральной апсиды Троицкого собора, на глубине 0,5 м от современной дневной поверхности ¹⁰.

На камне хорошо сохранились семь строк надписи и геометрический орнамент. В центре сверху высечен круг, заполненный треугольниками, расположенными не лучеобразно, а плотной сеткой. По внешнему ободку круга высечены два ряда мелких треугольников, образующих как бы зигзагообразную линию. Лицевую поверхность плиты по краям обрамляет полоса из двух рядов треугольников. На нижнем ее конце высечен, как и сверху, круг с треугольниками, расположенными не лучеобразно, а сеткой. От этого круга вверх, к боковым сторонам, отходят две закругленные тяги из двух рядов треугольников и одна прямая тяга — к нижнему краю. В верхней части плиты высечен дополнительно еще и третий, внутренний ряд мелких треугольников, опускающийся до боковых тяг. Кроме того, в отличие от ранее известных надгробий верхние углы и углы, образованные внутренней окантовкой и тягами, соединены закругленными линиями из двух рядов треугольников. Весь орнамент высечен четко, глубоко, хорошо распределен на поверхности камня, отличается сложностью композиции (рис. 1).

Надпись резана вглубь:

1. Доска; инока; амор¹⁰тос
2. а сьргиа бывшаго ар
3. хиепископа
4. великаго новагорода и
5. пскова положен
6. в лѣ #31 мѣд
7. априла 1 днѣ

Имеются лигатуры: **МР**, **ЯГ** (трижды), **ЯР**, **ПИ**, **ЛИК**, **АИ**.

Расположение надписи на плите таково, что она нарушает композицию орнамента. Первая строка огибает верхнее круглое клеймо. Остальные строки перерезают тяги, идущие от нижнего клейма к боковым сторонам. Строки расположены не по прямой линии. Совершенно очевидно, что орнамент и надпись разновременны: сначала на плите был высечен орнамент, а потом надпись, причем надпись сделана в два приема. Первые пять строк высечены глубоко, твердой рукой, с характерным одинаковым начертанием букв. Последние две строки едва нацарапаны на камне небрежным почерком. Как раз в этих строках и содержится указание года и дня погребения. Это дает основание предположить, что первые пять строк надписи были заготовлены заранее, еще при жизни погребенного, а последние две строки были дописаны после его смерти.

В надписи употреблено греческое слово *ἀμαρτωλός* (грешный), написанное по-русски в родительном падеже.

Архиепископ Сергей (в миру Симеон) был постриженником Троице-Сергиева монастыря. По воле Ивана III он был поставлен в новгородские архиепископы — впервые не из среды новгородцев, а из москвичей. Враждебно принятый в Новгороде, он заболел и вынужден был принять схиму в Хутынском монастыре. Пробыв в Новгороде десять месяцев без шести дней, он вернулся в Троице-Сергиев монастырь 27 июня 1484 г. ¹¹ Больной и уже будучи схимником, он, несомненно, должен был позаботиться о месте своего упокоения. Именно это обстоятельство и могло

¹⁰ В списке погребенных архиепископ Сергей указан захороненным «в неизвестных местах лавры» (Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 г. М., 1880, № 776).

¹¹ ПСРЛ, III, стр. 183; V, стр. 42; VI, стр. 36 и 235; VIII, стр. 215; Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1870, т. VI, кн. 1, стр. 75—77.

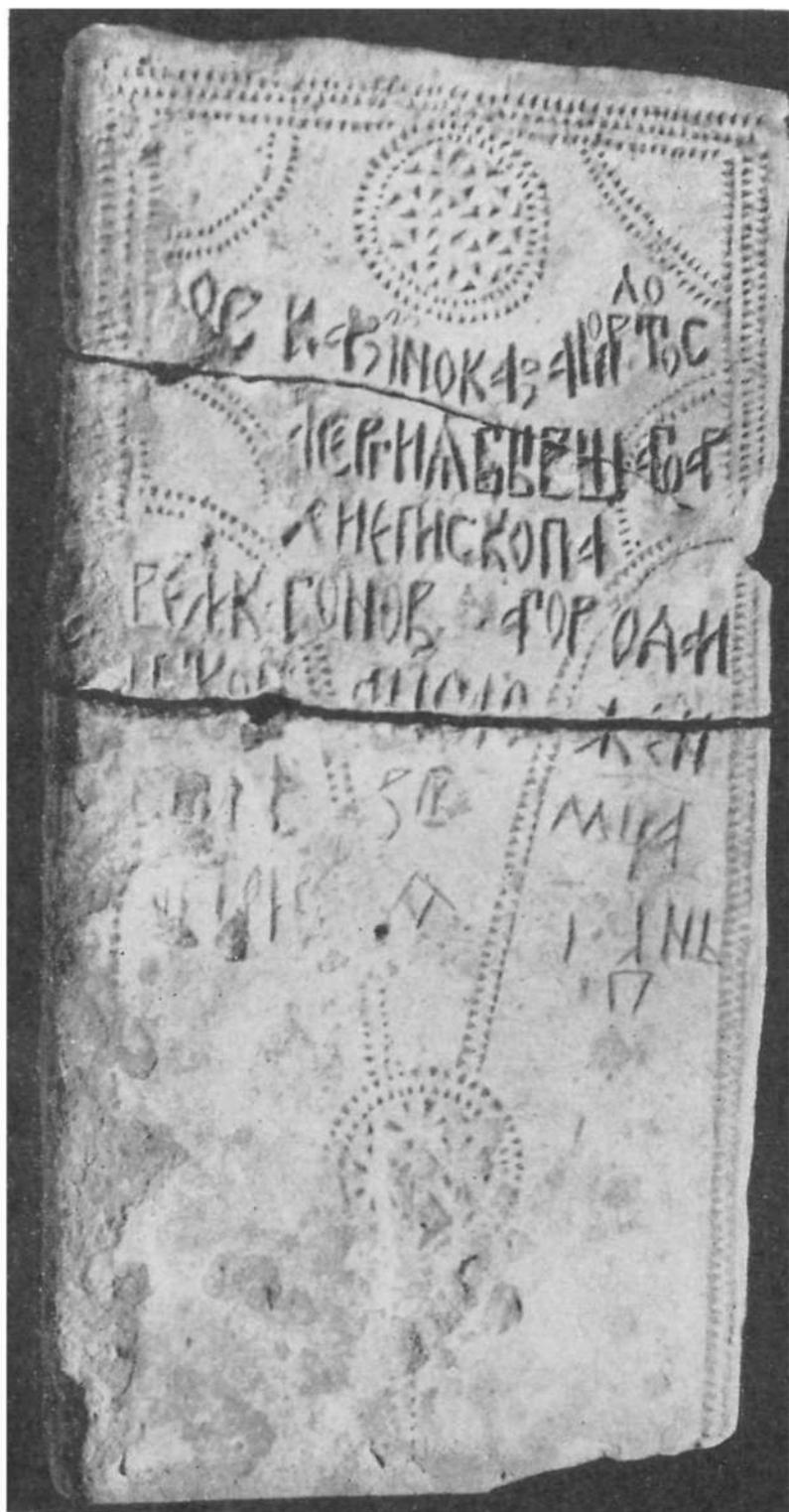

Рис. 1. Надгробие новгородского архиепископа Сергия, 1484—1495 гг.

послужить причиной того, что он при жизни приобрел себе надгробную доску, на которой и были высечены пять начальных строк надписи. После возвращения из Новгорода архиепископ-схимник прожил в Троицком монастыре почти 11 лет. В этот промежуток времени (1484—1495) и могла быть заказана надгробная плита и заранее высечена на ней надпись.

2

Начало XVI в. Надгробие князя инока Сергия, сына Бориса Васильевича Суздальского

Инв. № 695 арх. Сохранилось лишь два фрагмента средней и верхней части плиты. Размеры: длина сложенных вместе фрагментов 72 см, ширина 54 см, толщина 10 см.

Найдено в 1,3 м к востоку от южной апсиды Троицкого собора на глубине 0,5 м.

По краям плиту обрамляла полоса из двух рядов треугольников. В верхней ее части был еще и третий, внутренний ряд мелких треугольников. Над надписью высечен полукруглый ободок из двух рядов треугольников без дополнительной орнаментики внутри него. Кроме того, на нижнем фрагменте плиты видны две закругленные тяги из двух рядов треугольников, сходящиеся к центральному клейму (клеймо не сохранилось). Внутренние контуры орнамента обведены врезной линией (рис. 2).

На обоих фрагментах плиты читаются восемь строк надписи, исполненной неглубокой резьбой:

1. ... (клеймо) по^бл в ЗД
2. ... *агь стго личика и
3. ... преста... ° ра^б ежьи
4. ... [ин]о^к князь с
5. ... рг^еи ки^ал бор
6.   исоэкь снъ
7.   васи
8. лъевича с

Надпись написана полууставом с небольшим числом лигатур: **ЧНК ИИ.**

Записей о князе иноке Сергии уже нет в известных нам списках погребенных. Но, по-видимому, именно к нему нужно отнести запись в Кормовой книге Троице-Сергиевой лавры: «Село Шухобалово, а к нему сел и деревень 5, вытей 283 выти с четвертью, а в письменных книгах 7 сох; кормити пять кормов, один середний корм, а четыре меньших по великом князе Иване, по князе Семеоне, по князе Иване, по князе Дмитрие, по князе Борисе, по князе Андрее, по князе иноке Сергие»¹².

Село Шухобалово находилось в Суздальском уезде¹³. Князь инок Сергей (в миру Симеон), вписанный в поминальницу великого князя Ивана III, был сыном Бориса Васильевича Суздальского. Он был связан с Троицким монастырем, о чем можно судить по следующей записи во Вкладной книге, помещенной в главе «Государей царей и великих князей вклады»: «Дал вкладу князь Семен Борисович Суждальской по себе и по своих родителей вотчину свою в Суждальском уезде село Окаево со всеми угоды, а сколько в той вотчине крестьян и пашни и каких угодей

¹² Леонид. Кормовая книга XVII в. библиотеки Троицкой Сергиевой лавры, № 812. — В кн. А. В. Горский. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, II. М., 1890, стр. 48.

¹³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. I. М., 1952, стр. 607, прим. 221.

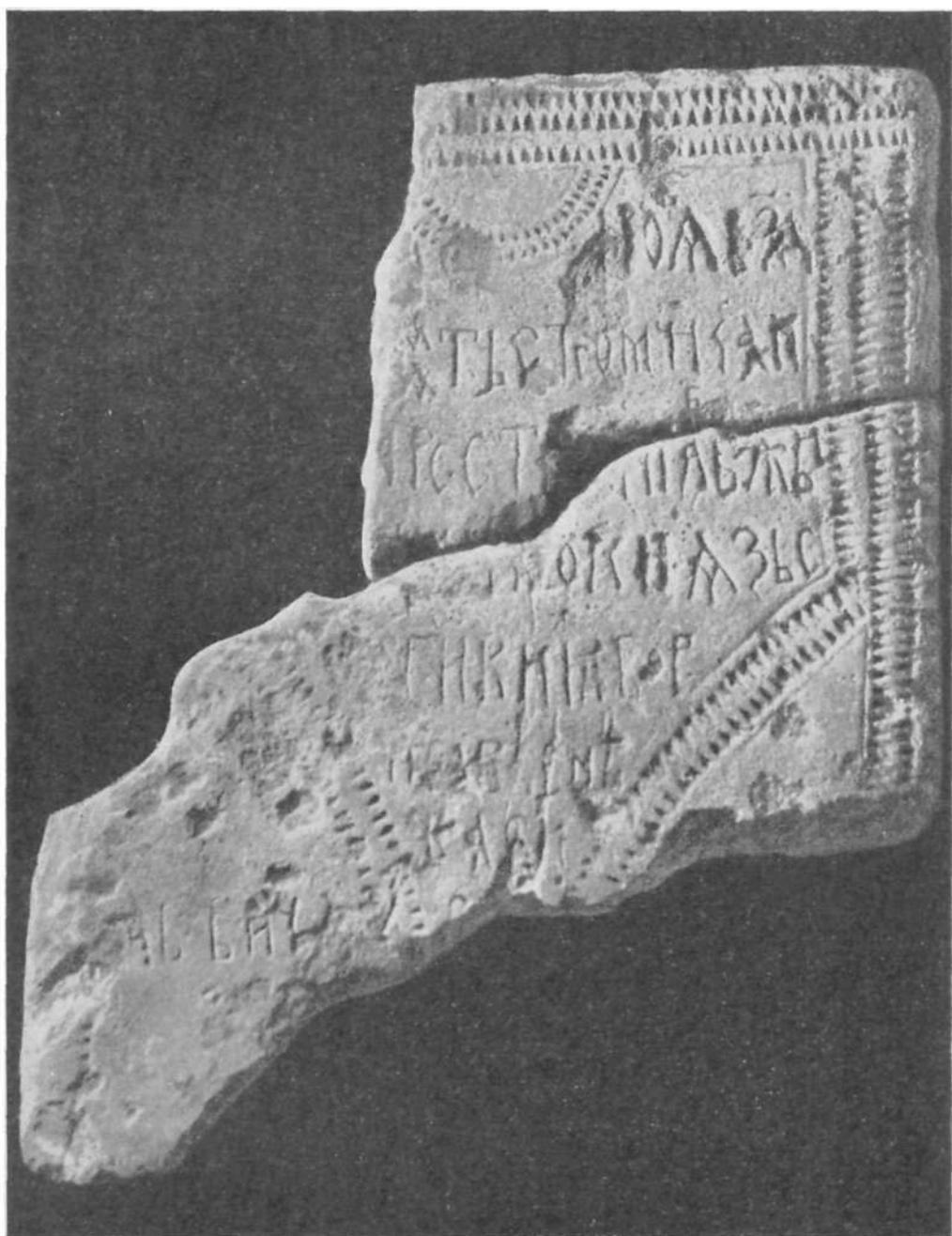

Рис. 2. Надгробие князя инок Сергия (в миру Симеона), сына Бориса Васильевича Суздальского, начало XVI в.

и за сколько денег дана — того не написано, а даная писана в вотчинной книге в Суждале, глава 1-я»¹⁴.

Подтверждением тому, что князь Симеон Борисович принял иноческое имя Сергия, является запись в монастырских синодиках, где он значится и под светским, и под монашеским именем: «Князя Симеона», а сверху киноварью надписано «Суждальской» и рядом — «князя Сергия», а сверху киноварью — «Суждальской»¹⁵.

У Бориса Васильевича Суздальского (убит в суздальском побоище 1445 г.) был только один сын Симеон, о чем прямо говорят древнейшие родословцы: «А у пятого сына у князя Бориса Васильевича один сын князь Семен Суздальский, а у князя Семена сын князь Василий Суздальский»¹⁶. Симеон Борисович в последний раз упоминается в 1502 г.¹⁷

Следует отметить, что фрагменты надгробия князя инока Сергия были найдены вблизи того места, где погребали и других суздальских князей — Шуйских и Горбатовых Шуйских¹⁸.

3

Начало XVI в.

Фрагмент надгробия с геометрическим орнаментом
и полууставной надписью: **КРИГА**

Инв. № 696 арх. Обломок неправильной формы. Размеры: 45×22×13 см (рис. 3).

Найден в строительном мусоре к востоку от южной апсиды Троицкого собора.

4

1513 г. Надгробие Фетиньи, дочери Кузмы

Инв. № 777 арх. Надгробие сохранилось полностью, но разбито на две части. Размеры: длина 176 см, ширина сверху 63 см, ширина внизу 50 см, толщина 8,5 см.

Найдено на расстоянии 5 м к западу от Успенских ворот на глубине 0,65 м.

По краям плиту обрамляет полоса из двух рядов треугольников, образующих зигзагообразную линию. В верхней части плиты высечено клеймо в виде круга из одного ряда крупных и двух рядов мелких треугольников, расположенных лучеобразно. В средней части плиты имеется такой же круг, от которого отходят две полукруглые тяги к боковым сторонам и одна прямая тяга к нижнему краю плиты. Тяги образованы двумя рядами треугольников. В верхней части плиты имеется еще и третий, внутренний ряд мелких треугольников, опускающийся до полукруглых тяг. Все внутренние контуры орнамента очерчены врезной линией (рис. 4).

Надпись резана вглубь:

1. лѢТ $\overline{\neq}$ $\overline{ка}$ (клеймо) прѣста
2. [вис]а рава вѣіа

¹⁴ Вкладная книга 1673 г., л. 52.

¹⁵ Синодик из Ризницы Троице-Сергиевой лавры 1575 г. (№ 2). Рукопись ГБЛ, № М-8666, л. 11 об.; Синодик 1680 г. Рукопись в архиве ГЗМ, № 322, л. 42.

¹⁶ Родословная книга. — Временник, т. X. М., 1851, стр. 45; В. Д у р а с о в. Родословная книга всероссийского дворянства. I. СПб., 1906, стр. 110 и 132.

¹⁷ Н. М. К а р а м з и н. История государства Российского. СПб., 1843, т. VI, прим. 533.

¹⁸ Т. В. Н и к о л а е в а. Новые находки на территории Загорского музея-заповедника. — СА, 1957, № 1, стр. 251—255.

Рис. 3. Фрагмент надгробия, начало XVI в.

3. Ф[е]ті"а
4. кѣзміна
5. дочь

Кроме того, под словом «дочь» видны едва начертанные буквы меньшей величины: П, Я, Д, М.

Надпись небрежная, нанесена неумелой рукой. Вторая строка заходит на орнамент верхнего клейма.

Плита найдена в той части монастырского некрополя, где хоронили только ремесленников и крестьян. Поэтому обнаружить в монастырских документах записи о погребении Фетины не удалось.

5

1517 г. Надгробие княгини инокини

Инв. № 702 арх. Надгробие сохранилось в трех фрагментах. Нижняя часть плиты утрачена. Размеры: длина 71 см, ширина вверху 56 см, толщина 7 см.

Найдено на расстоянии 1,3 м к востоку от южной апсиды Троицкого собора на глубине 0,5 м. Камни находились рядом с фрагментами надгробия князя инока Сергия (см. № 2).

По краям плиту обрамляет полоса из двух рядов треугольников, образующих зигзагообразную линию. В верхней части плиты имеется еще и третий, внутренний ряд мелких треугольников, опускающийся до полукруглых тяг. В центре над надписью — большое полукруглое клеймо, заполненное тремя рядами попарно сложенных крупных треугольников и обрамленное тремя рядами мелких треугольников. Частично сохранились и две полукруглые тяги из двух рядов треугольников. Все внутренние контуры орнамента очерчены врезной линией.

На плите читаются пять неполных строк надписи, резанной вглубь почерком, напоминающим раннюю вязь. Буквы высокие и узкие, начертаны криво, строки расположены не по прямой линии (рис. 5).

1. лѣта (клеймо) $\overline{\text{зке}}$
2. геѣва^р $\overline{\text{з}}$ прѣстави раба боа^а инока
3. $\overline{\text{кнѣн}}$ . . . $\overline{\text{д}}$ . . . $\overline{\text{л}}$ (Евфимия?)
4. " . . . борисовича
5. . . . ского

Лигатуры: ЛѢТ, ПР, ЯВ, ЯБ, КНГ.

Поскольку надгробие найдено рядом с захоронениями князей суздальских, то, по-видимому, и оно было положено на могиле представительницы этого рода. Вполне вероятно, что княгиня инокиня — жена Симеона Борисовича Суздальского, чье надгробие найдено рядом. В таком случае две последние строки надписи можно было бы восстановить так: «князь Семенов Борисович Суздальского». Монастырские документы пока не дали ключа к более аргументированному определению принадлежности надгробия.

Рис. 4. Надгробие Фетины, дочери Кузумы

Рис. 5. Надгробие княгини инокнии, 1517 г.

1519 г. Надгробие князя Ивана Ивановича Холмского

Инв. № 699 арх. Нижняя часть плиты утрачена. Размеры сохранившейся верхней части: длина 65 см, ширина сверху 67 см, толщина 10 см.

Найдено на расстоянии 1,5 м к востоку от южной апсиды Троицкого собора на глубине 0,5 м.

На камне высечены три строки надписи и геометрический орнамент. По боковым сторонам лицевую поверхность плиты обрамляют полосы из трех рядов треугольников. Все три ряда треугольников высечены не только в верхней части плиты, но и ниже полукруглых тяг. По верхнему же краю плиты идет полоса не из трех, а из четырех рядов треугольников. Закругленные тяги образованы двумя рядами треугольников.

Полукруглое верхнее клеймо заполнено плотной сеткой из мелких треугольников и обрамлено ободком из двух рядов треугольников. Все внутренние контуры орнамента очерчены врезной линией (рис. 6).

Надпись высечена вглубь:

1. $\overline{\text{лѣт}} \cdot \overline{\text{а}} \cdot \overline{\text{ѣ}} \cdot \overline{\text{з}} \cdot \overline{\text{кз}}$ (клеимо) $\overline{\text{мѣ}} \cdot \overline{\text{а}} \cdot \overline{\text{юна}}$
2. $\overline{\text{а}} \cdot \overline{\text{днѣ}} \cdot \overline{\text{прѣстави}} \overline{\text{къ}}$ $\overline{\text{кнзѣ}}$ $\overline{\text{иванѣ}}$
3. $\overline{\text{иванови}}$ $\overline{\text{холмѣ}} \cdot \overline{\text{скон}}$

В списках погребенных Иван Иванович Холмский не значится. Во Вкладной книге 1673 г. среди представителей рода Холмских его также нет. Но, по-видимому, именно к нему относится запись во Вкладной книге среди «беспровищных» (л. 611 об.): «7027 го (1519) году генваря в 28 день дала вкладу Ульяна Иванова жена Ивановича денег 20 рублей». С надписью на надгробии совпадает год и имя погребенного. В раздел «беспровищных» вписывали вклады забытых родов, названия которых не были обозначены в ранних монастырских документах. В большинстве случаев эти записи относятся к XV—первой четверти XVI в.

В росписи рода Холмских известен только один Иван Иванович по прозвищу Каша — сын Ивана Дмитриевича Холмского¹⁹. Именно так он и записан в монастырском синодике: «князя Иоанна», а сверху киноварью — «Холмской Каша»²⁰.

7

Первая четверть XVI в.

Фрагмент надгробия с геометрическим орнаментом
и надписью-граффито

Инв. № 706 арх. Сохранилась только левая сторона средней части плиты. Размеры: 60×34×7 см.

Камень найден в строительном мусоре на площади между Троицким собором и Духовской церковью.

Лицевая поверхность камня имеет геометрический орнамент: два ряда мелких треугольников по краю плиты, круглое лучеобразное клеймо из одного ряда крупных и двух рядов мелких треугольников и две узкие закругленные тяги из двух рядов мелких треугольников (рис. 7).

¹⁹ А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. 2. СПб., 1895, стр. 334—337; П. Н. Петров. История родов русского дворянства, т. I. СПб., 1886, стр. 134.

²⁰ Синодик 1575 г., л. 11 об.

Рис. 6. Надгробие князя Ивана Ивановича Холмского, 1519 г.

Рис. 7. Фрагмент надгробия с надписью-граффито, первая четверть XVI в.

На боковой стороне камня начертана по горизонтали надпись-граффито в одну строчку:

в лѣто $\neq 3$ (один знак сбит)з пол...

Надпись, по-видимому, обозначает год, в который была сделана заготовка надгробия.

8

Первая четверть XVI в.

Фрагмент надгробия со следами надписи о погребенном (на лицевой стороне) и надписями-граффити (на боковой стороне и на обороте)

Инв. № 697 арх. Сохранился правый верхний угол плиты. Размеры: $38 \times 39 \times 7,5$ см.

Камень найден в строительном мусоре на площади между Троицким собором и Духовской церковью.

На лицевой поверхности плиты видны следы трех строк почти стертой надписи и ранний геометрический орнамент: по краям два ряда мелких треугольников, в верхней части виден и третий, внутренний ряд мелких треугольников, опускающихся до полукруглых тяг. Сверху над надписью — полукруглое клеймо, обведенное двумя рядами мелких треугольников. Внутри клейма орнамент сбит. Справа сохранился след полукруглой тяги из двух рядов треугольников. Тяги высоко подняты к верхней части плиты. Внутренний контур орнамента обведен врезной линией.

На боковой стороне камня по вертикали начертана надпись-граффито (рис. 8).

На обороте камня высечено: в лѣ (правая сторона надписи отбита).

Вполне возможно, что словом «Пронской» мастер пометил фамилию заказчика надгробия. Некоторые из князей Пронских постригались в монахи в Троицком монастыре, и многие из них были здесь погребены. Их вклады записаны с 1517 г.²¹

Рис. 8. Граффито на плите, первая четверть XVI в.

²¹ Вкладная книга 1673 г., л. 131.

Рис. 9. Фрагмент надгробия, первая четверть XVI в.

Первая четверть XVI в.
Фрагмент надгробия с тремя строками надписи
о погребенном и геометрическом орнаментом

Инв. № 701 арх. Размеры: 37×34×8 см.

Найден в строительном мусоре в 2,5 м к востоку от апсид Троицкого собора на глубине около 0,4 м.

Орнамент ранний геометрический. По краю высечены два ряда треугольников с третьим, внутренним рядом, опускающимся до закругленной тяги, состоящей из двух рядов треугольников. В правом верхнем углу фрагмента сохранились два ряда треугольников от сбитого верхнего клейма. На камне заметны следы трех строк надписи ранней несложной вязью (рис. 9):

1. сѣк мчи
2. тонѣа к... ѿ про
3. прѣстави

10

Первая четверть XVI в.
Фрагменты надгробия с четырьмя строками
надписи о погребенном и геометрическим орнаментом

Инв. № 700 арх. Размеры: 40×42×7 см.

Найдены в строительном мусоре на площади между Троицким собором и Духовской церковью.

Орнамент ранний геометрический. По верхнему и правому краю высечены три ряда мелких треугольников (третий, внутренний ряд опускается только до полукруглой тяги, от которой сохранилась небольшая часть). Полукруглое верхнее клеймо стерто (рис. 10).

Надпись ранней несложной вязью резана вглубь:

1. ... мѣа ѿи
2. ... полагаи
3. ... арма
4. ... аго

11

1527 г. Надгробие Дмилана (Дампана)
Афанасьевича Сакмышева

Инв. № 667 арх. Сохранилась только верхняя часть надгробия. Размеры: длина 61 см, ширина сверху 66 см, внизу 61 см, толщина 8,5 см.

Камень был найден в закладке закомар Духовской церкви (1476 г.) при восстановлении древней звонницы. Надгробие было использовано в XVIII в. в качестве строительного материала.

Орнамент на плите ранний геометрический. Лицевая поверхность плиты по краю обрамлена двумя рядами мелких треугольников. В верхней ее части имеется еще и третий, внутренний ряд треугольников, опускающийся до полукруглых тяг. Сверху над надписью высечен полукруг, заполненный плотной сеткой из треугольников и обрамленный двумя рядами мелких треугольников, расположенных лучеобразно. Внутренние контуры орнамента очерчены врезной линией. Верхняя часть плиты обработана в XVIII в. в виде зубцов при приспособлении ее к архитектурному декору Духовской церкви (рис. 11).

Рис. 10. Фрагмент надгробия, первая четверть XVI в.

Рис. 11. Надгробие Димитрия Афанасьевича Сакмышева, 1527 г.

Надпись резана вглубь:

1. лѣта ~~з~~злѣ мѣца іѣна в а прѣ
2. стависа дмїан ѡбан
3. асѣв сн сакмышева

Сведения о Сакмышевых содержат Вкладная и Кормовая книги 1673 и 1674 гг. Во Вкладной книге о них записано: «7036 го (1528) году, февраля в 3 день, дала вкладу Огрофена Дмитриева жена Сакмышева по муже своем Дмитрии во иноцех Демьяне денег пятьдесят рублей, да прежде того в 31 (1523) году августа в 13 день Огрофена же дала по муже своем денег десять рублей.

63 го (1555) году, февраля в 23 день, дала вкладу Ирина Иванова жена Сакмышева денег тридцать рублей.

79 го (1571) году, марта в 10 день, дал вкладу Матвей Иванович Сакмышев по своих родителей денег двадцать рублей»²².

В Кормовой книге запись обобщена: «Род Сакмышевых. Агрипины. Марии. Инока Домиана. Ирины. Матфея. Дачи их 100 рублей»²³.

Сакмышевы были выходцами из Твери. Их родоначальник Степан Никитич Сакмыш был сыном тверского боярина Никиты Александровича²⁴. Афанасий Сакмыш значился в окольных при Иване III²⁵. В монастырском синодике записаны «родители Сакмышевы Матфея Малечкина тверитина»²⁶. Значится здесь и «инок Домиан Сакмышов»²⁷.

12

1527 г. Надгробие князя Ивана Михайловича (Глинского?)

Инв. № 703 арх. Сохранилась только верхняя часть надгробия. Размеры: длина 48 см, ширина сверху 43 см, внизу 38 см, толщина 6,5 см.

Найдено напротив южной апсиды Троицкого собора на расстоянии 2,5 м на глубине 0,5 м.

Орнамент на плите ранний геометрический. По краям — полоса из двух рядов треугольников, в верхней ее части имеется еще и третий, внутренний ряд треугольников, в центре сверху почти стертое полукруглое клеймо. Слегка видны и две полукруглые тяги, идущие от боковых сторон к нижнему краю плиты. Плита очень маленькая, как для ребенка (рис. 12).

Надпись резана вглубь:

1. лѣтъ ~~з~~злѣ (клеймо) мѣца на
2. въ 61 · положенъ бысть
3. княз Иван мих
4. аилови... ли
5. ...скон

В списках погребенных князь Иван Михайлович, умерший в 1527 г., не значится, как нет там сведений и о многих других ранних захоронениях. Но зато в перечне надгробий XVII в. есть следующая запись: «да по сказке уставщика Иасафа Кирьякова, да дьякона Закхея, против же алтаря церкви живоначальная Троица к северу (от Воротынских. — Т. Н.)

²² Вкладная книга 1673 г., л. 194 об.

²³ Кормовая книга 1674 г. Рукопись в архиве ГЗМ, № 5561, л. 102 об.

²⁴ Русская родословная книга. СПб., 1873, стр. 93—94; Родословная книга, стр. 118—119.

²⁵ П. Н. М и л ю к о в. Древнейшая разрядная книга. — ЧОИДР, 1902, кн. 1, стр. 28.

²⁶ Синодик 1575 г., л. 68.

²⁷ Там же, л. 178 об.

Рис. 12. Надгробие князя Ивана Михайловича (Глинского?), 1527 г.

род Глинских. А камней и на них надписей не знать, вросли в землю»²⁸. Возможно, что последнее слово на плите следует восстановить как «Глинской».

Упомянутый об Иване Михайловиче Глинском до 1527 г. в известных нам росписях рода Глинских нет²⁹. Это можно объяснить тем, что погребен был очень молодой человек, возможно даже ребенок. Среди ранних записей в монастырском синодике есть следующая: «Князя Иоанна», а сверху помета — «Глинской»³⁰. Эта запись не могла относиться к известному боярину Ивану Михайловичу Глинскому (умер в 1602 г.), так как он записан самостоятельно с иноческим именем Ионы³¹.

13

1530 г. Надгробие Власа Софронова

Инв. № 580 арх. Три обломка плиты. Размеры: длина 128 см, ширина вверху 55 см, внизу 47 см, толщина 7,5 см.

Найдено к востоку от Успенского собора. Орнамент на плите ранний геометрический. По краю — два ряда мелких треугольников, и третий, внутренний ряд треугольников — в верхней части. Сверху — полукруглое лучеобразное клеймо из трех рядов треугольников, на нижнем конце — круг с отходящими от него полукруглыми тягами к боковым сторонам и одной прямой тягой к нижнему краю (рис. 13).

Надпись следующая:

1. ЛѢ
2. ЛѢ^ѣ ꙗзл прес. . .
3. сѧ вѣласе
4. дроно
5. вѣ снѣ

Надпись на плите небрежная, нанесена неумелой рукой. Она была начата в левом верхнем углу, но после букв ЛѢ писец перешел на другую строку и начал ее заново. Совершенно отсутствуют лигатуры.

Древних записей с именем Власа Софронова обнаружить не удалось. Плита находилась в той части монастырского некрополя (у восточной крепостной стены), где обычно хоронили ремесленников и крестьян.

14

1561 г. Надгробие сына Василия Ивановича Шемячича по прозванию «Севрюк»

Инв. № 706 арх. Камень оббит со всех сторон.

Размеры сохранившейся части: 69×42×13 см.

Вверху над надписью осталась незначительная часть геометрического орнамента — ряд крупных треугольников и полукруглое клеймо из вытянутых треугольников, расположенных лучеобразно (рис. 14).

²⁸ Список надгробий Троицкого Сергиева монастыря, составленный в половине XVII в.; А. В. Горский. Историческое описание. . . , II, стр. 99.

²⁹ П. Долгоруков. Родословная книга, т. IV. СПб., 1857, стр. 359; А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. 2, стр. 136—142; Русский биографический словарь. От Герберский до Гогенлоз. М., 1916, стр. 316—331; Родословная книга, стр. 84 и 158.

³⁰ Синодик 1680 г., л. 253 об.

³¹ Синодик 1680 г., л. 44: «Князя инока Ионы», а сверху надпись кивоварью — «Михайлович Глинской».

Рис. 13. Верхняя часть надгробия Власа Софронова, 1530 г.

Впервые это надгробие было найдено в 1864 г. «между Успенским собором и решеткою академического сада»³². Тогда же была издана и надпись на нем³³. Вновь камень был найден в отмытке северного крыльца Митрополитских покоев, использованный как строительный материал.

Надпись резана вглубь красивой вязью. Она оказалась еще более фрагментированной, чем была в XIX в. Воспроизводим надпись, дополняя строки по списку погребенных 1880 г.

1. лѣтъ $\bar{x}$ з : $\bar{a}$ · $\bar{d}$ го · мца
2. ѿ престависа ино^и
3. нъ · книжо васиѣ[вско^{го}]
4. ивановича шем[лчи]
5. ча из во[нни севр]
6. [юкъ]

Надгробие принадлежит сыну северского князя Василия Ивановича, внука Дмитрия Шемяки, прозванному Севрюком по уделу отца Новгороду-Северскому³⁴.

Еще в 1500 г. московскому князю Ивану III «били челом» сын можайского князя Ивана Андреевича Семен и сын Ивана Дмитриевича Шемяки Василий, «чтобы государь бы их пожаловал взял к себе и с вотчинами»³⁵. Желая вернуть русские земли, присоединенные к Литве еще в XIV в., Иван III тайно предложил внуку Дмитрию Шемяки и сыну можайского князя перейти на сторону Москвы, за что обещал им в награду свои города и все завоеванные литовские земли. В официальных переговорах с Литвой их переход в московское подданство мотивировался гонениями на православную веру, которые они терпели в Литве³⁶. С 1500 г. Василий Иванович Шемячич находился на русской службе, сохраняя за собой право владетельного князя. Но при Василии III он внезапно подвергся опале и был заключен в темницу, обвиненный в связях с Литвой. Московский митрополит Даниил называет его «запазушным врагом великого князя». Характерно, что защитником Шемячича оказалось прежде всего духовенство Троице-Сергиева монастыря. Наиболее активным из них был игумен Порфирий, взявший на себя смелость ходатайствовать за него перед Василием III во время посещения последним Троицкого монастыря в 1524 г.³⁷ Раздраженный князь удалил Порфирия из монастыря и даже заключил в темницу, но вскоре освободил, хотя и не вернул ему сан игумена.

По-видимому, Василий Иванович Шемяка, перейдя на службу к московскому князю, восстановил связи с Троицким монастырем, оказавшим когда-то услугу его предку Дмитрию Шемяке в борьбе с Василием II Темным. Нет ничего удивительного в том, что сын Василия Ивановича, ничем не известный в истории последний Шемячич, напел себе приют именно в Троицком монастыре, где и окончил свои дни больничным старцем и был погребен на братском кладбище, вдали от «больших родов». Род Шемяки вписан в монастырский синодик, составленный при Иване Грозном³⁸.

³² М. В. Толстой. Замечательный надгробный камень. — ЧОИДР, 1864, кн. 1, стр. 222—224.

³³ С. К. Смирнов. Древние надгробные надписи. . . , стр. 419; Список погребенных . . . , стр. 56.

³⁴ Предположение М. В. Толстого (Замечательный надгробный камень, стр. 222—224), что прозвище «Севрюк» обозначает «больничный служитель», не находит себе подтверждения в монастырских документах. В то же время прозвища по месту происхождения были самыми распространенными: «Вязметин», «Дмитровец», «Белозерец».

³⁵ ПСРЛ, VIII, стр. 239.

³⁶ Русский биографический словарь. От Шебанов до Шютц. СПб., 1911, стр. 86—89.

³⁷ А. В. Горский. Историческое описание. . . , II, стр. 78—79.

³⁸ Синодик 1575 г., л. 194.

Рис. 14. Надгробие сына Василия Ивановича Шемячича по прозвищу «Севрюк», 1561 г.

Рис. 15. Надгробие княгини Аграфены, 1566 г.

15

1566 г. Надгробие княгини Огрофены (Аграфены)

Инв. № 708 арх. Сохранилась только верхняя часть плиты. Размеры: длина 50 см, ширина 57 см, толщина 21 см.

Найдено к востоку от апсид Троицкого собора, ближе к Михеевской церкви.

Орнамент на камне поздний геометрический. По краям плиту обрамляет полоса из двух рядов мелких треугольников. Вокруг надписи в верхней части плиты высечен еще и третий, внутренний ряд из попарно уложенных крупных треугольников. Сверху — полукруглое лучеобразное клеймо из одного ряда крупных и одного ряда мелких треугольников. Внутренние контуры орнамента очерчены врезной линией (рис. 15).

Надпись в четыре строки резана вглубь:

1. лѣтъ $\neq 30^{\overline{r}}$ д (клеймо) августѣ 1^н
2. прѣстави^с раба бжи л

3. книги и грамоты

4. на

В списки погребенных княгиня Аграфена не внесена. Но вполне возможно, что это княгиня Хворостинина (в иночестве Александра), по которой в 1566 г. дают вклад в 100 рублей ее внуки Дмитрий и Федор Ивановичи³⁹. Камень был найден вблизи того места, где погребали князей Хворостининых⁴⁰.

16

1567 г. Надгробие Козьмы Федоровича Кубенского

Инв. № 709 арх. Сохранились только два фрагмента надгробия. Размеры верхнего фрагмента: 31×30×11 см, нижнего — 36×30×11 см.

Найдено в 2,5 м к востоку от центральной апсиды Троицкого собора в строительном мусоре.

Орнамент поздний геометрический. С левого края сохранилась полоса из двух рядов мелких треугольников, образующих зигзагообразную линию. Рядом, с внутренней стороны, расположена полоса из крупных треугольников, образующих более широкую зигзагообразную линию. Сверху — два ряда крупных треугольников, разделенных прямой полосой. В центре вверху — полукруглое лучеобразное клеймо из одного ряда крупных и двух рядов мелких треугольников (рис. 16). На обоих фрагментах сохранились неполные три строки надписи:

1. лѣтъ • 73 : ѿ вѣ : фѣ рал
2. ... ац ... ко ...
3. кзѣ ѿ вѣскон

В списках погребенных князей Кубенских нет. Но, несомненно, к этому погребению относится следующая запись во Вкладной книге 1673 г. (л. 228 об.): «Род Кубенских. 75 го (1567) году, февраля 7 день, по князе Козме Федоровиче Кубенском, во иноцех Корнилей, дали вкладу Иван Федоров сын Елизаров, да Лев Федоров сын Вокшанинов, денег пятьдесят рублей». Это как раз сумма, которая полагалась за могилу в монастыре. Князья Шуйские и Кубенские известны своим самовольством в малолетство Ивана Грозного⁴¹. Неполная роспись рода Кубенских приведена А. Б. Лобановым-Ростовским⁴².

17

1567 г. Надгробие архиепископа ростовского и ярославского Никандра

Инв. № 670 арх. Сохранилась средняя часть надгробия. Размеры: 62×53,5×9 см.

Плита была снята с гульбища Каличьей башни при ее реставрации. В XVIII в. она была использована как строительный материал. Орнамент жгутовый (рис. 17).

Надпись вязью наведена резьбой вглубь:

1. мѣца • сѣвѣтѣ ѿ рѣ в кз пре
2. стави прѣвоси́ннї архіе
3. пѣтъ нѣкандра ростовскї

³⁹ Вкладная книга 1673 г., л. 134 об.

⁴⁰ Список погребенных. . . , № 269—279.

⁴¹ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 258—259.

⁴² А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. 1, стр. 288—289.

Рис. 16. Надгробие Козьмы Федоровича Кубенского, 1567 г.

Рис. 17. Надгробие ростовского архиепископа Никандра, 1567 г.

В списке погребенных при Трапезной церкви назван ростовский архиепископ Никандр, умерший в 1567 г.⁴³ Никандр был игуменом Троице-Сергиева монастыря в 1543—1545 гг.⁴⁴, поставлен в архиепископы в 1549 г. Он неоднократно упоминается в летописи в связи с крещением в Троицком монастыре царевича Дмитрия (старшего сына Грозного), в связи с участием в Стоглавом соборе и как член посольства к Ивану Грозному в Александрову слободу в 1564 г. Архиепископ Никандр освящал в Можайске церковь Успения «о пяти верхах», церковь Никиты мученика в переславском Никитском монастыре, участвовал в обсуждении вопроса о белом клобуке и в поставлении на митрополию Филиппа Колычева (1566)⁴⁵. Имя архиепископа Никандра высечено на камне, поставленном при постройке Богоявленского собора (1559—1561) в костромском Анастасьином монастыре⁴⁶ и на камне 1566 г. из церкви Вознесения в Ростове Великом⁴⁷.

Место для погребения было куплено архиепископом Никандром заранее, о чем свидетельствует следующая запись во Вкладной книге: «61 го (1553) году преосвященный Никандр архиепископ ростовский дал вкладу днг пятьдесят рублей. 64 го (1556) году, августа вь 1 де, архиепископ же Никандр дал вкладу днг пятьдесят рублей»⁴⁸.

Имеется о нем упоминание и в синодике 1680 г. (л. 16): «Преосвященного архиепископа Никандра», а над строкой киноварью помечено: «Ростовский». В списке погребенных XVII в. он записан среди представителей рода Курцевых⁴⁹, из которых происходил один из игуменов Троицкого монастыря — Серапион Курцев (1549—1551), впоследствии новгородский архиепископ⁵⁰.

18

1567 г. Надгробие Анны Карповой

Инв. № 710 арх. Сохранился небольшой фрагмент плиты. Размеры: 37×38×9 см.

Найден в строительном мусоре между Троицким собором и Духовской церковью.

Орнамент поздний геометрический, остался только с левого края плиты: два ряда мелких треугольников, образующих зигзагообразную линию, полоса с насечкой косыми линиями, напоминающая туго скрученный жгут, два ряда треугольников больших размеров, образующих более широкую зигзагообразную линию. Внутренний контур орнамента очерчен врезной линией (рис. 18).

На камне читаются две строки резанной вглубь надписи:

1. лиханалова...

2. карпова

В списке погребенных род Карповых не включен. Несомненно, к этому погребению относится следующая запись во Вкладной книге 1673 г.

⁴³ Список погребенных. . . , № 364; см. также о его погребении в Троицком монастыре: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX, прим. 268; А. Н. и Л. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь. Ярославль, 1869, стр. 88.

⁴⁴ Е. Голубинский. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909, стр. 147.

⁴⁵ Н. М. Карамзин, История государства Российского, т. VIII, стр. 122, прим. 197, 246; т. IX, стр. 44, прим. 86, 94, 177.

⁴⁶ И. В. Баженов. Костромской Анастасьин монастырь. Кострома, 1895, стр. 11.

⁴⁷ В. Б. Гиршберг. Материалы. . . , ч. 1, стр. 10, табл. I, 3.

⁴⁸ Вкладная книга 1673 г., л. 86 об.

⁴⁹ Список надгробий. . . ; А. В. Горский. Историческое описание. . . , II, стр. 108.

⁵⁰ Там же, I, стр. 83.

(л. 284 об.): «76 го (1567) году, декабря в 22 день, дал вкладу Михайло Андреевич Карпов по жене своей Анне денег пятьдесят рублей».

Карповы — известный боярский род, происходивший от мелких князей Фоминских⁵¹. Михаил Андреевич в 1561 г. был воеводой «в левой руке», в 1563 г. он — воевода в Юрьеве Ливонском, в 1564 г. — в Луках, в 1565 г. — в Карачеве. Упоминается до 1567 г.⁵²

19

1569 г. Надгробие князя Андрея Петровича Телятевского

Инв. № 711 арх. Нижний конец плиты утрачен. Размеры: длина 92 см, ширина сверху 76 см, ширина внизу 73 см, толщина 23 см.

Найдено на расстоянии 3 м к востоку от северной апсиды Троицкого собора.

Орнамент жгутовый. С боковых сторон орнамент в виде арочек и двух полос из косых линий (рис. 19).

Надпись вязью резана вглубь:

1. лѣта $\neq$ з (клеймо)... мд^рта

2. в : л^х престави^ч рабж^й кня^з

3. в^дрѣ петрови^ч телатѣ^чскѣ

По списку погребенных 1880 г. Андрей Петрович Телятевский считается умершим в 1567 г. (№ 214). Более точную дату дают А. Б. Лобанов-Ростовский и С. Б. Веселовский — 1569 г.⁵³

Во Вкладной книге 1673 г. (л. 305) имеется следующая запись: «76 го (1568) году, апреля в 14 день, по князе Андрее Петровиче Телятевском дано вкладу денег пятьдесят рублей».

84 го (1576) году дала вкладу княгиня Ксения Телятевского с своими детьми со князем Яковом да со князем Андреем по муже своем князе Андрее и по себе вотчину свою в Дмитровском уезде две деревни, да пустош со всеми угодья, по цене за пятьдесят рублей, а даная писана в вотчинной книге в Дмитрове, глава».

Записан Андрей Петрович и в монастырском синодике 1680 г. (л. 127): «Князя Андрея», а сверху киноварью пояснено: «Телятевской».

Князья Телятевские получили прозвание по селу Телятеву в Микулинском уезде. В XVI в. они оставались самыми значительными представителями рода тверских князей. Телятевские имели поместья и в Ярославле⁵⁴.

Андрей Петрович начал служить около 1555 г., был при царе в рындах, затем — воеводой, служил в Болхове, в походах 1568 г. находился при царе для «посылок». Умер в 1569 г. на службе в Калуге⁵⁵.

20

1574 г. Надгробие Артемия Мятлева

Инв. № 712 арх. Нижний конец плиты утрачен. Размеры: длина 115 см, ширина сверху 48 см, ширина внизу 45 см, толщина 20 см.

⁵¹ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 391.

⁵² П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга, стр. 226, 238, 248, 256, 260.

⁵³ А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. 2, стр. 293—294; С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 234.

⁵⁴ В. Б. Кобрин. К вопросу о времени включения в опричнину Ярославского уезда. — Краеведческие записки, вып. IV. Ярославль, 1960, стр. 95.

⁵⁵ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 86, 103, 234, 354; П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга, стр. 204, 234, 247, 268.

Рис. 18. Надгробие Анны Карповой, 1567 г.

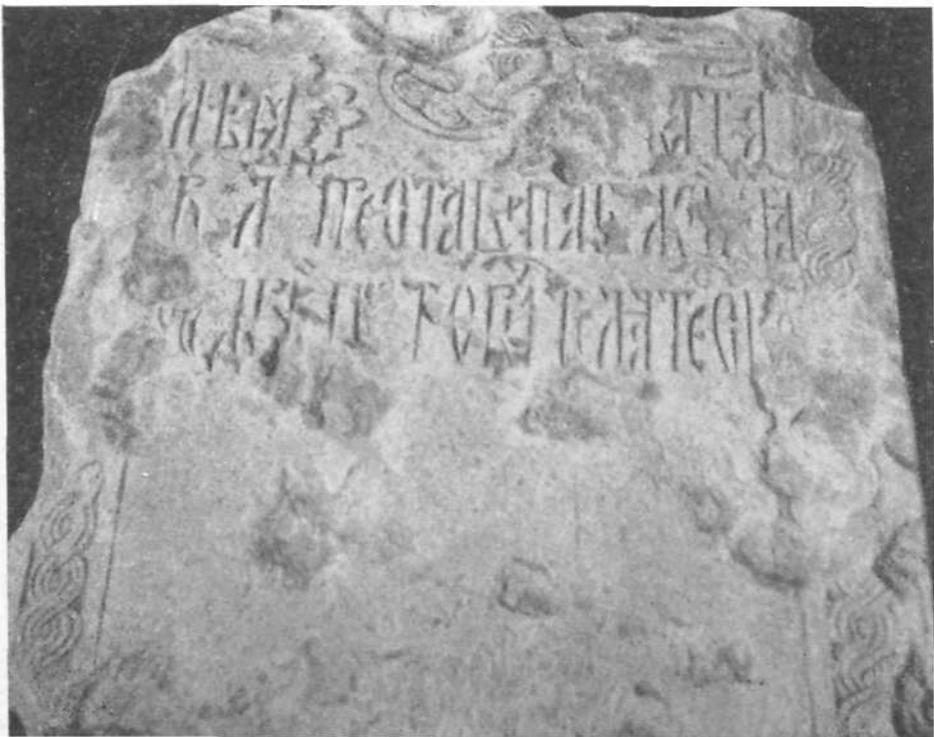

Рис. 19. Надгробие князя Андрея Петровича Телятевского, 1569 г.

Найдено в строительном мусоре к востоку от апсид Троицкого собора.

Орнамент на плите геометрический. По краям идет полоса из двух рядов мелких треугольников. В верхней части имеется еще и третий, внутренний ряд таких же треугольников. В центре вверху — полукруглое лучеобразное клеймо из одного ряда крупных и двух рядов мелких треугольников. На нижнем конце — круглое лучеобразное клеймо и две полукруглые тяги, отходящие к боковым сторонам. Внутренний контур орнамента очерчен врезной линией. С боков плита имеет как бы нависающий прямой карниз, по нижнему краю которого положена выпуклая полоса, напоминающая туго скрученный жгут (рис. 20).

Надпись вязью резана вглубь:

1. лѣтъ 4397^ѣ ѡбв...
2. аі престависа
3. артемѣ матле
4. въ

В списке погребенных 1880 г. Артемий Мятлев значится под № 786. Упоминается в 1560 г. старцем, в июле 1570 г. келарем ⁵⁶. В XVI в. многочисленные Мятлевы-Слизневы служили в дворянах, но по службе стояли невысоко ⁵⁷.

21

1580 г. Надгробие младенца Исидора Воейкова

Инв. № 714 арх. Размеры: длина 98 см, ширина вверху 46 см, ширина внизу 42 см, толщина 15 см.

Найдено напротив алтаря Никоновской церкви, у крыльца трапезной на глубине 0,25 м.

Орнамент поздний геометрический. По краям плиты — два ряда мелких треугольников, образующих зигзагообразную линию. В верхней части плиты до полукруглых тяг имеется еще два внутренних ряда крупных треугольников. Сверху — полукруглое лучеобразное клеймо из одного ряда крупных и двух рядов мелких треугольников. На нижнем конце — круглое лучеобразное клеймо и отходящие от него две закругленные тяги к боковым сторонам и одна прямая к нижнему краю. Внутренние контуры орнамента очерчены врезной линией (рис. 21).

Надпись вязью резана вглубь:

1. лѣтъ 4397^ѣ ию^лн^н · а · бѣ
2. на памѣ ста^н · прѣрка · а
3. моста · престави млада^нца
4. исиѣор
5. ѡбви^н · вѣ^н · вое
6. ико^н

В списках погребенных Исидор Воейков не значится. Но к нему относится следующая запись во Вкладной книге 1673 г. (л. 493 об.): «88 го (1580) году Баим же Васильевич сын Воейков дал вкладу по отце своем Василье и по себе, да по сыне своем младенце Исидоре вотчину свою в Переславском уезде Залесского сельцо Дмитровское со всеми угоды,

⁵⁶ Арсений. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Свято-Троицкой Сергиевой лавры. СПб., 1868, стр. 22.

⁵⁷ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 221 и 236.

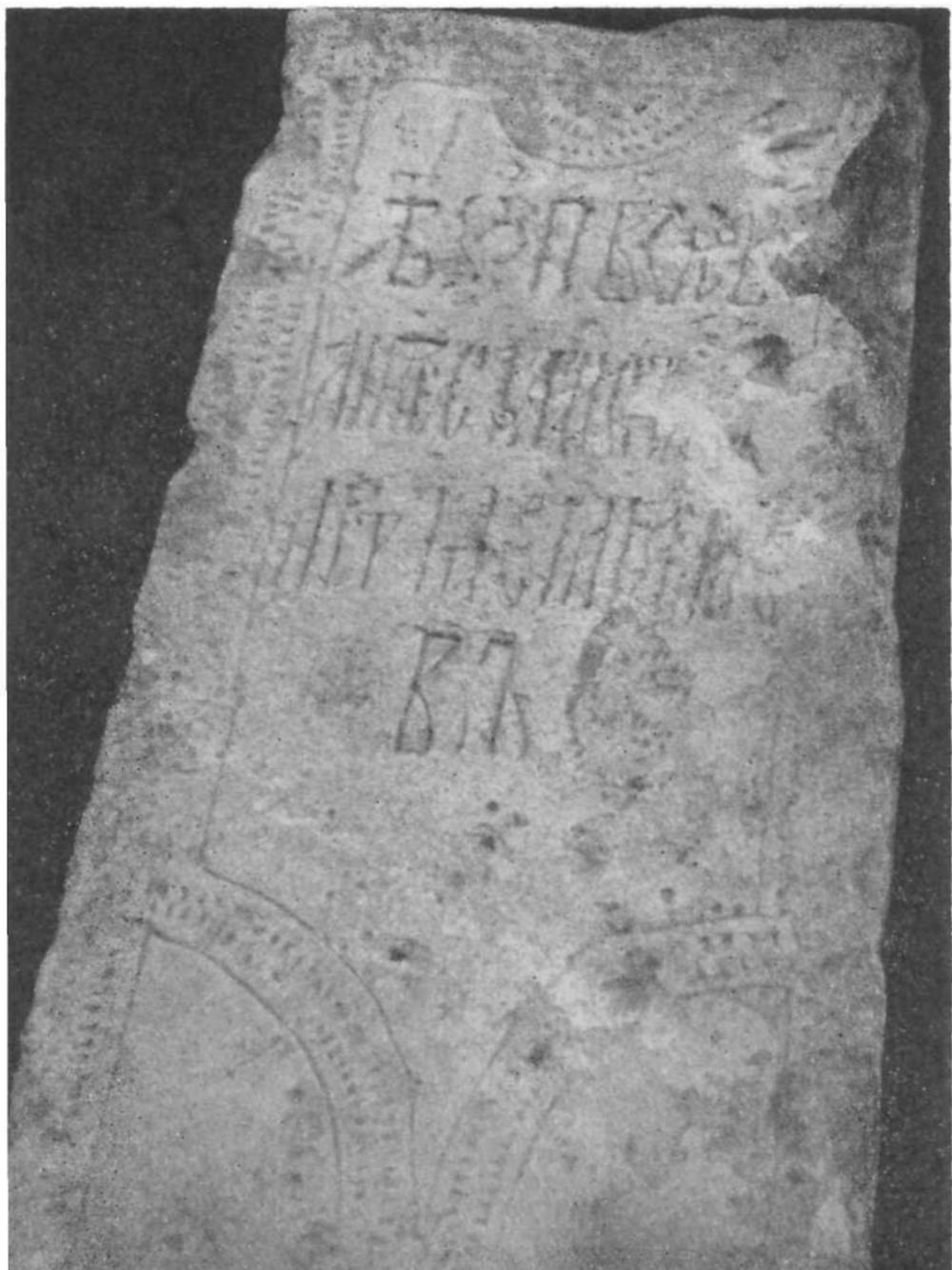

Рис. 20. Надгробие Артемия Мятлева, 1574 г.

Рис. 21. Надгробие младенца Исидора Воейкова, 1580 г.

а сколько в той вотчине крестьян и пашии и каких угодей и за сколько денег дано — того не написано, а данная писана в вотчинной книге в Переяславле, глава».

Более подробная запись имеется в древнейшей Кормовой книге лавры⁵⁸. Представителей рода Воейковых с XV в. погребали в Троице-Сергиевом монастыре⁵⁹. Их родословная роспись, где упоминается и Исидор Воейков, приведена П. Долгоруковым⁶⁰.

22

1586 г. Надгробие Агапия Ивановича, слуги князя Ивана Михайловича Глинского

Инв. № 779 арх. Нижний конец плиты утрачен. Размеры: длина 81,5 см, ширина вверху 57 см, ширина внизу 51 см, толщина 14 см.

Найдено в северо-восточном углу монастыря, между братским корпусом и академическим садом, на глубине 0,8 м.

Орнамент на лицевой стороне жгутовый, на боковых сторонах орнамента нет (рис. 22).

Надпись вязью резана вглубь:

1. лѣтъ 3 (клеймо) чд^ч мсца
2. апрѣла в сѣ преста
3. ви^ч ра^б бжй агапѣ йва
4. по^ч сн^к кня^з ивано^ч сл^з
5. га ми^хд^лоча глин^ского

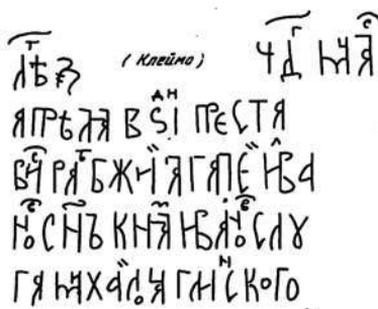

Рис. 22. Надгробие Агапия Ивановича, слуги князя Ивана Михайловича Глинского

В Троице-Сергиевом монастыре хоронили многих слуг князей и бояр, в частности и слуг Ивана Михайловича Глинского. Вклады по ним записаны во Вкладной книге 1673 г. в главе «Боярские люди» (л. 946—952).

23

1594 г. Надгробие инока Герасима Бибикова

Инв. № 780 арх. Нижний конец плиты утрачен. Размеры: длина 118 см, ширина вверху 73 см, ширина внизу 64 см, толщина 25 см.

Найдено в северо-восточном углу монастыря, между зданием библиотеки и академическим садом, на глубине 0,44 м.

Орнамент на лицевой стороне жгутовый, на боковых сторонах — в виде арочек и полос из косых линий (рис. 23).

Надпись вязью резана вглубь:

1. лѣта 3 (клеймо) рв гв
2. мсца марта · кг прѣ^дстависа
3. инокъ герасимъ бибико^в

Рис. 23. Надгробие инока Герасима Бибикова

⁵⁸ А. В. Горский. Историческое описание. . . , II, стр. 59.

⁵⁹ Т. В. Николаева. К вопросу о связях древней Руси с южными славянами — СЗМ, № 2, 1958, стр. 19—24.

⁶⁰ П. Долгоруков. Родословная книга, т. IV, стр. 339.

Род Бибиковых во вкладные и кормовые книги Троице-Сергиева монастыря не включен. Большинство Бибиковых отмечены как вотчинники по феодальным архивам Иосифова Волоколамского монастыря⁶¹.

Инок Герасим Бибиков был погребен в той части монастыря, где обычно хоронили слуг и крестьян монастырских, «а больших родов нет».

24

1596 г. Надгробие княгини Анны Глинской, дочери князя Ивана Федоровича Ростовского Гвоздева

Инв. № 719 арх. Нижний конец плиты утрачен. Размеры: длина 106 см, ширина сверху 76 см, внизу 70 см, толщина 25 см.

Найдено напротив центральной апсиды Троицкого собора, в 3,5 м к востоку, на глубине около 0,25 м.

Орнамент на лицевой стороне жгутовый, на боковых сторонах — в виде арочек, полос из косых линий и треугольников (рис. 24).

Надпись вязью резана вглубь:

1. лѣ̄тѣ̄ з̄рѣ̄тѣ̄ (клеймо) о̄тѣ̄тѣ̄ рѣ̄ вѣ̄тѣ̄
2. на̄ на̄ма̄тѣ̄ ста̄ апо̄гола̄ на̄ко̄ва̄ прѣ̄тѣ̄внѣ̄са̄ ра̄
3. на̄ вѣ̄нѣ̄а̄ кня̄же̄ иванова̄
4. кня̄ѣ̄ина̄ мӣхѣ̄ило̄вича̄ глинѣ̄
5. ского̄ кня̄гинӣ а̄на̄ кня̄
6. иванова̄ до̄тѣ̄рѣ̄вича̄ росто̄
7. ского̄ гвоздева̄

В списках погребенных Анны Глинской нет.

Князь Иван Федорович Ростовский Гвоздев был в опричнине. Про него говорят Таубе и Крузе, что он был отравлен по приказанию царя. С. Б. Веселовский считает более вероятным сообщение Шлихтинга о том, что он умер от морового поветрия в 1570 г.⁶² По А. Б. Лобанову-Ростовскому, Иван Федорович Гвоздев заподозрен в отраве царской невесты Евдокии Сабуровой и казнен в 1571 г.⁶³

Князь Иван Михайлович Глинский — рында с большим саадаком (1572), коношій (1580), боярин (1586), воевода Большого полка (1587 и 1592) — умер в 1602 г., погребен в Троице-Сергиевом монастыре⁶⁴. Большой вклад по нем дает царь Борис Годунов⁶⁵.

По мнению С. Б. Веселовского, женой Ивана Михайловича Глинского была Анна — дочь Малюты Скуратова-Бельского⁶⁶. Надпись на надгробии не подтверждает этого мнения. Не находим мы ему подтверждения и во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря, где имеется запись о вкладе Ивана Михайловича Глинского по жене своей Екатерине (1585)⁶⁷.

⁶¹ Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. II. М., 1956.

⁶² С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 231.

⁶³ А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. 1, стр. 175—176. О Гвоздевых Ростовских см.: П. Долгоруков. Родословная книга, т. IV, 357.

⁶⁴ Список погребенных. . . , № 17.

⁶⁵ Вкладная книга 1673 г., л. 151—152.

⁶⁶ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 128 и 203.

⁶⁷ Вкладная книга 1673 г., л. 151 об.—152; Синодик 1680 г., л. 289: «Княгини Екатерины», а сверху киноварью — «княж Иванова жена Глинского». Кормовая книга XVI в. — в кн. А. В. Горский. Историческое описание. . . , II, стр. 63. Ю. А. Олсуфьев считает, что первая жена Ивана Михайловича Екатерина и была Скуратовой-Бельской (Ю. А. Олсуфьев. Опись ложек. Сергиев, 1925, стр. 6—8).

Рис. 24. Надгробие княгини Анны Глинской, дочери князя Ивана Федоровича Ростовского Гвоздева 1596 г.

Кроме того, в монастырских синодиках записана его вторая жена Матрона (умерла около 1592 г.)⁶⁸. Анна Ростовская Гвоздева была, таким образом, его третьей женой.

25

До 1608 г. Надгробие Саввы Боташева-Безбородого

Инв. № 717 арх. Сохранился небольшой фрагмент надгробия. Размеры: 49×39×15,5 см. Орнамент жгутовый (рис. 25).

Камень найден в закладке отмостки северного крыльца Митрополичьих покоев. Здесь он был использован как строительный материал. Впервые это надгробие было обнаружено в 1864 г. «против проезжих ворот».

Надпись резана вглубь:

1. ... $\overline{\text{з}}$ (клеймо) $\overline{\text{р}}$
2. преста
3. $\overline{\text{ава боташе}}^{\text{в}}$ $\overline{\text{бе}}^{\text{з}}$

В списке погребенных 1880 г. значится под № 623. Первый исследователь этого камня С. К. Смирнов пишет: «Замечательно, что конец первой и начало второй строки на памятнике остались ненаписанными; вероятно, камень с этой надписью был приготовлен заранее, оставалось только дополнить год, месяц, число кончины, но в монастыре не сумели или забыли вырезать»⁶⁹.

26

1612—1617 гг.

Фрагменты надгробия жены Михаила Федоровича
Нагого Феодосьи

Инв. № 720 арх. Размеры: 67×55×9 см.

Найден в строительном мусоре на площади между Троицким собором и Духовской церковью.

Орнамент на камне стерт. По толщине камень сбит. Сохранились четыре неполных строки резанной вглубь надписи вязью (рис. 26):

1. $\overline{\text{днл в...}}$
2. $\overline{\text{раба бжна мн...}}$
3. $\overline{\text{ва жена федоровн...}}$
4. $\overline{\text{гого}}$

Принадлежность плиты определяется записью во Вкладной книге 1673 г. (л. 234 об.): «120 го (1612) году, марта въ 7 день, по Михайле Федоровиче Нагом дала вкладу жена его Феодосья денег 47 рублей». В 1617 г. Феодосья Нагой уже не было в живых, так как в этом году вклад по отце дают только дети Михаила Федоровича — Богдан и Александр. Следовательно, надгробие нужно отнести ко второму десятилетию XVII в.

27

1619 г. Надгробие Михаила Михайловича Нагого

Инв. № 723 арх. Надгробие сохранилось полностью, но разбито на две части. Размеры: длина 141 см, ширина вверху 60 см, внизу 49 см, толщина в головной части 22 см, в нижнем конце 15 см.

⁶⁸ Синодик 1575 г., л. 238: «Княгиню Матрону», а сверху надпись киноварью «князя Ивана Михайловича Глинского жена»; Синодик 1680 г., л. 303 об.

⁶⁹ С. К. Смирнов. Древние надгробные надписи... стр. 420.

Рис. 25. Надгробие Саввы Боташева-Безбородого, до 1608 г.

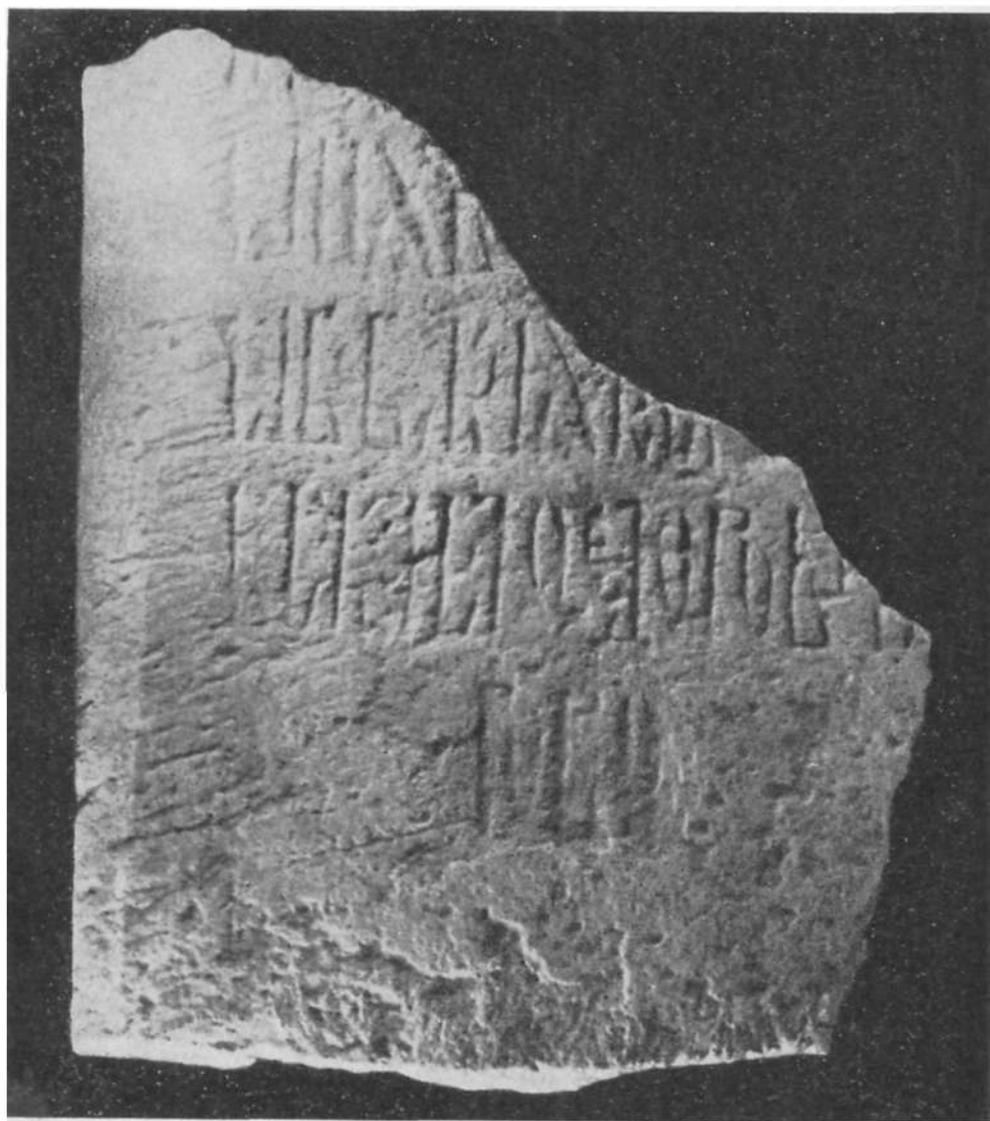

Рис. 26. Фрагмент надгробия жены Михаила Федоровича Нагого Феодосьи,
1612—1617 гг.

Рис. 27. Надгробие Михаила Михайловича Нагого,
1619 г.

Найдено напротив южной апсиды Троицкого собора, на расстоянии 4 м к востоку, на глубине 0,25 м.

Надгробие имеет жгутовый орнамент с обычной схемой распределения его на поверхности камня. На боковых сторонах плиты орнамент в виде арочек и полос из косых линий и треугольников (рис. 27).

Надпись вязью резана вглубь:

1. лѣта $\overline{\text{жз}}$ (клеймо) $\overline{\text{ркд}}$ $\overline{\text{ч}}$
2. феврала въ г^н напала^т ста^ч
3. правѣнаго седмица бѣго
4. прии^{ца} и д^{ны} пророчи
5. ци преста^{ви} ра^ч в^{жн}и
6. ми^хаїло ми^хаїло
7. ви^т нагово

По списку погребенных 1880 г. значится под № 231, во Вкладной книге не упомянут. Назван в дополнительной росписи рода Нагих⁷⁰.

28

Первая половина XVII в. Надгробие старца Иоакима Ларионова

Инв. № 671 арх. Сохранилась только средняя часть плиты. Размеры: 51×61×9 см.

Найдено на гульбище Каличьей башни при ее реставрации.

Камень был использован в XVIII в. как строительный материал. Орнамент жгутовый (рис. 28).

Надпись вязью резана вглубь:

1. агафоно^[в] сн^к ларионо^[в]а
2. іноцѣ^т іоаким^т
3. схи^тникъ

Принадлежность плиты определяется записью во Вкладной книге 1673 г. (л. 815): «120 го (1612) году дал вкладу из Дмитрова Борисоглебского монастыря строитель старец Иаким Ларионов два коня в цену за десять рублей и за тот вклад приняли ево в монастырь».

Среди старцев монастыря, по Описи 1641 г., Иоаким Ларионов уже не значится; следовательно, он умер до 1641 г. В списке погребенных 1880 г. (№ 833) Иоаким Ларионов упомянут среди захороненных в неизвестных местах лавры.

29

1636 г. Надгробие Якова Петровича Дементьева

Инв. № 677 арх. Верх плиты с первой строкой надписи утрачен. Сохранившийся камень разбит на 12 частей. Общие размеры сложенных вместе частей плиты: длина 152 см, ширина вверху 70 см, внизу 58 см, толщина 37 см.

Найдено на Клементьевской ул. Загорска, к западу от Никольской церкви, под булыжником современной мостовой.

⁷⁰ А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. 2, стр. 4.

Рис. 28. Надгробие Иоакима Ларионова, первая половина XVII в.

На лицевой стороне орнамент жгутовый. С боков плита украшена арочками и двумя рядами полос из косых линий и треугольников (рис. 29). На узкой торцовой стороне орнамента нет.

Надпись вязью исполнена резьбой вглубь:

1. і же сты ѿца наше^[го]
2. итр... ми^ропо^утга кие^вска^ѣ
3. и вс... рѣси чю^тотво^вца прѣ
4. стависл ра^б вжй^ѣ іако^в
5. не^тровн^ѣ двам^ѣтъвѣ^ѣ
6. дцкѣ положи по
7. его благословени
8. ю сы^ѣ его неустроі
9. рмд^ѣ го^л і фе^врала

Таким образом, плита была положена Неустроем Дементьевым на могилу его отца в 1636 г. Подобное дополнительное упоминание в надписи об изготовлении плиты нам встречается впервые.

О Дементьевых мы находим сведения во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря 1673 г. В главе «Троицкою Сергиева монастыря слуги» записано: «119 го (1611) году, апреля в 25 день, дал вкладу слуга Яков Дементьев по брате своем по Гавриле Дементьеве два колокола — весу в них четыре пуда шесть гривенок, да шеломишко, бывал с наводом, вотчан, без ушей, шапенко железное ветчано, и за тот вклад брата ево Гаврила написали в сенаник»⁷¹.

Дементьевы, как и все другие монастырские слуги, принимали, несомненно, участие в обороне монастыря во время осады 1608—1610 гг., и некоторые из них здесь погибли. Поэтому не случайно вклад Якова Дементьева по его брате Гавриле содержал части оборонительного доспеха.

Дементьевы принадлежали к старому служилому роду, связанному с монастырем еще с XVI в.⁷² В актах XVII в. Неустрой Дементьев известен как монастырский стряпчий⁷³. Жили Дементьевы в подмонастырской Служней слободе, о чем можно судить по следующей записи в Описи 1641 г.: «Да в Служне слободе во дворех слуг. . . Неустрой Дементьев»⁷⁴.

Таким образом, надгробная плита 1636 г. монастырского слуги Якова Петровича Дементьева является первой находкой на сельском погосте Клементьевской слободы, вошедшей впоследствии в состав Сергиевского посада⁷⁵.

30

1643 г. Надгробие соборного старца Исайи Печерского

Инв. № 683 арх. Камень стесан со всех сторон. Размеры сохранившегося фрагмента: длина 48 см, ширина сверху 56 см, внизу 57 см, толщина 11 см.

Найден в закладке пола ризницы (1782). Использован здесь как строительный материал.

⁷¹ Вкладная книга 1673 г., л. 1058 об. Здесь же имеются записи о вкладе Неустроя Яковлевича Дементьева по своей матери Наталье (л. 1075) и вклад по Неустрое его жены и сына (л. 1083).

⁷² Вкладная книга 1673 г., «Род Дементьевых», л. 426.

⁷³ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., 1. М.—Л., 1947, стр. 284.

⁷⁴ Опись 1641 г. Рукопись в архиве ГЗМ, № 289, л. 620. Служняя слобода лежала на восток от монастыря и была заселена монастырскими слугами, служками и небольшими штатом притча при церкви Рождества.

⁷⁵ О селе Клементьеве см.: Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872, стр. 82.

Рис. 29. Надгробие Якова Петровича Дементьева, 1636 г.

Орнамент сбит (рис. 30).

Надпись вязью резана вглубь:

1. лѣта ꙗз... маіа в...
2. на памѣт стаго мѣчника в...
3. лиѣка прѣстави рабъ вж...
4. совоуноу стареи исѣа

Во Вкладной книге 1673 г. находим под 1641 и 1642 гг. записи о вкладе соборного старца Исаяи Печерского. Он просит похоронить его в Троицком монастыре. Последняя запись о вкладе относится к 22 декабря 1642 г.⁷⁶, а в мае следующего года он уже умер. Следовательно, первую строку на плите можно восстановить так: ЛЕТА 7151 (1643) МАЯ В 22 ДЕНЬ... (день мученика Василиска).

31

Середина XVII в.

Фрагмент надгробия Федора Яковлевича Кононова

Инв. № 725 арх. Размеры: 47×37×10 см.

Найден в строительном мусоре у северного портала Троицкого собора. На камне сохранились три строки надписи сложной развитой вязью и следы жгутового орнамента (рис. 31).

Надпись следующая:

1. ... мѣа
2. ... ара прѣстави ѿ ѿед
3. ... аколеу снѣ конаноу страичей

Кононовы — старинный род, упоминаемый в монастырских актах с XVI в.⁷⁷

32

1692 г. Надгробие

Праскевиц (Парасковен) Ивановны Сукиной

Инв. № 673 арх. Размеры: ширина сверху 71 см, внизу 69 см, длина 65,5 см, толщина 11 см.

Найдено в 1962 г. в отмытке гульбища Каличьей башни при ее реставрации.

На плите высечена обронная надпись вязью в обрамлении рельефного барочного орнамента в виде волют, листьев, цветов и бусин со следами раскраски белого камня в оранжевый цвет (рис. 32); сверху и снизу орнамент слегка стесан. Плита эта предназначалась не на могилу, а была вмурована в стену какого-то архитектурного сооружения. Орнамент и надпись на плите являются образцом высокохудожественной резьбы по белому камню с характерной для конца XVII в. развитой вязью.

1. лѣта ꙗзса^{тм} сѣтѣбра в дѣна^н
2. семинное во^ддвиженіе ч^тна^{тм}
3. крѣта в дѣ часѣ днн в г^тчѣвѣ^п
4. ти прѣстависѣ раба вжиа сто^х
5. ника івана іосиновича сѣкина
6. жена ево едова прѣквѣиѣ івано^нна

⁷⁶ Вкладная книга 1673 г., л. 746.

⁷⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, № 205, 285.

Рис. 30. Надгробие соборного старца Исаяи Печерского, 1643 г.

Рис. 31. Фрагмент надгробия Федора Яковлевича Кононова, середина XVII в.

Рис. 32. Надгробие Парасковей Ивановны Сукиной, 1692 г.

Представителей рода Сукиных с XVI в. погребали в Троице-Сергиевом монастыре, в который ими был дан ряд ценных вкладов⁷⁸.

Вкладная книга, содержащая в основном записи до 1673 г., уже не упоминает Парасковей Сукиной, умершей в конце XVII в. Но здесь еще записан вклад ее мужа Ивана Осиповича Сукина «по отце своем», окольников Осипе Ивановиче⁷⁹.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН В НАДПИСЯХ

Агапий Иванович, слуга князя Ивана Михайловича Глинского — № 22	Воейков Евфимий (Баим) Васильевич — № 21
Боташев-Безбородый Савва — № 25	Воейков Исидор, сын Евфимия (Баима) Васильевича — № 21
Бибиков, инок Герасим — № 23	Глинская Анна, жена князя Ивана Михайловича Глинского, дочь князя Ивана Федоровича Ростовского Гвоздева — № 24
Борис Васильевич, князь суздальский — № 2	
Влас Софронов сын — № 13	

⁷⁸ Т. В. Николаева. К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры, стр. 182—183.

⁷⁹ Вкладная книга 1673 г., л. 366—368.

- Глиньский Иван Михайлович, князь, боярин царя Бориса Годунова — № 22, 24
- Дементьев Неустрой, сын Якова Петровича Дементьева, стряпчий Троице-Сергиева монастыря — № 29
- Дементьев Яков Петрович, слуга Троице-Сергиева монастыря — № 29
- Иван Михайлович (Глиньский?), князь — № 12
- Карпова Анна, жена Михаила Андреевича Карпова — № 18
- Кононов Федор Яковлевич, стряпчий — № 31
- Кубенский Козьма (Косма) Федорович, князь — № 16
- Кузьма — № 4
- Ларионов Иоаким, схимник, строитель, старец из Дмитровского Борисоглебского монастыря — № 28
- Мятлев Артемий, келарь Троице-Сергиева монастыря — № 20
- Нагая (Феодосья), жена Михаила Федоровича Нагого — № 26
- Нагой Михаил Михайлович — № 27
- Никандр, архиепископ ростовский и ярославский — № 17
- Огрофена (Аграфена), княгиня (Хворостинина?) — № 15
- Печерский Исая, соборный старец Троице-Сергиева монастыря — № 30
- Пронские, княжеский род — № 8
- Ростовский Гвоздев Иван Федорович, князь — № 24
- Сакмышев, инок Дмийан (Дамьян), в миру Дмитрий Афанасьевич (тверитин) — № 11
- Севрюк, сын Василия Ивановича Шемячича — № 14
- Сергий, архиепископ Новгорода и Пскова — № 1
- Сергий, князь инок (в миру Симеон), сын Бориса Васильевича Суздальского — № 2
- Сукин Иван Осипович, стольник — № 32
- Сукина Прасковья (Парасковья) Ивановна, жена Ивана Осиповича Сукина — № 32
- Телятевский Андрей Петрович, князь — № 19
- Фетинья, дочь Кузьмы — № 4
- Холмский Иван Иванович (по прованию Каша), князь — № 6
- Хриса (вф) — № 3
- Шемячич Василий Иванович, князь Новгород-Северский, внук Дмитрия Шемяки — № 14

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Амортос — № 1
- Архиепископ — № 1, 17
- Вдова — № 32
- Доска — № 1, 29
- Дочь — № 4, 24
- Жена — № 26, 32
- Инок — № 1, 2, 14, 23, 28
- Инокня — № 5
- Княгиня — № 5, 15, 24
- Князь — № 2, 6, 12, 14, 19, 22, 24
- Младенец — № 21
- Положен (положен быть) — № 1, 12
- Преосвященный — № 17
- Преставился — № 2, 4—6, 9, 11, 13—15, 17, 19—25, 27, 29, 30—32
- Раба божия — № 4, 5, 15, 24, 26, 32
- Раб божий — № 2, 19, 22, 27, 29, 30
- Слуга — № 22
- Старец (соборный старец) — № 30
- Стольник — № 32
- Стряпчий — № 31
- Схимник — № 28
- Сын — № 2, 13, 22, 29, 31

Р. З. БУРНАШЕВА

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА
И ТЕХНИКА ЧЕКАНКИ МОНЕТ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ
СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ДО НАЧАЛА XX в.

Чеканка монет является традиционным производством и, представляя собой одну из отраслей металлургической промышленности, отличается тем, что всегда находится под государственным контролем. Как по ремесленным изделиям можно судить о степени развития той или иной отрасли промышленности, так по монетам можно восстановить картину монетного производства, уровень его развития, его специфические особенности и т. д.

Технике чеканки мангытских монет посвящено несколько публикаций, охватывающих промежутки времени с конца XVIII до середины XIX в. По своей полноте они различны, но дают некоторый материал для характеристики монетного дела Бухарского ханства, хотя нередко и противоречивы. В большинстве случаев они касаются лишь техники чеканки серебряных монет; по мнению многих исследователей, чеканка золотых и серебряных монет не имела существенных отличий. Чеканка медной монеты ханства привлекала меньше всего внимания.

Чеканку монет в Бухарском ханстве описал русский горный чиновник Т. С. Бурнашев, посланный в Бухару в конце XVIII в. как специалист по горному делу¹. Основное его внимание привлекала добыча полезных ископаемых и выплавка руд. Посетить монетный двор в Бухаре он не имел возможности, но описание техники чеканки в его записках, опирающееся на расспросы осведомленных людей, представляет определенный интерес.

Из путешественников первой половины XIX в. можно назвать полковника Георга Мейендорфа, который побывал в Бухаре в 1820 г. в составе миссии А. Ф. Негри, посланной русским правительством для установлений дипломатических и торговых связей России с Бухарой, а также для переговоров о возвращении русских пленных. Барон Мейендорф издал свои наблюдения в виде монографии. Наряду с подробным описанием путешествия в ней содержатся весьма интересные данные о Бухарском ханстве, но чеканке монет посвящено лишь несколько слов².

---

¹ Г. С п а с с к и й. Путешествие по Сибирской линии до города Бухары в 1794 г. и обратно в 1795 г. — Сибирский вестник. СПб., 1818, ч. 2, стр. 102.

² G. M e y e n d o r f. Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820. Paris, 1826, стр. 214: «Расплавленный металл бухарцы делят на шарики равного веса и затем чеканят, но столь несовершенно, что отгиск редко приходится на середину».

Наиболее значительный интерес представляет статья К. Ф. Бутенева о чеканке золотой, серебряной и медной монет Бухары, опубликованная в 1842 г. в «Горном журнале»³. К. Ф. Бутенев был хорошо знаком с монетным делом. Высококвалифицированный горный инженер, он в последние годы жизни занимал должность начальника Петербургского монетного двора. В 1841 г. по приглашению эмира Насруллы он прибыл в Бухару, где находился около года.

Наряду с разведкой горных богатств ханства К. Ф. Бутенев интересовался и монетным делом, но побывать на монетном дворе и ему не удалось, и он вынужден был довольствоваться рассказами очевидцев; тем не менее он описал все этапы производства от плавки до чеканки наиболее квалифицированно.

В ценном исследовании академика В. В. Вельяминова-Зернова о монетах Бухары упомянуто и монетное производство⁴, однако в этой части его единственным источником был труд Г. Мейендорфа, далекий от полноты и точности.

Упоминают об изготовлении мангытских монет также П. Небольсин⁵ и Л. Костенко, который повторил описание техники по П. Небольсину⁶. По всей вероятности, единственным источником для П. Небольсина послужили записки Т. С. Бурнашева.

Таким же ценным источником, как описание К. Ф. Бутенева, служит записка 1893 г., в которой некий Д. А. Журавко-Покорский подробно описал чеканку серебряной и золотой монеты ханства⁷. Оба автора не противоречат друг другу, и вместе их описания дают довольно ясную, но все же требующую некоторых уточнений и поправок картину монетного производства Бухарского ханства в середине и второй половине XIX в.

Лично побывав на Бухарском монетном дворе, Д. А. Журавко-Покорский оставил подробное описание процессов, связанных с чеканкой серебряных монет. Однако можно догадаться, что во время его посещения монетного двора чеканка монет не производилась, и сам процесс он описал так, как представлял себе, но неправильно. Достаточно, например, привести его утверждение, что обе стороны монет выбивались одним и тем же штемпелем. Несмотря на это и на отсутствие сведений о чеканке медных монет, в целом записка очень ценна для нас, так как в отличие от К. Ф. Бутенева Д. А. Журавко-Покорский много внимания уделил вопросам организации производства⁸.

Из советских ученых к истории чеканки бухарских монет обращалась О. А. Сухарева в работе о ремесленной промышленности позднесредневековой Бухары⁹, а также Е. А. Давидович в последней работе, посвя-

³ К. Б у т е н е в. Монетное дело Бухарии. — Горный журнал, 1842, ч. IV, кн. 11.

⁴ В. В. В е л ь я м и н о в - З е р н о в. Монеты бухарские и хивинские. СПб., 1859.

⁵ П. Н е б о л ь с и н. Очерки торговли России с странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом (со стороны Оренбургской линии). СПб., 1856, стр. 16.

⁶ Л. К о с т е н к о. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1878, стр. 247.

⁷ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 3, оп. 1, д. 77, л. 55—58. Автор записки рекомендуется как «занимающийся в Бухаре торговыми делами», и его недостаточная инженерная грамотность вполне очевидна. Следует отличать его от брата — горного инженера П. А. Журавко-Покорского, вместе с которым они вели разработку золотых приисков в Балдыжуанском бекстве по реке Сафид-Дарья. См.: А. Г у б а р е в и ч - Р а д о б ы л ь с к и й. Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората. СПб., 1905, стр. 76; Б. И. И с к а н д а р о в. О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX—XX вв. — Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, т. XXXIII, 1958, стр. 61.

⁸ См. Приложение, стр. 271, 272.

⁹ О. А. С у х а р е в а. Позднефеодальный город Бухара. Ташкент, 1963.

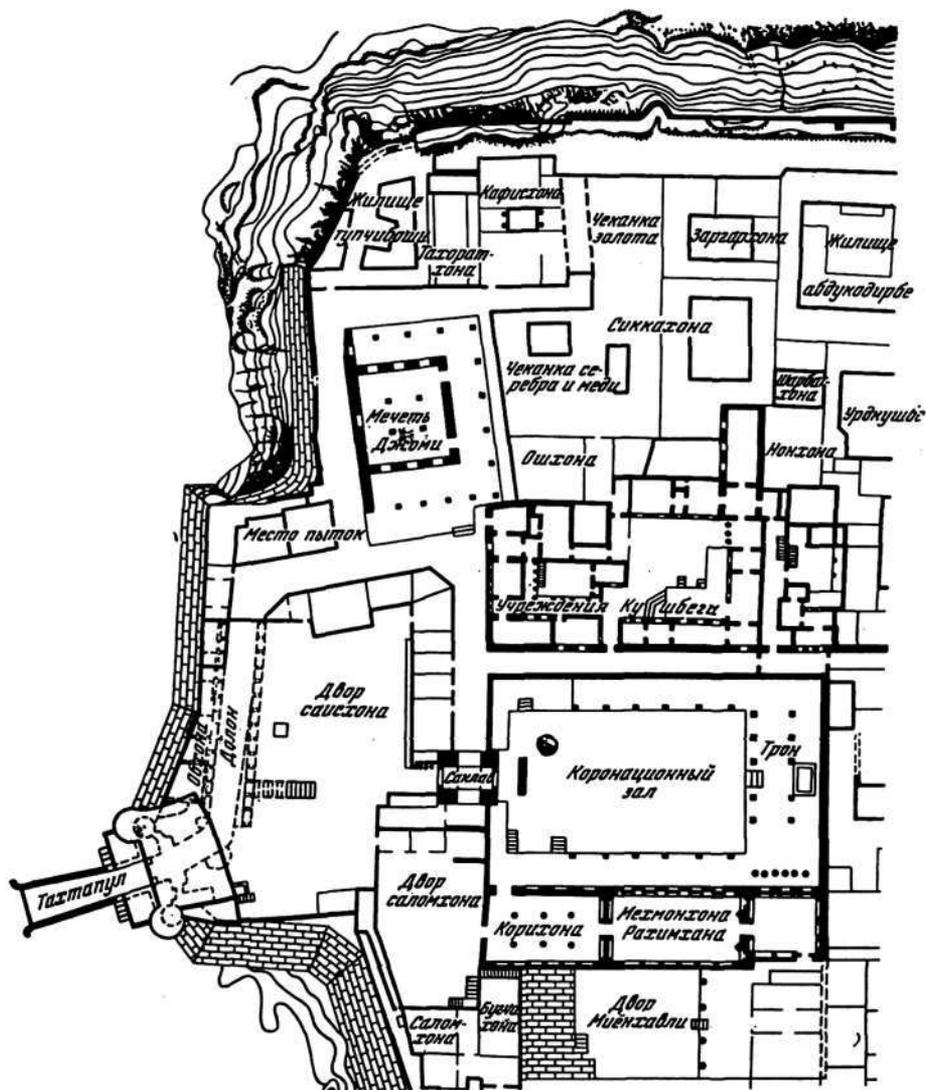

Рис. 1. Деталь плана арка Бухары

ценной изучению монетного дела Средней Азии в XVII—XVIII вв.¹⁰ Исследование Е. А. Давидович, в особенности ценные наблюдения над техникой чеканки монет Джанидов, представляет большой интерес, так как позволяет, базируясь на материале предшествующего времени, изучить малоизвестные стороны монетного дела Мангытской династии.

Наконец, ценным источником является рукопись покойного М. С. Андреева (1873—1948) «Арк (кремль) Бухары»¹¹. В ней на основе воспоминаний старого бухарского архитектора Ибрагима Хафизова о временах последних эмиров Бухары Абдулахада и Алимхана приведено подробное описание построек арка и указано их назначение. Данные, касающиеся расположения монетного двора и организации монетного дела, особенно интересны. К рукописи М. С. Андреева приложен сводный схематиче-

¹⁰ Е. А. Давидович. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. Душанбе, 1964.

¹¹ Архив Ин-та истории и археологии АН Узбекской ССР, рукопись № 418.

ский план бухарского арка, из которого мы приводим деталь, относящуюся к монетному двору (рис. 1)¹².

Использовать перечисленные выше труды с наибольшей отдачей позволяет лишь аналитическая работа, проведенная над самими монетами из нумизматических коллекций Эрмитажа, Государственного исторического музея и Музея истории Узбекской ССР¹³.

В качестве сравнительного материала имеет для нас значение ряд публикаций, посвященных монетному делу допетровской Руси¹⁴ и сефевидского Ирана¹⁵, поскольку техника чеканки монет была более или менее аналогична бухарской.

При Мангытах, как и при предшествующей им династии, на территории Бухарского ханства находились в обращении и довольно регулярно чеканились три вида местных монет: золотые (тилля, или ашрафи), серебряные (теньга) и медные (фельс). Медную монету в народе называли «пул», «миспул», «кара-пул».

Право чеканить монету принадлежало только эмиру, и его монетный двор нередко занимался переделкой эмирского золота или серебра в монету для его казны. Однако этот же монетный двор постоянно и безотказно принимал от частных лиц заказы на чеканку монет из их золота и серебра за соответствующую плату. По данным Е. А. Давидович, в течение XVII в. право свободной чеканки касалось только золота и лишь в 1784—1785 гг., после денежной реформы Мангыта Шах-Мурада, было распространено и на серебро¹⁶.

Монетный двор находился внутри эмирского арка (крепости) как одно из важнейших учреждений ханства. Его наиболее употребительным названием было «кархане» (собственное значение — цех, мастерская. — Р. Б.). По сведениям М. С. Андреева, он назывался более полно «сикка-хона»¹⁷. В рукописи «Тарихи-Салими» Мирзы Салим-бека, который занимал высокие посты при последних эмирах Бухары, монетный двор назывался *ضربخانه* (зарбхона)¹⁸. Это же название употреблялось и в сефевидском Иране¹⁹.

О. А. Сухарева, которая особенно интересовалась ремеслом, считает монетное производство лишь частью ювелирного дела. Она полагает, что в арке находилась дворцовая мастерская, которая делилась на две части: в одной половине (корхоной-и танга) чеканились монеты, а в другой изготовлялись различные золотые и серебряные вещи²⁰.

Исходя даже только из плана арка, правильнее будет признать, что в арке существовали две самостоятельные мастерские, родственные по некоторым условиям их работы. Обе они имели дело с драгоценными

¹² План был составлен М. С. Андреевым с участием М. Ю. Юсупова, О. Д. Чехович и других сотрудников этнографической экспедиции 1940—1941 гг. в Бухару. Топографическую основу плана составила инструментальная съемка арка, выполненная в 1927—1929 гг. под руководством М. Е. Массона военными топографами Бреде и Моранти.

¹³ Приношу глубокую благодарность А. А. Быкову, И. Г. Добровольскому, М. Б. Северовой и И. Г. Спасскому (Эрмитаж), С. А. Яниной (ГИМ) и С. Ишанханову (Музей истории Узбекской ССР).

¹⁴ И. Г. Спасский. Денежное обращение в Московском государстве с 1553 по 1617 г. — МИА, № 44, 1955.

¹⁵ П. Огородников. Очерки Персии. СПб., 1878; А. М. Раджабли. К вопросу об организации монетного дела в сефевидском государстве. — Труды Музея Азербайджана, т. III, 1960.

¹⁶ Е. А. Давидович. История монетного дела. . . , стр. 215.

¹⁷ М. С. Андреев. Арк (кремль) Бухары, стр. 87.

¹⁸ Рукопись Ин-та востоковедения АН Узбекской ССР, № 2016.

¹⁹ А. М. Раджабли. К вопросу. . . , стр. 53.

²⁰ О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара, стр. 53. Видимо, именно в ювелирной мастерской арка изготовлялись и бухарские ордена, учреждавшиеся эмирами Бухары со второй половины XIX в. См.: И. Г. Спасский. Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963, стр. 131—134.

металлами, и из числа опытных ювелирных мастеров набирались, видимо, и монетные мастера, которые, работая с ювелирными изделиями, приобретали сноровку в обращении с драгоценными металлами. Но монетный двор представлял собой совершенно самостоятельное производство, со своей администрацией и специфической организацией труда, в частности с делением на несколько небольших отдельных мастерских, выполнявших одну и ту же работу.

Очень существенным отличием монетного двора от расположенной рядом с ним ювелирной дворцовой мастерской было то, что он не являлся постоянно действующим учреждением. В Бухаре, как и в русском денежном производстве, существовало четкое понятие «передел», т. е. определенный период работы²¹, и чеканка монет происходила также периодически. По свидетельству Д. А. Журавко-Покорского, в год производилось только два передела²².

Монетный двор, все его оборудование — плавильные печи, инструменты, штемпели — были собственностью эмира. Монетным двором ведал назначенный эмиром особый чиновник (даруга)²³. Но само производство давалось на откуп; причем отдельные мастерские двора сдавались в аренду разным лицам по выбору эмира; по большей части это были ювелиры, знакомые с производством.

Даруга, видимо, ведал выдачей определенного количества металла для чеканки той или иной монеты по мастерским; выдавал для работы и принимал для хранения штемпели, которые находились на особом учете и хранились наиболее тщательно, чтобы исключить любую возможность бесконтрольной чеканки.

Арендаторы назывались «сахиб-кари». Возможно, что такая форма организации производства выросла из его периодичности. Сдача на откуп освобождала эмира от затрат на содержание мастеров в течение всего года.

Число действующих мастерских зависело от количества выпускаемой продукции. Во время, описанное Д. А. Журавко-Покорским, т. е. в 1893 г., до денежного кризиса, действовало семь таких мастерских. Это число подтверждается также сведениями М. С. Андреева²⁴. В 1901 г., когда после восьмилетнего перерыва возобновилась чеканка тенги и эмирское правительство обязалось по соглашению сдать Русскому государственному банку находящиеся у него в запасе 10 млн. тенег и отчеканить вновь 15 млн. тенег, оказалось, что монетный двор, бездействовавший с 1893 г., пришел в упадок. Но уже при открытии чекана вначале работало четыре мастерские, а потом бухарский зякетчий разыскал на базарах нескольких серебряных дел мастеров и было открыто еще две мастерские²⁵.

По свидетельству Д. А. Журавко-Покорского, серебро, поступавшее на монетный двор, исчислялось в ямбах. В конце XIX в. в основном поставщиками серебра русского или западноевропейского происхождения. Поставщиками были русские фирмы Познанских и Корзинкиных.

Европейское серебро выписывали через посредство русских банкирских контор из Лондона, Франкфурта и Гамбурга, и оно обходилось, несмотря на дальность расстояния, довольно дешево²⁶. Кроме того, шла

²¹ И. Г. С п а с с к и й. Денежное обращение в Московском государстве, стр. 228.

²² ЦГИА Узбекской ССР, ф. 3, оп. 1, д. 77, л. 59.

²³ Иногда обязанность даруги исполнял сам зякетчий (см. Приложение). «Даруга — звание, с которым в различное время в различных районах связывались или функции сборщика податей, или правителя города или области» (Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.—Л., 1938, стр. 351).

²⁴ М. С. А н д р е е в. Арк (кремль) Бухары, стр. 87.

²⁵ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 3, оп. 1, д. 210, л. 148—150.

²⁶ Там же, д. 77, л. 59, 61—63 и 124, 125.

в переработку и различная монета, в частности русская²⁷ и кокандская²⁸. До конца XIX в. в Бухаре была широко распространена промывка золота местным населением. По свидетельству Д. А. Журавко-Покорского, в 1892 г. в монету обращалось около 40 000 золотников золота, из которых около 18 000 получали из Гиссарского бекства, около 12 000 — из местностей ханства и около 10 000 золотников — из России²⁹. Но по мере прочного проникновения русского капитала в экономику Бухары местное золото вытеснялось привозным. Наряду с золотом, привозимым из России, и местного происхождения, видимо, в конце XIX в. на монетном дворе использовалось и золото европейское; в частности, название «гум-буртилло» свидетельствует о том, что оно импортировалось в Бухару, вероятно, какой-то гамбургской фирмой³⁰.

Для более раннего периода, т. е. для первой половины XIX в., имеются упоминания об использовании для чеканки тилли «голландских червонцев». Несомненно, здесь имеются в виду не голландские монеты, а «лобанчики» (подражание голландским дукатам) русской чеканки, в большом количестве использовавшиеся для платежей в пограничных областях Российской империи³¹. По сведениям Г. Мейендорфа, несмотря на запрещение вывоза золота и серебра из России, бухарские купцы тайно доставляли как иностранную, так и русскую монету: экю, испанские пиастры, голландские дукаты, а также русские серебряные монеты³². В 1840—1850 гг. ввоз драгоценных металлов в монету составил 22% от стоимости всех ввезенных в Бухару товаров³³. В 1862 г. ввоз монеты составлял 1,05 млн. руб. (только по одним таможенным отчетам)³⁴.

Медь для чеканки монеты употреблялась двух сортов: красная и желтая. Так же как золото и серебро (в более позднее время), медь привозилась в Бухару из России. В 1781 г. было ввезено 3000 пудов меди. В XIX в. через Самарканд медь поставлялась фирмой Нагау³⁵. В основном это была медь в листах. Из русской меди делали посуду и монету. В большей степени, вероятно, употреблялась красная медь, так как медные монеты с правления Абдулахада чеканились только из нее.

В 90-х годах XIX в. из ямба чеканилось 576 тенег. Из них 4 теньги шло на оплату рабочих, 3 удерживалось на угар металла, 3 — сахиб-кару, 9 — в пользу эмира и 1 — в пользу даруги. Таким образом, владельцу серебра оставалось 556 тенег, из которых он должен был платить еще зякетный сбор³⁶.

При чеканке тилли за счет частных лиц руководствовались следующим расчетом: 100 тиллей равняются по весу 106 з. 92 д. = 100 мискалям. Зякет, взимаемый в пользу правительства, составлял $2\frac{1}{2}$ тилли, сбор в пользу монетного двора — 1. Владелец золота получал $96\frac{1}{2}$ тиллей³⁷.

Свободная чеканка приносила казне правителя большой доход и поэтому всячески поощрялась эмирским правительством. Немалый доход приносила и отдача монетного двора на откуп. Арендатор (сахиб-кар)

²⁷ К. Бутенев. Монетное дело Бухариц, стр. 158.

²⁸ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 3, оп. 1, д. 77, л. 59, 61—63.

²⁹ Там же.

³⁰ О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара, стр. 43.

³¹ Новейшее описание Великой Бухарии. — Азиатский вестник. СПб., 1825, стр. 311; И. Г. Спасский. Русская монетная система. Л., 1962, стр. 188—189.

³² G. Meunier. Voyage. . . , стр. 231.

³³ Е. В. Бунаков. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. — СВ, II, 1941, стр. 21.

³⁴ Л. Костенко. Среднеазиатская торговля. — Туркестанские ведомости, 1871, № 5, стр. 23.

³⁵ Е. В. Бунаков. К истории сношений. . . , стр. 10; О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара, стр. 36.

³⁶ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 3, оп. 1, д. 77, л. 55—58.

³⁷ Там же, л. 59, 61—63.

платил в казну эмира по одной теньге с каждых трех ямбов, поступивших в кархану, что составляло арендную плату³⁸. Подобная отдача монетного двора на откуп практиковалась в соседнем Кокандском ханстве, а также и в сефевидском Иране³⁹.

Еще одна форма дохода эмира от монетной чеканки, по-видимому, имела место, когда перерабатывался металл в монету для самого эмира. Хотя прямыми указаниями мы не располагаем, но есть основания считать, что в таких случаях услуги монетного двора вообще не оплачивались. Так же, например, было поставлено дело на русских монетных дворах XVI—начала XVII в., пока существовало право свободной чеканки⁴⁰.

Условия труда в кархане были очень тяжелыми и изнурительными. Почти вся работа выполнялась вручную. В каждой мастерской (кархане) работало по 15—20 человек⁴¹ (по сведениям М. С. Андреева, по 9—10 человек), которые вместе с мастером⁴² составляли, вероятно, одну артель.

Как арендатор расплачивался с мастерами и чернорабочими — сведений нет; но оплата, получаемая рабочими, как указывалось выше, была незначительной. 15—20 мастеров и рабочих вместе получали немногим больше, чем доставалось одному арендатору. Аренда карханы была выгодным делом, и, по свидетельству Д. А. Журавко-Покорского, сахиб-кары быстро наживали себе крупное состояние.

Наиболее квалифицированную работу — непосредственно с драгоценными металлами — выполняли мастера, набравшиеся из числа ювелиров. Их труд носил характер повинности, и отказаться от него никто не имел права⁴³.

По сведениям М. С. Андреева, «в дневное время в арке находилось свыше ста служащих и работников различных профессий, в том числе и работники монетного двора. Все они имели жилища в городе и находились в арке только в рабочее время. Ночевать там никто не оставался»⁴⁴. В этом организация производства на Бухарском монетном дворе отличалась от практики русских монетных дворов начала XVIII в., где рабочие обязаны были находиться на монетном дворе безвыходно до окончания передела⁴⁵.

Инструменты, служившие для чеканки монет, были самыми примитивными; на монетном дворе, как во многих отраслях ремесленной промышленности Бухары, господствовала традиционная ручная техника. Это было естественным явлением, так как «замкнутость Бухары служила препятствием для проникновения туда технических новшеств. Старая техника защищалась от них стеной религиозных предрассудков, которые рассматривали нововведения как нарушение религиозных норм»⁴⁶.

Весьма характерны в этом отношении приводимые М. С. Андреевым сведения. При решении вопроса о выпуске бумажных денег в 1918 г. эмир Алимхан созвал совещание, на которое были приглашены крупные представители купечества и духовенства; когда купец Юсупов высказался за машинное печатание и показал составленные по его поручению проекты бумажных билетов, представитель духовенства Кутбиддин объявил его неверным — кофиром, а затею его — языческой, противной вере. Он за-

³⁸ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 3, оп. 1, д. 77, л. 55—58.

³⁹ П. О г о р о д н и к о в. Очерки Персии, стр. 33; В. В. Г р и г о р ь е в. Кокандское ханство. — Записки РГО, 1849, стр. 211.

⁴⁰ И. Г. С п а с с к и й. Денежное обращение в Московском государстве, стр. 249, 255.

⁴¹ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 3, оп. 1, д. 77, л. 55—58.

⁴² М. С. А н д р е е в. Арк (кремль) Бухары, стр. 88.

⁴³ О. А. С у х а р е в а. Позднефеодальный город Бухара, стр. 53.

⁴⁴ М. С. А н д р е е в. Арк (кремль) Бухары, стр. 20.

⁴⁵ И. Г. С п а с с к и й. Петербургский монетный двор от возникновения до начала XIX в. Л., 1949, стр. 35—36.

⁴⁶ О. С. С у х а р е в а. Позднефеодальный город Бухара, стр. 139.

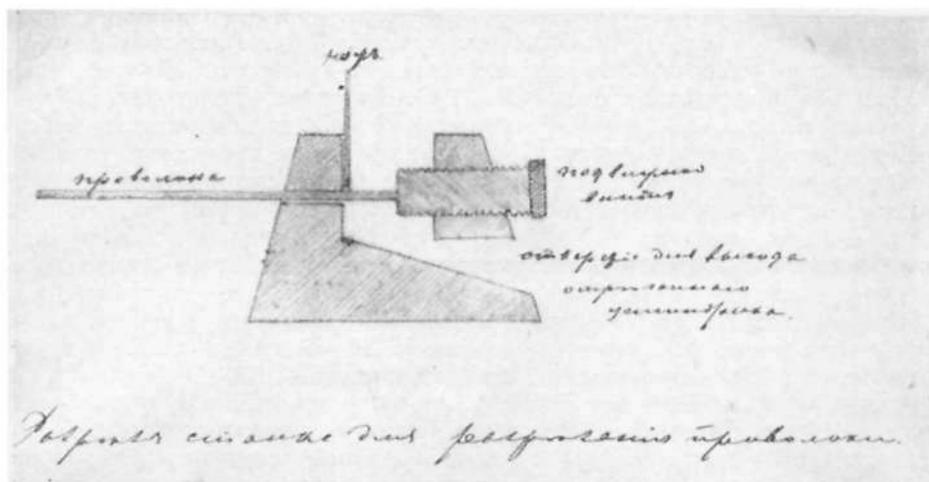

Рис. 2. Схематический чертеж станка для резки проволоки, находившегося на Бухарском монетном дворе (рукопись Д. А. Журавко-Покорского. ЦГИА Узбекской ССР, ф. 3, оп. 1, д. 77, л. 60)

явил, что само печатание — дело немусульманское и что машинное печатание опоганит мусульманские деньги. По настоянию Кутбиддина Юсупова удалили с совещания, и было принято решение печатать деньги вручную⁴⁷.

Как уже указывалось, наиболее интересные сведения о технике чеканки монет на Бухарском монетном дворе сообщают Т. С. Бурнашев и К. Ф. Бутенев, писавшие со слов очевидцев, и Д. А. Журавко-Покорский — на основании его собственных наблюдений при посещении монетного двора. Однако никто из них не наблюдал самого процесса. Таким образом, все они как бы реконструировали этот процесс в своем воображении, причем все делали одну и ту же ошибку, признавая технику чеканки золота и серебра совершенно одинаковой. Т. С. Бурнашев считал, что золотые и серебряные кружки для чеканки вырезались из раскованного листа, а К. Ф. Бутенев и Д. А. Журавко-Покорский думали, что заготовки для тех и других монет изготовлялись путем плющения цилиндрических обрезков металла. Д. А. Журавко-Покорский знал, что металл волочили в проволоку, а К. Ф. Бутенев предполагал, что в резку поступали литые прутки.

Теньга считалась основным денежным номиналом Бухарского ханства. При переработке серебра в монету металл в специальной плавке (купелиции)⁴⁸ очищался от примесей в тиглях емкостью до 10 ямбов, т. е. до 45 фунтов. Плавка производилась в горнах при дутье ручными мехами. Серебро разливалось в несколько форм и превращалось в слитки, размеры которых были, по Д. А. Журавко-Покорскому, 9 вершков длины и $\frac{3}{4}$ вершка ширины. Слитки эти служили для волочения проволоки; для этого один из концов слитка расковывали настолько, чтобы он проходил в наиболее крупное отверстие волочильной доски, которая, по словам Д. А. Журавко-Покорского, имела пять отверстий диаметром от 0,2 до 0,5 дюйма, т. е. от 5 до 12,5 мм.

Употребление проволоки роднит описываемую технику производства с техникой русских монетных дворов допетровского времени, сефевид-

⁴⁷ М. С. Андреев. Арк (кремль) Бухары, стр. 88—89.

⁴⁸ К. Бутенев. Монетное дело Бухарии, стр. 159—160.

ского и кадждарского Ирана⁴⁹, с производством монет Джанидов, а также соседних Хивинского и Кокандского ханств. Однако обработка самих отрезков проволоки в Бухаре при Мангытах имела особый характер.

Для резки прутков, по словам К. Ф. Бутенева, пользовались ножами⁵⁰, но Д. А. Журавко-Покорский описал и даже сделал чертеж станка, снабженного стальным ножом для резки проволоки (рис. 2). Длина отрезков регулировалась в станке винтом, который ограничивал подачу проволоки под нож. Последний имел лезвие в форме полумесяца и, следовательно, врезался в проволоку до тех пор, пока под ним не оставалась совсем небольшая масса металла. При отделении цилиндрика от проволоки мог произойти перелом. По-видимому, этой техникой, как и формой ножа, можно объяснить постоянно наблюдаемую на множестве серебряных монет своеобразную щербинку. Ее же можно заметить на золотых и серебряных монетах Кадждаров конца XVIII в.

Если в русском монетном деле и у Джанидов до Абулгази-хана обрезки проволоки (цилиндрики) плющились в лежащем положении и монеты благодаря этому, как правило, овальные и сохраняют следы резки проволоки на удлинённых концах пластинки⁵¹, то в Бухаре цилиндрики, согласно свидетельству Д. А. Журавко-Покорского, плющились в вертикальном положении. С этим нельзя не согласиться, так как даже при первом взгляде на серебряную монету сразу же бросаются в глаза ее толщина и бочкообразные края. Вопрос сводится к тому, какой толщины проволока шла на резку. Ведь не обязательно, чтобы ее протягивали непременно через все пять отверстий волоочильной доски, упомянутых Д. А. Журавко-Покорским, который мог указать толщину проволоки, исходя из диаметра самого малого отверстия.

Трудно предположить, что цилиндрик диаметром в 5 мм и высотой в 12—12,5 мм можно было бы плющить в стоячем положении. Проверка данных Д. А. Журавко-Покорского заставляет сомневаться в них, так как при $d=5$ мм и $h=12,5$ мм объем цилиндра $v = \frac{\pi \cdot d^2}{4} \cdot h = 0,245 \text{ см}^3$; $= 10,5 \text{ г/см}^3$ — удельный вес серебра. Масса или же вес монеты, полученной из такого цилиндрика, $m = \rho v = 2,57$ г. В действительности же теньга весит в среднем 3 г. Более вероятно, что проволока была толще и разрезалась на более короткие цилиндрики.

По наблюдению Е. А. Давидович, изготовление кружков путем плющения вертикально поставленных цилиндриков появляется только при последнем Джаниде — Абулгази-хане⁵², т. е. фактически уже при Мангытах. В предшествующий период цилиндрики плющились в лежащем положении.

Плющение серебряного цилиндрика производилось не молотом, так как от его ударов получались бы слишком разорванные края, а с помощью гладкого чекана. Благодаря этому удар равномерно распространялся на всю поверхность цилиндра, который превращался в монетный кружок, имевший форму довольно плотной лепешки. Можно не сомневаться, что эта своеобразная форма мангытских монет и привела Г. Мейендорфа к ошибочному предположению, что для изготовления монетных кружков плющились шары (bolles) равного веса⁵³.

⁴⁹ И. Г. С п а с с к и й. Денежное обращение в Московском государстве, стр. 214—354; П. О г о р о д н и к о в. Очерки Персии, стр. 33—34; А. М. Р а д - ж а б л и. К вопросу. . ., стр. 53—54.

⁵⁰ К. Б у т е н е в. Монетное дело Бухарии, стр. 161.

⁵¹ И. Г. С п а с с к и й. Денежное обращение в Московском государстве, стр. 230—239; Е. А. Д а в и д о в и ч. История монетного дела. . ., стр. 224.

⁵² Е. А. Д а в и д о в и ч. История монетного дела. . ., стр. 225.

⁵³ Г. М е у е н д о р ф. Voyage. . ., стр. 214.

Д. А. Журавко-Покорский особо отмечал тщательность и многократность взвешиваний металла в процессе производства: заготовки для кружков взвешивались сперва по десятку, а затем по одному и только после этого плющились в кружки. Вес готовых кружков снова проверялся, по словам Д. А. Журавко-Покорского, даже самим эмиром, который брал из каждой партии пробу, равную одному ямбу (576 кружков), а отдельные кружки еще и разрезали для проверки качества металла. Юстировка (проверка правильности веса) сводилась к тому, что излишне тяжелые и слишком легкие отрезки или кружки отбрасывались для переплавки. На проверку веса монет после ее чеканки указаний нет.

Ни К. Ф. Бутенев, ни Д. А. Журавко-Покорский не отметили еще одну совершенно неизбежную операцию: перед чеканкой монетные кружки должны были отжигаться, так как это возвращает металлу пластичность, которую он утрачивает при механической обработке, и облегчает процесс чеканки. Но Д. А. Журавко-Покорский отметил, что до чеканки кружки отмывались в кислоте (уксусе), а это свидетельствует, что они отжигались: при отжиге металл темнел, промывка возвращала серебру его блеск. Сушка производилась протиранием в древесных опилках⁵⁴.

Именно предчеканочный отжиг кружков делает невозможным использование методов металлографии или рентгенокопии для решения вопроса о способе изготовления кружков; отжиг «снимает» структуру металла, возникшую при его механической обработке.

Об основных орудиях чеканки — штемпелях — наилучшее представление дает снимок нескольких штемпелей для чеканки хивинских монет XIX в. из коллекции Эрмитажа (рис. 3). Рабочей поверхностью штемпеля служит торец железного цилиндра с вырезанным на нем вглубь изображением одной из сторон монеты. Нижний штемпель укрепляли неподвижно, верхний наставляли на подложенный кружок. По всей вероятности, удар по головке штемпеля наносил молотобоец: некоторые из хивинских штемпелей от долгого употребления настолько сбились и укоротились, что наставлять их под удар просто рукою было невозможно. Вероятно, это делали посредством специальных щипцов. Еще один работник, видимо помощник мастера, сбрасывал готовые монеты и подкладывал кружки.

Доказательством того, что Д. А. Журавко-Покорский не видел производства на монетном дворе и плохо разбирался в технике, служит его

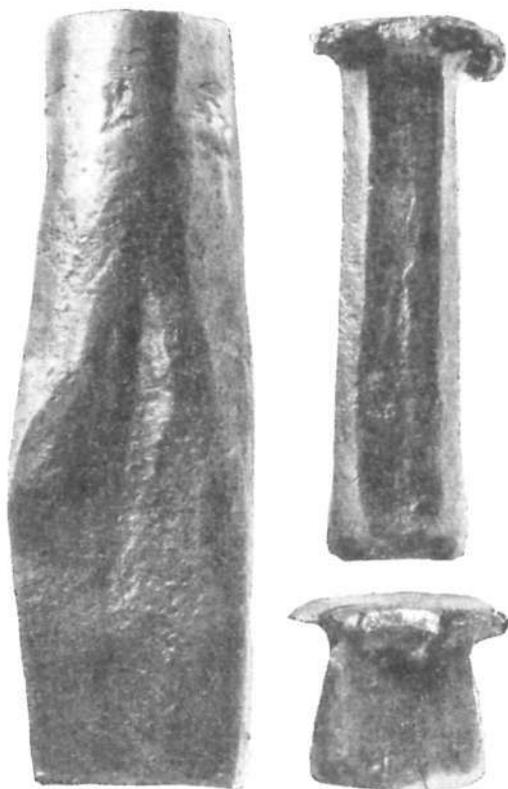

Рис. 3. Монетные штемпели Хивинского ханства XVIII—XIX вв.

⁵⁴ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 3, оп. 1, д. 77, л. 55—58.

описание процесса чеканки: по его словам, одной и той же «печатью» (т. е. штемпелем) сперва выбивали изображение на одной стороне, а потом — на другой.

Штемпель изготовлял резчик по металлу. Его резец удалял металл из углублений; очень ограниченно применялись пунсоны — для точек, небольших розеток и т. д. Орнаментальные украшения на штемпелях для серебряных монет очень элементарны; несколько больше внимания уделялось орнаменту при изготовлении штемпелей для золотых монет.

Во время работы верхний штемпель, по которому приходились удары, изнашивался гораздо быстрее. Быстрое изнашивание штемпелей приводило к тому, что монеты мангытского чекана, в частности серебряные теньги, иногда имеют разные даты на лицевой и оборотной сторонах монеты. Можно назвать следующие известные нам типы серебряных теньг с двойной датировкой: Шах-Мурад (1200—1215) — 1207/1206; Хайдар (1215—1242) — 1230/1229, 1231/1216, 1237/1234, 1237/1236; Хусейн (1242) — 1242/1241; Насрулла (1242—1277) — 1243/1242, 1247/1244, 1275/1273, 1275/1274, 1277/1276; Музаффар (1277—1303) — 1280/1279, 1281/1280, 1293/1284, 1296/1294, 1297/1296, 1298/1297, 1299/1297, 1299/1298, 1300/1254, 1300/1299, 1301/1299, 1301/1300; Абдулахад (1303—1329) — 1304/1303, 1305/1304, 1306/1299, 1306/1305, 1307/1306, 1308/1306, 1308/1307, 1309/1304, 1309/1308, 1310/1308, 1310/1309, 1311/1310, 1320/1319.

В. В. Вельяминов-Зернов заметил эту особенность и объяснил ее как случайное явление. Он считал, что на Бухарском монетном дворе старые штемпели (он их называет «молотами») не уничтожались, «и работники при чеканке монет по ошибке схватывали один из них и выбивали им одну из сторон монеты»⁵⁵. Однако, если учесть специфику организации монетного двора, то это явление можно объяснить тем, что во время интенсивного передела, когда чеканка производилась сразу в нескольких мастерских, даруга выдавал в мастерские наряду с новыми наиболее сохранившиеся старые штемпели. Названные выше монеты показывают, что один и тот же штемпель могли употреблять при чеканке в течение даже пяти лет (например, в правление Музаффара и Абдулахада штемпель 1299 г.).

Неустойчивое положение штемпелей при чеканке было причиной того, что во многих случаях на поверхности серебряной теньги получалось частичное изображение: штемпель при чеканке не полностью накладывался на поверхность монеты. При этом иногда на монету не попадали даты, что затрудняет точное определение, так как теньга мангытского чекана с правления эмира Насруллы до прекращения чеканки несет на себе имя только одного Хайдара.

Известны редкие экземпляры серебряных монет, отчеканенных двумя штемпелями оборотной стороны. Встречается также теньга с двойным ударом штемпеля. Но это не перечеканка, так как можно прочесть одну и ту же дату в разных частях монеты. Подвижность верхнего штемпеля приводила также к самому различному соотношению штемпелей.

Следует особо остановиться на последней операции — собственно чеканке монет, т. е. обработке кружков штемпелями. Как выяснил М. С. Андреев, она производилась уже не в мастерской, а совсем в другом помещении — в коронационном зале эмира!

В юго-восточном углу суфы коронационного зала, где никакие другие церемонии, кроме коронации, не проводились, в пол были вкопаны на небольшом расстоянии друг от друга шесть толстых деревянных обрубков. «Верхняя часть этих обрубков служила подставками, на которых чеканились золотые и серебряные монеты, изготовленные предварительно в виде кружочков без надписей на монетном дворе»⁵⁶.

⁵⁵ В. В. Вельяминов-Зернов. Монеты бухарские и хивинские, стр. 415.

⁵⁶ М. С. Андреев. Арк (кремль) Бухары, стр. 61.

Деревянные обрубки — это, несомненно, то же, что и «стулы» русских чеканщиков монет XVI—XVII вв., в которых укреплялись нижние штемпели. По словам осведомителей М. С. Андреева, для чеканки «для наложения на золотые и серебряные кружки чекана (зарб) приходило по мастеру из каждого отделения монетного двора»⁵⁷.

На первый взгляд кажется странным, что чеканка золотой и серебряной монеты производилась не на монетном дворе, а в коронационном зале.

Однако расположение прилегающих к нему помещений заставляет отбросить сомнения, так как под той же самой суфой зала находилось одно из помещений казначейства. Всего таких складов для хранения денег, слитков, драгоценных камней, дорогих одежд и т. д. было в арке четыре, в одном из них хранились металлические деньги и кредитные билеты. Вероятно, таким помещением и являлась хазинахона (казначейство) под суфой. Кроме того, коронационный зал находился недалеко от покоев эмира и поэтому входил в число наиболее охраняемых помещений арка. Такое расположение было удобным и для того, чтобы проверка пробы и числа кружков из ямба занимался сам эмир.

Готовая отчеканенная золотая и серебряная монета, по сведениям М. С. Андреева, пересчитывалась в том же помещении под верандой около трона на войлоке тремя-четырьмя менялами (сарроф), приглашенными для этого из их лавок, расположенных на Регистане. Отсчитанные монеты складывались в кожаные мешочки (саноч) по 5 или по 10 тысяч. Наполненные мешочки запечатывали, а под вечер относили и сдавали в хазинахону⁵⁸, где ставили в деревянные ящики (кутти) разного размера⁵⁹.

Помимо высказанных выше соображений, производство чеканки в одном из самых торжественных помещений арка можно объяснить и известного рода шлететом перед именем эмира, находившимся на штемпелях. Характерно, что чеканка медных монет с их лаконичными надписями без имени эмира производилась в мастерских монетного двора. Наложение штемпеля можно рассматривать как наложение печати эмира.

По словам К. Ф. Бутенева и Д. А. Журавко-Покорского, в производстве золотых монет наблюдалась та же самая техника превращения слитка в проволоку со всеми последующими процессами⁶⁰. О подобной технике изготовления серебряных и золотых монет в сефевидском Иране (XVI—начало XVII в.) пишет А. М. Раджабли⁶¹. Этой же точки зрения придерживается и Е. А. Давидович, которая отмечает, что «по сведениям первой половины XIX в., золотые и серебряные монеты изготовлялись одинаковым способом»⁶². Однако Т. С. Бурнашев в 90-х годах XVIII в. не сомневался, что для золотой (и, по его мнению, серебряной) монеты кружжик вырезывались из раскованных листов металла.

Монеты Мангытов второй половины XVIII в. по технике чеканки имеют много общего с монетами Каджаров (XVIII—начало XX в.), чеканявшимися в соседнем Иране до модернизации его монетного дела. Серебряные монеты Каджаров — точно такие же пухлые лепешки, как теньга мангытского чекана, и на многих из них имеется своего рода метка — щербинка на гурте, указывающая на технику изготовления их из толстой проволоки. Золотые тилли Каджаров, подобно серебряным

⁵⁷ М. С. Андреев. Арк (кремль) Бухары, стр. 73.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, стр. 67.

⁶⁰ К. Бутенев. Монетное дело Бухарии, стр. 161; ЦГИА Узбекской ССР, ф. 3, оп. 1, д. 77, л. 55—58.

⁶¹ А. М. Раджабли. К вопросу. . ., стр. 53—54.

⁶² Е. А. Давидович. История монетного дела. . ., стр. 229.

монетам, в подавляющем большинстве представляют собой такие же пухлые лепешки, часто неправильной формы и разных размеров, и на некоторых из них можно видеть такую же щербинку. Техника чеканки серебряных и золотых монет Каджаров, несомненно, была совершенно одинаковой. Но тилли Бухары не имеют ничего общего с каджарскими золотыми монетами.

Как и при изготовлении серебряных монет, золото, предназначенное для монет, очищали, видимо, тем же методом — купеляцией. Низкопробные драгоценные металлы не употреблялись ни на монетном дворе, ни в ювелирном деле Бухары. Сведения о высокой пробе серебряных и золотых монет отмечены многими путешественниками, побывавшими в Бухарском ханстве, в частности Т. С. Бурнашевым и К. Ф. Бутеневым⁶³.

Тонкая расковка бухарских золотых монет, постоянно сохраняющих более или менее правильную круглую форму и одинаковый диаметр при едином их весе, равном одному мискалю (4,80 г)⁶⁴, не могла быть достигнута при расковке проволочных цилиндриков. При этом, как и в монетном деле Каджаров, получались бы заготовки разной формы и разной толщины. В то же время предварительная юстировка обрезков золотой проволоки исключала бы возможность подправки кружков за счет обрезывания части металла. Главное достоинство проволочной техники и заключается в том, что при ней достигается сравнительно высокая точность веса заготовок и отпадает необходимость в обрезке монет при юстировке.

Очень небольшие расхождения диаметра мангытских золотых монет (1—3 мм) вполне объясняются тем, что при вырезке (скорее всего высечке)⁶⁵ кружков из раскованного листа золота отдельные кружки более тяжелого веса можно было не отбрасывать, а слегка обрезать по окружности. (При ручной расковке листов равномерная толщина не могла быть достигнута.) Т. С. Бурнашев имел совершенно правильную информацию, касавшуюся чеканки золота, но ошибся, распространив ее и на серебро.

Чеканка тилли производилась таким же способом, как и серебряных монет, — двумя штемпелями. Соответственно диаметру золотых кружков штемпели для тилли имели больший диаметр, а чеканка производилась более тщательно. Надписи, как правило, отпечатывались полностью и легко читаются. Встречающиеся на отдельных монетах «лысины», не имеющие оттиска штемпеля, объясняются неровной поверхностью золотого кружка, образовавшейся при расковке золотого бруска в лист.

Золотая тилля в отличие от серебряной и тем более медной монеты на всем протяжении чеканки выпускалась в обращение с гуртовой насечкой. Такая обработка монеты защищала ее от злоумышленного обрезывания драгоценного металла. Никто из авторов, обращавшихся к чеканке мангытских монет, не останавливается на технике гурчения, и единственным источником для нас остается сама монета.

За исключением нескольких сильно потертых монет, о которых судить невозможно, все тилли Мангытов из коллекций Эрмитажа и Государственного исторического музея — от монет Шах-Мурада (1200—1215) до последних монет Абдулахада (1303—1329) — имеют на гурте насечку. Кроме одной монеты с прямой насечкой (т. е. вертикальной по отношению к гурту), у всех остальных она наклонная, причем как вправо, так и влево. Тот и другой наклон встречается одинаково часто. Расположение

⁶³ Г. С п а с с к и й. Путешествие. . . , стр. 102; К. Б у т е н е в. Монетное дело Бухарии, стр. 158.

⁶⁴ Е. А. Д а в и д о в и ч. История монетного дела. . . , стр. 181.

⁶⁵ Об употреблении «особой высечки» писал П. Небольсин (Очерки торговли, стр. 16).

насечек довольно хаотичное: они стоят где гуще, где реже, наклон их выдержан неодинаково; можно лишь отметить, что штрихи наклонной насечки бывают прямыми и пламевидными. Элементарная простота приема гурчения заставляет склониться к мысли, что оно производилось посредством пунсонов, вручную по гуртику монеты, закрепленной в тисках. Трудно предположить существование даже самого элементарного орудия для накатки или иного способа механического нанесения подобной гуртовой насечки.

Приходится исключить и одновременную гуртовку нескольких монет, зажатых вместе: для этого нужно строгое единообразие диаметра монет, имеющих к тому же строго круглую форму, что невозможно при ручной технике.

Перед гурчением, составлявшим последнюю операцию, уже отчеканенные монеты несомненно слегка подправлялись. Вероятно, как и при чеканке серебряных монет, наиболее тщательную юстировку проходили золотые кружки перед чеканкой. Во время чеканки вследствие той или иной установки верхнего штампера могла иметь место большая или меньшая деформация кружка. Поскольку уменьшение веса кружка уже было невозможно, оставалось только вернуть монете более правильную форму посредством обколачивания, проковки излишне выпятившихся частей кружка. Следы такой обработки, предшествовавшей процессу гурчения, замечены на многих монетах. У них часть протяжения гурта обнаруживает легкую припухлость, т. е. утолщение металла только у самого гурта. По-видимому, именно в этих местах под действием штампера металл излишне выполиз в сторону и легкими ударами молотка его загнали обратно в кружок, переместив определенным образом массу металла без изменения ее веса.

В отличие от совершенно одинаковых по технике чеканки серебряных или золотых монет, медные монеты Мангытов очень разнообразны. Они почти не привлекали внимание упоминавшихся авторов, за исключением К. Ф. Бутенева, наблюдения которого очень ценны⁶⁶.

В отличие от золотых и серебряных монет, всегда круглых, медные пулы Бухары бывают и круглыми (диаметром 12—30 мм), и квадратными, и в виде прямоугольников или округленных квадратов, и, наконец, в виде продолговатых шестиугольников.

Разнообразию внешнего вида медных монет соответствует разнообразие технических приемов чеканки, которые определялись главным образом характером поступающего на монетный двор сырья.

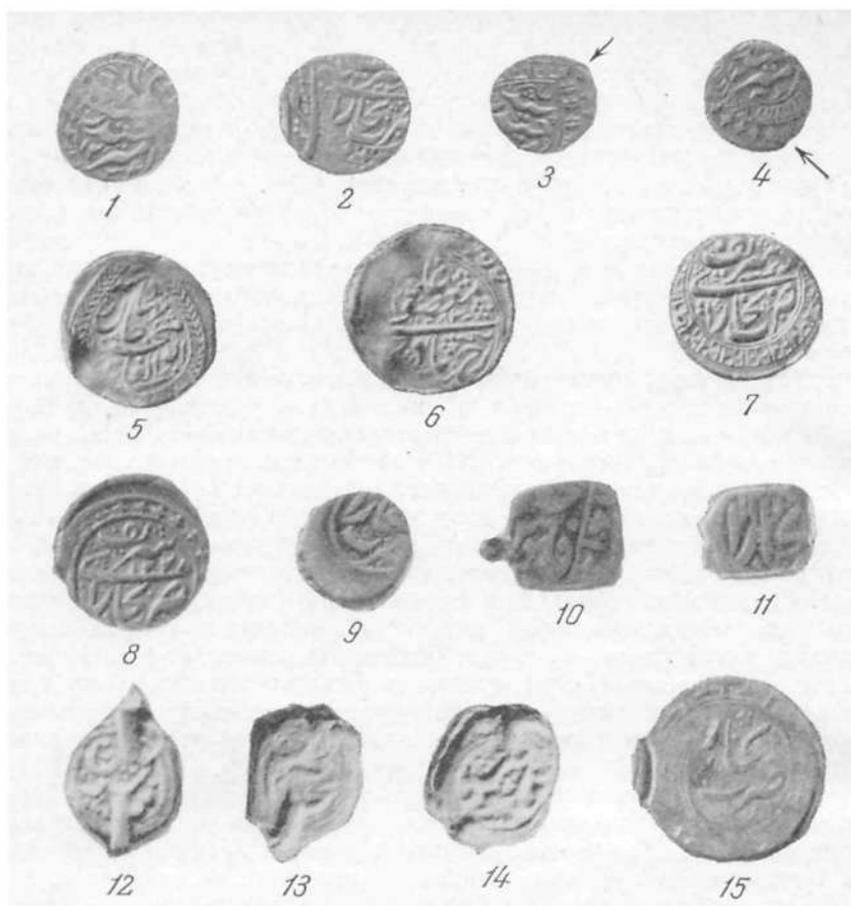
По способу изготовления кружков для монеты медные пулы можно разделить на следующие группы: 1) кружок изготовлен из проволочного отрезка, плющенного вертикально, как кружки для теньги; диаметр их, как у серебряной монеты, колеблется от 12 до 19 мм; 2) кружок изготовлен из отрезка проволоки, плющенного в лежачем положении; размеры очень различны; 3) кружок или пластинка изготовлены в технике литья; 4) кружок вырублен из листовой меди.

Монеты 1-й и 2-й групп изготовлены в основном из красной, т. е. более или менее чистой, меди, пластичность которой делает возможным волочение проволоки.

Монеты 3-й группы бывают сделаны из красной или из желтой (т. е. латуни) меди. Применение литья понятно, так как превращение латуни в проволоку сложно при ручной технике.

Монеты 4-й группы наиболее характерны для чеканки последнего эмира Бухары — Алимхана. Их вырубали из привозившейся из России готовой листовой меди. Изготавливались кружки различного диаметра в зависимости от номинала. Кружок с диаметром в 19 мм

⁶⁶ К. Б у т е н е в. Монетное дело Бухарии, стр. 154—163.

.Рис. 4. Технические особенности чеканки серебряных, золотых и медных монет Бухарского ханства

Серебро: 1, 2 — двойной удар штемпеля; 3, 4 — шербики на гурте серебряных монет. Золото: 5 — тилля с «лысынями»; 6 — тилля с подправленным после чеканки, «припухшим» гуртом; 7 — полновесная тилля (жесточное обрезаивание вырубленного кружка перед чеканкой уменьшило его диаметр). Медь: 8 — круглый пул, чеканенный на плющенном «по-серебряному» обрезке прутка меди; 9 — круглый пул, чеканенный на литом кружке (видны заусеницы — затеки металла в зазор неплотно сложенных половинок формы); 10 — пул, чеканенный на прямоугольной литой пластинке; 11 — пул, чеканенный на шестиугольной литой пластинке; 12—14 — пулы, полностью отлитые в формах (не подвергавшиеся чеканке; видны литники, по которым разламывалась отлитая «гроздь» монет); 15 — фулюс — медная монета в три теньги времени Алимхана (чеканена на вырубленном из листа кружке красной меди; скошенный гурт объясняется способом высечки)

имела монета в одну теньгу: *فلوس يك تنگه*; с диаметром в 22 мм — в две теньги: *فلوس دو تنگه*; с диаметром в 30 мм — в 10 и 20 тенег: *بيست تنگه يکده تنگه*. На отдельных монетах виден след небрежной вырубki, когда небольшой край монеты в форме полумесяца отсутствует (рис. 4, 15) Большая часть монет, вырубленных высечкой, имеет слегка скошенные боковые грани. Высечка-труба была заострена с внутренней стороны, чтобы монетный кружок при вырубании легко выталкивался из нее.

Техника литья кружков применялась только до правления эмира Абдулахада. Об изготовлении литых заготовок писал К. Ф. Бутенев: «Для медной монеты расплавляют назначенную для этой цели медь и

отливают в большие формы, в которых образуются медные пластинки такого вида, какой имеют пулы. Все отлитые пластинки бывают соединены между собой как с коротких, так и с длинных боков их небольшими промежутками, через которые расходуется расплавленная медь по формам пластинок таким образом, что по вынутии их из формы представляют вид как бы решеток. По очищении их поверхности от приставшей земли, что, впрочем, делается довольно незначительно, с помощью ударов обламывают соединения пластинок между собой и разделяют их, и так они поступают в чеканку без дальнейшего очищения краев и поверхности»⁶⁷. Так отливались пластинки для квадратных и кружжк для круглых медных монет.

На некоторых экземплярах литых медных пулов в результате смещения двух половинок формы виден сдвиг лицевой и оборотной сторон в противоположном направлении. Хотя половинки форм складывались плотно, на некоторых монетах можно заметить небольшие заусенцы, образовавшиеся при проникновении металла в зазоры на стыке половинок формы. Часто наблюдается и рубчик на боковом краю монеты, появившийся на стыке верхней и нижней половинок формы.

Все медные монеты чеканились, как золотые и серебряные, двумя штемпелями, и им присущи все те особенности, которые отмечены выше и для других монет, но требования к внешнему виду медных монет и их весу были минимальными.

Крайняя застойность и консервативность монетного производства Мангытов с середины XVIII до начала XX в. делает его изучение особенно полезным. Бухарский монетный двор с его совершенно средневековой техникой и организацией производства выступает перед нами как своеобразный заповедник глубокой монетной старины. Изучение этого реликта способствует лучшему познанию значительно более ранних периодов денежного производства Ближнего Востока.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ОТ Д. А. ЖУРАВКО-ПОКОРСКОГО, ЗАНИМАЮЩЕГОСЯ В БУХАРЕ ТОРГОВЫМИ ДЕЛАМИ

ЗАПИСКА О ЧЕКАНЕ БУХАРСКОЙ СЕРЕБРЯНОЙ И ЗОЛОТОЙ МОНЕТЫ

27 октября 1893 года

Ввиду довольно распространенного между европейцами мнения, что бухарская серебряная монета чеканится крайне небрежно и что потому вес ее будто не всегда соответствует установленному, я полагал бы не лишним поделиться теми сведениями, которые мне удалось собрать по этому вопросу на самом месте чеканки бухарской теньги. Обстановка, при которой производится чеканка бухарской монеты, а также все инструменты и приспособления, служащие для этого, действительно способны возбудить сильное сомнение в возможности достижения той тщательности, какая требуется для установления полного однообразия в весе всех монет и которая на европейских монетных дворах получается лишь благодаря самым совершенным механическим приспособлениям; в Бухаре же достигается благодаря целому ряду взвешиваний на ручных весах и перевешиванию одного и того же серебра по несколько раз. Все это требует очень много времени и труда. Но в Бухаре первое ничего не стоит, а второе не так дорого. Что же касается результатов, то они оказываются вполне удовлетворительными в смысле однообразия в весе каждой отдельной монеты, но, конечно, не формы ее, которая является совершенно случайною и зависит как от размеров куска

⁶⁷ К. Б у т е н е в. Монетное дело Бухарии, стр. 159.

проволоки, обрабатываемого двумя ударами молота в кружок, так и от силы и направления этих ударов, сделанных от руки.

Чеканка монеты составляет исключительное право эмира Бухары, но производится главным образом из серебра (955/6 пробы), доставляемого для этого частными лицами, и сдается эмиром, как и все статьи государственного дохода, в аренду лицам, избираемым обществом саррофов (местные банкиры) из числа наиболее заслуживающих доверия серебряников. Такие арендаторы называются сахиб-кары и выбираются раз навсегда, сменить их может только эмир. В настоящее время таких сахиб-каров имеется в Бухаре семь. Каждый из них имеет свою определенную мастерскую (кархана), находящуюся внутри крепости, окружающей городской дворец эмира. Общее наблюдение за всеми кархана имеет так называемый даруга, назначенный эмиром. Теперь эту должность занимает главный зякетчий ханства Астанкул Парваначи.

По внешнему виду кархана ничем не отличается от самой обыкновенной туземной кузницы, только снабжена вместо одного четырьмя горнами. В первом из них при помощи ручного меча расплавляются слитки серебра, предварительно разрезанные на мелкие куски и уложенные в глиняную чашку, прикрепленную к длинной деревянной ручке. В такую чашку помещается 10 слитков (ямб), т. е. 45 ф. 10 золотников. Затем серебро выливается в отдельные формы длиной около 9 вершков и шириной в $\frac{3}{4}$ вершка с одним тупым и другим заостренным концом. Полученные таким образом пластинки передаются на следующий горн, где их снова разогревают и придают им посредством ударов молота форму заостренных цилиндров, и в таком виде передают их на третий горн. Этот горн снабжен четырехугольной вертикально установленной железной рамой в $\frac{1}{2}$ кв. аршина. В нее вставляется железная доска толщиной в $\frac{1}{2}$ дюйма с пятью круглыми дырами разных диаметров от 0,5 до 0,2 дюйма. Заостренный конец разогретого на этом горне цилиндра вкладывается щипцами в самую крупную дыру так, чтобы часть ее, длиной около $\frac{1}{2}$ вершка, выходила с внешней стороны доски и могла быть захвачена стальными щипцами, соединенными веревкой с деревянным воротом. Этот ворот приводит в движение двумя рабочими, силы которых оказывается достаточно, чтобы обратить серебряный цилиндр в проволоку. Полученная таким образом проволока протягивается последовательно через все пять дыр и затем передается на станок, где ее разрезают стальным ножом на мелкие цилиндрики. Станок этот имеет вид наковальни с вырезанным сверху четырехугольным отверстием в 3 кв. вершка, образуя внутри станка коробку, заканчивающуюся покатым дном с отверстием к одной из вертикальных стенок станка. Над этим отверстием помещается стальной горизонтальный винт, выходящий одним концом внутрь коробки и составляющий упор для проволоки, вводимой в коробку через отверстие около 0,2 дюйма в диаметре, сделанное в противоположной стенке станка и служащее для удлинения или укорочения части проволоки, находящейся в коробке. Возле станка, в котором сделано отверстие для складывания в коробочку проволоки, параллельно ей устанавливается вертикально в устроенные для этого пазы стальной нож, имеющий форму лопатки с полукруглым углублением к середине, соответствующий по размерам толщине проволоки. Нож этот снабжен плоской ручкой, возвышающейся на вершок над поверхностью станка. По этой ручке делается удар молотом, и в отверстие под винтом выпадает маленький серебряный цилиндрик длиной около $\frac{1}{2}$ дюйма и диаметром 0,2 д. Каждые 10 таких цилиндриков взвешиваются самим сахиб-каром на маленьких рычажных весах с медными чашками и гирями. Если вес 10 шт. оказывается верным, т. е. равняется 7,5 зол., то свешенные цилиндрики передаются дальше рабочим для проверки веса каждого цилиндрика отдельно. Это продлевается на таких же весах, но при помощи каменной гири. Те цилиндры, вес которых оказался больше или меньше требуемого, откладываются в сторону и переливаются снова, а остальные передаются на четвертый горн, где их снова разогревают, и один из рабочих, вынимая их из горна по одному тонкими щипцами, ставит их вертикально на наковальню, где в то же время другой рабочий ударяет два раза молотком по каждому поставленному цилиндру и разбивает его в кружок, отталкиваемый теми же щипцами в сторону. Иногда случается, что новый кружок попадает одним краем на только что сделанный и плотно прирастает к нему. Таким образом, получается двойная теньга, которую не принято разделять, и в таком виде она поступает в обращение. Когда кружки совершенно готовы, они передаются специаль-

ному рабочему для промывки их в уксусе, что делается в глиняной чашке руками. После этого другой рабочий укладывает их в решето и перетирает их там древесными опилками до тех пор, пока последние не будут настолько сухими, что высыпаются через решето. После окончания промывки все кружки сыпаются в мешки и отправляются к эмиру, если он в городе. В его присутствии, а иногда и им самим, из общей массы вынимается 576 кружков, вес которых сравнивается с весом ямба (4 ф. 49 з.). Если вес их оказывается неверным, то проверка продолжается взвешиванием сперва 100 шт., затем 10 и, наконец, несколько штук по одной. Если же вес оказывается правильным, то несколько штук здесь же раскалывают для удостоверения в отсутствии посторонних примесей к серебру, и только после этого эмир дает разрешение чеканить из этих кружков теньгу. Если же эмир отсутствует, то окончательная проверка производится кушбегием совместно с главным судьей (казы-калян), и результаты ее вместе с 10 пробными кружками из каждой партии представляются эмиру с просьбой о разрешении чеканить. Если таковая последует, то кушбегий лично передает сахиб-кару специально для этого существующую стальную печать эмира с плоской ручкой около двух вершков длины и присутствует при чеканке лично сам или же передает это своему помощнику. Чеканка производится на той же наковальне, на которой сплющивались цилиндры. Причем один рабочий укладывает холодный кружок и представляет к нему печать, а другой бьет молотком по ее рукоятке. Затем кружок переворачивается и на другой стороне его выбивается печать таким же образом.

По окончании чеканки теньга выдается владельцу серебра, но не полностью, а по 556 шт. за каждую ямбу. При этом недостающих 20 тенег распределяется следующим образом: за чеканку каждой ямбы серебра отчисляется: 4 теньги на рабочих; 3 теньги сахиб-кару; 3 теньги на утерю; 9 тенег в пользу эмира и 1 теньга в пользу даруги.

Сахиб-кары в свою очередь уплачивают эмиру по одной теньге от ямбы из трех полученных ими, что составляет их арендную плату. В общем аренда карханы представляется весьма выгодным, и все сахиб-кары, несмотря на необходимость держать от 15—20 человек рабочих, весьма быстро составляют себе довольно крупное состояние.

Чеканка золотой монеты производится весьма редко и почти исключительно из золота, принадлежащего эмиру. Все инструменты и приспособления для чеканки ее сходны с описанными выше, но сама работа производится в отдельном положении и поручается одному из сахиб-каров по личному выбору эмира.

Каждая тилля (золотая монета, номинальная стоимость которой составляет 20 тенег) весит 1,06 золотника, имеет также круглую форму, но диаметр больше, а толщину меньше, чем теньга, что достигается большим сплющиванием золотого цилиндрика, подвергаемого не двум, а четырем ударам молота.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник. Государственный Эрмитаж
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ГЗМ — Государственный Загорский музей
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМГ — Государственный музей Грузии
ГРМ — Государственный Русский музей
ЗАО — Записки Археологического общества
ЗНОРАО — Записки нумизматического отдела Русского археологического общества
ЗООА — Записки Одесского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
РГО — Русское географическое общество
РИБ — Русская историческая библиотека
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
САИ — Свод археологических источников СССР
СВ — Советское востоковедение
СЗМ — Сообщения Загорского музея
ТВОРАО — Труды восточного отдела Русского археологического общества
ТМНО — Труды Московского нумизматического общества
ТОНГЭ — Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей российских
BGA — Bibliotheca geographorum arabicum
CIG — Corpus inscriptionum graecorum
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
NC — Numismatic chronicle
NNM — Numismatic notes and monographs
WNA — Wiadomosci numizmatyczno-archeologiczne
ZfN — Zeitschrift für Numismatik

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Т. Н. Книпович.</i> Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии	3
<i>К. В. Голенко, Д. Г. Капанадзе.</i> Четыре клада колхидок	31
<i>Д. Б. Шелов.</i> Монеты из раскопок Танаиса 1955—1964 гг.	62
<i>В. В. Кропоткин.</i> Новые находки римских монет в СССР (дополнение к «Своду археологических источников», вып. Г4—4)	74
<i>Е. А. Давидович.</i> Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах	103
<i>Н. Ф. Котляр.</i> Левантийская торговля Львова XIV—XV вв. по нумизматическим данным	135
<i>И. И. Плешанова.</i> Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря	149
<i>Т. В. Николаева.</i> Новые надписи на каменных плитах XV—XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры	207
<i>Р. З. Бурнашева.</i> Организация производства и техника чеканки монет в Бухарском ханстве со второй половины XVIII до начала XX в.	256
Список сокращений	274

Нумизматика и эпиграфика
Том VI

*Утверждено к печати
Институтом археологии
АН СССР*

Редактор издательства *Н. И. Сергиевская*
Переплет художника *А. А. Люминарского*
Технические редакторы *В. Н. Волкова, Г. Н. Шевченко*
Корректор *К. Н. Сытина*

Сдано в набор 16/XI 1965 г. Подписано к печати 9/VIII 1966 г.
Формат 70 × 108^{1/16}. Печ. л. 17,25 + 9 вкл. (1,13 печ. л.). Усл.
печ. л. 25,73. Уч.-изд. л. 25,6 (24,2 + 1,4 вкл.). Тираж 2000.
Изд. № 464/66. Тип. зак. № 606. Т-09684. Цена 1 р. 86 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

